ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ

“ловите голубиную почту...”

TAKE PIGEONS MAIL

ПИСЬМА [1940–1990 гг.]

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Самый популярный писатель шестидесятых и опальный – семидесятых, эмигрант, возвращенец, автор романов, удостоенных престижных литературных премий в девяностые, прозаик, который постоянно искал новые формы, друг своих друзей и любящий сын… Василий Аксенов писал письма друзьям и родным с тем же литературным блеском и абсолютной внутренней свободой, как и свою прозу. Извлеченная из американского архива и хранящаяся теперь в «Доме русского зарубежья» переписка охватывает период с конца сороковых до начала девяностых годов. Здесь и диалог с матерью – Евгенией Гинзбург, и письма друзьям – Белле Ахмадулиной и Борису Мессереру, Булату Окуджаве и Фазилю Искандеру, Анатолию Гладилину, Иосифу Бродскому, Евгению Попову, Михаилу Рощину…

Книга иллюстрирована редкими фотографиями.

- Василий Аксенов
  - ○
  - ○ Документы эпохи
  - ○ I. Анфан террибль и его родители
    - ■
    - ■ Выбранные места из писем Евгении Гинзбург и Павла Аксенова Василию Аксенову
      - ■ Евгения Гинзбург – Василию Аксенову
      - ■ Евгения Гинзбург – Василию Аксенову
      - ■ Евгения Гинзбург – Василию Аксенову
      - ■ Евгения Гинзбург – Василию Аксенову
      - ■ Павел Аксенов – Василию Аксенову
      - ■ Евгения Гинзбург – Василию Аксенову
      - ■ Павел Аксенов – Василию Аксенову
      - ■ Евгения Гинзбург – Василию Аксенову
      - ■ Евгения Гинзбург – Василию Аксенову
      - ■ Евгения Гинзбург – Василию Аксенову
      - ■ Евгения Гинзбург – Василию Аксенову
      - ■ Евгения Гинзбург – Василию Аксенову
      - ■ Евгения Гинзбург – Василию Аксенову
      - ■ Павел Аксенов – Василию Аксенову
      - ■ Павел Аксенов – Василию и Майе Аксеновым
  - ○ II. «Что делать, если зараза въелась крепко…»
    - ■

- Переписка Василия Аксенова с Евгенией Гинзбург
  - Евгения Гинзбург – Василию Аксенову
  - Евгения Гинзбург – Василию Аксенову
  - Евгения Гинзбург – Василию Аксенову
  - Евгения Гинзбург – Василию Аксенову
  - Евгения Гинзбург – Василию Аксенову
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Евгения Гинзбург – Василию Аксенову
  - Евгения Гинзбург – Василию Аксенову
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Из письма Василия Аксенова – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Евгения Гинзбург – Василию Аксенову
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
  - Василий Аксенов – Евгении Гинзбург
- Приложение
- Евгения Гинзбург

- 18/8
- 19/8
- 20/8
- 21/8
- 22/8
- 23/8
- 24/8
- 25/8
- 26/8
- 27/8
- 28/8
- 29/8
- 30/8
- 31/8
- 1/9
- 2/9
- 3/9
- 4/9
- 5/9
- 6/9

○ III. «Развели по двум разным концам Земли…»

-
- Переписка Василия и Майи Аксеновых с Беллой Ахмадулиной и Борисом Мессерером[260]
  - Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру
  - Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру
  - Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру
  - Майя Аксенова – Белле Ахмадулиной
  - Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым
  - Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной
  - Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым
  - Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной
  - Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым
  - Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру
  - Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру
  - Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной

- Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым
- Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым
- Продолжение письма
- Продолжение письма
- Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру
- Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым
- Продолжение письма
- Продолжение письма
- Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру
- Василий Аксенов – Борису Мессереру
- Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной
- Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым
- Продолжение письма
- Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной
- Борис Мессерер – Василию Аксенову
- Продолжение письма
- Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру
- Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру
- Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым
- Продолжение письма
- Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру
- Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру
- Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым
- Продолжение письма
- Майя Аксенова – Белле Ахмадулиной
- Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной
- Василий Аксенов – Борису Мессереру
- Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру
- Фрагмент письма Василия Аксенова – Нине Алексеевой и сыну Алексею
- Борис Мессерер – Василию и Майе

Аксеновым
- Продолжение письма
- Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру
- Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым
- Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру
- Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым
- Продолжение письма
- Продолжение
- Продолжение письма (?)
- Продолжение письма (?)
- Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру
- Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру
- Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру
- Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым
- Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру
- Из записей Майи Аксеновой

○ IV. Два письма Василия Аксенова к Иосифу Бродскому[573]
-
- Василий Аксенов – Иосифу Бродскому[578]
- Василий Аксенов – Иосифу Бродскому

○ V. Вокруг калифорнийской конференции по русской литературе 1981 г
-
- Владимир Максимов – Василию Аксенову
- Василий Аксенов – Владимиру Максимову
- Василий Аксенов – Сергею Довлатову
- Владимир Максимов – Василию Аксенову
- Владимир Максимов – Василию Аксенову
- Андрей Седых[652] – Василию Аксенову
- Эдуард Штейн[656] – Василию Аксенову
- Из записей Майи Аксеновой
  - Лос-Анджелес, 28 марта 1981 г
  - Лос-Анджелес, 21 мая 1981 г

○ VI. Письма друзей

- Михаил Рощин – Василию Аксенову
- Юлиу Эдлис – Василию Аксенову
- Анатолий Гладилин – Василию Аксенову
- Георгий Владимов – Василию Аксенову
- Семен Липкин – Василию Аксенову
- Владимир Максимов – Василию Аксенову[684]
- Евгений Попов – Василию Аксенову
- Инна Лиснянская – Василию Аксенову
- Зиновий Гердт – Василию и Майе Аксеновым
- Булат Окуджава – Василию Аксенову
- Булат Окуджава – Василию Аксенову
- Джон Апдайк – Василию Аксенову
- Наталья Владимова[725] – Василию и Майе Аксеновым
- Георгий Владимов – Василию и Майе Аксеновым
- Георгий Владимов – Василию Аксенову
- Наталья Владимова – Василию и Майе Аксеновым
- Евгений Попов – Василию и Майе Аксеновым
- Анатолий Найман – Василию и Майе Аксеновым
- Анатолий Гладилин – Василию Аксенову
- На анкету Василия Аксенова отвечают его друзья и коллеги
  -
  - Белла Ахмадулина
  - Андрей Вознесенский
  - Булат Окуджава
  - Анатолий Гладилин
  - Валентин Катаев
  - Фазиль Искандер

○ VII. Письма Павла Васильевича Аксенова к Василию Аксенову (1980–1982)
-
- Павел Аксенов – Василию Аксенову
- Павел Аксенов – Василию Аксенову
- Павел Аксенов – Василию Аксенову
- Павел Аксенов – Василию Аксенову
- Павел Аксенов – Василию Аксенову
- Павел Аксенов – Василию Аксенову
- Эмма Чеботарева – Василию Аксенову

○ VIII. Из официальной переписки[811]
-
- Президиуму IV Съезда советских писателей от делегата съезда Аксенова В.П. Москва

        - Правлению Московской Писательской Организации
        - Первому Секретарю Союза писателей СССР Г. М. Маркову
        - Первому Секретарю Союза писателей СССР тов. Маркову Г. М
        - В Секретариат Союза писателей СССР в Отдел культуры ЦК КПСС
        - Главному редактору журнала «Юность» Б. Н. Полевому
    - IX. Кто является истинными героями современной России?
        -
        - Василий Аксенов
        - Василий Аксенов
        - Василий Аксенов
    - Фото с вкладки
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26

- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70

- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114

- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158

- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202

- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246

- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290

- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334

- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378

- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422

- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466

- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510

- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554

- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598

- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642

- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686

- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730

- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774

- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818

- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821
- ○ 822
- ○ 823
- ○ 824
- ○ 825
- ○ 826
- ○ 827
- ○ 828
- ○ 829
- ○ 830
- ○ 831
- ○ 832

Василий Аксенов
«Ловите голубиную почту…». Письма (1940–1990 гг.)

В книге использованы фотографии из семейного архива В. П. Аксенова, переданного наследниками на хранение в «Дом русского зарубежья им. А. Солженицына», архивов А. П. Аксеновой (ФТМ), В. Л. Кондырева, Е. А. Попова, А. А. Кабакова, В. М. Есипова, а также работы В. Ф.Плотникова, М. Н. Пазия.

Благодарим также Эллендею Проффер-Тисли за разрешение на публикацию фотографий из ее личного архива.

Издательство и составитель благодарят всех авторов писем и их наследников за разрешение на публикацию, а также А. В. Аксенова, А.А.Змеула, О.А.Муравьеву за помощь в подготовке книги.

© Все права на произведения, помещенные в этой книге, принадлежат авторам и их наследникам

© Есипов В.М., составление, предисловие, комментарии

© Аксенов В.П., наследники

© Гинзбург Е.С., наследники

© Издательство АСТ

Документы эпохи

Настоящая книга посвящена эпистолярному наследию Василия Аксенова, сохранившемуся в американском архиве писателя. Письма зрелого Аксенова, написанные со свойственными ему литературным блеском и абсолютной внутренней свободой, составляют неотъемлемую часть его творчества.

Вместе с аксеновскими письмами в книге публикуются письма его корреспондентов, хранящиеся в том же архиве. Собранные вместе, они и составили книгу, которую вы сейчас держите в руках.

Переписка охватывает период времени от конца сороковых до начала девяностых годов прошлого века. Открывается книга письмами отбывших лагерные сроки родителей – Евгении Семеновны Гинзбург и Павла Васильевича Аксенова – к своему юному отпрыску. О значимости этих писем для Василия Аксенова свидетельствует тот факт, что они всегда были с ним. И при отъезде в эмиграцию он взял их с собой. Потому они и оказались в его американском архиве. Вообще, эта переписка весьма обширна и при этом в большей своей части носит слишком частный характер. Поэтому в настоящей книге, как и при первой публикации в журнале «Октябрь» (2013, № 8), она дается в сокращенном виде: начинается письмом Евгении Гинзбург от 1 октября 1953 г. и заканчивается письмом Павла Аксенова от 27 ноября 1957 г. Письма Василия Аксенова этого времени не сохранились.

Столь же объемна идущая следом переписка Василия Аксенова с Евгенией Гинзбург, продолжавшаяся с конца пятидесятых до середины семидесятых годов. В этой переписке как в зеркале отражен процесс постепенного становления из, в общем-то, вполне рядовых советских граждан, двух самобытных и ярких писателей, с собственным, противостоящим государственной идеологии взглядом на мир. Завершается переписка с матерью своего рода приложениями: предисловием Василия Аксенова к книге «Два следственных дела Евгении Гинзбург» (1994), путевыми записями Евгении Гинзбург при совместной с сыном поездке во Францию (осень 1976 г.).

Значительная часть писем Аксенова, относится ко времени его эмиграции. Как известно, его вынудили уехать из страны в июле 1980-го после скандала с альманахом «Метрополь». Ведь он был лидером группы писателей и поэтов, осмелившихся издать (в двенадцати экземплярах!) этот альманах без разрешения властей

и, следовательно, без всякой цензуры. Со стороны литературного начальства последовали репрессии: два молодых участника альманаха Виктор Ерофеев и Евгений Попов были исключены из Союза писателей. В ответ на это Василий Аксенов (одновременно с Инной Лиснянской и Семеном Липкиным) сам вышел из Союза и тем самым вступил в открытую конфронтацию с властями. Печататься на родине он больше не мог, нужно было уезжать. Перед отъездом на него и его жену Майю было совершено покушение, которому посвящен отдельный эпизод в последнем законченном романе писателя «Таинственная страсть». К счастью, супруги не пострадали – спасло водительское мастерство Аксенова…

Официально Аксенов выехал из страны для чтения лекций по русской литературе в иностранных университетах, однако через несколько месяцев после отъезда его лишили советского гражданства (была в то время такая мера наказания непослушных граждан!).

Важнейшая часть эпистолярного наследия Василия Аксенова представлена в третьем разделе книги, это его переписка в годы эмиграции (1980–1986) с Беллой Ахмадулиной и Борисом Мессерером, оставшимися на родине, в ней также принимала участие жена Аксенова Майя. Переписка велась через корреспондентов американских газет или американских дипломатов, в основном через культурного атташе посольства США в Москве Пика Литтела и его жену Би Гей, а затем через сменившего его на этом посту (летом 1983-го) Рэя Бенсона и его жену Ширли.

Другой возможности для переписки не было, потому что письма советских граждан в США, посылаемые по почте, перлюстрировались, шли долго (до двух месяцев), а до таких адресатов, как Василий Аксенов, просто не доходили.

Связующим звеном между этой перепиской и следующим разделом служат извлечения из записок Майи Аксеновой, относящиеся к осени 1980 года и сделанные в Анн-Арборе (штат Мичиган, США).

Особо выделены в книге два письма Василия Аксенова к Иосифу Бродскому от 29 ноября 1977-го и 7 ноября 1984 года. Весьма уместно было бы поместить перед ними два письма Бродского, которые сохранились в аксеновском архиве. Но разрешения на их публикацию не удалось получить от правопреемников поэта.

А жаль! Письмо Бродского от 28 апреля 1973 года написано в самом начале эмигрантского периода его жизни. Письмо еще вполне дружественное, о чем можно судить по его начальным

строкам: «Милый Василий, я гадом буду, ту волшебную ночь с гвинейским попугаем, помню <…> Что я когда-нибудь тебе письмо из Мичиганска писать буду, этого, верно, ни тебе, ни мне в голову не приходило, что есть доказательство ограниченности суммы наших двух воображений, взятых хоть вместе, хоть порознь».

Письмо содержит интересные размышления Бродского о творческом потенциале старого друга, каким он ему представляется. В частности, он пишет Аксенову: не стоит «пытаться обставить Зощенку, Набокова, Сэлинджера (как все про тебя говорят) или даже Джойса. Единственный человек, которого надо пытаться – это Беккет».

Для этого, по мысли Бродского, Аксенову нужно отказаться от ритмической прозы и от остроумия, и «вообще от всего того, что приятно делать».

«Я это говорю именно тебе, – пишет Бродский, – потому что у тебя есть необходимый для этого дела душевный опыт, который тебе же на мозги давит, потому что остается нереализованным, ибо ирония с душевным опытом (почти) ничего общего не имеет…»

В связи с невозможностью воспроизвести письма Бродского, публикация начинается письмом Василия Аксенова к нему, написанным через четыре с половиной года после получения письма из «Мичиганска».

Иосиф Бродский за это время стал в США уже достаточно влиятельным человеком во всем, что связано было с публикацией книг на русском языке, своего рода экспертом по русской литературе. До Аксенова дошел неблагоприятный отзыв Бродского о романе «Ожог». Этой теме, собственно, и посвящено первое письмо Аксенова. Оно тоже еще достаточно дружеское, аксеновская интонация вполне снисходительна по отношению к более молодому литературному коллеге, но в нем уже есть следы с усилием сдерживаемой обиды. Позднее, когда Аксенов тоже окажется в эмиграции, все это приведет к полному разрыву отношений между ними. Этот разрыв предельно четко обозначен во втором письме Василия Аксенова, которое является ответом на письмо Иосифа Бродского от 28 октября 1984 года.

В следующем разделе представлена переписка, связанная с калифорнийской конференцией по русской литературе в мае 1981 года. Подготовка к ней выявила глубокие противоречия между разными группами писателей-эмигрантов из России. Показательны в этом смысле письма Владимира Максимова из Парижа, в которых он, ища в лице Василия Аксенова союзника, высказывает претензии и упреки своим литературным

противникам. Подобные же письма, с укоризнами и упреками, получал из Парижа Сергей Довлатов от Владимира Марамзина. В связи с этим Аксенов 26 апреля 1981 года в характерном для него ироническом тоне пишет Довлатову: «Ползет большевистско-монархический туман из Парижа к нашим пасторальным берегам…» Эту переписку в качестве приложения завершают извлечения из записок Майи Аксеновой, относящиеся ко времени конференции.

В разделе «Письма друзей» публикуются письма Анатолия Гладилина, Георгия Владимова, Инны Лиснянской, Семена Липкина, Булата Окуджавы, Анатолия Наймана, Евгения Попова и др., написанные в основном в 80-е годы прошлого века. В них друзья делятся с Аксеновым литературными, политическими и прочими новостями об отечестве. Приложение к этому разделу состоит из ответов друзей и коллег Аксенова на анкету, составленную им для них во время пребывания в Калифорнийском университете весной 1975 года.

Затем идут письма Павла Васильевича Аксенова к сыну-эмигранту (1981–1982). Главная тема писем отца, его мечта и его надежда – еще хоть раз увидеться с сыном.

В разделе «Из официальной переписки» представлены письма Василия Аксенова в руководящие органы Союза писателей (1967–1977). Они дают довольно полное представление не только о его общественной позиции, но и о формах административного давления на писателя, не желающего играть по предписанным ему правилам.

Завершает книгу приложение, состоящее из двух небольших аксеновских мемуаров, связанных с общественно-политическими проблемами в Советском Союзе, под общим названием «Кто является истинными героями современной России?», а также его малоизвестный текст «Матушка-Русь и игривые сыночки», опубликованный в первом русском выпуске журнала Playboy летом 1995 года.

Вступительные заметки к разделам книги, а также комментарии, уточняющие фактическую сторону дела и обстоятельства воспроизводимой переписки, принадлежат составителю.

Виктор ЕСИПОВ

I. Анфан террибль и его родители

Подготовка настоящей публикации не могла не вызывать противоречивые чувства. С одной стороны, невозможно было избежать ощущения, что в твоих руках волею судеб оказалась частная семейная переписка с массой бытовых и материальных подробностей, которые обычно не принято делать достоянием публики.

С другой стороны, большая часть этих писем принадлежит писательнице, будущему автору «Крутого маршрута», книги, снискавшей признание не только в России, но и далеко за ее пределами, другая часть – человеку тоже далеко не заурядному и тоже с незаурядной судьбой; оба они, наконец, родители будущего писателя с мировым именем – Василия Аксенова. И с этой точки зрения их письма к сыну – бесценный материал для будущих биографов Василия Аксенова. Кроме того, они интересны не только как явление литературное, но и как явление историческое – по ним наглядно воссоздается картина отошедшей в прошлое жестокой эпохи. Немаловажным представляется и тот факт, что Василий Аксенов хранил эти письма всю жизнь и даже взял их с собой при отъезде в эмиграцию.

Есть и еще один аспект, придающий переписке особый интерес: эпистолярное общение Евгении Гинзбург и Василия Аксенова помогает им обоим прийти к творчеству, осознать себя писателями. Не случайно и ее, и его литературные дебюты осуществились независимо друг от друга примерно в одно и то же время, в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов прошлого века…

Последние соображения автору этих строк и редакции журнала «Октябрь», где первоначально были напечатаны выбранные места из этой переписки, а теперь и «Редакции Елены Шубиной», где эти письма вошли в состав настоящей книги, представились все-таки более важными – именно поэтому они и предлагаются вниманию читателей.

Несмотря на то, что годы лагерей и ссылок окончательно разъединили родителей Василия Аксенова, они оба солидарно и согласованно наставляли своего отдаленного от них немалыми расстояниями отпрыска на «путь истинный», что не всегда находило понимание с его стороны.

При чтении этой уникальной переписки открывается известная всем временам ситуация «отцов и детей». Родителям, ярким представителям своего поколения, пережившего революцию, войны, коллективизацию, индустриализацию,

массовые репрессии и реабилитацию, хотелось, чтобы сын унаследовал именно их мысли и представления о жизни, а он принадлежал уже к совсем другому времени. К тому же, хотя мы не располагаем ни одним ответным письмом самого Василия Аксенова, даже из родительских писем к нему возникает ощущение человека, обладающего уже довольно сильным характером и имеющего твердое понимание того, что ему нужно, а что нет. И действительно. Он уже многое испытал: сиротство, участь сына «врагов народа», лишения военных лет и скудный быт лет послевоенных, он уже в полной мере ощущал мертвящий дух повседневной советской казенщины и всем существом восставал против него. А тут еще воспоминания военного детства об американской помощи по ленд-лизу: вкус настоящей тушенки, крепкие джинсы, неснашиваемые башмаки. Да еще американский джаз, занесенный в провинциальную Казань неведомо откуда взявшимися Олегом Лундстремом и его оркестрантами!..

Студент Казанского, вскоре Ленинградского медицинского института в начале переписки, а позже – молодой врач, Василий Аксенов был стилягой по убеждению, вместо солидной карьеры врача мечтал (чтобы посмотреть мир) устроиться медиком на суда дальнего плавания, влюблялся, по мнению родителей, не в тех девушек. При этом и политические взгляды сына были уже куда более радикальными, чем у его прошедших лагеря и тюрьмы, но еще сохранявших верность коммунистическим иллюзиям родителей. Поэтому их сообщения о восстановлении в коммунистической партии, как и совет матери вступить в партию ему самому, вряд ли могли вызвать у него воодушевление.

Евгения Семеновна переживала пристрастия и увлечения сына (особенно его приверженность к «стиляжеству») очень эмоционально, порой слишком драматизировала житейскую ситуацию. Очень больно ранило ее, что сын месяцами не отвечает на ее взволнованные письма. Характер ее претензий к сыну и опасения за его судьбу отразились в письме от 25 июня 1954 года к младшей сестре Наталье Соломоновне Гинзбург, которая жила в Ленинграде:

«Родная моя Наташа! Сегодня тебе по порядку о всех художествах моего младшего отпрыска. 15-го числа получаю от него телеграмму: „Экзамены сдал, есть возможность поехать на практику в Магадан. Срочно высылай деньги“. Я высылаю ему четыре тысячи и жду. На мое сиротское счастье идет стена дождей и туманов, четыре дня подряд нет летной погоды. Я нервничаю, три дня езжу на аэродром, а он валяется в Якутске, в Охотске в ожидании погоды. Наконец после недельных тревог и страданий, 23/VI, в 5 ч. вечера он прилетает, пробыв в дороге

шесть дней вместо двух.

И что же оказывается? Оказывается, что ему никто не давал сюда направления на практику, наоборот, ему была назначена для практики Казань, но он, проходив четыре дня, решил, что можно уехать сюда, пройти практику здесь, а потом поставить директора перед фактом. Ход рассуждений у него такой: во-первых, там могут не заметить, что он исчез, т. к., дескать, дело организовано бестолково, суматошно и могут вообще не заметить, что одного не хватает. Во-вторых, если и заметят, то Марик Гольдштейн[1] обещал ему через своего папу все замазать и уладить, а кроме того, он ведь переводится в Ленинград, а там, мол, будет совершенно безразлично, пройдена ли практика в Казани или в Магадане – лишь бы была практика.

Можешь себе представить, как меня порадовали эти известия. Я в ужасе. Дать против себя такой козырь в руки этому тупому и мстительному директору[2], который его ненавидит. Самовольно уехать с практики! Конечно, я бы никогда не послала денег и не разрешила поездку, если бы знала эти обстоятельства.

Я надеялась, что тяжелые испытания, пережитые им в этом году[3], хоть немного образумят его, заставят повысить чувство ответственности, отказаться от этого идиотского „стиля“ и прочих клоунских выходок. Но не тут-то было! Если бы ты видела, в каком виде он прилетел! На нем была рубашка-ковбойка в цветную клетку, сверху какой-то совершенно немыслимый пиджак тоже в клетку, но мелкую. Этот балахон неимоверной ширины с „вислыми“ плечами (он меня информировал, что это последний крик моды!). Ну просто – рыжий у ковра! Для довершения очарования – ситцевые штаны, которые ему коротки, а вместо головного убора – чудовищная шевелюра, передние пряди которой под порывами магаданского ветра свисали до подбородка.

Мне было стыдно перед моими учениками-выпускниками, которые были тут же, на аэродроме, в ожидании самолета на Москву. Они с таким интересом хотели видеть моего сына…»[4].

Весьма красочное описание любимого сына, приправленное изрядной долей сарказма!

При этом Евгения Семеновна постоянно делилась с Василием впечатлениями от прочитанного (стихов и прозы), от увиденных кинофильмов, и, конечно, своим жизненным опытом (см., например, письмо от 28 февраля 1955 года).

Сквозной темой ряда писем Евгении Гинзбург является проблема теплого зимнего пальто, которое у Василия постоянно куда-то пропадает, а взамен появляется «стиляжная хламида». Все это нашло отражение в позднем рассказе Василия Аксенова «Три

шинели и Нос» (1996), где герой рассказа признается: «Я ненавидел свое зимнее пальто больше, чем Иосифа Виссарионовича Сталина. Это изделие, казалось, было специально спроектировано для унижения человеческого достоинства: пудовый драпец с ватином, мерзейший „котиковый“ воротник, тесные плечи, коровий загривок, кривая пола. Студенты в этих пальто напоминали толпу пожилых бюрократов».

И, конечно, вместо добротного советского «изделия» появлялось из комиссионки заношенное до дыр пальтишко «верблюжьего цвета», с которого «свисал пояс с металлической, не наших очертаний, пряжкой»: «На пряжке внутри фирменные буквы: Jennings! Внутренние органы неприлично заторопились. Пряжка с зубчиками. Пояс немного залохматился. Это из-за зубчиков, так и полагается. Да ему сто лет этому пальтишке, молодой человек. Послушайте, дорогая девушка, будьте человеком, отложите его для меня! Я через два часа, через час, приду с деньгами! Ну, вы комик, молодой человек! Да вы хоть примерьте» («Три шинели и Нос»).

Это будет написано Аксеновым более сорока лет спустя, а пока магаданскими зимними ночами Евгении Гинзбург не спится после получения от сестры известий, что ее Вася кашляет и мерзнет от холода в далеком Ленинграде…

Отец, как это свойственно мужчинам, относился к перипетиям сыновней жизни более снисходительно и терпимо, его письма нередко выдержаны в шутливом тоне. Но изредка встречаются и жесткие отповеди (см. письмо от 22 апреля 1955 года).

Павел Васильевич твердо уверен, что предназначение сына – это избранная им специальность врача[5], и не советует ему отклоняться от намеченного пути. Любопытно в этом смысле его замечание по поводу литературных интересов сына – в письме от 27 ноября 1957 года Василию и его жене Кире он пишет:

«Что касается литературы, то я хотел бы сказать вот что. В силу определенных причин Вася едва ли будет играть серьезную роль на литературном поприще».

Что подразумевал Павел Васильевич под «определенными причинами», трудно сказать, возможно, анкетные данные Василия, – не верил, что сыну репрессированных родителей позволят стать известным писателем. К счастью, он ошибся.

Но эта сентенция отца относится уже к более благополучному периоду жизни сына.

Василий Аксенов уже женат и живет в Москве. В столицу он переехал из поселка Вознесенье Ленинградской области, где недолгое время проработал главврачом местной больницы.

Это завершающее переписку письмо выглядит предпосылкой к счастливому финалу эпистолярной драмы, действие которой будет разворачиваться перед читателями публикуемых писем.

Выбранные места из писем Евгении Гинзбург и Павла Аксенова Василию Аксенову

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 1 октября 1953 г.

Дорогой Васенька!

Получила твое послекурортное письмо. Надеюсь, и ты получил мое, в котором описаны все последние события моего существования. Я уже писала тебе, что преподаю в вечерней школе № 1 (здание вашей школы) и что страшно охрипла. Более месяца болею ужасным ларингитом и только вот за последние 2–3 дня наметилось некоторое улучшение. Не знаю уж, что этому причиной – гомеопатический ли «Джек на кафедре»[6] или просто горло привыкать стало к ежедневной нагрузке. Нахожусь в постоянном страхе, как бы это не обострилось до такой степени, чтобы сорвать мой педагогический кусок хлеба, с таким трудом обретенный вновь.

Кстати, об этом куске. Оказалось, что педагогический стаж в ВУЗах для школы на засчитывается или, вернее, засчитывается только в том случае, если наряду с вузовским стажем есть стаж школьной работы. В связи с этим мне необходимо все же достать два свидетельских показания о том, что я преподавала в опытно-показательной школе при пединституте. Это составляет такую значительную разницу в зарплате, что я решила этого добиться. Поэтому прошу тебя передать тете Ксене[7] прилагаемую записку и, со своей стороны, сделать все возможное для того, чтобы эти два свидетельские показания (обязательно нотариально заверенные) были мне присланы как можно скорее. Пусть тетя Ксеня постарается, и я ее не забуду.

В записке к ней я пишу, к кому надо обратиться. Справки должны быть даны преподавателями, работавшими одновременно со мной. В записке к ней я называю тех, кто еще, возможно, жив и работает в Казани.

Твое письмо, говоря откровенно, не очень меня удовлетворило. На нем печать торопливости, чувствуется большая оторванность и большая «отвычка» от меня[8]. Что касается до его деловой части, содержащей финансовый отчет, то и она меня не порадовала. Три тысячи ушло на поездку – ну, это еще ладно, хоть на юг съездил! Но эта перманентная история с пальто, которые мы ежегодно покупаем и которых у нас никогда

нет! Теперь еще особенно ясно. Как права была Наташа[9], говоря, что твое «стильное пальто»[10] – старая тряпка. А ведь на него ушла стоимость двух пальто + тысяча дополнительно.

Возьми с книжки полторы тыс. и купи простое и добротное зимнее пальто. Ни в коем случае не ходи зимой в осеннем. Сообщи мне точно и правдиво, сколько денег у тебя останется на книжке после этой покупки. Неужели Антон[11] прав, и ты их уже все растранжирил? Вася, пойми, что у нас сейчас совсем не то, что тогда, в этом вопросе, совсем.

Пальто купи обязательно. Я так боюсь, что ты будешь опять мерзнуть. Посылку с бельем и брюками скоро получишь, я ее собираю для тебя.

Работаю сейчас как вол. И школа, и беготня по частным урокам. А ведь годы уже не те, да и биография не из таких, что способствует сохранению бодрости. Умоляю тебя заниматься серьезно и к январю восстановить себе право на стипендию. Сегодня-завтра должна приехать Акимова[12], тогда я, получив более подробные сведения о тебе, напишу тебе еще.

Пришли свои сочинские фотографии.

Вася, ты мне так и не отвечаешь на вопрос о Фиме[13], который я задаю пятый раз: передал ли ты ей шаль и оставшиеся ее 100 р.? Как ее самочувствие? Меня очень мучает совесть, что я ей последнее время ничего не посылаю. Напиши о ней подобно. Хочу в следующем месяце что-нибудь выкроить и для нее. Паша[14] все в том же бедственном положении. С сенокоса вернулся совсем больным. Живет, в основном, на те 300 р, которые я посылаю ему аккуратно, ежемесячно. <…> Есть у нас одна неплохая новость: Антону вернули паспорт, который у него отобрали в феврале, во время, так сказать, нашего кульминационного пункта. Ему здешние власти хотели оформить тогда вечное поселение на Колыме, но Москва этот проект не утвердила, и сейчас он снова – полноправный гражданин, может ехать, куда хочет. <…>

Ну, Василек, целую тебя и благословляю. Не забывай, что у тебя есть мать, которая день и ночь думает о тебе.

Мама.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 7 мая 1954 г.

Дорогой Васенька!

Только что получила твое письмо от 28/IV и, можешь себе представить, как я потрясена. Я все последнее время чувствовала, что что-то опять неладно, ведь не может же быть, чтобы ты совсем

забыл меня, не писал мне. Я и А. Я.[15] говорила: «а нет ли там снова каких-нибудь осложнений?», но он, конечно, только обрушивался на меня за это с разоблачениями моего пессимизма. А оказывается, что материнское сердце – самый верный барометр! Судя по тому, что нет ответа на мою телеграмму, факт уже свершился[16]. Что же нам делать дальше? Я не могу и представить себе, что там ему ответили и откуда[17]. В МВД были за тебя, когда я туда обращалась. Наверно, это они запросили отдел кадров, а оттуда ответили формально, что, мол, тогда, в 50 г., мы еще не имели права на эту льготу[18], т. к. тогда у меня еще поражение не кончилось.

Так ведь они и мне отвечали. Но ведь я уже 3 г., как имею все эти права, и новая справка от ГОРОНО[19], которую я послала тебе, ведь не вызывает никаких сомнений. Видимо, этот директор имеет что-то против тебя и ищет только предлога. Как плохо, что ты не смог на каникулах оформить перевод в Л-град[20].

Но почему ты не пишешь мне все это своевременно? Ведь, м.б., я что-нибудь смогла бы опять сделать. Есть ли у тебя последняя справка от гороно (моя) или ты ее им сдал? Я попробую достать еще одну такую, но теперь мне будет труднее, т. к. теперь новый зав. гороно, который меня еще не знает.

Это просто какой-то ужас, это идет в разрез со всем, происходящим в стране[21]. Если, не дай Бог, это совершившийся факт, то ты должен немедленно ехать в Москву и добиваться приема в самых высших инстанциях.

Мое положение, наоборот, как будто улучшается. Я получила из Военной прокуратуры еще одну бумажку, что дело мое пересматривается, здесь, на работе ко мне проявляют исключительное уважение – включили меня во все экзаменационные комиссии на аттестат зрелости не только по литературе, где я являюсь основным экзаменатором, но и по истории, и не только в нашей школе, но и в других. Папино дело тоже послано на пересмотр, о чем он получил извещение от Президиума Верх. Совета. И в это время сын подвергается какой-то травле со стороны людей, имеющих высшие должности, но подлые сердца.

Добивайся приема у Маленкова или Ворошилова, иди в ЦК Комсомола, заручившись, понятно, рекомендациями своей организации, а то Наташа[22] мне писала, что ты тогда их так и не достал. Вася! У меня уже больше нет сил все переживать. Я чувствую, что конец мой близок, и то борюсь, борюсь ради тебя… А ты молод, полон сил, будь же энергичен в отстаивании своих интересов. Осознай, как будет ужасна твоя судьба, если ты останешься недоучкой. Кроме того, осенью призыв, ты попадешь в

армию и тогда прощай высшее образование.

Умоляю тебя именем всего, что тебе дорого, – не будь инертным в этом деле. Сейчас не то время, чтобы такие вещи делать, ты должен добиваться восстановления и одновременно перевода, чтобы развязаться с этой Казанью. Напрасно ты грубил ему. Надо было то же самое сказать твердо и решительно, но вежливо. Неужели он не даст тебе сдать экзамены?

Сходи к нему, извинись, что был груб, и попробуй еще уговорить его. Скажи, что вопрос о реабилитации твоих родителей – это дело недель, тогда будет неприятно. Скажи, что уедешь в Л-град, освободив их от своей персоны, которая их так угнетает, попроси хоть дать возможность сдать экзамены. А уж если нет, то немедленно в Москву. А я-то так мечтала, что ты будешь это лето со мной! Нет ни в чем счастья. Если придется ехать на практику, то поезжай в Арск[23], т. е. туда, куда назначили, чтоб при таком остром положении не создавать лишних поводов для обвинений. Подумаешь, не все ли равно: Арск или Зеленодольск?[24] Когда надо оформлять перевод, только перед самым началом учебного года или можно летом? Если можно заранее, то сделай это сразу после практики и из Москвы вылетай в Магадан, хоть на 2 недели. Теперь никаких пропусков не надо, свободный проезд. Только в любом случае не тяни время, как тогда, а сразу выезжай в Москву. Если все же едешь на практику, то **обязательно** поезжай именно туда, куда назначили. Я настаиваю на этом.

Вася! Имей в виду, если что со мной случится, что в магаданской сберкассе (то отделение, что на Гл. почтамте) у меня есть вклад за **№ 30780**, который завещаю тебе. Завещание сделано 9.04.52 г. В случае чего, сразу делай запрос с требованием перевести его на твое имя. Там тебе хватит на окончание образования.

Не оставляй Пашу[25], помогай ему тогда. О Тоне[26] я не тревожусь, т. к. Антон ее обожает и, конечно, обеспечит.

Но пока я жива, Вася, я умоляю тебя о двух вещах: 1) преодолевай свою флегматичность в этой решающей борьбе за всю твою будущую жизнь и 2) пиши и телеграфируй мне, как можно чаще, независимо от того, плохие вести или хорошие. Пойми, что неизвестность и тревога гигантскими шагами приближают мой конец, который уже и так не за горами.

Говорят, что некоторые люди, ставшие жертвами таких несправедливостей, обращаются за помощью к матери Маленкова и что это исключительно добрая и благородная женщина, которая многим помогает. Попробуй в Москве разузнать, где она, и попасть к ней.

Целую и благословляю.

Твоя мама.

P. S. Что это за девушка, что тебе так понравилась?

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 19 октября 1954 г.

Дорогой Вася!

Ура, ура! Музыка играет туш!

Вчера, ровно через два месяца и одну неделю после отъезда моего сына, я получила от него письмо!

Конечно, «было много дел, связанных с устройством на новом месте». Однако среди всех этих дел было вполне достаточно времени, чтобы часами валяться с Димкой[27] в накуренной комнате, крутить радио, болтать. Для всего этого время нашлось. Каким пустым формализмом звучат на фоне такого поведения заявления о твоем беспокойстве за мое здоровье!

Ну ладно. Не стоит говорить о том, что и так понятно. Одно я тебе скажу: я тебе навязывать переписку со мной не собираюсь. Отвечать на письма буду, но штурмовать тебя письмами с тревогами и мольбами больше не буду. Довольно я это делала в 50–51 гг.[28] Тогда еще была надежда, что это от легкомыслия 18-летнего возраста. Сейчас ты вполне совершеннолетний и все, что ты делаешь, пусть остается на твоей совести.

Теперь отвечу на твои вопросы.

О здоровье. Я послала телеграмму Наташе[29] опрометчиво, под впечатлением сердечного приступа такой тяжести, какой еще не было. Послав, тут же пожалела об этом. Сейчас я чувствую себя лучше.

О твоей комнате. Этот вопрос пусть решает Наташа, ей на месте виднее. Возможно, что тот угол, где ты живешь сейчас, тебе, действительно, надо сменить. Но на счет отдельной комнаты я не очень-то мечтаю. Во-первых, это очень дорого. А мне сейчас надо перед отпуском скопить денег, я до сих пор еще не набрала 30 тыс., а это минимум, на который можно съездить вдвоем. Во-вторых, в отдельной комнате ты, безусловно, будешь ежедневно опаздывать в институт, т. к. без постороннего вмешательства твой подъем абсолютно невозможен, да и для разных нежелательных знакомств и отношений отдельная комната представляет собой удобную почву. Повторяю, конкретное решение этого вопроса согласовывай с Наташей, я вполне полагаюсь на ее благоразумие. Насчет анкетных дел я считаю, что надо написать всю правду. Папа работает сейчас пом<ощником> бухгалтера в Красноярском крае[30], так и надо указывать.

Я категорически возражаю против твоих планов о поездке в Казань на зимние каникулы. Нечего там делать. Самое желательное, чтобы тебя там как можно скоро забыли, а для этого меньше всего надо маячить у них перед глазами. <…>

Оказывается, что среди многих фактов твоей казанской жизни, скрытых от меня, есть и такие, как этот зачет по инфекционным болезням. Конечно, это чепуха, что он был тебе зачтен. Если бы это было так, то «какая-то стерва» не могла бы отказаться подтвердить это, да и сам ты, получая академическую справку, заметил бы отсутствие этого зачета и позаботился бы о том, чтобы его вписали. Очевидно, он зачтен не был, а просто кто-нибудь обещал тебе это сделать или с кем-то поговорить. Одним словом, вопрос этот, очевидно, был оформлен по твоему излюбленному методу, вроде как направление в Магадан на практику[31].

Очень меня возмущает твое полное равнодушие к вопросу о стипендии. Почему бы тебе, вместо того, чтобы запрашивать казанский деканат об этом не вполне законном зачете, привлекая снова нежелательное внимание к твоей персоне, – почему бы вместо всего этого просто не попросить разрешения пересдать его сейчас в Л-граде. Немного работы ничуть бы тебе не повредило, и вопрос о стипендии был бы решен положительно.

О твоем обмундировании. Мне совершенно непонятно, почему это у тебя появилась острая потребность в брюках, когда мы с тобой только что сшили хорошие синие брюки в магаданском ателье? Правда, вид у них немного сумасшедший и ты выглядишь в них не то Сирано де Бержераком, не то «балеруном», затянутым в трико, но ведь это – твой вкус и твой стиль. Чего же тебе еще?

По-моему, до моего приезда тебе их вполне хватит. Есть у тебя и 2 пиджака, не понимаю, какая еще «куртка» тебе нужна? Если «стильная», то я категорически отказываюсь ее оплачивать. Если подберете с Наташей нормальный, обыкновенный человеческий костюм выходной, телеграфируйте – я вышлю на него денег. А уж покупку заграничных «желтых кофт», «кофт фата» и т. д. и т. п. отложи до получения диплома и до первой зарплаты. Деньги на ботинки я вышлю вместе с деньгами на ноябрь.

Я вполне понимаю, как тяжелы и раздражающи были твои переживания в связи с анкетными делами.

Но, надеюсь, теперь, post factum, ты не будешь отказываться от того, что отношение к тебе в казанском институте сложилось на основе твоего глупейшего поведения и что анкетные заковырки они просто использовали для расправы с тобой. Мне стало

известно от Акимовых[32], что у тебя были с этим директором столкновения и не анкетного порядка. Не буду повторяться и на тему о том, какое впечатление производит в наше время форменный мундир «стиляги» и ленивая походка разочарованного джентльмена. Если ты думаешь и на новом месте повторить этот «модус вивенди», то, конечно, тебе обеспечен плохой конец. Пользуюсь тем, что по почте ты не сможешь закричать на меня «молчи!», как ты это делал, стоя передо мной в клетчатой кофте на аэродроме перед отходом самолета, и повторяю тебе эти неприятные истины.

У нас никаких особых новостей нет. Из Москвы ничего не получала. Антон Як. стал тоже часто прихварывать, работает сейчас гораздо меньше. <…>

Я взяла еще одно совместительство: заочную среднюю школу. Там 1 раз в неделю читаю обзорные лекции, принимаю зачеты и проверяю контрольные работы. Устаю я до крайности. Сейчас в вечерней школе идет обследование, на уроках все время сидят инспекторы, так что напряжение большое. Тоня учится неважно, но немного лучше, чем в прошлом году.

Еще раз прошу тебя серьезно задуматься над тем, что ждет тебя в будущем, если ты и в этом институте составишь себе такую же репутацию, как в Казанском.

Целую и благословляю тебя.

Мама.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 28 февраля 1955 г.

Дорогой Васенька!

Ты немного неточен. Ты не писал мне не весь январь, как ты пишешь, а весь истекший квартал, как выражаются счетные работники, а впрочем, и отдельные беллетристы. Ты не ответил даже на «говорящее письмо», которое я с такой любовью мастерила и надеялась получить подробное описание того, как ты его слушал, похож ли голос и т. д. и т. п. Это было очень обидно. Но что делать, насильно мил не будешь, и смешно было бы мне, человеку, прошедшему такой путь, умолять о любви и внимании. Когда-нибудь ты, наверно, поймешь, кто из всех живущих на земле людей любила тебя наиболее преданно и самоотверженно, но это, скорее всего, будет уже после меня, твои оправдания насчет перегрузки учебой выглядят формально и абсолютно неправдоподобно. Ведь я отлично знаю, что ты в течение учебного семестра занимался чем угодно, только не медициной, что ты отсрочил первый экзамен на 20 дней и, вообще, сессию как и

всегда, брал штурмом. Вот ты еще года не проучился, а уже и в новом институте у тебя накапливается новый «кондуит». Первое опоздание в сентябре (знаю, знаю, что это не по твоей вине, но тем осторожнее надо было быть в дальнейшем), перенесение сроков экзаменационных, опоздание с зимних каникул… А сколько еще мелких мне не известных фактов!

Но оставим это. <…>

Я сейчас имею 36 часов в вечерней школе, 15 часов в заочной школе + детский сад 6 часов. Итого – 57 часов недельной нагрузки. А это ведь педагогические часы, к которым еще требуется подготовка. А проверка тетрадей? Ведь это русский язык! А. Я. все время кричит и скандалит, чтобы я бросила хоть одну из 3-х служб, но я этого не делаю и не сделаю, хотя буквально изнемогаю от усталости. Только ценой такой работы мне удается заработать около 3-х тысяч, и я, таким образом, знаю, что те деньги, которые я посылаю тебе и папе – мои деньги. А это дает мне моральное удовлетворение. <…>

Еще обиднее мне, прямо до слез, что твой психоз «стиляги» продолжается. Ведь твоя поездка в Казань в этой хламиде при наличии хорошего зимнего пальто – это прямое издевательство и над здравым смыслом и над матерью! (Вроде клетчатой кофты, в которой ты прибыл сюда летом!)

Я с нетерпением жду встречи с тобой, но меня охватывает ужас при мысли, что ты встретишь меня с кудрями до плеч, свисающими на нос и подбородок, и в какой-нибудь полосатой или клетчатой хламиде.

Недавно я читала роман Пановой «Времена года», тот самый, который, наряду с «Оттепелью» Эренбурга, подвергся критике по части натурализма. Там есть такая сцена между матерью и сыном твоего возраста. Эта сцена потрясла меня действительно натуралистическим воспроизведением наших с тобой бесед. Не поленюсь тебе ее процитировать:

«Мать:

– Ты посмотри на свой пиджак. Да ты в зеркало, в зеркало, это курам на смех, такая длина… А поповские патлы для чего? Я спрашиваю – патлы зачем?

Сын:

– Ну мода…

Мать:

– Не знаю такой моды.

Сын:

– Ну стиль… Мало чего ты не знаешь! Тебе непременно нужно, чтобы я был похож на всех».

Таким образом, в своем стремлении не быть похожим «на

всех», ты уже стал как две капли воды похож именно «на всех» пустопорожних юнцов, ставших обобщенными типами литературы. Я так надеялась, что переезд в Л-град тебя излечит от этого. Теперь надеюсь что, м.б., знакомство с таким человеком, как твой отец, подействует на тебя. Но пока не заметно. То, что он тебе говорит «против шерсти», ты воспринимаешь как нотации, навеянные моими письмами.

Насчет твоих военных лагерей я тоже очень огорчаюсь. Справки сейчас достать не смогу, т. к. д-р Туляков, лечивший меня, выехал совсем на материк. Напиши, в каком месяце это будет. Я постараюсь, если ничто не задержит, выехать сразу после экзаменов по моему предмету, т. е. в середине июня. К 1-му июля надеюсь быть в Л-граде. Не надо ли прислать заявление от моего имени дир. ин-та с изложением всех обстоятельств? (Дальний Север, редкий отпуск, плохое здоровье и т. д.?) Я планировала так, чтобы июль прожить с тобой на Рижском взморье, а в августе ехать с тобой же в Казань для встречи с папой и, м.б., общей совместной поездки по Волге.

1/III. О твоей несчастной любви. Я знаю, что в твоем возрасте такое чувство может доставлять очень тяжелые переживания. Но в то же время я как нельзя лучше понимаю, что пройдет некоторое время и будет так, как в стихах Гумилева:

> Но все промчится в жизни зыбкой —
> Пройдет любовь, пройдет тоска…
> И вспомню я тебя с улыбкой,
> Как вспоминаю индюка![33]

Если бы ты знал, как меняются вкусы, и как через пару-тройку лет человек удивляется: неужели я сходил с ума из-за этого? Помню, как я в твоем возрасте умирала, буквально умирала от любви к Владимиру Вегеру[34], который был старше меня на 20 лет. Я была уже тогда женой Д.Федорова[35] и матерью маленького Алеши[36], так что о Вегере нельзя было и думать. Субъективно я страдала тогда не меньше, чем в самые тяжелые минуты тюремной трагедии. Но от последней осталось на всю жизнь разбитое сердце, а от Вегера – только улыбка и удивление: ну и дура же я была!

5/ III. Все некогда дописать письмо. За эти дни получила огромное письмо от папы, из которого я коротко узнала (не так вскользь, как из твоего письма), как обстоят дела с моим делом. Как обидно, что оно, видимо, лежит в недрах прокуратуры в ожидании очередного пленума Верх. суда и что ехать мне, видимо, придется с этим, неполноценным паспортом! Письмо **его**

выбило меня совсем из колеи. Прошлое, уже подернувшееся было «пеплом времен», вдруг ожило, приобрело реальные, ощутимые краски, звуки, запахи! А вместе с прошлым ожила и неубывная боль об Алеше. Всю эту неделю – особенно по ночам – так страшно мучаюсь в тоске о нем, как в первые года!

«Плату за страх»[37] я видела. Тоже почти заболела после нее. Ведь ее тема так переплетается с темой моей злосчастной жизни. Так же, как Марио, я везла по мучительной дороге смертельный груз[38], в ежеминутном страхе последнего взрыва, только не несколько дней, а 18 лет везла его. (Помнишь, как ты меня в 49 г., накануне ареста[39], спрашивал: «Мама, а тебе не страшно?», а я спокойно отвечала: «Страшно, конечно!»? Это было еще в те времена, когда ты не был «стилягой», а был моим дорогим, моим последним, всепонимающим мальчиком!)

И, вот, теперь груз смертельного страха сдан в прошлое. Кончена мучительная дорога. Но так же, как Марио, я потеряла себя в этой дороге и могу ежеминутно пустить свою машину под откос. Мое нервно-психическое состояние, конечно, только условно может быть названо нормальным. А ведь никто не щадит. Ни работа, которая изматывает до «кровавых мальчиков» в глазах, ни А.Я., который имеет полное право на такой же психоз, после той же дороги, ни Тонька, <…> ни мое последнее дитя, у которого есть время для занятий «стилем», но нет минуты, чтобы сказать теплое слово матери.

Ну, ладно, хватит. Вчера я выслала тебе 800 р. на март, так что те внеочередные 800 должны быть использованы для **отдачи долгов**, в первую очередь Майке[40]. Папа пишет, что, по мнению Аксиньи[41], ты в Л-граде страшно похудел. В чем дело?

Пришли мне фотографию, только в нормальном костюме и прическе и с обычным выражением лица.

Крепко целую и благословляю.

Твоя мама.

Павел Аксенов – Василию Аксенову

Казань. 7 марта 1955 г.

Дорогой мой Василек!

Получил твое письмо от 26.02.55. Большое спасибо за внимание. Ты извини, что я обращался к тете Наташе за справкой о твоих делах. Мы все здесь очень беспокоились, не случилось ли с тобой какой-нибудь новой оказии. Твое письмо и успокоительная телеграмма от тети Наташи пришли в один день. Очень хорошо, что ты с таким интересом занимаешься своей медициной, а не шалопайничаешь.

От мамы получил еще одно, очень хорошее письмо. Она очень глубоко переживает нашу встречу, но радость ее омрачается тем, что в предстоящем свидании она не найдет среди нас Алеши. Эта глубокая и неизбывная травма обязывает нас быть к маме еще более внимательными и чуткими.

Мама очень интересуется впечатлением, какое ты произвел на меня, и тут же выражает уверенность, что… «он произвел на тебя хорошее впечатление, если только он не в очень „стильном“ костюме и прическе». В общем, мама тебя очень и очень любит и гордится тобой. К сожалению, я не могу скрывать от тебя, что ты наносишь ей большую обиду своим невниманием. Вот что она пишет по этому поводу: «Но я на него сейчас в большой обиде. Насколько он любил меня и уважал раньше, в 48–52 г., настолько теперь охладел, стал считать меня старомодной <…>»

Очень тяжело читать эти горькие строки. Я знаю, конечно, что ты нежно любишь свою маму и как мать, и как друга, и как просто хорошего человека, но своим разгильдяйством ты наносишь ей тяжелые душевные раны. Ты не должен допускать, чтобы мама выпрашивала у тебя кусочки внимания. Она не заслуживает этого, и, кроме того, она очень гордая. Пиши ей чаще и больше, ведь тебе не надо притворяться, ты же любишь ее! Знай, что каждая строчка твоего письма, каждый штрих твоей жизни, о котором она узнает из твоих писем – доставляет ей большую радость. В противном случае, у вас совершенно искусственно может нарушиться взаимопонимание, за которым обычно следует общее охлаждение.

Я, разумеется, написал маме о нашей встрече, о наших беседах, о твоих отношениях к ней и о моем впечатлении в отношении твоей персоны. Признаюсь, старина, ты произвел на меня самое хорошее, самое приятное впечатление, и я об этом сказал маме. Не утаил от мамы и того, что ты иногда немножко (только немножко!) шалопайничаешь, что ты мог бы гораздо глубже изучать свою медицину, чтобы не пришлось тебе краснеть, когда придется лечить людей. Сообщил я маме и о том, что все ее опасения относительно твоего охлаждения к ней не имеют оснований, что ты любишь ее по-прежнему и всегда будешь для нее примерным сыном и другом.

Мои дела продвигаются медленно. В обкоме изучают вопрос о моем восстановлении. Когда и чем кончится это изучение, сказать трудно. Дано указание о представлении мне работы и квартиры, но практически, эти вопросы не разрешены.

Верх. суд официально сообщил мне, что в деле нет никаких данных об изъятых документах, фотоальбомах и имуществе. То же самое сообщили мне в комитете госбезопасности. Был у

прокурора. Договорился о том, что они расследуют все это. Сейчас составляю список изъятого имущества и жалобу. Придется «сутяжничать».

Дела мамы в комитете госбезопасности нет. Один работник из военной прокуратуры в общих чертах сообщил мне, что по делу проводилось переследствие (в сентябре) и что дело, вероятно, находится в Москве. Он говорил, что результаты, по-видимому, будут благоприятными. Надо было бы съездить в Москву и подтолкнуть, но отсутствие средств лишает меня этой возможности. А, впрочем, может быть, и не следует допускать нового вмешательства. По всему видно, что мама достаточно хорошо обосновала свою жалобу, что следствие здесь, в Казани, проходило благоприятно и мое вмешательство едва ли нужно. Я хотел здесь поговорить об этом деле с председателем комитета госбезопасности, но он отказался вести беседы на эту тему, в связи с отсутствием у них дела.

Относительно твоих летних планов я написал маме. Надо полагать, что она сделает все от нее зависящее, чтобы продлить пребывание в обществе сына. Но когда практически встанет данный вопрос, ты должен решить его с учетом учебных интересов.

Вот, пожалуй, и все. Когда будет настроение и время, пришли писульку о своих делах. При отсутствии свободного времени, можешь молчать. Сердиться не буду. Старайся только выкраивать время на переписку с мамой.

Крепко жму твою руку, целую и желаю успеха. Твой отец.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 31 марта 1955 г.

Дорогой Васенька!

Получила я твое письмецо с предложением закончить «холодную войну». Однако подобные чисто декларативные заявления, не подкрепленные никакими реальными делами, носят чисто пропагандистский характер. Наша высокая договаривающаяся сторона сделала ряд шагов в целях ослабления напряжения, а именно: 1) дала возможность сшить «полустильный» костюм; 2) дала санкцию на первоначально отвергавшуюся поездку в Казань; 3) простила все летние выпады, все глупости и нелепости – послала говорящее письмо, составленное в исключительно лояльных тонах. Однако Ваша сторона не обнаружила никаких тенденций к установлению взаимопонимания, а именно: 1) мое составленное в благожелательных тонах послание осталось без ответа; 2) поездка

в Казань осуществлялась в «стильном» пальто с опасностью для здоровья, вопреки прямому указанию Наташи; 3) с деньгами обращение было самое рассеянное, что привело к ограблению и перманентному финансовому кризису, не идущему на снижение, несмотря на все наши дополнительные ассигнования; 4) безумное курение, ведущее к резкому исхуданию и опасности туберкулеза, продолжается. Этот список нелепых поступков можно было бы продолжать еще на пару страниц. Все это привело к тому, что в нашей последней ноте мы вынуждены были прибегнуть к ряду ультимативных требований.

Шутки в сторону! Меня мучительно тревожит твое здоровье. До моего приезда осталось 2 1/2 месяца, и ты изволь к этому времени обязательно поправиться, чтобы я из-за этого хоть не переживала. Для этого необходимы 3 условия: 1) брось курить!!! 2) расходуй деньги продуманно, чтобы обеспечить себе нормальное питание; 3) кончай, ради Бога, этот нелепый роман.

Что у тебя за привычка – обязательно интересоваться той девицей, у которой уже есть другой! Такая же история была в прошлом году в Казани, это все повторяется и здесь! Ты стал со мной не откровенным, и я не знаю, как там у тебя обстояло дело: дарила ли она тебе некоторое время свое внимание, а потом снова вернулась к тому, или она вообще никогда не отвечала тебе. Но и в том и в другом случае – это уже не дело. Настоящая любовь без дружбы, без душевного родства невозможна, а, насколько я понимаю, с этой покорительницей сердец тебя связывает только мучительное твое к ней физическое тяготение, разжигаемое ее отказом. Отдай себе в этом отчет и умей прекратить эти никчемные страдания. Переключи их на стихи. Как В. Инбер пишет, обращаясь к своему сердцу:

> Ну, а впрочем, – боли до последнего вздоха,
> Изнывай от любой чепухи,
> Потому что, когда нам как следует плохо,
> – Мы хорошие пишем стихи…

Вот пиши об этом страдании хорошие стихи, присылай их мне – и боль утихнет. Одновременно отдавай себе отчет в том, что в любви пятьдесят процентов приходится на долю самовнушения, и, кроме того, вспомни, что «клин клином вышибают». Неужели вокруг тебя нет больше хороших, милых девушек! Наташа пишет, что эта твоя пассия, хоть и хорошенькая, но, судя по фото, очень заносчивая особа. М.б., еще будешь Бога благодарить за то, что она тебя отвергла, когда встретишь свою единственную, настоящую, которая где-то тоскует по тебе и ищет

тебя в то время, пока ты увиваешься вокруг этой самовлюбленной крали.

Теперь о твоих лагерях[42]. Посылаю просимое тобой заявление на имя директора, но прошу тебя подумать, стоит ли его подавать. Некоторые говорят, что если ты не отбудешь эти лагеря нынче, то на будущий год тебя могут взять в армию на целый год, ведь ты уже кончишь тогда ин-т. Да и вообще я не думаю, чтоб он разрешил, т. к. после 6-го курса надо ведь сразу ехать на место назначения.

Посоветуйся с Наташей об этом. Да напиши мне, что там у вас будет – просто матросская служба или занятия, связанные с морской медициной? Ты уже, наверно, знаешь, что я послала Наташе деньги на наем дачи и просила ее, если можно, снять дачу на Рижском взморье. Но она ответила, что выехать в Прибалтику не может и что может снять дачу в окрестностях Л-града. Я тогда дала ей телеграмму, чтобы снимала дачу в Сестрорецке, как ты просишь. От путевки на август я отказалась, т. к., во-первых, не хочу быть связанной в августе. Ведь если тебе все же придется июль пробыть в Кронштадте, то нам с тобой только август и остается, чтобы побыть вместе. Во-вторых, сама Наташа написала мне, что санаторий общего типа, что его все ругают, говорят, что плохо кормят и вообще условия неважные. А если так, то не стоит себя связывать. Папа сейчас находится в Москве. Получилось очень неудачно с деньгами. Он 21/III дал мне телеграмму, что хочет выехать в Москву. Я эту телеграмму получила только 24/III и 25/III выслала ему тысячу руб. на эту поездку. А он не стал дожидаться, 24-го выехал, и теперь меня волнует, что он сидит в Москве без денег (адрес неизвестен), а в Казани на почте лежат деньги (как сообщает Аксинья) и им их, конечно, не выдают. От него я получила из Москвы т-мму о моем злополучном «деле»: «Пересмотр дела обещают закончить в течение 2–3 месяцев. Подробности письмом». Таким образом, надежда получить желаемый ответ еще до отпуска – отпала. Придется ехать с этим паспортом, что, конечно, весьма неудобно.

28/III послала тебе деньги на апрель, не 800, а 1000, чтобы ты отдал долг Мае! Жду от тебя писем. Не ленись. Вася! Спроси свою хозяйку, нельзя ли у вас там остановиться при приезде, я Наташу в ее тесноте, стеснять не хочу. С хозяйкой же расплачусь, как следует.

Крепко тебя целую и благословляю.

Твоя мама.

Павел Аксенов – Василию Аксенову

Казань. 22 апреля 1955 г.

Дорогой Василек!

Скажу откровенно – письмо твое мне не понравилось. Из него я вижу, что ты, вместо изучения наук, занимаешься нытьем. Едва ли можно оправдать такую «систему жизни». У тебя есть все условия, чтобы учиться, читать, развлекаться. А ты не учишься и не живешь. Нытье это не жизнь. К сожалению, ты заразился, каким-то гнилым стилем жизни, от которого прямой путь к разочарованию и полной душевной опустошенности. Беда заключается в том, что ты слишком богат[43], чтобы вести нормальную, здоровую студенческую жизнь, и слишком беден, чтобы удовлетворить свои «изысканные» вкусы и потребности. Меня удивляет, откуда у тебя это светское шалопайство, сибаритство и прочая ерунда. Почему ты не хочешь трудиться, почему тебе нравится роль разочарованного барина? Ты должен понять, что у твоей мамаши нет ни поместий, ни ренты и что в недалеком будущем тебе придется жить на свои средства и, может быть, помогать маме. Но при такой философии жизни ты едва ли в состоянии будешь зарабатывать на жизнь.

Мне известно, что ты не желаешь пользоваться трамваями, а предпочитаешь раскатываться на такси, покупать для своих девиц дорогие места в театрах и т. д. А затем, по нескольку дней в месяц голодать. Что это за безобразие, что это за позор?! Нельзя быть таким жалким рабом своих прихотей и позволять своим дурным друзьям таким образом эксплуатировать себя.

Мама совершенно права в своих требованиях. А ты большая свинья, ты эгоист, ты считаешься только со своими желаниями и не принимаешь в расчет ни ее нервного состояния, ни ее общего здоровья, ни ее чувств матери. Когда-нибудь ты очень пожалеешь об этом, но будет поздно. <…>

Ты должен гордиться такой мамой, а не смотреть на нее, как на прислужницу, с высоты вашего никчемного «аристократизма». Противно все это, жалкий ты, ничтожный мальчишка, тряпка и раб своих мелких страстей!

Ты можешь на меня сердиться, можешь не писать мне, но я считал нужным бросить все это тебе в лицо, потому, что ты мой сын и я тебя люблю.

Что у тебя с этой девицей? Неужели нельзя построить отношения на принципах взаимности и равенства. Если нет, значит, нечего волочиться за нею. Надо быть все-таки мужчиной и человеком!

Дела мамы разбираются. Обещали закончить рассмотрение их к концу июня, началу июля.

Мое заявление приняли к рассмотрению в комитете

партийного контроля при ЦК КПСС. ЦК предложил генеральному прокурору пересмотреть мою 109 статью[44]. Мне предложено собрать и представить в ЦК характеристики от тех товарищей, которые знали меня до 1937 г. Многие меня обнадеживают, но как все это кончится на деле, трудно сказать.

Все это время занимался собиранием характеристик и сочинением большого «трактата» в плане 109-й статьи.

На днях, кончаю это занятие, отправлю в Москву и снова займусь проблемой устройства на работу.

Имущество наше все еще ищут, результатов никаких. <…>

Поздравляем с первомайским праздником. Привет тете Наташе и Федору Яковлевичу[45].

Крепко тебя целую. Твой отец.

P. S. Маме, я разумеется, не пишу в таких тонах о твоей важной персоне. Я стараюсь изобразить эту персону в самых идеальных красках. Я рассказываю ей, что эта важная персона очень любит свою маму, что она, эта важная персона, готова ради нее на любое самопожертвование и т. д. Но кажется, что эти мои писания, не будут иметь успеха. Она умная, она все понимает и во всем разбирается. Впрочем, ты и сам отметил, что она «здорово разгадывает тебя».

Кстати, не прислать ли тебе почтовой бумаги? Мне кажется, что тебе не на что покупать бумагу и потому ты пишешь свои письма на каких-то грязных клочках, пригодных только для уборной. Что за босяцкая привычка.

Отец.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 7 января 1956 г.

Дорогой Васенька!

Получила твое письмо с фотокарточками. Конечно, сам по себе факт, что ты написал мне – это, так сказать, явление прогрессивное, но, говоря откровенно, и письмо (в смысле его содержания), и карточки (в смысле их вида) мало меня порадовали.

Когда мне на почте вручили твое письмо и я подумала, что там та твоя карточка, которой я уже несколько лет безуспешно добиваюсь, а именно нормальная карточка, в костюме, в галстуке, с аккуратно причесанными волосами, т. е. такая, которую можно повесить на стенку, – я страшно обрадовалась. Потом подумала: может быть, это карточка Жанны[46] – и тоже очень обрадовалась. Ведь если эта девушка играет в твоей жизни такую большую роль,

то мне очень хочется ее видеть.

Увы! Это было ни то, ни другое. Жуткая физиономия с всклоченной шевелюрой на том снимке, где ты один в матросской форме, низкого качества мелкий любительский снимок, на котором группа матросов, ну а на том снимке, где мост, я, при моем теперешнем плохом зрении, даже не могла найти, где ты.

Что касается карточки во весь рост в пальто, то и твой общий вид на ней и само пальто повергли меня в тяжелые размышления. В какой-то степени, и даже в большой степени, внешний вид человека отражает его внутренний мир. Что же отражено на этом снимке? Канадский кок, висящие чуть ли не до пола модные плечи, на фоне этого заграничного шика явственно проступает неряшливость всего облика: нелепый смятый воротничок, как у дошкольника, неряшливо расстегнутая пуговица, мятые брюки и главное, выражение лица сноба, да еще доморощенного, провинциального сноба, вызывающее только одну ассоциацию: Эдик из фильма «Секрет красоты»[47]. Возмущаться, негодовать – у меня уже сил нет. Я просто горько вздохнула и положила карточки в комод. Конечно, это не те снимки, от которых можно получить трогательную стариковскую утеху, а именно: показать их сослуживцам, с гордостью говоря: «Сынок».

Уже долгие годы я тешу себя мыслью, что этот твой психоз «стиляжества» – возрастная болезнь, которая пройдет. Сейчас тебе уже двадцать четвертый, ни конца, ни края. Я отступлюсь, Вася, я просто отступлюсь – и все. Вот ты сейчас высказываешь уверенность в том, что, хотя в Л-де оставляют многих из вашего выпуска, но ты в это число, конечно, не войдешь. Я тоже в этом не сомневаюсь.

А в чем, спрашивается, причина? Только в общем стиле твоего поведения, которое не дает оснований ни профессуре, ни общественным организациям видеть в тебе серьезного человека. А ведь при твоих способностях тебе ничего не стоило остаться при любой кафедре, тем более теперь, когда все анкетные осложнения отпали[48].

Интересует меня также вопрос о причинах и поводах твоих ссор с Жанной. Ведь, казалось бы, что если ты встретил человека, который тебя понимает, который по уровню своего развития, по склонностям и интересам тебе подобен, который к тому же и по внешним данным, как пишет Наташа, заслуживает самой высокой оценки – то почему бы тебе не проявлять по отношению к такому ценному человеку больше чуткости, деликатности, уступчивости? Уверяю тебя, что такие встречи в жизни вовсе не так часто встречаются. По крайней мере, из всех твоих увлечений это первое, которое мы с Наташей одобряем. Я почти уверена, хотя и

не имею на это никаких данных, что причины ваших размолвок примерно те же, что и причины моего недовольства тобой. А если это так, то почему бы тебе не задуматься над этим и не пересмотреть свое поведение?

От приезда в Магадан[49], я думаю, надо отказаться. Во-первых, после неприятной истории с А. Я.[50] мне неудобно идти в Облздрав. Во-вторых, абсолютно нет никакой гарантии на оставление в Магадане, наоборот, все шансы за тайгу. В-третьих, я сама день и ночь думаю об отъезде отсюда, в-четвертых, зачем тебе забираться так далеко от Жанны?

Мне кажется, что если бы ты с ней зарегистрировался, то комиссия могла бы пойти вам навстречу и оставить тебя в Л-граде до ее окончания.

С другой стороны, хоть У меня и сжимается сердце при мысли о начале твоей самостоятельной жизни, но я убеждена, что понюхать пороху тебе было бы очень полезно, чтобы понять, что такое жизнь, и какое ничтожное место в ней должен занимать канадский кок и вислые плечи. <…>

Ах, Вася, если бы ты знал, сколько ты проигрываешь не только в моем общем отношении к тебе, но даже просто в материальном отношении от всех этих своих благоглупостей. Ведь я бы, что называется, шкуру с себя содрала для тебя, если бы я видела, что из тебя дельный человек получается, если бы все эти деньги не шли прахом, не только не помогая тебе, а наоборот, способствуя твоему разложению.

Ты пишешь, что мое счастье – это твое счастье и наоборот. Спасибо тебе за эти теплые слова, но я хотела бы, чтобы они были подтверждены делами. Конечно, важнее твоего счастья для меня в жизни ничего нет, но вся беда в том, что наши с тобой представления о счастье очень различны.

Ты не ответил на мой вопрос: как ты сдал военное дело, получил ли звание, не слетел ли со стипендии?

Жду твоих писем и нормальной фотографии, твоей и Жанны.

Передай ей мой привет и скажи, что я просила передать ей, что ты сам гораздо лучше, чем твои поступки, и чтобы она из-за них не отшатывалась от тебя.

Крепко тебя целую.

Твоя мама.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 12 февраля 1956 г.

Дорогой Васенька!

В чем дело? почему ты ничего не пишешь мне? Почему ты не

ответил на прямо поставленный вопрос о том, куда ты едешь на каникулы? <…>

Вместо ответа на прямо поставленный вопрос получила телеграмму с дипломатическим умолчанием. Просто: «Спасибо, целую» – и все тут.

Я имею предположение, что ты так запутался с денежными делами, что, несмотря на то, что я тебе за прошлый месяц перевела полторы тысячи, ты все же не имеешь возможности ехать, должен все раздать за долги, сообщи мне, так ли это.

Ничего ты мне не сообщаешь ни о своих академических делах, ни о личных; если б не редкие письма Наташи, то я бы вообще о тебе ничего не знала. Странное складывается положение, моя роль по отношению к тебе все явственней сводится к двукратным в месяц хождениям на почту с переводами.

С горьким чувством подхожу я к концу своей жизни, полное одиночество – вот ее итог, было у меня два сына, один погиб, другой живет в мире каких-то непонятных мне и, с моей точки зрения, пошлых увлечений сверхмодными костюмами и с каждым днем все больше от меня отдаляется, становится даже парадоксальным. Я, человек, владеющий сейчас всеми необходимыми для жизни документами, ловлю себя на том, что я с некоторой грустью вспоминаю о том времени, когда я уезжала в легковой машине[51] в приятном обществе тт. Палея и Ченцова[52] из старого дома. Я вспоминаю, как ты смотрел мне вслед, как разрывалось мое сердце от выражения твоих глаз, но в то же время я вспоминаю, какое у меня тогда было волнующее чувство, что у меня действительно есть сын, что он мой друг и единомышленник, что он серьезный человек, с которым я могу делить и горе и радость. <…>

А сейчас? Гусарские расходы, гусарские секреты… мать вспоминается только в связи с уменьшением доходов с воронежских деревенек. Какая я была страстная мать! Все мои мечты и планы, все сладостные надежды были у меня всегда связаны только с тобой и Алешей <…>

Вообще, как бы хорошо было бы в моем теперешнем возрасте жить уже только жизнью детей. Поехать гостить на полгода бы к Алеше, потом на полгода к Васе, волноваться о внуках, получать письма от ласковых невесток.

Нет. Не ссудила мне этого судьба. <…>

Между прочим, Антон до того худой, нервный, сумасшедший и все больше маниакальный со своей гомеопатией, что все трудней и трудней становится с ним ладить, особенно после его краха, по-видимому, окончательного, который постиг его нынче

со всеми его делами. <…>

Конечно, я очень далека от утверждения, что я сама уж очень хороша, а все другие плохи. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что я до предела нервна, обидчива, издергана, особенно сейчас, когда в связи с делами А. Я. мне пришлось опять нагрузиться, как верблюду. Да еще в дневной школе, где работа так изнурительна и бьет по самому моему слабому месту – по нервной системе, предельно изношенной в результате всего пройденного пути. Но в том-то ведь и дело, что нет по-настоящему близких и любящих людей, которые могли и хотели бы считаться со всем этим, прощать лишнее и своей преданностью успокаивать.

Наверно, все это я пишу тебе совершенно напрасно. Возможно, молодые люди мужского пола вообще не могут всего этого понять, особенно те молодые, которые так болезненно интересуются канадским коком.

Какие факты могу тебе сообщить! Работаю с утра до поздней ноченьки. Захлебываюсь тетрадями, планами, всякими инспекторскими проверками и прочими прелестями. Разница между моей теперешней жизнью и той, что была до благодетельных перемен, только в том, что хоть не прислушиваюсь к шагам в коридоре.

Прошу тебя держать меня в курсе хоть внешних событий твоей жизни. Какие перспективы с назначением? М.б., ты сам сможешь, если уж не будет ничего лучшего, попроситься в Магадан. Мне теперь после всех неприятностей А. Я. с Облздравом просто неудобно идти туда.

Как твой роман? Бываешь ли у Наташи? Как у них дела? Приходил ли к тебе марчеканский[53] Астахов (глухой)?

Он поехал в Л-град, я дала ему твой адрес. Скоро едет еще Гертруда Рихтер[54]. Просит адрес Наташи, мне неудобно отказать, но ты Наташу предупреди, чтобы она была с ней любезна, но абсолютно без лишних откровенностей.

Крепко целую и благословляю, жду писем. Твоя мама.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 17 апреля 1956 г.

Дорогой Вася!

Получила твое письмо с доказательствами и оправданиями. Ни в чем оно меня не убедило, кроме того, в чем я и так была убеждена, а именно в том, что твоей основной целью жизни на данном этапе является получение возможно большего числа развлечений при возможно меньшей затрате труда[55].

Что касается материала для литературных работ, то они

лежат именно в гуще жизни, а не в окне путешественника. Именно на врачебном участке ты мог получить самый ценный материал для романа, повести, рассказа. «Записки русского путешественника» – жанр уже изжитый. «Фрегат „Паллада“» ты вряд ли напишешь.

Конечно, я абсолютно не настаивала, чтобы ты шел работать в МВД, тем более, если там такой характер работы, о котором ты пишешь. Я по твоей телеграмме поняла, что речь идет о какой-то стабильной работе, может быть, даже в поликлинике МВД. Поэтому я и написала, что это лучше плаваний. Но надо было, безусловно, ехать на участок, тем более, что, как пишет Наташа, места были очень приемлемые – в Эстонии и в Ленинградской области. Только там ты мог действительно стать врачом. Здесь же ты растеряешь даже то немногое, что приобрел в институте. Останешься только обладателем бумажки-диплома. Ну что ж! Я сделала все, что могла. Конечно, даже бумажка тебе сильно пригодится в жизни, и не раз ты поблагодаришь меня за нее, когда я буду уже в лучшем мире. Но не об этом я мечтала. Взрослым ты никак не становишься, и серьезной мысли в твоих поступках по-прежнему нет. Сейчас у нас здесь живет один ленинградский парень, твой ровесник. Он приехал с письмом Наташи. Это какой-то родственник ее профессора, окончил Л<енинград>ский ун<иверсите>т и прислан сюда в качестве геоботаника[56]. Скоро поедет в экспедицию в тайгу. Мы много с ним беседовали, и я просто поражаюсь, какая пропасть между ним и тобой. Он вполне сложившийся серьезный человек. Хотя по общекультурным вопросам ты, конечно, более начитан и развит, но по отношению к жизни, по зрелости мысли он кажется старше тебя лет на десять. Конечно, не убедило меня твое письмо и в том, что ты в своих жизненных планах хоть сколько-нибудь берешь в расчет мою скромную персону. Ведь не принимать же всерьез за учет моих интересов твои обещания, что ты мне пришлешь подарок из Венесуэлы!

Я и в молодости-то не гонялась за тряпками, а теперь даже смешно говорить об этом. Неужели какая-нибудь заграничная тряпка компенсирует мне бесконечную тревогу, на которую я теперь всегда буду осуждена, и бесконечное одиночество. Ну, в общем, все это теперь, конечно, пустые речи. Поступил ты, как хотел, и нечего об этом разговаривать. Я уже подготовилась к тому, что я теперь годами ничего не буду знать о тебе; так как если из Л<енингра>да, где тебе ежедневно напоминает обо мне Наташа, ты пишешь мне один раз в два месяца, то надо думать, как часто ты будешь вспоминать о моей скучной персоне в таких увлекательных плаваниях.

Надеюсь, однако, что хоть эти заманчивые перспективы заставят тебя отнестись серьезно к выпускным экзаменам. Гертруда[57] утешает меня тем, что ты решил во время путешествий серьезно заняться изучением английского языка. Она приняла это за чистую монету. Но я-то ведь знаю, что ты имел это же намерение при отъезде в Л<енингра>д, что ты обещал тогда же вступить в какой-нибудь научный кружок и принять участие в работе какой-либо кафедры. Так что цена этих благих намерений мне отлично известна. Вероятно, пару матросских песенок на английском языке, пару шуток и каламбуров ты действительно усвоишь. Но от систематического изучения языка ты, безусловно, останешься так же далек, как и от любого дела, требующего труда.

Лень! Только лень и желание уклониться от труда, а также погоня за развлечениями легкой жизни – вот единственный стимул твоих поступков. Я в этом глубоко убеждена, и ты, хоть никогда и не сознаешься в этом, глубоко убежден тоже, что я права.

Я живу тяжело: в беспрерывной тяжелой работе, без всяких радостей и утешений. Иногда, бывает, правда, чувство удовлетворения работой, но и то не часто.

Напиши мне объективно, как обстоит дело со здоровьем Наташи. Опасна ли предстоящая операция?

Целую. Мама.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 24 октября 1956 г.

Дорогой Васенька!

Наконец-то я получила от тебя письмо. Правда, содержание его отнюдь не приятное, но все же лучше, чем ничего не знать о своем сыне и довольствоваться только скудными сведениями от Наташи.

Я так и не узнала, при каких обстоятельствах пропало твое пальто. Ты не считаешь нужным писать об этом, а Наташа написала, что ей так надоели все твои истории, подобного типа, что она предоставляет тебе самому описывать их. Я абсолютно уверена, что причиной является твоя неосмотрительность и неаккуратность. Думаю, что на этот раз ты, действительно, пережил это как неприятность, т. к. теперь тебе самому надо думать о том, как ликвидировать такие прорывы.

Жизнь твоя, по описаниям, мне совсем не нравится. И я продолжаю считать, что было бы гораздо лучше, если бы ты не связывался с этим портом[58], а просто получил бы обычное

назначение и поработал года два на периферии, приобрел врачебный опыт, а потом мне, безусловно, удалось бы через Люсю и Вишневского[59] устроить тебя в Москве. Но ты предпочел не считаться с моим мнением, о чем, я уверена, еще не раз пожалеешь.

Думаю, что и плавание после первых же поездок тебе страшно надоест. Но как бы там ни было, а надо тебе проходить школу жизни, иначе ты совсем пропадешь. И хотя мне очень тяжело, что тебе приходится сейчас переживать и холод, и недостатки, но, очевидно, это необходимый этап по пути твоего превращения в настоящего человека.

У нас все по-старому. Я работаю в школе. После первого октября вошел в силу новый закон о пенсиях. Теперь на Колыме дают пенсию тоже с 60 л. мужчинам, а женщинам с 55, так что я теперь ее не получаю, что сократило мой заработок на 700 р. в месяц. Очень жаль, конечно, но ничего не поделаешь. В школе у меня нагрузка тоже небольшая – всего 20 ч., так что с деньгами нынче гораздо хуже, чем в прошлом году. Работы-то, конечно, все равно хватает, занята на весь день, школа ведь это такое дело, что какая бы ни была нагрузка, а все равно весь день занят.

Сегодня я получила из Ленинградской областной милиции бумажку, что мне разрешена прописка в любом районе Ленинградской области. Я подавала заявление секретарю Обкома Ленинградского, а он же переслал его в милицию, и вот результат. Так что теперь можно подумать о том, чтобы присмотреть что-либо подходящее в окрестностях Ленинграда. Наверно, самое подходящее будет Сестрорецк или Пушкин. Мне бы хотелось Териоки, но Наташа писала, что там нельзя. Вот ты как-нибудь в воскресенье съезди с товарищем в Пушкин и посмотри, нет ли там какого-нибудь подходящего продающегося домика или полдомика. Опиши, какая там природа, какая обстановка. Вообще напиши свое мнение по вопросу о том, где лучше купить. Раз уж теперь у нас есть разрешение на прописку в Ленинградской области, то там, видимо, и придется устраиваться.
<…>

Магадан все пустеет. Очень многие знакомые уже уехали, некоторые уезжают в 57 году. Я тебе, кажется, писала, что Гертруда получила письмо от Анны Зегерс[60] (это ее близкая подруга) и вызов от союза писателей Германии. Скоро она уезжает в Берлин, и я уже имею ее приглашение в гости, которым не премину воспользоваться, как только это будет возможно.

Отец Юрки Акимова[61] написал письмо Антону Яковлевичу. Они живут у Юрки, который построил для всей семьи прекрасный финский домик. Старики очень довольны, просто не нарадуются.

Недавно здесь была катастрофа на море: разбился катер и хоронили 12 молодых моряков. Я с ужасом думала в это время, какой опасный путь ты себе избрал в погоне за приключениями и ощущениями.

Пиши мне иногда и не по поводу денег, а просто так, чем очень обяжешь любящую тебя (несмотря ни на что)

твою маму.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 24 ноября 1956 г.

Дорогой Васенька!

<…> Очень хорошо, что ты удачно съездил и хорошо провел праздники. Больше всего меня порадовало твое сообщение, что ты стал хорошим. Хотя и раньше такие широковещательные сообщения уже бывали и не подтверждались фактами, но мне почему-то хочется надеяться, что на этот раз – это уже всерьез. В самом деле, если бы ты и дальше оставался таким же, то это уже стояло бы на грани ненормальности, так как твои сроки «для безумств юности» явно истекают. Как-никак дело идет к четверти века, и пора занять свое прочное место в жизни.

Твое подробное сообщение о Кире[62], описание ее и ее родных, а также заявление о том, что тебе без нее плохо, а с ней хорошо, я рассматриваю как прелюдию к более серьезному разговору.

Должна сказать, что у меня к этому двойственное отношение. С одной стороны, я на нее несколько обижена. Ведь, насколько я понимаю, ваши отношения в основном сложились еще тогда, когда я была в Москве. Я просила тебя зайти с ней вместе, хотела с ней познакомиться, но она не сочла нужным это сделать. Конечно, мне будет очень больно, если она и при дальнейшем развитии ваших отношений будет меня игнорировать. Ведь у меня никого, кроме тебя, не осталось, поэтому твоя жена должна стать для меня дочерью.

С другой стороны, я ничего не имею против того, чтобы ты сейчас женился, так как время для этого подошло. И если, действительно, она тебе так дорога и такая хорошая девушка, как ты пишешь, да еще из вполне порядочной семьи, то почему бы именно ей и не стать твоей избранницей. Плохо будет, если ты уж очень долго будешь оставаться в одиночестве. Тут есть опасность, что за порогом юности человек становится уж чересчур рационалистичным и разборчивым, да так и застрянет на положении старого холостяка, а это скучно и противоестественно. Даже если ты поедешь на корабле (чего я особенно не хотела бы

сейчас в связи с последними событиями[63]), то ты ведь будешь каждые два-три месяца попадать домой, а она в это время кончит институт. В общем, трудно советовать за глаза, но мое отношение к этому скорей сочувственное.

Не совсем я поняла, какая работа тебе предстоит зимой. Что такое СЭС? Санитарно-эпидемическая станция, что ли?

Наташа мне даже не сообщила, что она устроилась на работу, пусть хоть с небольшой нагрузкой. Только из последнего ее письма, полученного вчера, я узнала, что она работает в Герценовском[64].

Я работаю сейчас так много, что даже свыше сил. Дело в том, что в результате отчетно-выборного собрания я оказалась секретарем нашей партийной организации. Обстановка так сложилась, что отказаться было нельзя. И вот сейчас, после двадцатилетнего перерыва, приходится заново привыкать, хоть и не к очень масштабной, но все же партийной работе. Школа у нас большая. Педагогический коллектив около ста человек, да учеников около двух тыс. И обо всем этом я должна теперь день и ночь думать. Нагрузка у меня на этот месяц тоже увеличилась, имею сейчас 26 ч. в неделю. Очень много тетрадей. Кроме того, я пару раз писала опять в «Учительскую», выступала с двумя большими лекциями на школьные темы по нашему магаданскому радио, пишу брошюру по заказу нашего областного института усовершенствования учителей на тему «Изучение языка художественных произведений в старших классах средней школы». Одним словом, энергично «фукцирую»[65]. Выбрали меня и делегатом на городскую партийную конференцию.

<…>

Антон Яковлевич стал немного лучше себя чувствовать после перехода на пенсию. Ходит в кино, как нанятый, иногда по два раза в день. Вообще выглядит страшно паразитическим элементом на фоне моего неустанного праведного труда.

Читал ли ты в «Новом мире» роман «Не хлебом единым»[66]? Каково? А стихи Кирсанова в 9-м номере?

Вчера смотрели «Джузеппе Верди»[67]. Понравилось.

Очень огорчают последние международные события. Как противно, что снова льется кровь![68] В течение всей моей несчастной жизни я вижу это и никак не доберусь до своей тихой пристани.

Но я все-таки не теряю надежды на то, что положение благополучно разрядится.

<…>

Крепко тебя целую.

Твоя мама.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 20 марта 1957 г.

Дорогой Васенька!

Поздравляю тебя с новым этапом твоей жизни и от души желаю, чтобы твой, так молниеносно заключенный, (при содействии телеграмм-молний) брак не оказался молниеносным. Кроме шуток, я, как человек, испытавший на себе, как тяжелы разводы, как они опустошают душу, от души желаю, чтобы твой союз с Кирой был счастливым и прочным.

Мое отношение к этому факту двойственное. С одной стороны, я этого желала, так как вообще считала, что тебе пора иметь семью, чтобы кто-то, более для тебя дорогой и влиятельный, чем я, останавливал тебя в твоих увлечениях, делал тебя более разумным и осмотрительным. Кроме того, по тем немногим отзывам, которые я имела о Кире от тебя и от Наташи, а также, если хочешь, по анкетным данным, я считала, что она – подходящий для тебя человек.

Так что я довольна, но это довольство омрачается рядом сопутствующих всему этому обстоятельств. Во-первых, очень тревожит твоя неустроенность в смысле работы и квартиры. Как дальше вы мыслите строить свою жизнь? Нельзя ли все-таки отставить экзотические плавания и устроиться в какую-нибудь ленинградскую больницу, пока еще ты не совсем деквалифицировался? А может быть, можно вам устроиться в Москве? Что посоветовала вам по этому вопросу ее мама?

Во-вторых, меня очень огорчает твое исключительно невнимательное отношение ко мне, которое с особой ясностью проявилось в этот решающий момент твоей жизни. <…>

Ты проявляешь удивительное безразличие к вопросу о нашем окончательном переезде на материк. Можно подумать, что тебе совершенно все равно, удастся ли нам поселиться более или менее удачно. Нежели за всю зиму, будучи не очень-то загруженным работой, ты не мог получить несколько конкретных адресов продающихся домов в подходящих местах, выяснить условия прописки, которая теперь так трудна?

Денег у нас, по тем ценам, какие существуют, немного, так что выбирать надо тщательно. А тебе вроде до этого никакого дела нет.

Это очень обидно.

Итак, я жду твоего письма, в котором прошу тебя ответить на все поставленные вопросы и разъяснить, чем объясняется твое неожиданное изменение мнения по вопросу о сроке женитьбы. Чем вызван ее приезд в Л<енингра>д в разгаре учебного года и

такая спешка со свадьбой?

Как провел время в Москве? Каково впечатление от тещи? Как ты употребил присланную мной тысячу? На покрытие долгов или на подарок Кире?

Жду ответа. Повторяю: очень, очень обидно выпрашивать твоих писем, как милостыни, и никогда я не стала бы тебе писать первая, если бы не такой исключительный случай в твоей жизни.

Когда теперь Кира к тебе приедет? Передай ей мой привет. Крепко целую.

Мама.

Антон и Тоня поздравляют тебя. Тоня в восторге, что у нее теперь есть новая родственница, и все выясняет, кем она ей приходится.

Павел Аксенов – Василию Аксенову

Казань. 13 октября 1957 г.

Дорогой Вася!

Я давно хотел написать тебе, но не знал, куда адресовать письмо. Я мог, конечно, написать на адрес Киры для дальнейшей переотправки, но это слишком канительно и потому я решил выяснить все у Киры по возвращении в Москву. Хорошо, что ты написал. Но плохо, что ты оказался в паническом состоянии[69]. Для паники нет никаких оснований. Трудности ты создаешь сам, вследствие того, что у тебя отсутствует цель в жизни. Ты призываешь меня на помощь, но в чем я должен помочь тебе? Ты не знаешь, что ты хочешь и чем ты хочешь быть. С одной стороны, ты хочешь быть с Кирой, с другой стороны, ты хочешь плавать. Но одно с другим не совмещается, и из этого ты делаешь трагедию. Начинать надо не с этого. Прежде всего, ты должен решить вопрос: какое место в жизни ты должен занять, и какими средствами достигнуть этой цели. Все прочие вопросы следует решать с этих позиций. Я сто раз твердил тебе, что ты должен быть хорошим врачом. Ты должен научиться успешно бороться с болезнями и тем самым помогать людям строить хорошую жизнь. При этих условиях люди оценят тебя, твой труд и твои знания и ты будешь счастлив. Но для этого надо много работать и учиться. Без труда ничего не дается.

Что же практически ты должен делать? Рассмотрим твое положение:

По окончании вуза тебе предложили плавание. Это было неплохо с точки зрения накоплений различных картин и впечатлений в жизни. На это дело можно было отдать один-два года жизни с тем, чтобы после этих путешествий, будучи

обогащенным житейским опытом, вплотную заняться практической медициной.

Перспектива плавания удалилась вследствие сложной процедуры оформления. Когда все было почти готово, ты женился. Появилась новая, сложная процедура оформления. Так прошло много месяцев. Вместо медицинской практики или путешествий, ты болтался в Ленинградском порту.

Нашлись умные люди и послали тебя в Вознесенье[70] на медицинскую работу. Ты работаешь там три или четыре месяца, а затем в ультимативной форме ставишь вопрос: плавание или увольнение. При этом ты покидаешь свой пост в Вознесенье. Таким образом, ты вступил в резкий конфликт с государственным аппаратом. Опыт показывает, что такая борьба ни к чему хорошему привести не может, тем более что твои позиции в этой борьбе весьма шаткие. В самом деле, чего ты добиваешься? Ты требуешь, чтобы тебя отправили в заграничное плавание. Но неужели ты не понимаешь, что это настолько деликатный вопрос, что никаких требований, в данном случае, предъявлять нельзя. В такую командировку посылают по инициативе соответствующих органов, а не по требованию желающих. Глупо, бестактно и вредно требовать непременной посылки на эту работу. Чем большую активность будешь проявлять в указанном направлении, тем меньших результатов добьешься, тем худшее впечатление оставишь о своей персоне, тем трудней будет устраиваться здесь, в «домашних» условиях.

Вместо борьбы с ветряными мельницами, ты должен подумать о том, как устроить свои дела. На твоем месте я бы отказался теперь от перспективы дальнего плавания. Ситуация резко изменилась, а в новой ситуации по-новому следует решать данный вопрос:

а) ты более года болтаешься без практики. Чтобы закончить все процедуры оформления, потребуется, может быть, еще несколько месяцев. В самом плавании ты должен провести не менее 2–3 лет, так как на более короткий срок нет смысла проводить такое сложное оформление. Таким образом, у тебя выпадают из практики 4,5–5 лет. После этого на твоей персоне, как на медицинском работнике, можно будет поставить большой черный крест. Ты будешь человеком без профессии;

б) по сравнению с тем, что было 1,5 года назад, изменилось твое положение в жизни. Ты теперь не «шлейса», а женатый человек. Нельзя оставаться «шлейсом» до конца жизни. Если ты уедешь на два-три года, что будет с твоей женой? И, наконец, что ты будешь делать, когда вернешься в роли человека без профессии? И на твоем месте я бы написал соответствующему

начальству следующее:

«Ввиду того, что оформление в дальнее плавание слишком затянулось и я по этой причине в течение длительного времени занимаюсь не свойственными мне делами и, наконец, вследствие изменения моего семейного положения, перспектива работы на судах дальнего плавания является для меня неприемлемой. Прошу Вас предоставить мне постоянную работу в одной из больниц системы водздравотдела, обеспечив при этом предварительную стажировку в больнице № …. гор. Ленинграда. Подпись».

Или что-нибудь в этом роде, в зависимости от конкретных условий твоего бытия. Может быть, можно остаться в Ленинграде на постоянной работе или поехать куда-нибудь недалеко от Ленинграда. Я без колебания вернулся бы в Вознесенье. Преимущества этого пункта заключаются в том, что там рабочий поселок, озеро, река и недалеко от Ленинграда. Вы с Кирой часто можете устраивать свидания (прогулки, каникулы и т. п.). Два-три года настоящей, серьезной практики в подобных условиях, и ты будешь врачом. Если к этому прибавить затем институт усовершенствования или еще лучше – аспирантуру, то будет совсем хорошо.

Вопрос относительно Киры. Ей прежде всего надо закончить институт.

Где ей лучше всего сделать это – в Москве или Ленинграде – я не знаю. Здравый смысл подсказывает мне, что ей не следует менять институт. Некоторое время поживете в разных местах, ничего с вами не случится. По окончании института будете вместе и тогда организуете хорошую, слаженную жизнь. А пока придется жить так, как прожили истекший год. Ведь когда вы полюбили друг друга, вы знали ваше положение и были готовы к тем формам жизни, которые сложились у вас к данному времени.

Не следует много размышлять на тему о том, почему твоя кандидатура снята с обсуждения. Думаю, что дело здесь не в анкетных данных. Если бы исходили из анкетных данных, то давно был бы решен этот вопрос и не пришлось бы возиться целый год. Значит, были другие причины. Что же это за причины? Они могут быть самыми различными и неожиданными. Может быть, играет какую-то роль вопрос прописки. Хотя это глупо, но у нас все бывает. Не исключена возможность, что основанием к этому послужило твое ультимативное требование (еще перед отпуском) относительно решения вопроса о плавании или увольнении. Думаю, что ты нигде не добьешься настоящей истины в данном вопросе. Да и не стоит. Брось амбицию и возьми другую ориентировку, о которой я говорил выше. Тогда все

вопросы скорее и лучше будут разрешены. Ты должен знать, что хребет твой еще очень молодой и не окрепший. Если ты будешь настаивать на своих ошибочных требованиях и предъявлять ультиматумы, тебе могут сломать хребет. Зачем это нужно? Надо быть гибче и объективнее. При этих условиях может наступить такой момент, когда тебя могут попросить поехать в дальнее плавание или занять более приемлемую работу.

Я полагаю, что мое вмешательство не принесет никакой пользы, кроме вреда. Насколько я понимаю, к тебе там неплохо относятся. Это видно из того, что тебя сделали главврачом в Вознесенье, а теперь послали в хорошую больницу для специализации. Надо ценить это, а не бунтовать.

Твое приглашение очень заманчиво. Мне очень хочется посмотреть тебя, Ленинград и некоторых знакомых, проживающих там. Но я не могу сейчас приехать. Кроме всяких других важных причин, есть еще одна – отсутствие денег. Я совершенно прожился и еле-еле сумею добраться до Казани. Летом мы, вероятно, поедем в Москву и тогда постараемся заехать к тебе. Но это, конечно, пока не решение вопроса, и мы не знаем, что с нами будет до лета.

Киру и ее маму, несомненно, увижу, и мы поговорим о вашем житье-бытье.

<…>

Напишу после свидания с Кирой.

Желаю здоровья и твердости духа. Не паникуй! Все будет хорошо. Крепко тебя целую.

Твой отец.

Павел Аксенов – Василию и Майе Аксеновым

Казань. 27 ноября 1957 г.

Дорогие ребятишки!

Очень рад, что кончились терзания в связи с проблемой дальнего плавания. Нет смысла копаться в причинах. Следует только подчеркнуть, что исход этого дела, безусловно, положительный. Судьба-лиходейка хотела причинить неприятности, а доставила большую радость вам.

Поздравляю с разрешением прописки. Это значит, что вы будете вместе. Старшему поколению квартиры № 64[71] будет больше канители, но, по-видимому, эта канитель не омрачит горизонтов Метростроевской улицы.

Мне говорили, что Вася планирует совмещение с работой заочного изучения литературы и прочих наук, родственных оному предмету. Вам, конечно, виднее, как и что надо делать. Я

предпочел бы другой путь. Надо работать так, чтобы быть хорошим врачом. В моем понимании хороший врач имеет не только практические навыки, но и научное обобщение опыта, позволяющие ему ставить и решать теоретические проблемы. Такой подход к работе оправдывается различными соображениями: 1) это полезно для общества; 2) это интересно для ума и приятно для души и 3) это обеспечит в будущем уровень жизни, достойный культурных людей. Подобная перспектива, широко открывает двери в жизнь. Интеллектуальные данные, которыми владеет Вася, обеспечивают ему безусловный успех. Нужно только преодолеть обломовщину, поставить перед собой определенные задачи, и все будет хорошо.

Что касается литературы, то я хотел бы сказать вот что. В силу определенных причин, Вася едва ли будет играть серьезную роль на литературном поприще. Изучение в вузе литературных проблем целесообразно только для специалиста (преподаватель, писатель, журналист и т. п.). Культурный человек, не занимающийся специально литературой, может ограничить себя лишь общими познаниями в этой области. Разумеется, если есть время, возможности и способности изучения литературы, так же, как и многих других наук, не только приятно, но и, безусловно, полезно. В данном случае я веду разговор о том, что чему следует предпочесть, чем нужно заняться в первую очередь.

Вася спрашивает о моих впечатлениях в результате посещения Метростроевской улицы. Но ведь я уже высказался по телефону. Если мое впечатление и оценки имеют какое-то значение, с удовольствием – еще раз – скажу вам следующее. Кира произвела на меня самое приятное впечатление. Она умная, интересная и милая девочка. Это не значит, конечно, что следует замалчивать ее недостатки. Отмечу некоторые из них: 1) на стуле, у кровати Киры, я обнаружил сигареты, спички и пепельницу. Кира поспешила сообщить, что Вася обучил ее этому искусству. Нет надобности исследовать историю этого вопроса. Следует прямо сказать, что восприятие таких дурных качеств, как курение, не увеличивает добродетелей Киры. Это просто отвратительно и совершенно нетерпимо. Зачем нужно хорошенькой женщине подвергать опасности свое здоровье и уродовать свой внешний облик сигаретами, дымом, табачным цветом зубов, пальцев и т. п. Почему нужно пропитывать ваше жилье гнусным табачным запахом, едким дымом и грязными окурками? Зачем это? Может быть, все это делается из любви к Васе? Но в таком случае, Вася может привить Кире и другие, не менее отвратительные навыки. Нет, любовь заключается не в том, чтобы потворствовать слабостям своего возлюбленного, а в том, чтобы общими силами

преодолевать эти слабости и делать жизнь более осмысленной и красочной. Я не сомневаюсь, что мы снова встретимся с Кирой и будет очень приятно, если Кира к тому времени перестанет курить и ей не потребуется заглушать табачный запах очень крепкими духами. 2) У меня создалось впечатление, что Кира слишком большая неженка и без зазрения совести эксплуатирует любовь своей бабушки Беллы Павловны. Сие вредно для бабушки и для Киры. Зная некоторые качества Васи, мне кажется, что эксплуатация качеств бабушки может удвоиться. Я был бы очень рад, если бы оказалось, что в этом пункте я ошибаюсь, и мои оценки не соответствуют действительности.

Что еще сказать о моих впечатлениях? Белла Павловна, по-моему, чудесный человек и прекрасная бабушка. Ее любовь к Кире брызжет фонтаном. Не мешало бы к этому фонтану прибавить немного **строгости**. Боюсь, что она балует не только внучку, но и мужа своей внучки. Постарайтесь внушить ей, чтобы она проявляла в отношении вас больше строгости и руководства.

15 октября совершенно неожиданно встретил Васину маму. Встреча оказалась весьма легкой. Ничего похожего на 1955 г. не было. Передо мной была совершенно чужая, очень старая и очень объемная женщина. Я познакомил ее с прописанным ей прогулочным маршрутом, посоветовал основательно похудеть, выслушал некоторые ее отзывы о своем сыне и его жене, и на этом мы расстались. <…>

В Москве мне не повезло. Московско-азиатский вирус свалил меня. Все мои попытки противостоять вирусу оказались тщетными. Даже доктор Бахус, к которому я обратился, не в состоянии был помочь мне. Провалявшись несколько дней на ул. Островского[72], я кое-как погрузил свои телеса в вагон поезда № 66 и в великих муках добрался до Казани. <…>

Неудачная и тяжелая борьба с вирусом лишила меня возможности вторично посетить Киру и ее и бабушку, но я надеюсь, что в будущем году мы снова встретимся в более счастливых условиях. Очень сожалею, что не удалось познакомиться с мамой Киры.

Вот, кажется, и все. Надеюсь получить информацию, как окончательно будут разрешены все ваши проблемы. Между прочим, мне очень понравилось описание больницы в Ивановском районе Тульской области. Если бы вы понимали поэзию жизни, вы без колебаний отправились бы туда – Вася в качестве врача, Кира в качестве преподавательницы в средней школе. Но это между прочим.

За сим желаю вам всего хорошего. Крепко целую вас. <…>

Ваш старикан

P. S. Прошу простить за мазню. На то были особые причины.

Вы уж не сердитесь на меня за болтливость. Это, по-видимому, свойство многих пенсионеров, которым нечем заполнить свое время.

II. «Что делать, если зараза въелась крепко…»

Связка писем Василия Аксенова к Евгении Гинзбург была обнаружена в квартире его вдовы Майи после ее смерти (24 декабря 2014 г.) племянником Александром Змеулом. К сожалению, письма эти были найдены через два года после публикации в журнале «Октябрь» (2013, № 8) родительских писем к их юному и своевольному отпрыску. Она, эта публикация, так и называлась: «Анфан террибль и его родители». Часть писем Евгении Гинзбург, находившихся тогда в нашем распоряжении, не вошла в ту журнальную публикацию, потому что они относились к более позднему времени, когда Василий Аксенов стал уже более зрел и его полушутливая характеристика как анфан террибля перестала себя оправдывать.

Чтобы не разрушать уже сложившуюся и представленную читателям подборку родительских писем, оставшиеся неиспользованными письма матери мы включили в настоящую публикацию, в результате чего получилась (пусть и не полная) переписка Василия Аксенова и Евгении Гинзбург. К сожалению, писем Евгении Гинзбург этого периода сохранилось в аксеновском архиве гораздо меньше, чем его писем в архиве матери. К Аксенову же его собственные письма попали после ее смерти в 1977 году.

Писем Евгении Гинзбург в публикуемой переписке, как уже отмечено, значительно меньше, их всего восемь. При этом одно из них (даже не письмо, а торопливая записка на обрывке бумаги, написанная карандашом) хранилось вместе с письмами самого Василия Аксенова к Евгении Гинзбург в одной связке и датировано 1949 годом, а написано из магаданской тюрьмы. Туда Евгения Гинзбург была неожиданно помещена по прихоти «компетентных органов», оставивших на произвол судьбы сына-школьника, недавно приехавшего к ней с «материка» заканчивать школьное обучение.

К счастью, заключение длилось недолго, но ситуация была драматическая, о чем свидетельствует отчаянная телеграмма бабушки (матери Е. Гинзбург):

уведомление телеграфом магадан хабаровского края маглаг орлову алексею александровичу[73] —
1033– боровичей 91 74 4 1845 —
умоляю узнать судьбу васи который остался

магадане без жени на телеграмму посланную востребования не ответил послали телеграмму старый сангородок ответа нет не уверены точности домашнего адреса хотим выслать деньги останавливает его молчание пошлите васю на телеграф за нашей телеграммой прошу телеграфировать адресу боровичи новгородской области главная почта востребования гинзбург наталии соломоновне – нахожусь наташи месту ее работы умоляю не оставить меня без ответа – мать жени

Эта телеграмма хранилась в той же недавно обнаруженной связке писем вместе с тюремной запиской матери. Все остальные письма Евгении Гинзбург относятся уже концу пятидесятых годов, кроме последнего, которое датировано 1965 годом.

Писем Василия Аксенова тридцать. Они охватывают период от конца пятидесятых до середины семидесятых годов прошлого века.

В публикуемой переписке две сквозные темы. Первая – настойчивое стремление Евгении Гинзбург вырваться из Магадана, сначала во Львов, а затем перебраться в Москву. Ее мечта осуществилась, как это видно из письма сына, летом 1966 года.

Вторая тема литературная. В начале переписки – это взаимное обогащение размышлениями о литературе и о жизни двух литературных дебютантов, в конце – разговор двух состоявшихся писателей.

На рубеже пятидесятых и шестидесятых годов Евгения Гинзбург еще сомневается, стоит ли сыну всецело посвящать себя литературе, на что он отвечает: «Ты пишешь, что не стоит обращать особенного внимания на литературные дела. Конечно, я согласен с тобой, что для морального спокойствия лучше не погружаться целиком в эти дела, но что делать, если эта зараза въелась крепко».

Писем Евгении Гинзбург после 1965 года, когда ее сын стал уже одним из самых ярких прозаиков нового поколения, не сохранилось (или они пока не обнаружены). Аксеновские же письма середины шестидесятых годов и более поздние содержат подробный отчет о всех литературных (и не только литературных) удачах и неудачах. Он поверяет матери самые сокровенные размышления и факты.

Летом 1966 года, сетуя на всякие привходящие обстоятельства, мешающие ему заниматься свободным творчеством, он признается:

«Я впервые оказался в том положении, когда не могу писать того, что хочу, а должен писать то, что нужно по договорам, то, что от меня требуют или хотят другие люди. Стремлюсь к прозе, как к тайной любовнице».

Вместе с тем радуется успеху мемуарных записок матери, первой части «Крутого маршрута». Так, в письме от 10 сентября 1964 года он сообщает ей: «Москва полна слухами о твоих мемуарах. Все интеллигенты подходят ко мне с просьбами предоставить экземпляр. Те, что читали, очень высокого мнения. Нагибин выразил мне огромное удовольствие от мемуаров и просил тебе передать. Слышно ли что-нибудь из „Нового мира“?»…

Кроме обозначенных нами двух главных тем, постоянно затрагиваются в переписке дела житейские и семейные, едва ли не в каждом письме упоминаются жена Кира или сын Алексей, приемная дочь Евгении Гинзбург Антонина. Встречаются и пейзажные зарисовки. Заканчивается переписка открыткой из-под Таллина, датированной 1975 годом (уже написан или близок к завершению «Ожог»), в ней второй раз упоминается новое имя: «Майка». Через пять лет Майя станет женой писателя и разделит с ним годы эмиграции и всю дальнейшую жизнь.

Публикуемые письма, представляя собой документы ушедшей эпохи, бесценны еще и в другом отношении: они дополняют историю жизни и творческую биографию их авторов новыми деталями. Так, например, мы узнаем, что в 1960 году, помимо «Коллег» в «Юности», Аксенов отметился еще рассказом «С утра до темноты» в «Литературной газете». Также благодаря письмам становится более понятным для нас пренебрежительное отношение зрелого Аксенова к повести «Коллеги», сделавшей его знаменитым: повесть, оказывается, была написана по прямому заказу Катаева, который в этот судьбоносный для Аксенова момент был главным редактором «Юности». Для заинтересованного читателя откроется еще целый ряд других более или менее значимых фактов.

Остается только пожалеть, что не все письма этой, столь важной для будущих биографов Василия Аксенова и Евгении Гинзбург, переписки дошли до нас.

Переписка Василия Аксенова с Евгенией Гинзбург

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. Сентябрь 1949 г.[74]

Васенька!

Принеси мне серое ватное одеяло, две кофточки (отдай сначала в стирку, они в грязном белье), две простыни, две смены белья <…>, маленькую подушку и наволочку к ней и зеленую вязаную кофту. Еще пара 2 простых чулок. Умоляю – учись хорошо, будь деловитым и умным.

Крепко целую.

Мама

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 11 мая 1957 г.

Дорогой Васенька!

Получила твое письмо за двойной подписью.

Очень благодарю за внимание, хотя, говоря между нами, прекрасно понимаю, сколько красноречия потратила тетя Наташа[75], пока оное письмо появилось на свет. Досадно, что фотографии вы мне так и не присылаете. А ведь еще неизвестно, увидимся ли мы в июне – июле. Мы сейчас думаем сначала поехать во Львов, к Юле[76], посмотреть там обстановку, а уже после окончания фестиваля – в Москву и Л-град. В такую толчею соваться не хотим, да и Львов надо посмотреть. Юля так соблазнительно его описывает что, м.б., и есть смысл поселиться там. Ведь под Л-дом дачи страшно дороги, да и с пропиской такая морока.

Моя первомайская телеграмма, посланная тебе в Вознесенье, вернулась обратно с пометкой: «Телеграмма №… Вознесенье, врачу Алексееву (!) не доставлена, адресат не найден». И хотя мне было ясно, что трудновато найти Аксенова под именем Алексеева, но остался от этого какой-то неприятный осадок.

В связи с получением при будущем отъезде путевки на курорт (хочу на сентябрь попасть в Кисловодск) я впервые за все годы Колымской жизни была вынуждена пройти все медицинские круги Дантова ада. (Ты читал в «Лит. газ» фельетон «Бабуся выжила»?) И вот в моих руках курортная карта, из которой я узнаю, что у меня, во-первых, гипертония (150/95), чего я никогда

не подозревала, затем сердце слишком расширено влево, пульсация учащенная и т. д. Диагноз – миокардио-дистрофия, неврастения на фоне переутомления. Действительно, у меня нынче такие жуткие отеки на ногах, такая отдышка и боли в области сердца, каких еще никогда не было.

Ну ладно, это тема стариковская и скучная.

<…>

Почему ты ни слова не пишешь о своей лечащей и административной деятельности? Неужели ты по-прежнему не интересуешься ею? Есть ли там, в Вознесенье, хорошие книги? Следишь ли за толстыми журналами? Я читаю в «Н. мире» эмигрантские мемуары Любимова[77]. Интересно. Кончила Фейхтвангера «Братья Лаутензак»! Очень нравится. Как глубоко и страшно! Ни один из богов современной поэзии – ни Мартынов, ни Слуцкий – за сердце меня не берет. А тебя?

Если ты ответишь сразу, то письмо еще застанет меня в М.

Целую тебя и Киру.

Мама.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Львов. 28 января 1958 г.

Дорогие Кирочка и Васенька!

Слава Богу, что все обошлось благополучно. Я всю дорогу не могла заснуть, мне все казалось, что Кира серьезно пострадала, т. к. я видела в окно ее распустившиеся волосы и страшно испуганное, страдальческое лицо.

Как это могло случиться, что мы так заболтались и не слышали предупреждения! Соседи говорили потом, что было двукратное предупреждение всем провожающим выйти из вагона. Ну, слава Богу, все обошлось.

Рада, что сессия, наконец, закончена и надеюсь, что вы сейчас хорошо отдыхаете. Посылаю просимые рецепты. Тот, что по-русски, – в гомеопатическую аптеку, тот, что по-латыни, – в обычную.

Вася, ты спрашиваешь, почему я не пишу. Потому что у нас страшные квартирные неприятности, такие серьезные и так на меня действующие, что я просто боюсь, как бы у меня инфаркт не получился, до того нервничаю и такие у меня боли бывают в сердце. И за Антона боюсь в том же смысле. Кратко говоря, мы стали жертвой обычного в этом проклятом воровском городе обмана. Я рассказывала, что мы сняли комнату у слепой и заплатили ей за год вперед, что составило из расчета 300 р. в м-ц солидную сумму в четыре с половиной тыс. Кроме того, мы

сделали на свой счет ремонт, да еще и оплачиваем все: и квартплату, и газ, и свет – не только за себя, но и за нее.

Все это мы делали, поддавшись ее обещанию уехать к мужу в Киев, где у них строится собственный дом. Они оказались негодяями, и, так как мы не взяли у них никаких расписок, то они утверждают теперь, что ничего, кроме жактовской квартплаты, от нас не получали. Потихоньку прописали сына, и теперь добиваются нашего выселения. Добиваются и через официальные каналы, и путем так называемого «выживания», вплоть до того, что закрыли свою проходную комнату, и нам приходится за водой и в уборную спускаться с 4-го этажа вниз и потом опять подыматься с ведром на четвертый этаж. Можете себе представить самочувствие. Дни проходят в бесконечном хождении по канцеляриям, причем очень трудно доказать ее подлость. То, что она слепая, вызывает сочувствие, никто не верит, что слепая может заниматься такими махинациями. Но она столько же подла, сколько слепа. Кроме того, ею пользуются как орудием ее сын – только что прибывший из лагеря уголовник – и муж, по-видимому, тоже большой жулик.

Они сейчас добиваются нашего отъезда, а затем в уже в чистую, отремонтированную нами квартиру будут вселять новых дурачков, которые, так же, как мы, поддадутся на этот наглый обман.

Вот какие дела! Мы на это потратили больше восьми тысяч и кучу нервов. А сейчас у меня такое отвратительное настроение в связи с этим, что и весь Львов мне уже не мил, особенно после Москвы. Конечно, если бы в момент отъезда из Магадана я знала, что ты, Вася, устроишься в Москве, я бы не поехала во Львов, а всеми правдами и неправдами стремилась бы в Подмосковье, если уж не в Москву. А теперь большая половина денег уже истрачена, а угла своего все нет. <…>

В связи с этим делом никуда не ходим, только один раз была в кино, смотрели «Под властью золота»[78]. В широкоэкранном идет новый французский фильм с Ф. Жераром[79], но не достанешь билетов. Да и настроение ужасное, не до этого.

Ну, будьте здоровы и счастливы. Вася, смотри, будь осторожен с туберкулезными и с электричкой.

Передайте наш горячий привет Берте Ионовне[80]. Как у нее служебные дела? Такой же горячий привет и Белле Павловне[81]. А. Я. очень рад, что ей лучше. <…>

Всего лучшего.

Целую.

Мама

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Львов. 11 февраля 1958 г.

Дорогой Васька!

Получила твое письмо, из которого вижу, что наши мысли – насчет покупки половины дачи или установки финского домика на участке на твое имя – абсолютно совпали.

Я хочу сделать это даже в том случае, если бы львовский квартирный конфликт разрешился в нашу пользу. Все равно, даже если сейчас и останемся в Львове, то жить здесь до конца жизни я не хочу, хотя бы из-за Тони, которая с украинским сочинением не может поступить ни в одно учебное заведение. До конца семилетки она освобождена от украинского. Вот после окончания семилетки и уедем. Если же решится не в нашу пользу, то уедем нынче же.

Из всех предложенных тобой вариантов, нам больше всего понравился вариант с застройкой участка. Я очень прошу узнать все подробно: какова там природа, расположение участка, сообщение с Москвой (я в Красной Пахре не была). <…>

Мысль о постройке финского домика на участке под Москвой мне и самой приходила в голову. Я даже писала об этом Лиде Ром[82]. В прошлом году она мне указывала одну такую знакомую, у которой нет денег на строительство, но есть участок. Так что, если в Пахре хорошие природные условия и сообщение, то это как раз то, что нам надо. Разузнавай все получше и, когда дело перейдет в конкретную плоскость, я сейчас же приеду. Прояви в этом энергию, Вася. <…>

Крепко целую тебя и Кирочку. Рады ее успеху на вечере.

Привет Берте Ионовне и Белле Павловне.

Твоя мама.

Антон и Тоня всех приветствуют.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Львов. 6 марта 1958 г.

Дорогой Васенька!

Наконец-то я получила от тебя письмо, а то уж очень волновалась и собиралась телеграфировать. Настроение у меня и так тревожное, потому что за последнее время неприятности сыпятся на меня, как из рога изобилия. После квартирной передряги случилось очень тяжелое происшествие с Антоном. Я кратко сообщала уже вам об этом в писульке к посылочке, которую вы, надеюсь, получили. <…>

Так вот, с Антоном было совсем плохо, я уже не думала, что

он выкарабкается. Но, к счастью, на этот раз обошлось.

Я проснулась ночью, точно кто меня толкнул в бок. Это, несомненно, была интуиция. Посмотрела на его диван и вижу – пусто. Я встала с постели, подскочила к дивану, смотрю: лежит без сознания на полу, весь в холодном поту, глаза остекленели, пульса найти не могу. А до этого у него был бронхит, и в результате этого бронхита возникла страшная аритмия, которая меня очень пугает. Это у него третий раз так. Мне показалось, что он уже агонизирует. Я страшно закричала, разбудила Тоню, она – соседей. Скорая явилась на этот раз действительно скоро. Дали камфару, кислород, сердечные. Откачали.

<…> Но меня этот случай так напугал, что теперь каждый раз нервничаю, когда он уходит и задержится или когда один остается дома.

<…> Квартирные дела обстоят неважно. Горисполком, правда, принял решение: обеспечить жильем вне всякой очереди. Но сам ничего не дал, а направил это решение в Красноармейский райсовет, где мы состоим на очереди. А там говорят, что конечно дадут, но когда – сказать трудно, т. к. строительство идет медленно, а все отъезжающие здесь делают разные комбинации с квартирами. Это просто удивительно – до чего в этом городе развито комбинаторство и как эпически спокойно относятся к этому те, кому ведать надлежит.

Утешают, что вот, мол, в апреле-мае начнут снова поляки выезжать в Польшу, так, может быть, что-нибудь…

Наши жулики сидят, пришипились…[83] Каждый день ждем от них каких-нибудь новых эксцессов, что тоже страшно нервирует.

Из твоего письма видно, что с Пахрой может что-то выйти, я очень хочу этого, да и Антон начал склоняться к тому, что надо перебазироваться на Подмосковье. Напиши мне, как только вопрос с участком перейдет в практическую плоскость. Я сейчас же тогда приеду. Ты пишешь, что у А. Н. пока ничего нет на примете[84]. Это в смысле готового. Ну а насчет финского домика как? Это мне больше всего нравится.

Вася! В Ховрино, по Ленинградской дороге, живет одна моя быв. коллега по Колыме – Виноградова Анна Львовна. Женщина довольно малоинтересная во всех отношениях, кроме одного: ее муж имеет какое-то отношение к заводу финских домиков, выпускаемых в Ховрино. Он же и берется устанавливать их. Она мне говорила об этом в 56 г. Может быть, если вопрос с участком станет в конкретную плоскость, ты не поленишься в воскресенье съездить к ней, представиться, что ты мой сын, и поговорить с ней насчет возможности достать и установить нам такой домик,

ну с соответствующей выгодой для них, конечно. Она мне в 56 г. говорила, что это не невозможно. Я напишу ей сама, но гораздо лучше живая беседа. Сообщаю тебе ее адрес: Ново-Ховрино, электричка с Ленинградского вокзала, 25 минут, ул. Карла Маркса, дом 2/4, Анна Львовна Виноградова.

Да, впечатление у меня от статей в «Литературке» точно такое же, как у тебя. Да, кстати, хочу тебя попросить вот о чем. Гертруда прислала мне из Берлина свою рукопись. Называется «Студенческие годы». Мемуарного типа, со многими философскими и лирическими отступлениями. Довольно интересно. Дается студенческий быт Берлинского университета 20-х гг. периода инфляции и послеверсальских времен…[85]

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. Март (после 6) 1958 г.

Дорогая мамочка!

Опять с некоторым опозданием отвечаю на твое письмо. Нас здесь очень обеспокоило твое сообщение о болезни А. Я., которое было в посылке. Очень хорошо, что все кончилось благополучно.

Подарок твой был изумительным. Кирка очень тронута и горячо тебя благодарит. Как удалось простое фото сделать цветным? Это, видно, какой-то особый львовский промысел <…>.

Значит, у вас пока с жильем поспокойней? Женщина из Кр. Пахры не давала о себе знать. Но я продолжаю параллельные усилия. Ходил в райисполком и басом требовал себе участок, упирая на предвыборное выступление Н. С. Хрущева, где он призывает поощрять индивидуальных застройщиков. Но в райисполкоме дают участки только под сады, а под кап. строительство распределяет участки особое областное бюро. Говорят, что ходить туда дело гиблое, т. к. если и получишь участок, то у черта на куличиках. Ведь вблизи Москвы век уже давно застроено. <…>

Относительно мемуаров Гертруды мы осведомились у Ольги Павловны[86] <…>. Она советует послать в журнал «Молодая гвардия», именно в журнал, а не в издательство, если это интересная художественная вещь.

Ты спрашиваешь, продолжаю ли свои писания. В том-то и дело, что никак не могу избавиться от этой пагубной страстишки. Ей отдаю редкие минуты вдохновения и прилива творческой энергии. Недавно закончил рассказ «Механик с „Гамлета“».[87] Основан он на жизненном материале – ленинградские портовые впечатления. Та же Ольга Павловна посоветовала послать его в

ростовский журнал «Дон». На днях думаю это сделать. В последние дни опустился даже до стихов. Все это я проделываю на дежурствах – сейчас у меня 8 дежурств, т. к. прибавили ¼ ставки. Худ. литературу читаю в основном в электричках. Недавно прочел два рассказа Мориака[88] – «Дорога в никуда» и «Клубок змей». Очень интересно впервые прочесть вещи, где так умно, страстно и тонко средствами высокой художественности проповедуется христианская идея в лучшем смысле этого слова. Вышли эти книги в серии «Зарубежный роман XX века». Дешевое издание. <…>

В остальном все по-старому. Езжу в свою чахотку, лечу. Обещают перевести в аналогичное заведение поближе. Сама работа мне нравится, но надоело ездить до черта.

11 марта мы с Кирой отметили годовщину нашей свадьбы. Ужинали в «Метрополе». Как быстро прошел год!

Мамочка, жду от тебя писем. Крепко целую. Привет и поцелуй А.Я. и Антонине.

Твой сын.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. 22 апреля 1958 г. (?)

Дорогая мамочка!

Не писал тебе, т. к. с участком была до прошлого воскресенья полнейшая неясность. <…>

Сейчас органы местной власти разрешают владельцам участков уступать часть своих земель, если им трудно оплачивать эти земли <…>.

Говорят, что, имея участок, купить такой[89] домик нетрудно. <…>

Берта Ионовна снимает на лето комнату с большой террасой и двумя маленькими комнатушками. Во всех этих апартаментах будет жить одна бабка. Вы могли бы первую часть лета отдыхать там в непосредственной близости от места застройки, т. е. Ильинского. Срочно сообщи свое мнение по этим вопросам, а лучше всего приезжай сама <…>.

Берта Ионовна сегодня приехала из Новосибирска. Она ездила туда для того, чтобы оформиться на работе. Окончательно уедет в начале мая. <…>

Я работаю по-старому, с той лишь разницей, что в последнее время стал больше крутиться среди областного начальства. В ближайшее время обещают перевод. В субботу в обл. тубдиспансере мне сделали интересное предложение перейти на работу в оргметодотдел. Знающие люди говорят, что это просто

счастье. Работа эта ни в коей мере не означает отрыва от практической медицины. Наоборот, нужно быть в курсе всего нового, участвовать в конференциях, консультироваться в институте <…>.

Если я соглашусь, то сначала меня на несколько месяцев пошлют на рабочее место в Институт для повышения квалификации <…>.

Засиделся я уже в этой богоугодной здравнице Подмосковья. Сезонка моя кончается, надо кончать и работу здесь. Очень уж противно вокруг страшное жулье. Этот вид воровства (у больных людей) мне совершенно омерзителен. Когда мы встретимся, я тебе порасскажу об этом.

В последние дни случился какой-то проблеск в моих литературных деяниях. Удалось установить контакт с ростовским журналом «Дон». Это новый солидный и толстый орган. Недавно послал туда свой рассказ «Механик с „Гамлета“». Герой рассказа немец, участвовал в 41 году в блокаде Ленинграда. Через 14 лет он попадает сюда в качестве механика торгового судна. Его неудержимо влечет в Петергоф, с которым связаны страшные воспоминания его молодости. В общем, произведение проникнуто антивоенным пафосом. Но есть в нем уязвимое место – немец вспоминает о любви к русской девушке, которая родилась (любовь) на развалинах Петергофа. Именно по этому месту, как я и предполагал, ударили товарищи из «Дона». Они написали, что рассказ произвел на них хорошее впечатление, но что я напрасно поэтизирую любовь советской девушки к солдату вражеской армии, что это порочит советских девушек. Они предложили мне что-нибудь изменить и снова прислать рассказ в исправленном виде. Просили присылать и другие вещи. Вообще, тон письма был деловой и благожелательный. Я еще ни разу таких писем из редакций не получал. Признаюсь, что благородного негодования я не испытал, а, напротив, испытал воодушевление и смело решил кастрировать свой рассказик, если он в этом виде подойдет для «Дона».

Вообще, оживляются мои литературные поползновения.

К сожалению, очень мало остается у меня времени для писаний. Я не могу писать, где придется, мне нужно настроиться на нужный тон и не отвлекаться. Кроме того, существенным препятствием является отсутствие пишущей машинки. У нас есть очень хорошая немецкая портативная машинка, но с латинским шрифтом. Ее можно перековать на русский шрифт, но это стоит примерно 200 рублей, а выкроить эту сумму из своего бюджета мы не можем. Если у тебя есть возможность, мамочка, ассигнуй мне такую сумму, я буду тебе очень благодарен.

23.04. Мамочка! Сегодня Берта Ионовна узнала, что кто-то продает половину дома за 60 т. Считаю, что тебе нужно приехать и самой включиться.

Жду. Целую. Привет от Б. И. и Б. П. Поцелуй от Киры.

Как здоровье Антона Яковлевича?

Твой Васока.

Поздравляем вас всех с 1 мая.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Львов. 23 апреля 1958 г.

Что-то, милые Кира и Вася, не балуете вы меня своим вниманием. Письмецо от Вас получить не так-то просто. Для этого требуется, по меньшей мере, двунадесятый праздник. Вот и сейчас жду, авось первого мая получу.

На мое последнее письмо ответа нет. А я очень беспокоюсь все время за твое здоровье, Вася. Проверяешься ли ты, не инфицировался ли? Какие перспективы на перемену работы? Кроме того, сейчас очень меня беспокоит, как изменилась ваша жизнь в связи с отъездом Берты Ионовны, если он состоялся. А может быть, к счастью, что-либо в этом направлении изменилось?

Как твои попытки насчет участка в Ильинском? Как Кирина учеба? Как здоровье Беллы Павловны?

У нас с квартирой по-прежнему полная безнадежность, хоть мы и имеем это «особое» постановление. Теперь я окончательно убедилась, что оно является лишь бюрократической отпиской и страховкой для чиновников от обвинений в бездеятельности. Мои московские друзья один за другим получают квартиры в новых комфортабельных домах. Я только за последнее время получила два таких известия и послала два поздравления с новосельем. Такая уж у меня судьба – всю жизнь плясать на чужих свадьбах.

Жизнь течет довольно уныло. Делю свое время между хождением в жилищные органы с высиживанием очередей и хозяйственными делами. Только вечер отводится для чтения и писанины. Недавно получила от магаданского радио письмо с просьбой не забывать их, посылать материалы, интересующие их. С великим удовольствием сделала бы это, но категорически не нахожу здесь материалов, которые могли бы интересовать Магадан.

Здесь в Союзе писателей, оказывается, есть русская секция. Хочу свои воспоминания о рабфаке[90] дать туда на рецензию. Мой предполагаемый московский рецензент Злобин[91] уехал во Францию, так что это дело отложилось на три месяца.

Пишешь ли ты, Вася, что-нибудь и почему не делаешь

попыток печатать? Живя в Москве и имея родственников в лит. кругах, ты должен проявлять в этом отношении гораздо большую активность.

<…>

Прочла «Дорогу в никуда», которая понравилась мне меньше, чем «Клубок змей».

Сейчас читаю очерки С. Цвейга о Верхарне, Бальзаке и др.

Наверно, это показатель моего возраста, но я сейчас явно предпочитаю мемуарный жанр, публицистику, лит. критику – самой беллетристике, тем более, что так редко попадается что-либо настоящее.

Вася! Я тебя очень прошу быть поаккуратнее в переписке и не заставлять меня тревожиться зря.

Как живет Майка? Передай ей от меня привет и поцелуй. Целую вас обоих.

Привет Белле Павловне, а, если не уехала Берта Ионовна, то и ей.

Мама.

А. Я. и Тоня кланяются.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Львов. 17 июня 1958 г.

Дорогой Васенька!

Наконец-то получила твое письмо. Ты пишешь, что от меня долго ничего не было. Это неверно. Я написала сразу, дней через пять, после возвращения. Наташе я, действительно, долго не писала, т. к. при таком настроении нет никакого желания действовать на нервы другим.

А вот от тебя долго не было ответа на мое письмо, и я уже сильно волновалась, как там с твоим переходом на другую работу и с дачными делами. Очень рада, что ты, наконец, развязался с этой работой. Она меня очень угнетала постоянным страхом перед возможностью инфекции. Рада я и тому, что тебе дали эти три месяца усовершенствования. Это во всех отношениях хорошо. И, конечно, надо держать линию на аспирантуру. Литературным занятиям это ничуть не помешает, наоборот, будет давать необходимый жизненный материал.

Наши дела все в том же плачевном состоянии. Все чиновники, ведающие этим делом, категорически заверяют, что мы имеем право, получим и. т. д. и т. п., но дело за малым – в данный момент ничего нет. Все это надоело настолько, что просто жизнь не мила. Ведь каждый день начинается с хождений по этим местам и с унизительных разговоров. <…>

Ты спрашиваешь о планах. Так или иначе, но в начале июля я приеду. Чувствую себя настолько плохо, что отдохнуть обязательно надо, иначе свалюсь!

У меня развилась страшная бессонница. От нее я страдаю, старею, извелась совсем. Как поступить с квартирой, с Тонькой – все это придется решить в последний момент. Послезавтра она должна сдавать экзамен в музыкальную школу. От исхода будет зависеть, как с ней поступить на лето. Везти ее, во всяком случае, никуда не придется, т. к. скоро начнутся, для переэкзаменовочных, занятия в школе. В лучшем случае, может быть, удастся на одну смену в пионерлагерь. < … > Очень прошу тебя – держи меня в курсе всех дел, пиши чаще.

Если решим ехать в Ригу, то я тебе дам телеграмму еще до нашего выезда в Москву, чтобы ты заказал с доставкой на дом билеты Москва – Рига. Ведь сейчас сезон, и достать сразу будет очень трудно.

Сейчас, наверно, у Киры уже все подходит к концу? Ну, молодец она, что сдала французский на 4.

Как с ответом из «Дона»? Написал ли ты им, что этот рассказ уже был у них и получил положительную рецензию? А то ведь он может попасть к другому лицу, и все начнется сначала.

Я по вечерам немного занимаюсь переработкой «Рабфака» и рассчитываю закончить к концу месяца. Но пристроить куда-нибудь вряд ли удастся. Об этом неплохо было написано в фельетоне «Профиль с тремя глазами». Недавно был в «Литературке».

Сегодня ровно год, как мы прибыли во Львов. Результаты самые плачевные. Больше половины денег растрачено, а жилья все еще нет. Да, если бы ты немного раньше переехал в Москву, дело с дачей давно было бы сделано.

Жду быстрого ответа и желаемых сообщений. Крепко целую тебя и Кирочку. Привет бабушке и другим знакомым мне родственникам. Будете писать Б. И.[92] – кланяйтесь от меня. Как она устроилась на новом месте?

Какая погода в Москве? Здесь неплохо. Раза два выезжали на воскресенье в Брюховичи[93].

Мама.

Привет от наших.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. 1 сентября 1958 г.

Дорогая мамочка!

Вчера вернулись. Не обошлось без приключений. В

Ленинграде за 10 минут до отхода поезда обнаружил, что потерял багажную квитанцию. За 5 м. заполнял длинную анкету, в которой нужно было перечислить все содержимое чемоданов. Впрыгивали в движущийся поезд.

Отдохнули очень хорошо[94]. Хороших солнечных дней все-таки было больше. Загорали, купались, ходили по грибы.

<…>

В Ленинграде мы были у тети Наташи. Она сказала, что вам пришлось вселяться с помощью милиции. А бабушка поведала нам другую весть – будто пациенты Антона Яковлевича нашли вам во Львове хорошую квартиру. Что же получилось в действительности?

Мой несчастный «Механик» приплыл назад из «Невы» под флагом довольно солидной рецензии, подписанной Петром Ойфа[95] (есть такой). В рецензии говорится, что сюжет очень нужный и жизненный, но он не раскрыт в силу недостатка у автора изобразительных средств – «беглый пересказ событий». Теперь я, кажется, понял, как нужно, перепишу заново и пошлю в третий раз.

Интересно что же это за «Доктор Живаго»?[96]

Мамочка, жду от тебя писем. Как сдала Тоня? Перешла ли в следующий класс?

Крепко целую.

Вася.

Привет и поцелуй от Киры.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. 15 сентября 1958 г.

Дорогая мамочка!

Сегодня получил твою посылку с фруктами. Большое спасибо, все были тронуты. Яблоки не пострадали, часть груш побилась, но все равно они потрясающе вкусные. К сожалению, я тебя обрадовать не могу, напротив, два дня назад пришел ответ на твое прошение. Видимо, в секретариате Фурцевой[97] письмо сразу же, не вникая особенно, отослали в Мособлсовет, а там подошли обычно, т. е. формально. <…>

Читаю сейчас «После свадьбы» Гранина[98]. Поначалу кажется ах-ах, ну а потом все правильно.

Я, обескураженный своими литературными неудачами, задумал повесть[99]. В ней речь пойдет о «лишних», о тех, кто уцепился за большие города, о ложной романтике, которая приводит к преступлению, в общем, нравоучительное.

Что у вас новенького? Какие сдвиги с квартирой? Как учится

Тонька? Как здоровье?

Жду писем. Привет и поцелуй от Киры.

Целую.

Твой сын.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. 9 октября 1958 г.

Дорогая мамочка!

Получили ли вы, наконец, квартиру? Мне кажется, надо уж брать эту комнату 19 м. Потом уже можно будет с Москвой решать спокойнее.

<…>

Я с 1 октября начал работать в областном диспансере. Уж е сделал 4 выезда в область. Мне это довольно нравится, но сидеть 6 часов в день и шелестеть бумажками – это невыносимо. Плохо то, что в связи с характером работы трудно взять совместительство, а без этого получается маловато денег. Думаю, обнаглеть и поискать работы на неотложной помощи. В последнее время много писал. Сейчас два моих рассказа путешествуют по СССР. В скором времени ожидаю их благополучного возвращения. Решил упорно долбить журнал «Дон».

Очень одобряю твое решение писать о прошедшем. Читала ли «Братьев Ершовых»?[100] Бессмертный образчик, правда?

Как здоровье у тебя и А. Я. Каковы Тонькины музыкальные и школьные успехи? Очень прошу Антона Яковлевича выслать рецепт против перхоти, сухости и раннего облысения, а то мне уже Кира грозит разводом.

Мамочка, крепко тебя целую, Кира тоже.

Бабушка шлет привет.

Твой сын.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. 7 декабря 1958 г.

Дорогая мамочка!

Долго не отвечал на твое письмо – работы по горло. Сейчас мне временно прибавили 0,5 ставки, работаю до 6 часов вечера в очень напряженном темпе. Устаю. Постепенно наступает разочарование. Как-никак работа все-таки целиком бумажная. Единственная отдушина, это поездки по области, но сейчас, зимой, это тоже не очень приятное занятие. Относятся здесь ко мне неплохо, но живым словом перекинуться не с кем – врачи все пожилые, погрязшие в своих делах.

Все свободное время отдаю писанию. За последнее время написал 2 больших рассказа и 1 маленький. Если твое положение в литературном мире Львова так прочно, может быть, ты сможешь пристроить какой-нибудь мой опус? Тема самая злободневная. Я тогда тебе его перешлю. Из Ростова и Ленинграда ни ответа, ни привета. Видимо, не понравился нагловатый тон моих сопроводительных записок. Раньше хоть отвечали вежливым отказом.

В День поэзии ходили с Кирой по книжным магазинам. Впечатление самое негативное. День этот проходил в атмосфере невероятной скуки и казенщины. Публика тихо стояла в очереди за автографами, так же, как стоят за яйцами. Организаторы даже не удосужились сообщить, кто где выступает. Мне очень хотелось поглядеть и, может быть, поговорить с Мартыновым[101], но только к концу дня узнали, что он выступает где-то у черта на куличиках. <…>

Что новенького у вас, как здоровье твое и А. Я.? Как новая квартира? Разделились ли? Получили ли ордер? Что нового в литературных делах? <…>

У меня сейчас «Размышления о кино» Рене Клера. Написано в любопытной форме дискуссии Р. Клера 1950 г. и Р. Клера 20-х годов. Что необычно для нас – не навязывает своего мнения, а дает возможность читателю самому пораскинуть мозгами.

Целую.

Твой сын.

Привет и поцелуи от Киры.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. Март (?) 1959 г.

Дорогая мамочка!

Как вы отдыхаете? Как устроились в санатории? Какая стоит погода? Работаешь ли ты над повестью и как далеко подвинулась? Я потихоньку катаю свою «большую вещь». Конечно, от своих намерений, о которых я тебе говорил[102], я почти отказался. Не по плечу этот опасный груз. Проблемы буду ставить в морально-этическом плане. Ужасно страдаю от недостатка времени. Работа выжимает слишком много соков и с каждым днем становится все нуднее. Может быть потому, что за окнами все чаще появляется солнце? Если бы не было поездок, можно было бы очень запросто заделаться настоящим Акакием Акакиевичем, делопроизводителем. В поездках же я себя чувствую чиновником по особым поручениям, дышу свежим воздухом, наблюдаю происшествия, вообще живу.

Вчера звонила Озерова[103] из «Юности». Сообщила, что из тех двух рассказов, которые я им отнес в последний раз, они один берут (тот, что про продавщицу)[104], и попросила принести мою фотокарточку. Жду не дождусь июня. Да неужели это сбудется? Никак не могу поверить и не поверю, пока не ощущу в руке липкие купюры гонорара. На днях ходил в журнал «Москва». Опять же по рекомендации В. М.[105] Журнал, как говорят, прогорает, но пытается оживить работу, привлекая молодых. Мне предложили написать какие-нибудь лирические новеллы для подборки «Прогулки по Москве». Для того, чтобы составить обо мне представление, взяли мои зарисовки, помнишь, «улицы, площади, перекрестки…». Я заранее уверен, что они им не понравятся, т. ч. вряд ли что-нибудь из этого выйдет. В отдел прозы «Москвы» я отдал рассказ о немецком моряке. Как видишь, продолжаю нахально лезть в литературу. Ни о чем другом, о медицине, научной деятельности сейчас думать не могу. Рискованная игра, но интересная.

Подробно опиши ваше лечение в Крыму. Когда собираешься снова быть в Москве? Тонька скоро без тебя совсем одичает. Как у нее в школе?

Жду писем. Привет и поцелуй от Киры. От бабушки тоже. Крепко тебя целую,

Мамочка.

Твой сын

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. 25 апреля 1959 г.

Дорогая мамочка!

Очень долго не писал – поверишь ли, совершенно нет времени. Очень много работаю и на службе и дома. Получила ли ты лекарство? Я послал его сразу же после получения твоего письма <…>. Когда ты собираешься ехать к Мандельштаму?[106] Поедешь прямым или через Москву? На обратном пути, конечно, будешь в Москве. Ответил ли тебе Злобин относительно повести? Как реагировали из Казани?[107]

Я тебе еще не сообщал о встрече, которая у меня состоялась с В. П. Катаевым. Дело было еще в марте. Я болел гриппом после того, как целую ночь стоял на стадионе в очереди на американский балет. Вдруг звонок из «Юности» – Катаев просит прибыть для переговоров. Оказалось, что произошло следующее. Шеф пришел утром в журнал с новой идеей (говорят, это с ним часто случается) – роман с научной медицинской проблемой, с элементами фантастики, лирики и т. д.

– Есть среди авторов врачи? – спросил он.

Ему сказали мою фамилию. Он вспомнил[108], сказал, что этот подходит, и потребовал к себе. Ну, я, конечно, прискакал рысью, невзирая на температуру. И вот собрались они в главном кабинете – Катаев, Железнов[109], Преображенский[110], зам. гл. редактора, и Озерова – и давай меня пужать и соблазнять. Катаев был весьма любезен, хохмил, предложил почитать «Жизнь пчел» Метерлинка, сказав, что это приблизительно в таком духе, в каком ему хотелось бы видеть роман.

– Понимаете, я знаю, что хочу, но сказать не могу, как собака.

Потом он много распространялся о таинственном характере многих бытовых явлений и в довершение сказал, что они[111] переросли детектив и хотят поднять проблему борьбы за жизнь людей.

Я сказал, что сейчас пишу повесть, а после с удовольствием возьмусь за эту тему[112]. На этом я закончил разговор.

Повесть[113] продвигается медленно. Писать удается в среднем не больше 1–1,5 часов в сутки. К тому же на работе у меня сейчас очень напряженно. 6-го мая я должен делать доклад на областной конференции. Поднимаю громадный статистический материал, рисую диаграммы и таблицы. Объявили благодарность к 1-му мая. Ценят. Все же написал пять глав. Каждая примерно размером на печатный лист. Написанное нравится мне и Кирке, может быть, потому, что там многое напоминает нашу жизнь в порту и в Вознесенье[114]. Затрагиваю я там сложную проблематику и временами прихожу в ужас, думаю, что не удастся выбраться с честью и придется упрощать.

Кира сдала экзамен по стилистике. Теперь в мае ей предстоит защита диплома, а в июне госэкзамен. <…>

Дорогая мамочка, поздравляю тебя от себя, от Киры и от Беллы Павловны всех вас с 1-м Маем.

Крепко тебя целую.

Твой сын.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. Конец мая 1959 г.

Дорогая мамочка!

Как всегда задержался с ответом и как всегда, извиняюсь. Как у вас дела? Как ты себя чувствуешь? Май истекает, следовательно, Мандельштам был во Львове? Или ты ездила в Ленинград? Ведь в мае срок контроля. Прошу тебя срочно написать мне об этом. Как себя чувствует Антон Яковлевич? Как школьные дела Антонины? Каково дальнейшее движение твоей

повести? Не так давно был в «Юности» и зашел вторично познакомиться с И. А. Питляр[115]. Она сказала мне, что состоит с тобой в активной переписке относительно рукописи и собирается предложить ее в какое-нибудь издательство. Что тебе ответили из Казани? Между прочим, Померанцев[116] считает, что Злобин вряд ли сможет помочь. Он говорит, что в соответствующих кругах к Злобину не очень-то хорошо относятся. Не знаю, может быть, он и ошибается. Хорошо было бы тебе познакомиться с Померанцевым, когда ты вновь будешь в Москве. Он очень приятный человек и может помочь добрым и дельным советом.

Кажется, я уже писал тебе, что в 6-м номере мои рассказы не пойдут. Как мне объяснили, номер этот, задуманный как молодежный, распался в связи с тем, что Катаев зарезал повесть (стержень этого номера)[117]. Рассказы должны пойти или в 7-м или в 8-м номере[118]. Во всяком случае я уже отнес туда свое фото и автобиографию[119]. Хочется верить, что это будет. Не знаю, какой им смысл водить меня за нос. Тем более, они интересуются повестью, а также все время спрашивают, собираюсь ли я выполнять катаевский заказ. Повесть двинул вперед – закончил вчерне седьмую главу. Всего будет 12 глав. Объем листов 10–11. Постепенно вырисовывается архитектура. Сюжет идет по двум линиям, плетется, как веревка. В конце узел. Положительного героя решил убить. Совсем недавно решил пустить философскую струю, этакий солипсизм, который, конечно, будет развенчан. Мне кажется, что это стоит сделать, ибо с этой точки зрения взгляд на смысл жизни давно не освещался, и неплохо было бы об этом напомнить нашим бодрячкам. Не знаю, как это все у меня получится. Хватит ли слов и сил?

На работе у меня все по-старому. В начале марта делал доклад на областной конференции. Прошло довольно сносно. Все-таки с осени я думаю обязательно переходить на лечебную работу. Надоело заниматься с бумажками. Единственная приятная сторона в этой работе – разъезды. Недавно ездил в Волоколамск и любовался потрясающими лесами и рельефами. Теперь, после года жизни в Москве, я стал особенно остро чувствовать природу. Раньше я совершенно не замечал природы и считал, что высшая красота заключена в урбанистическом пейзаже. Даже стихи писал об этом. Теперь мне город надоел.

Книжек совершенно не читаю, т. к. в связи с писанием совсем нет времени. При дальнейшей моей литературной работе есть возможность умственно деградировать. <…>

Мамочка, жду от тебя писем. Крепко целую. Привет и поцелуй от Киры.

Твой сын.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. 7 июля 1959 г.

Дорогая мамочка!

<…> Как вы отдыхаете в Карпатах? Поправляется ли Антон Яковлевич? Как ты себя чувствуешь, и какие у тебя планы относительно повторного свидания с Мандельштамом? Какие у вас планы на август? <…>

Мамочка, сегодня у меня большой день. Открываю утром «Литературку» и в подборке «Журналы в июле» читаю: «с двумя первыми рассказами „Наша Вера Ивановна“ и „Асфальтовые дороги“ выступит врач В. Аксенов». К счастью, я был один в кабинете и мог беспрепятственно прыгать и бормотать что-то идиотское. Дело в том, что я никак не мог поверить, что появлюсь на свет Божий, даже тогда, когда в начале июня читал верстку и рассматривал иллюстрации. Но теперь, кажется, дело верное. А вдруг сгорит? А вдруг …?

Вот такие у нас новости. Жду с томлением гонорара. Читаю сейчас Паустовского «Время больших ожиданий». Ты, конечно, читала? Кроме того, прочитал недавно изумительную книжку Сарояна «Приключения Весли Джексона»[120]. Интересно бы узнать твое мнение о ней. Почти совсем сейчас не пишу, а все потому, что осадили друзья. Зимой мы были совершенно одни, а тут повалили казанцы и ленинградцы – Марик, Валерка, Борис. После сдачи Киркой последнего экзамена (а сдала она все на четверки) шумно развлекались.

На работе по-прежнему изнемогаю до 6 вечера. Сейчас опять замещаю одного консультанта – консультирую подростков. Несколько раз летал в дальние районы области на самолетах санитарной авиации. Великолепное ощущение испытываешь во время полета на этих маленьких самолетах. <…>

Мамочка, на этом я кончаю и жду от тебя писем. Привет тебе от Берты Ионовны и бабушки. Привет и поцелуй от Киры.

Целую.

Твой сын.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Зеленогорск. Июль 1959 г.

Дорогая мамочка!

Не знаю где ты сейчас находишься, но на всякий случай пишу второе письмо во Львов (открытку послал еще из Булдури)[121]. В

конце июля я отправил тебе в Мукачево бандероль с экземпляром «Юности»[122]. Получила ли ты ее? Сейчас мы находимся в Зеленогорске[123]. Хотели пробыть здесь не больше недели, но Юлия Ароновна[124] настаивает на том, чтобы мы здесь пробыли до 14-го, т. е. до конца моего отпуска.

На Рижское взморье я приехал 11/VIII. Две недели наслаждались великолепной погодой, солнцем, морем и песочком. Успел основательно загореть. Однако 26-го погода резко изменилась. Подул сильнейший ветер, на море ежедневно штормы, начались дожди. Уехать мы не могли, т. к. заранее взяли билеты на 31 августа и оплатили комнату тоже по это число. Таким образом, за время пребывания на Взморье мы смогли увидеть и нетипичное лето и типичную осень, ажиотаж разгара сезона и его меланхолическое закрытие. В жаркие дни пляж представлял собой потрясающую картину. Даже на юге не видел я ничего подобного. Два сравнения все время приходили в голову – тюленье лежбище и битва на поле Куликовом. Непогода как метла прошла по пляжам, и остались только редкие скучные фигурки в теплых пальто – наиболее стойкие «ловцы ионов». Тогда мы стали ездить в Ригу. Город мне очень понравился и его обитатели тоже. Несмотря ни на что – это совершенно европейский город. Особенное впечатление произвела на меня Старая Рига … эти улочки, где не проехать автомобилю, замысловато-изломанная кора старинной черепицы, мансарды, балкончики, всевозможная готика. Однажды подошли мы к церкви Св. Якова (постройка – постройки? – XIII века). Двери были открыты, но внутри чернота, пустота и раскаты органа. Потом сверху забухали шаги – спустился органист, очень любезный старик. С полчаса мы с ним беседовали, Кира рассказывала ему анекдоты о Гедике. Он пригласил нас в воскресенье на службу. Итак, в воскресенье мы впервые в жизни были на службе в католической церкви. Поразило обилие истово молящихся молодых людей и подростков с родителями. После службы органист показывал нам орган и давал пояснения. Сделали много снимков в Ст. Риге. Киру очень интересовали рижские магазины. Как я и предполагал, слухи о изобилии каких-то особенных товаров там оказались творимой легендой. В основном та же продукция, что и в московском ГУМ'е. Интересные штучки <*нрзб*> продаются в салонах «Манели». Купили там несколько штучек.

Мамочка, я очень виноват, что не смог посетить в Риге твоих знакомых. Дело в том, что в наше отсутствие хозяйка убиралась в комнате и вместе со старыми газетами выбросила твое письмо, где были их адреса. А в справочном бюро я узнать никак не мог,

т. к. помнил только имя Вильгельмина и ничего больше. Надеюсь, ты не очень на меня за это рассердишься?

Сейчас в Зеленогорске пусто, остались здесь только местные жители и старые большевики. Дождей пока нет, но прохладно и не особенно уютно. Гораздо больше мне хотелось бы пожить сейчас в Ленинграде, но Ю. А.[125] без нас не может остаться на даче (дача стоит в лесу). Состояние ее очень неплохое, но все-таки тревожное. Кира тебе шлет привет и поцелуй. Привет и поцелуй А. Я. и Тоне. Жду от тебя писем в Зеленогорск или в Москву.

Целую.

Вася.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Таллин. 26 февраля 1960 г.

Дорогая мамочка!

На три дня задержал тебе ответ, т. к. приехала Кира и мы с ней мотались по гостиницам <…>.

Сегодня Кира уехала. Мамочка, она действительно беременна уже 2,5 месяца. Таким образом, у нас возможно увеличение семейства. Отношение мое и Киры к этому двойственное. С одной стороны, мы, естественно, рады и понимаем, что когда-то нужно иметь ребенка, но, с другой стороны, когда начинаем думать о жилищных условиях и семейной обстановке с учетом особенностей членов семьи, становится неуютно на душе. Я даже не представляю, как сложится наша жизнь в новых условиях на Метростроевской 6. Сколько тяжелых и никчемных вопросов ставит наша жизнь!

Вчера я получил второе письмо из «Юности». Сообщают, что предполагают опубликовать повесть[126] в № 6. В связи с этим в середине марта необходимо подать переработанный текст. Пишут, что очень желательно было бы мое присутствие в это время, т. к. начнется редакторская работа. Предполагают написать просьбу начальству, чтобы меня отпустили на месяц раньше. Но из этого, понятно, ничего не получится. Самое большее, на что я могу рассчитывать, это отпуск на неделю. Впрочем, почему бы не попробовать? Если бы начальство пошло навстречу просьбе журнала, я бы, конечно, смог приехать и к тебе. Словом, ближе к этому сроку я закину удочку и немедленно сообщу тебе.

Как видишь, мамочка, с повестью дела идут неплохо. Озерова прислала мне в пакете десятка три листов из рукописи с пометками Катаева. Большинство негативных замечаний

относится к первой главе – поля так и пестрят: «плохо», «дилетантски», «жуть!» и т. д. А потом идут целые страницы, помеченные «хорошо» и в конце – «в общем, хорошо». Ах, как досадно, что в такой момент я нахожусь в Таллине. Не исключена возможность, что из-за этого может все сорваться. Правда, работаю ежедневно, но не больше 2 часов в день. Ты пишешь, что не стоит обращать особенного внимания на литературные дела. Конечно, я согласен с тобой, что для морального спокойствия лучше не погружаться целиком в эти дела, но что делать, если эта зараза въелась крепко.

Я тешу себя мыслью, что когда-то у меня создадутся такие условия, что я смогу писать по-настоящему и только свое. И тут, как предостережение, вспоминаешь рассказ Гранина «Собственное мнение». Помнишь? Посмотрим, посмотрим, что будет дальше. По-моему, глупо будет отпускать сейчас вожжи.

Мамочка, как сейчас у тебя дела? Успокоилась ли немного? Старайся занимать как можно больше времени, читать, писать, ходить в кино. Очень приятно, что Антонина ведет себя хорошо и серьезно. Нет ли каких-нибудь сдвигов в квартирных делах?

Чертовски надоела служба, хотя здесь временами бывает весело. Ребята хорошие – это хорошо. Физически чувствую себя хорошо, немного похудел. Воздух здесь, в нашем районе, исключительный. Много играем в пинг-понг.

Мамочка, извини, что задержался с ответом. Впредь буду аккуратнее. Жду от тебя писем. Крепко целую тебя и Тоню.

Твой сын.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Таллин. 9 марта 1960[127].

Дорогая мамочка!

Я даже не поздравил тебя с 8 марта. Не смог дать телеграмму – в кармане ни пенса. Поздравляю тебя с праздником, но с большей радостью поздравляю с получением разрешения на обмен.

Теперь о моем приезде во Львов. Дней 10 назад я говорил по телефону с «Юностью». Озерова сказала, что на следующий день организует письмо начальнику отдела кадров Балтийского флота. Наш начальник как раз сейчас уехал в Калининград, в Главный штаб. Вернется он через несколько дней. Думаю, что с его приездом все решится. Однако надежд у меня на этот счет немного. Дело в том, что двое парней из нашей команды попали на гауптвахту, и нам сейчас усилили режим, отобрали паспорта и беспрерывно докучают с разными идиотскими строгостями. Все

будет зависеть от того, как отреагируют в Калининграде на письмо из «Юности». Когда все выяснится, немедленно сообщу тебе. Отослал в редакцию две первых переработанных главы. Сократил начало на 28 машинописных страниц. Сейчас работаю над основным текстом. Здесь меня потянуло на стихи. Решил перед каждой главой (их теперь будет 11) сделать своеобразные лирические эпиграфы из двух-трех четверостиший. В разговоре по телефону Озерова еще раз подтвердила, что повесть[128] планируется на № 6, в июне. Очень было бы обидно, если бы это все сорвалось. А сорваться может из-за моего отсутствия в Москве. <…>

Думаю, немедленно по приезде в Москву попробовать встать на очередь. Очень хочется начать жить своим домом. Надоело нам с Кирой чувствовать себя детками под бдительным оком бабки. Возраст у нас для этого давно вышел. Вот какие дерзкие желания возникают у молодого человека нашей эпохи. Я страшно буду рад, когда ты поселишься в Москве. Это ведь тоже надоело, что самые близкие люди разбросаны за тридевять земель друг от друга. Всегда можно будет прийти и поговорить, и посоветоваться и все такое.

Чертовски надоело пребывание в Таллине, в основном из-за занятий. Занятия страшно нудные и никчемные. Какая-то игра, которую проводят на полном серьезе. А по вечерам в «кубрике» у нас весело. От совместной жизни с людьми одного с тобой возраста, к тому же знакомых по институту, как-то молодеешь. Мы здесь поставлены в какие-то полувоенные, полустуденческие условия. Больше всего наш «Космос» напоминает колледж с пансионатом и внутренним содержанием. Хохмим страшно, немного огрубели, ввели в обиход многие крепкие словечки, почти забытые мной за время жизни в Москве. Относимся друг к другу очень хорошо. Если бы не внутреннее беспокойство, связанное и с тобой, и с Кирой, и с литературными делами, жизнь моя здесь была бы полностью беззаботной. И несмотря на это, постоянно думаешь о своем, о том, от чего тебя оторвали, и хочется поскорей вернуться к этому. Честно сознаюсь, что был тут у меня короткий период, когда я забыл о том, что я уже более 3 лет не студент, и встал на «боевую тропу». Сейчас этот период прошел. От него остались только легкие угрызенья совести и долги. <…>

Крепко тебя целую.

Привет и поцелуй Антонине.

Твой сын.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Таллин. 23 марта 1960 г.

Дорогая мамочка!

Вчера получил твое письмо, а сегодня деньги. Деньги меня здорово выручили. Большое спасибо. Я тебе их обязательно верну.

Раздраженный тон твоего письма меня не обидел, ибо я прекрасно понимаю твое душевное состояние сейчас. <…>

Вчера звонила Кира и сказала мне, что звонил Муратов[129]. Он вышел из больницы и разговаривал с кем-то в Моссовете. Тебе нужно к кому-то в Моссовете зайти или написать. Я точно не понял по телефону. На днях получу от Киры письмо. Там должны быть подробности.

Несколько дней назад я узнал, что командование Краснознаменного Балтийского флота отклонило просьбу журнала «Юность» о моем досрочном отпуске. Сейчас у нас назначен срок экзамена – 12 апреля. Отпустят после этого на следующий день. А на работу надо являться 15-го. Вот, мамочка, и в этом вопросе ты как-то хочешь представить мое поведение в дурном свете. Как будто я увиливаю от поездки во Львов. Честное слово, я с удовольствием приехал бы к тебе и пожил несколько дней, но… Может быть, мне еще и удастся сделать это, не знаю.

Из редакции часто звонят Кирке. Кажется, они довольно определенно планируют повесть на 6-й номер. Переработка первых трех глав их удовлетворила. Кира пишет, что на мое имя пришло приглашение зайти в молодежную секцию Союза писателей. Страшно обидно, что я в это время болтаюсь здесь.

Осталось служить 19 дней. Вчера сдали первый зачет. Предстоит еще один зачет и один экзамен по нашей основной военно-морской специальности – хирургии. Мои успехи в этой области крайне ничтожны. Хирургические способности прямо пропорциональны успехам. <…>

Здесь вроде началась весна. Тепло, солнце, ручьи. Лед в заливе потемнел. Все больше приходит в порт судов. Мамочка, жду твоих писем, и не таких, как последнее. Не ищи ты, пожалуйста, во мне второе дно. Я ведь твой сын.

Крепко целую тебя. Поцелуй Антонине.

Вася.

Из письма Василия Аксенова – Евгении Гинзбург

Москва. 7 мая 1960 г.

…Позавчера сдал в редакцию выправленную верстку первых 7 глав. Они должны пойти в № 6, а окончание, еще 4 главы, в № 7. Теперь уже немного времени осталось до выхода журнала, но я все еще волнуюсь и, понятно, буду волноваться до самого выхода.

А потом по поводу откликов. Вот так все время и волнуешься…

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. 2 октября 1960 г.

Дорогая мамочка!

Звонила мне несколько раз женщина из Казани с ул. Карла Маркса. В день, когда у нас была назначена встреча, она снова позвонила и сказала, что бюро ей наотрез отказало[130], т. к. у нее выезжает из Москвы 1 человек. <…>

У нас все в порядке. Кира еще не выписалась. Сегодня две недели, как она там[131]. <…> Алешка уже начал прибавлять в весе. Аппетит у него отличный. Почти каждый день мне его показывают в окно. <…>

5/X я уезжаю в творческую командировку в Эстонию, в рыболовецкий колхоз. Это мне нужно для новой повести[132]. Командировку любезно предоставляет «Юность». Пробуду там дней 7–10.

Читала ли ты мой рассказ[133] в «Литературке» за 24/IX?

Сейчас пишу по заказу рецензию на одну чешскую пьесу для молодежи. Кончаю небольшой рассказ. Инсценировку закончил. Сейчас читают режиссеры.

Работаю мало. Не знаю, удастся ли так поработать в будущем в обществе Алексея Васильевича[134].

Познакомился с очень интересными неофициальными поэтами. Недавно собирались. Давно не слышал таких настоящих стихов.

Рад успехам Антонины. Напишу тебе из Эстонии.

Крепко целую.

Твой сын.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Переделкино. Начало 1961 г.

Дорогая мамочка!

Твое письмо, видимо, плутало, потому что я получил его только позавчера. Я еще до отъезда в Дом творчества[135] дал тебе неправильный адрес. Оказывается, надо было писать – почтовое отделение Баковка.

С Терлецким[136] я говорил в прошлое воскресенье по телефону. Я еще в самом начале, когда у него появилась мысль разоблачить негодяек[137], высказался по этому поводу отрицательно. А после получения твоего предыдущего письма еще раз говорил ему об этом. Он сказал, что дело они снова

положили в папку обмена на Львов.

Через два дня у меня кончается срок путевки, и я снова зайду в бюро проверю это. Обязательно.

Поработал я здесь очень неплохо. Здесь идеальные условия для работы. Отдельная комната и полная тишина. Закончил повесть[138], вернее, роман (обнаглел настолько, что назвал ее романом). Вчера получил от машинистки и отдал в редакцию. Страшно волнуюсь. Самому мне она принесла удовлетворение.

Считаю ее шагом вперед после «Коллег». Читали здесь, в Доме творчества, драматург Львовский и поэт Аким. В восторге, но говорят, что трудно проходима. В этом и вся штука. В «Юности» сейчас смутное время. Пока Катаев ушел, а кто будет главным после него – не известно. Сейчас называют две довольно приличные кандидатуры – Михалков и Симонов. Но пока делами вершит С. Н. Преображенский, зам. главного редактора. Ситуация сложная, учитывая постоянные нападки на «Юность» со стороны некоторых весомых органов.

Недавно меня вызывал к себе Георгий Березко, зам. председателя правления Московского отделения СП и предложил подавать в Союз. В конце месяца хочу собрать рекомендации и подать заявление.

Сейчас начал писать сценарий для «Ленфильма». Идет очень туго. Сказывается разрядка после романа. Но все-таки пишу.

Мамочка, в марте ты действительно будешь в Москве? Получается ли что-нибудь у Навроцкого[139] с двойным обменом?

Как себя чувствуешь сейчас? Как Тонькины успехи?

Я немного отдохнул здесь, но абсолютно недостаточно. Погода слякотная. Зима стояла всего неделю, и в это время я катался на лыжах.

Из «Ленфильма» предлагают место в Д. творчества в Комарово, но куда же поедешь, когда дома такая петрушка[140].

Крепко целую.

Твой сын.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Таллин. 31 июля 1961 г.

Дорогая мамочка!

Рад был получить твою открытку. Здесь говорят, что в Риге погода наладилась. У нас два дня более-менее, но на август прогноз тяжелый.

Съемки идут медленно, Зархи[141] нервничает. Сегодня весь день торчали на пляже, а сняли всего два дубля. Дело не только в погоде. Группа еще не раскачалась, и обстановка мало

располагает, всем хочется бездельничать.

Мне в первую очередь, но все-таки приходится работать. Последний вариант режиссерского сценария ужасающий. Я переписываю каждый эпизод непосредственно перед съемками. Твою остановку здесь можно будет устроить. Телеграфируй перед приездом или позвони палас 117. Звонить лучше утром до 10. Читала ли статью Юрия Бондарева в «Литературке»?[142] Я очень рад этому дружественному выступлению. После такого запева плеваться будет труднее, но плеваться все-таки будут. Это точно. Недавно в «ЛиЖи»[143] Дымшиц[144] мимоходом бросил, что «Аксенов … далек от идейной четкости». Стасик[145] написал мне, что и в «Литературке» статью Бондарева они пробили с большим трудом.

Сегодня было письмо от Киры. Мой Кит[146] здоров и бодр и день-деньской кричит «га-га-га». Точную дату возвращения в Москву я еще не могу определить. Это будет зависеть от того, когда снимут важнейшие для меня сцены.

Крепко целую тебя.

Твой Вася.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. Ноябрь (?) 1961 г.

Дорогая мамочка.

Прости меня за тот последний вечер перед отъездом. Такое со мной иногда бывает. Но, в общем-то, кажется, я не допустил никаких выходок. Я был очень возбужден, и все. К тому же я знал, к чему я возвращаюсь, и, в общем, музыка, вино и трепотня были мне тогда нужны.

Вернулся я к тому, что и ожидал. Сразу попал в московский барабан, который крутится без остановки. Каждый день работа над сценарием «Звездного билета» и каждый вечер диспуты. Дома очень трудно. Слава Богу, что Лешка с приездом Киры сразу стал поправляться. Писать, разумеется, не могу ни строчки. Вчера сделал объявление о комнате.

10 декабря еду на студию в Ленинград, потом в командировку от «Известий». Сейчас имеются кое-какие благоприятные симптомы, но в личных делах я делаю ошибку за ошибкой. Может быть, в следующем письме расскажу.

Мама, я забыл «Тарусские страницы»[147] и синюю рубашку. Был бы тебе очень благодарен, если бы ты прислала эти вещи. На премьеру[148] во Львов я, конечно, приехать не смогу.

Что нового? Привет всем многочисленным знакомым. Посылку О. Н.[149] я передал.

Поцелуй Тоньке.

Твое лекарство сегодня собираюсь заказать. Апельсинов пока не видел.

Крепко целую.

Вася.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Южно-Сахалинск. 24 декабря 1961 г.

Дорогая мамочка!

Наконец-то я выбрал свободный час и пишу тебе письмо, что давно уже хотел сделать. Надеюсь, ты не очень на меня сердишься. Ты представляешь, как я закрутился в Москве сразу после возвращения из Львова. Уходил утром, а возвращался поздно ночью. 12 дней подряд мы с Мишей Анчаровым корпели над сценарием «Звездного билета». Чтоб я еще раз ввязался в бодягу по экранизации своей вещи! Дошел уже до того, что соглашался со всеми безумными предложениями Зархи. Приходит, к примеру, он и говорит, что неплохо было бы ввести в фильм тему жены Лумумбы[150]. О'кей, будет вам жена Лумумбы. Ночью звонок – Вася, знаете, пожалуй, лучше будет заменить жену Лумумбы девушкой из Хиросимы. О'кей, завтра будет сделано. Вот такие были дела. Не знаю, запустили ли его в павильонные съемки. Я уехал до этого.

Шли бесконечные встречи и диспуты. Не обошлось и без скандала. Я не приехал в один клуб, вернее, приехал вместо этого в другой. Обиженные написали письмо в Союз. В «Московском литераторе» напечатали это письмо и мой ответ, по поводу которого вся шарага ужасно веселилась.

9-го меня вызвали на «Ленфильм», на худсовет по кинопробам. 3 дня торчал в Ленинграде. Там меня ждал «приятный» сюрприз. Дело в том, что там образовалось творческое объединение, и наша картина попала к новому хозяину. Снова начался разговор о сценарии. Короче, в 1-й декаде января придется снова ехать в Ленинград и торчать там не меньше недели. Может быть, прямо оттуда заскочу во Львов.

В Ленинграде я немного подправил свое угрожающее финансовое положение – подал заявку на новый сценарий. Сорвал аванс. Вернулся из Ленинграда 12-го, а 14-го улетел на Сахалин.

Полет был хороший. Из Москвы до Хабаровска без посадки. На Ту-114 за 8 часов. Здесь я сделал глупость – торчал в Хабаровске 3 дня неизвестно зачем. Это неинтересный провинциальный и морозный город. С 19-го я на Сахалине. Вот здесь очень интересно. Жалею только, что прилетел зимой и

времени мало.

За это время, кроме Южно-Сахалинска, побывал в Корсакове и Холмске. Не знаю, что буду писать для «Известий», но для себя повидал кое-что. Возможно летом приеду сюда на более долгий срок. Лечу обратно через два дня. Наверное, когда ты получишь это письмо, я буду уже в Москве. Очень соскучился по Киту. Мы очень мало видим друг друга. Перед моим отъездом сюда Киту опять не повезло – он схватил воспаление ушей, правда в легкой форме. Кололи его, беднягу, пенициллином. Он стал очень забавным. На вопрос, кого ты любишь, твердо отвечает «папку» <…>.

Рад, что премьера[151] во Львове прошла успешно. Очень позабавил меня роман Тоньки и Андрея, а также роман Марка и Наташи[152]. Какие там еще романы среди знакомых?

Рассказ Марка еще не показывал, что-то не хочется мне его показывать. Но покажу после приезда.

Мамочка, тут за мной пришли, поэтому кончаю. Крепко тебя целую. Поцелуй Тоньке. Привет Олегу Николаевичу, Брендорфу[153] и всем остальным.

Твой Васька.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Гагра. 6 (?) октября 1962 г.

Дорогая мамочка!

Вот мы уже неделю в Гагре. Прилетели сюда 30/IX. Погода все время была хорошая, но последние три дня облачно. В общем отдыхаем хорошо и даже весело, может быть, слишком весело, т. к. я приехал сюда работать, а работы почти не получается.

Начинаю сейчас пьесу[154] для «Современника», давно ее ждут от меня. Не знаю, что получится, но задумка, по-моему, интересная. Пьеса сатирическая. Кажется, я тебе о ней рассказывал в прошлом году.

Здесь в Доме творчества сейчас полно народа, в основном это юристы и стоматологи, да и еще масса танцоров. По вечерам легкий флирт и беседы о культе личности. По сравнению с прошлым годом в Гагре перемены – ул. Сталина переименована в Курортную, а ул. Джугашвили в Школьную, но бронзовый монумент Дяди Джо все еще возвышается и под ним фотографируются туристы из Нагорного Карабаха.

Будем здесь до 23/X. Не знаю, удастся ли заехать во Львов. Может быть, но слишком много дел в Москве и Ленинграде. Одно из них переезд на новую квартиру.

За эту неделю очень соскучился по Киту. Берта[155] написала,

что он стал совсем большой.

Мамочка, напиши сюда, что у вас нового, все ли в порядке.

Целую тебя.

Твой Вася.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. Декабрь 1962 г.

Дорогая мамочка!

<…> В ноябре чуть было не попал к тебе во Львов. Меня пригласили венгры на премьеру «Коллег» в Будапешт. На обратном пути хотел остановиться во Львове, но оказалось, что не хватает времени для оформления бумаг (они поздно прислали приглашение), и теперь поездка в Венгрию перенесена на январь.

Через несколько дней я уезжаю в Японию в составе делегации писательской. Это, конечно, тебя удивит, меня самого это удивляет. Летим мы втроем: латышский писатель Лукс[156], глава делегации, я, член делегации, и Ирина Львовна Иоффе, консультант по Японии на иностранной комиссии. Между прочим, Ирина Львовна вместе с тобой пребывала некоторое время в санатории Эльген[157], ее освободили в 42-м году. Может быть, ты ее помнишь? Пробудем мы в Японии, кажется, недели три. Сейчас как будто все уже оформлено, ждут японской визы. Мы сделали уже прививки от холеры и от оспы, потому что летим через Индию. Путь такой – Ташкент, Дели, Бангкок, Гонконг, Токио. Потрясающее путешествие, не правда ли?

Все, кто был в Японии, от нее в восторге.

Уже пару недель мы живем в новой квартире. Сделано у нас все довольно симпатично, моя комната прямо модерн, но, в общем, квартирка довольно тесная, а что будет, когда еще появится домработница? Короче, опять я почти не могу работать дома, да и вообще работать в Москве очень трудно, масса всяких дел, важных и пустяковых, сейчас я стал членом редколлегии «Юности». В Гагре я писал пьесу, а после возвращения оттуда не написал ни одной страницы, а в голове масса задумок. Придется зимой опять уезжать куда-нибудь, чтобы писать.

Апельсинчики[158] сданы в набор, кажется уже преодолены все препоны, и они, должно быть, выйдут в январском номере. Ленинградская картина[159] заканчивается. Видала ли ты «Младшего брата»?[160]

В общем дела как будто неплохи, но самое главное дело – писанина тонет в суете.

Если мы полетим, то еще до конца этого месяца и тогда я пришлю тебе письмо уже из Японии.

Целую тебя крепко и Тоньку.
Привет от наших.
Вася.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Переделкино.
10 сентября 1964 г.
Дорогая мамочка!

Как-то так нелепо получилось, что я не знал твоего летнего адреса и поэтому не писал тебе. Заезжал на 1 день в Ленинград, заходил к тете Наташе, но не застал ни ее, ни Димку.

Все лето мы сидели в Кейла-Йоа в 40 км от Таллина. Сначала все было отлично и погода сносная, Кит купался, загорал. За неделю до отъезда мы все по очереди заболели каким-то противным гриппом, и конец лета этим был испорчен.

Весь июль я писал как бешеный, написал 5 рассказов[161], около 6-ти листов. Сейчас отдам их читать в «Новый мир» и в «Юность».

Сейчас сижу в Переделкино, вожусь над сценарием по старым рассказам («Папа, сложи», «Завтраки 43-го года», «На полпути к луне»). Нужно сделать из них единый сценарий[162].

В октябре, должно быть, буду в Одессе. Кажется, я говорил уже тебе о комедийной бригаде под руководством Г. Данелия, в нее входят, кроме меня, В. Ежов[163], Ю.Казаков, В. Конецкий[164]. Вот мы все, значит, отправимся в Одессу и будем там что-то такое странное созидать. Не знаю, что из этого получится[165].

Сообщи, будешь ли ты в течение октября во Львове, т. к. я хочу на недельку приехать к вам из Одессы.

Москва полна слухами о твоих мемуарах[166]. Все интеллигенты подходят ко мне с просьбами предоставить экземпляр. Те, что читали, очень высокого мнения. Нагибин выразил мне огромное удовольствие от мемуаров и просил тебе передать. Слышно ли что-нибудь из «Нового мира»?

Вчера навестил я Толю Гладилина[167]. Его постигла неудача – на выезде из Риги он вдребезги расколотил свой «Запорожец» и сам только чудом остался жив. Сейчас пришел в себя после страшных ушибов. Передает привет тебе и Тоньке.

Режиссер же мой по имени «Стальная птица»[168] по дороге из Таллина свалился в Ленинграде в больницу с нервными припадками. Жду его возвращения и вместе с ним денег за сценарий, сижу сейчас абсолютно на мели. Просто даже странно.

Крепко целую, жду письма.
Вася.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва 10 марта 1965 г.

Дорогая мамочка!

Конечно, опять я себя каждый день корю за лень к переписке и каждый день утешаю себя, что ты, зная мой идиотский образ жизни, не особенно сердишься.

В общем, за это время я все-таки смог немного поработать в Дубултах[169]. Написал довольно большой кусок пьесы[170] и маленький рассказ под скромным названием «Победа»[171], об игре в шахматы. Образ жизни вел очень умеренный, совсем не пил, очищался от московской скверны на лыжах под солнцем на заливе и в лесу.

К сожалению, пришлось через 2 недели ехать в Москву, ибо я был делегатом этого исторического съезда[172]. Здесь мы встретились с Женей[173], Витей Конецким, Казаковым и провели несколько дней вместе. Съезд прошел интересно, много было содержательных философских выступлений, ораторы касались сокровенных тайн творчества.

Сейчас безвылазно торчу в театре. Спектакль подходит уже к завершающей фазе. Вчера был первый самый черновой прогон. По-моему, будет занятно. К сожалению, до сих пор не ясна реакция руководства на нашу работу. Все это должно выясниться в ближайшие две недели. Я тебе тогда обязательно сообщу.

Какие новости? Как здоровье? Какую роль репетирует сейчас Тоня?

Да, насчет поездки в Чехословакию пока ничего не ясно, осточертели мне все эти туманности и вся эта жалкая возня вокруг этих т. н. «выездов».

Тут продолжается активный поток приветствий в твой адрес через меня, а в это время я окончательно потерял след третьего экземпляра[174]. Куда он попал?

Как тебе понравился 1-й номер «Нового мира»?[175]

Хороший роман написал Джон Апдайк[176] под названием «Кентавр», правда?

Итак, целую, обнимаю, надеюсь на скорую встречу на премьере.

Твой Вася.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Новгород. 30 марта 1965 г.

Дорогая мамочка!

Пишу тебе из Новгорода, куда сбежал на несколько дней

отдохнуть и успокоить нервы. Весь март я провел в театре, в подготовке к выпуску, измотался окончательно – ночные и утренние репетиции, работа над текстом, алкоголь, трепотня, очаровательная семейная жизнь.

Дважды «прогнали» спектакль в костюмах и с декорациями, первый раз 22-го ночью, второй раз на следующий день утром. На утренний прогон явились начальники из Управления театров, Министерства и МК[177], кроме того, было некоторое количество столичных драматургов и критиков, а также всякая странная публика, всего человек 300.

Не знаю, кто больше трусил, Ефремов или я. Кажется сильнее трусить, чем я, уже нельзя. Первый акт прошел сносно, второй начался тоже сносно, потом на сцене в темноте в самый решающий момент все сломалось. Сломался круг, сломались фурки[178], минут десять в темноте творилось что-то совершенно ужасающее и зловонное. Затем начали играть дальше и выяснилось, что самые важные места совершенно неправильно поставлены, сыграны, растянуты, засушены. Кое-как доиграли до конца.

Реакция на этот позорный прогон в Москве противоречива. Драматурги (большинство) шокированы; критики в основном «за» (некоторые говорят всякие слова – «гениально», «новый этап»); начальство еще не сказало своего решающего слова; часть публики ничего не поняла, другая – восхищена. Ефремов ушел в глубокий клинч, я сбежал в Новгород.

Здесь я уже два дня совершенно один. Отсыпаюсь, гуляю, погода отвратительная. Облазил весь Кремль и Ярославово дворище. Конечно, это поразительный город – среди обычного областного быта и строительства белеют церкви XII–XIV веков и всему венец – София, божественное творение, отойти от которой трудно, голова все время поворачивается к ней.

В Кремле замечательный музей с очень хорошей коллекцией древних икон и картин, от Феофана Грека до Петрова-Водкина.

Новгород давно уже как-то притягивал меня, очень рад, что вырвался сюда, а также что проехал на автобусе через Калинин, Торжок, Вышний Волочек, Валдай.

Завтра схожу еще раз в музей и вечером уеду или в Ленинград или в Москву.

В ближайшие дни начальство должно сформулировать свое отношение к нашему спектаклю, и тогда определится срок премьеры, если таковой суждено быть. Предстоит еще литовка[179] пьесы, вот какое дело. Никогда еще я не отдавал столько сил постановке своих вещей. Смешно, что не получил еще за это ни гроша, если не считать аванс, полученный 1,5 года

назад.

Вот такие новости. <…>

Кажется, мне нужно сейчас как следует поездить, попутешествовать, почитать. Сейчас оформляют меня в Союзе дружбы с заграницей на поездку в Америку. Если будет о'кей, поеду туда на 3 недели в конце мая. Это полутуристская поездка с выплатой 500 рэ. Кроме того, АПН предложил(о) совершить рейс на каком-нибудь торговом судне. Если бы эти поездки состоялись, было бы замечательно.

Чехословацкая идея что-то зачахла, так что во Львов я попаду уж наверняка только осенью, снова золотой осенью.

Что у вас нового? Здоровы ли? Напиши. Когда определится срок премьеры, телеграфирую или позвоню. Кстати, я потерял номер телефона.

Крепко целую.

Вася.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Львов. 18 июня 1965 г.

Дорогой Вася!

Уже целый месяц от тебя ничего нет. Знаю от знакомых, что ты благополучно вернулся в Москву. Хотела бы знать, каковы твои дальнейшие планы. Дело в том, что, наверно, Тоня скоро приедет в Москву, чтобы делать свою безумную попытку насчет театрального училища. В связи с этим и пишу тебе сейчас <…> Мне кажется, что из всего, нужного для сцены, у нее есть только привлекательная наружность. Тем не менее, я не чиню ей препятствий, пусть едет и пытается. Иначе вся дальнейшая жизнь будет состоять из попреков по поводу неосуществленного «призвания».

Я тебя прошу не о том, чтобы ты ее, во что бы то ни стало, обязательно сунул куда-то. Это кончилось бы только потерей времени и тем, что выгонят через пару месяцев. Прошу я о том, чтобы Ефремов или другие компетентные люди прослушали ее и объективно сказали – есть там из-за чего копья ломать или нет. Ведь содержать ее отдельно в Москве будет мне очень трудно, становлюсь ведь не молода же, устаю быстрее, жизнь сложная. На все эти жертвы я могу пойти, если там действительно что-то есть. А если все это блажь и желание пофигурять – так уж не стоит тогда и меня обрекать еще на пять труднейших в материальном отношении лет. Вот в таком духе, пожалуйста, поговори с Олегом Николаевичем и пусть скажет чистую правду.

Если она действительно одарена, тогда уж обратимся к его

протекции насчет того, чтобы там снисходительно посмотрели на ее общеобразовательный уровень.

Прочла я обе рецензии на твою пьесу[180] и спектакль – и в «Сов. культуре», и в «Литературке». Мне кажется, все хорошо: отзывы вполне благожелательные, спокойные, некоторые упреки по твоему адресу сдержанные, а порой и заслуженные. Так что поздравляю тебя с благополучным окончанием дела, которое отняло у тебя столько сил и принесло столько волнений. Прочла в «Лит. России» и сообщение о том, что твой пятый рассказ[181] пойдет в «Москве», что тоже приятно.

Я недавно вернулась из Закарпатья, куда ездила по командировке «Юности» расследовать жалобу. Поездка была довольно интересная, но очень трудная в бытовом отношении, т. к. шли проливные ливни, туфли у меня разлезлись, я простудилась. Да и жить в этом селе пришлось в избе, т. к. никакого дома приезжих там нет.

Сейчас я день и ночь стучу на машинке разные «опусы» в местную газету, чтобы сколотить себе минимальный капиталец на мою ежегодную поездку в Дзинтари. Думаю выехать в начале июля, так что прошу тебя ответить на это письмо, не откладывая в долгий ящик. Или позвони.

Телефон не забыл? 2–74–44. Дома я или с 2–4, или уж вечером попозднее.

Как Алешенька?[182] Едет ли в Малеевку?[183] Поцелуй его за меня.

Ну, будь здоров. Жду ответа. Целую.

Мама.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Лауласмаа. 12 июля 1965 г.

Дорогая мамочка!

Я поселился в 50 км от Таллина на хуторе у одного эстонского рыбака. Снимаю верхнюю комнату, как бы мансарду – раскладушка, верстак, на котором пишу, и стул. Это в лесу, возле моря. Все было бы прекрасно, если бы не проклятая погода. Тепла совсем нет, три дня подряд сыпал совершенно осенний дождь. Не знаю уж отчего, но работается мне не ахти как, никак не могу «завестись». М. б., это происходит из-за отвычки писать, ведь фактически я целый год ничего не писал, за исключением маленького рассказа в феврале[184], когда просто сбежал из театра. Кстати, этот рассказ «Победа» вышел в «Юности». Читала ли и как? Пишу сейчас сатиру, повесть о человеке, который превращается в «стальную птицу»[185]. Кажется, я тебе немного

рассказывал об этом – лифт, вестибюль и т. д. Написал листа полтора, и застопорилось. Иногда серые эстонские небеса наводят такое уныние, что хочется отсюда смотаться, но все-таки, должно быть, я высижу здесь этот месяц и буду пытаться работать, хотя бы для того, чтобы расшатать инерцию безделья и забыть о московской суете.

Сколько ты будешь в Лиелупе?[186] Возможно, в конце месяца я смог бы заехать к тебе на пару дней, но это еще не точно, буду зависеть от многих причин.

Должно быть, погода и у вас не блестящая? Как ты устроилась и отдыхаешь? Какие вести от Тоньки? Хорошо, что хоть Ефремов сейчас в Москве. Может, он сможет ей как-то помочь.

Алеша, когда я уезжал из Москвы, был здоров и весел. В детском саду ему хорошо. Возможно, в августе мы поедем вместе с ним в Коктебель. <…>

Крепко целую и желаю тебе хорошо отдохнуть.

Вася.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. Лето 1966 г.

Мамочка!

Комиссия состоялась, и меня вызывали в паспортный отдел Мосгорисполкома, где разговаривали очень ласково. Мне нужно было, прийти с твоим паспортом, но его у меня, естественно, не было, и потому дело оттянулось. Теперь тебе нужно сделать вот что. Сразу после возвращения в Москву пойти в паспортный отдел Мосгорисполкома (Ленинградский проспект, 16, ком. № 4) к тов. Волошиной с паспортом и формой № 15, которую я со своей подписью оставил для тебя в нашем домоуправлении у паспортистки.

Итак, сначала в домоуправление за формой № 15, потом – с формой и с паспортом к тов. Волошиной. Начальником тов. Волошиной является тов. Шутов (полковник), он же председатель комиссии, тот самый, которому звонили Полевой и Ильин[187]. Волошина расспрашивала меня о львовской квартире и, когда я сказал, что квартиру мы сдадим с тем, чтобы Тоня получила меньшую площадь, она (Волошина) радостно улыбнулась.

Мне кажется, что решение будет положительным. Я мог бы запросить у тебя паспорт ценным письмом, но сам сейчас уезжаю в Эстонию. Я все обговорил и выяснил, что моего участия уже не требуется.

Возможно, я еще заеду в Комарово и все объясню тебе устно,

но, по-моему, и так все понятно. Наконец, вышла моя книжка[188]. Это печальная радость, потому что при подсчете оказалось денег только на возврат долгов. Увы, я опять в прорыве и не знаю, когда из него вылезу.

Многие меня отговаривают связываться с Госполитиздатом[189]. Говорят, что погрязну в архивах и потеряю уйму времени. До сих пор не принял еще решения. Я впервые оказался в том положении, когда не могу писать того, что хочу, а должен писать то, что нужно по договорам, то, что от меня требуют или хотят другие люди.

Стремлюсь к прозе, как к тайной любовнице.

В Малеевке 4 дня я провел отлично, играл с Китом и всей его группой в лесу. Кит выглядит хорошо, бодро, но, кажется, ему уже осточертел шумный коллектив.

Надеюсь узнать, как ты отдыхаешь, прямо в Комарово. Д. б., поеду в Эстонию через Ленинград.

Целую.

Вася.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Комарово. Лето 1967 г.

Дорогая мамочка!

Очень был рад твоему письму[190]. Здесь удивительная оторванность от «большой жизни страны». На горах[191] висят тяжелые тучи, а над берегом солнце. Кажется, что весь мир под тучами, а это якобы последний берег. <…>

Если тебе не трудно, позвони Давыдову и заверь, что обязательства свои я выполню[192]. Спроси, пожалуйста, нужна ли официальная пролонгация?

Скоро сюда приедет целая команда драматургов из Москвы с новостями. Может быть, ты с кем-нибудь из них пришлешь письмо (например, Л. Зорин[193])? Меня интересует масштаб протестов[194] против дела Гинзбурга, реакция властей и прочее в этом роде.

Каждый день жду дурных вестей, но не в связи с этим. Мне, кажется, что вот цензура зарежет «Бочкотару»[195], а Театр Сатиры побоится ставить «Аристофаниану»[196]. Пуганая ворона, я уже привык к неудачам. Подумай сама, 4 пьесы[197], 2 повести[198] и 2 сценария лежат в столе.

Но вдруг свершится чудо?

Целую тебя крепко.

Следи за собой, почаще бывай на воздухе. Почему бы тебе, когда поедешь в Ленинград, на несколько дней не выехать в

Комарово.

Вася.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Нида[199]*. 1 августа 1971 г.*

Дорогая мамочка!

От тебя нет писем, а я толком не знаю, куда тебе писать, бываешь ли ты в городе. Впрочем, до последних дней у меня рука отсыхала от писания – гнал сценарий. Сейчас закончил очередное произведение (я тебе, кажется, о нем говорил) – мюзикл по мотивам русских повестей XVII века. Написал там много песен, вот до чего дошел. Сейчас, надеюсь, будет у меня месяц для себя, для своей работы, которую очень вожделею.

Но для этого нужен настрой, особое состояние, а смогу ли так настроиться в условиях быта – вряд ли. Хочу здесь, после отъезда наших задержаться, хотя бы на неделю. Потом, если машина будет в порядке, двинусь в Ленинград через Ригу.

Что нового? Как проводишь лето на переделкинских перспективах? Как чувствуешь себя и как работаешь?

Здесь уже две недели совершенно южная жара, море теплое и спокойное. Леха очень много плавает и играет в футбол <…>.

Я продолжаю занятия бегом, поменьше – из-за жары. Недавно был задержан пограничным патрулем во главе с сержантом по фамилии Кочетов[200]. Несколько раз ездил в Калининград и в Клайпеду, и в Палангу, встречался с литовцем, своим другом Красаускасом[201]. Удивительные беседы за мороженым и соком!

Здесь мы по традиции читаем Томаса Манна – ведь манновские места. Как говорят экскурсоводы, «великий писатель проводил здесь свой досуг, общаясь в тишине со своими персонажами». Удивляюсь без конца его глубочайшим проникновениям.

Каждый вечер приносит сногсшибательные новости из Иордании, Индии, Судана, <*нрзб*>, Парижа.

Пиши по адресу на конверте. Привет Евгению Николаевичу[202].

Целую.

Вася.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. Апрель (?) 1974 г.

Дорогая мамочка!

Звонила Ляля Россельс[203] и сообщила, что ты довольна

Дубултами, и впрямь сейчас трудно найти место на земле холоднее и гаже, чем в Москве. Страннейшая картина – свежая зелень и ноябрьские холода. Три дня назад шел густой снег.

Я уехал в Рузу[204] в тот день, когда Демичев[205] решил со мной побеседовать. Закон вредности. Беседа отложилась на неделю, но вот она состоялась, о чем я тебе уже сообщил телеграммой. Разговаривали больше полутора часов. Я сказал все, что хотел сказать, и почти по всем пунктам встретил понимание. Результат (практический): «Железку» будет рассматривать отдел культуры ЦК, и сам Демичев выразил желание прочесть. Мне показалось, что он хочет помочь. Были высказаны весьма широкие взгляды на искусство. Политических вопросов **не касались.**

В конце разговора я поднял вопрос о передвижениях и, в частности, о приглашении в Калифорнию.

«Езжайте, куда хотите, у нас нет возражений против Ваших поездок», – таков был ответ. Прощаясь, просил в случае разных сложностей вновь его беспокоить.

Ну вот – уж не знаю, какие будут плоды этой встречи, но она состоялась, и это для меня важно.

Во всем остальном (кино, книги и т. д.) дела или не сдвинулись, или почти не сдвинулись, но это уж как обычно: администрация наша как ленивая продавщица в магазине.

У Майки[206] тут дикие неприятности с дочкой, я в них тоже волей-неволей введен, пытаемся разобраться.

Кит сегодня кончил 7-й класс. Весь – в велосипеде. Наверное, я их отвезу в Ниду и сразу же приеду. Вдруг меня стали оформлять в делегацию на неделю Балтийских стран в ГДР[207], а это мне нужно еще и для ДЕФовских[208] дел. Словом, суета, холод, автомобиль, а хочется тишины, тепла и автомобиля.

Целую.

Твой Вася.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

(открытка)

Под Таллином. 9 августа 1975 г.

Дорогая мамуля!

Надеюсь, нашу телеграмму ты получила вовремя. Мы сняли комнатенку под Таллином и ездим каждый день на тихий маленький пляж. Погода эти дни была хорошая, но сейчас что-то набежали тучки. В воскресенье или в понедельник двинемся дальше, в Вильнюс, оттуда Майка вылетит в Москву. Из Вильнюса брошу открытку, а ты мне напишешь уже в Ниду, до востребования: как себя чувствуешь, появилась ли Тонька, как

прошла операция у нрзб и прочие московские новости, а если прочих нет, то

No news – good news.

Целуем.

Твой Вася и Майка – бедняжечка, у которой на ноге шишка.

Приложение
Василий Аксенов. Предисловие к книге «Два следственных дела Евгении Гинзбург» [209]

Чтение архивов советского гэбэ наполняет душу мраком, а тело свинцом. Особенно, если ты читаешь «дело» своей собственной матери. Особенно, если твоя мать – Евгения Гинзбург, написавшая потрясающий человеческий и литературный документ, основанный на этом гнусном «деле», книгу «Крутой маршрут».

Парадоксальный результат соединения этих, казалось бы несоединимых стихий, полицейского протокола и литературной страсти: мерзавцы, оформлявшие грязное насилие преступного государства над молодой казанской интеллигенткой, спасены от забвения. Не будь «Крутого маршрута», все эти подписи под протоколами допросов и очных ставок через 56 лет оказались бы просто анонимами, теперь мы видим за ними литературные, то есть человеческие образы, образы недочеловеков: Ельшин, Бикчентаев, Веверс…

В каком-нибудь будущем издании, может быть, стоило бы поместить под одной обложкой «Крутой маршрут» и «дело Е. С. Гинзбург», извлеченное из-под более чем полувекового спуда историком и архивистом Литвиновым. Глухой вой погибшей теперь машины террора еще острее донес бы до читателей будущих поколений трагическую, но всегда каким-то удивительным образом просветленную ноту «Маршрута».

Иные, выявляющиеся из грязно-мышиного цвета папочек «материалы» опрокидывали меня, прожитые десятилетия, казалось, исчезали, и я по-сиротски останавливался на краю той юдоли, на пороге разгромленного семейного очага, возле Лядского садика моего детства. Чего стоят только профильные и анфас фотографии матери, сделанные фотографом «Черного озера» после вынесения обвинительного заключения. Чего стоят только инвентарные списки реквизированных предметов домашнего обихода: костюм старый хорошего качества, белье постельное, игрушки детские, Эммануил Кант, собрание сочинений…

Евгения Гинзбург
Путевые записи[210]

18/8

Выезжаем с Белорусского[211]. Вагон непредвиденно оказывается очень неудобным. Узенькое, как пенал, купе. Вагона-ресторана нет. Так что роскошная жизнь не начинается с дороги. Ночью не уснула совсем из-за перевозбуждения последних дней.

19/8

С утра – Брест. Проверка паспортов, таможенный осмотр. Таможенница – девица типа Галины Борисовны[212]– особенно не придирается, в чемоданы не лезет.

– Наркотики везете? Литературы? Золота? Как нет, а это что? – зорко уловила цепочку под блузкой…

В Бресте поезд долго переформировывается. И вот свершилось: впервые за долгую мою жизнь я пересекаю границу любезного отечества.

Польша. Полузабытое видение: крестьянин, идущий за плугом, личные участки обработанной земли. Польша вся плоская, ни пригорочка. И большая. Гораздо просторнее, чем думалось.

Польские пограничники и таможенники ничем не отличаются от наших – и приемы работы и даже язык (русский).

Уже в темноте подъезжаем к ГДР. Поражает безлюдность и неосвещенность городов. Но и сам восточный Берлин долго тонет в непроглядной тьме – до тех пор, когда светлым островком не предстанет перед нами Александерплац. Но даже и на этом островке свет какой-то мертвенный. И полное безлюдье в десять часов вечера. На остановке видим станцию Штадтбана. Перед нами проходят несколько вагонов с усталыми немногочисленными пассажирами.

Но вот наконец перед нами главная достопримечательность восточного Берлина – стена! Наяву она выглядит еще более зловеще, чем во сне.

Какой-то неуловимый поворот – и перед нами яркие рекламные огни, разноцветные автомобили, быстрое напряженное движение современного большого города. Берлин – Вест. Опять дотошная гедеевровская проверка паспортов. В эту ночь ГДР не дает глаз сомкнуть. Четыре «пасконтроле». Из Польши – в ГДР, из

ГДР – в западный Берлин, при выезде из него – опять, при переезде в ФРГ – снова. Гедеевровские контролеры куда старательнее наших и польских. Кроме них, никто не сравнивает так въедливо ваше лицо с фотографией на паспорте.

20/8

Васино рожденье. 44 года. Увы, даже мой младший сын уже не молод.

С утра за окном плывет ФРГ – первый каппейзаж, который я вижу из окна.

Поезд идет, будто нарочно медленно, и мы довольно основательно присматриваемся к Эссену, Аахену и даже Кельну.

Но вот в поезде уже звучат веселые приветливые голоса бельгийцев. За окном Бельгия. Она как андерсеновская сказка. Маленькая, городок цепляется за городок. Из больших городов проезжаем Льеж.

3 часа 20 мин. Париж. Гар дю Норд[213].

Мы инкогнито, и встречает нас только Леон Робель[214] и его друг – какой-то поэт. Без носильщика, на тележке перетаскиваем багаж в машину. Свершилось: не во сне, а наяву я еду по улицам Парижа и вижу не на открытках Нотр-Дам, тур де Монпарнас[215], бульвар Распай. Отель «Л'Эглон». Вечером – с корабля на бал – празднуем у Робелей Васино рожденье. Приходит Т. Гл.[216] с женой.

21/8

С утра – телеграф, кафе. Появляется из Лондона Ольга Хай[217]. Вечером – вторичное празднование Васиного рождения. Приходит Володя М.[218] Днем мы были в Люксембургском саду. Московские разговоры с В.[219]

22/8

Воскресенье. Париж тих, светел, очарователен. Брожу одна по центру города и узнаю его. Знаю, что за углом – памятник Бальзаку работы Родена.

В Париже масса черных и желтых. К часу дня за нами машина. Это внучка первых эмигрантов Ксения Рыженкова. По крови русская, родилась в Калифорнии, живет в Париже. По-русски говорит с большим акцентом.

Едем в Нотр-Дам. Ставлю две свечки – за себя и за Ирину Ал.

[220], как обещала. Глубокое внутреннее убеждение, что я уже была здесь. Глубокое чувство благодарности за то, что все это не во сне. Витражи. Месса. По-французски и по-латыни. В толпе масса негров, вьетнамцев. Вокруг все языки, кроме русского. Горько. Сент-Шапель[221]. Витражи еще ювелирнее, чем в Нотр-Дам. Витая лестница, по которой я каким-то чудом взбираюсь на самый верх.

Рядом дворец юстиции с надписью «Либерте, эгалите, фратерните»[222].

Яркий августовский день. Два ажана ведут мальчишку лет шестнадцати в наручниках. На тротуаре у самой стены дворца юстиции спит клошар.

Обед в ресторане, портик Нотр-Дам. Пробую знаменитый луковый суп. Не нравится.

Вечером – визит к Лили Дени[223]. Огромная комфортабельная квартира, сплошь обитая коврами. У нас в такой квартире, наверное, жил бы министр. Ведем светскую беседу, но у меня перед глазами все время объявление в Нотр-Дам: Н-Д не музей, а храм. Просят туристов соблюдать «респект и тишину».

Надписи на стенах домов. Все, что угодно, в основном гошистские[224]. «Убивайте таких-то», «Да здравствует революционное насилие!» и т. п. Все эти каннибальские призывы пишут вот эти самые юнцы с длинными волосами и девчонки с обнаженными спинами. Те самые, что так убежденно, по-младенчески попивают на улицах перед кафе свои кафе-о-лэ[225] и поедают свои круассаны.

Вообще в среде гошистов – смешение чистых и нечистых. Трогательно, что многие из них стремятся к метафизическому пониманию глобальных перемен. Очень трогают такие надписи: «Мемуар а-ля депортасьон»[226]. Гораздо меньше тарахтят о победах, имеют мужество с горечью отметить места страданий, подчинения злу, насилию. И все «без насыпухи»[227].

23/8

Рю де Гренель[228]. Вася пошел представляться. Я жду в вестибюле, наблюдаю типы посетителей, типы обслуживающего персонала.

Вечером на Елисейские Поля. Пляс д'Этуаль. Пляс де ля Конкорд[229]. Тысячу раз повторенные в воображении и впервые – в реальности. Опять эффект узнавания никогда не виденного.

Кино. Впервые в моей жизни – порнографический фильм. Поначалу эпатирует, но уже минут через 15 – скука. И тошнота.

Вечером Вася ушел с барышней, я одна в номере с кучей интереснейших книг. Звонит Жорес[230] из Лондона. Говорит о том о сем. Голос его мне приятен, будто Рой[231] говорит. Ему наш телефон дала Элизабет[232], с которой Вася говорил утром.

24/8

Визит к Иде Шагал[233]. Дом XVII века. Трехэтажная квартира. Угощает нас поездкой в такси по Парижу. Сегодня день освобождения Парижа от гитлеровцев. Всюду бело-красно-синие флаги. Едем по рю Риволи к Лувру. Комеди франсез, дом Мольера. Пляс д'Опера, Итальянский бульвар, Вандомская площадь. К Монмартру. Здесь очаровательно ожил 19 век. На широкой лестнице масса молодежи. Яркие краски, ожившая картина Клода Моне. Церковь Сакре Кер, старое кабаре «У кролика», где бывали все художники. И вдруг въезжаем прямо в ад. Узенькие грязные улочки негритянских и арабских кварталов. Точно в Алжире. Азартно режутся в какие-то игры.

– А это что за очередь? – осведомляемся у шофера такси. И узнаем: это очередь в публичный дом. В скоростной. Трехминутный визит, десять франков. Таксист-парижанин с лицом члена-корреспондента академии наук брезгливо комментирует: «Mais ce sont des animeaux»[234]. Васька бормочет что-то нечленораздельное насчет расизма, но я вижу, что и его мутит.

Вечером в кафе «Ротонда» – встреча с И.Б.[235] Его приводят А.Г. и М-зин.[236] Прогулка по ночному Парижу. Около тур де Монпарнас – просто средневековое зрелище – глотают огонь, разрывают железные цепи. Толпа, окружающая площадку с актерами, наполовину из иностранцев. Звучат разные языки. И все – и солидные шведы, и молчаливые немцы заражаются французским юмором, веселостью, блеском.

25/8

Важные звонки из Швейцарии и Италии. Как по нотам исполняются самые неосуществимые мечтания. Купила себе летнее платье. Оказывается, совершенно свободно объясняюсь с продавщицами.

Вася приценивается к машинам. Скоро будем ездить по всей Франции. И вовсе уж не так дорога арендная плата за «Пежо».

Знакомство с несколькими русскими девицами-дамами. Они уже родились здесь, по-русски говорят с акцентом, но все преподают русский. Почему-то их всех зовут Ольгами. Уровень их

развития невысок. Все, выбиваясь из сил, стараются очаровать Васю.

Вечером – в кино. Жара, курят. Фильм, хоть и Хичкока, но безнадежно скучен.

26/8

Лувр. Величествен и неимоверно душен. Все еще стоит жара этого лета. Почему-то в Лувре нет кондиционированного воздуха. Но все-таки меня хватает на то, чтобы осмотреть антиките[237], XVI, XVII, XVIII века… Зал Рубенса, Ван Дейка, галерея Медичи, итальянская живопись 17–18 веков. Все время мысли непроизвольно переносятся к Эрмитажу. Иногда грандиозность всего увиденного даже подавляет. Со мной Оля Х., так называемая «наша Оля». Приехала специально из Лондона, чтобы повидать нас. Она бесконечно добра, но все-таки что-то в ней есть от героини купринской «Ямы». И неопрятность моднейшей одежки, и манера разговаривать с посторонними мужчинами.

А Вася весь день путается где-то с Гладилиным по автомобильным делам.

27/8

Испытание моему французскому – встреча с м-м Кр. Лоран[238]. Вроде бы все, как надо, понимаем друг друга. Вечером встреча с З.А.[239] Ужин в ресторане. Двойственное впечатление. Вроде бы и умна и образованна. Но какой-то привкус суетности. Благожелательность, однако, несомненная. Рассказы интересны, в них уловлено многое цепким глазом. Трогательно оберегает нас от С.В.[240]

28/8

С утра – пакетики. Вечером прогулка в Венсенский лес. Иван и Рита[241]. В Венсенском лесу пруды, лебеди. Отличный воздух. Трогательные одинокие фигуры, прячущиеся здесь от современного Вавилона. Особенно почему-то запечатлеваются фигуры вяжущих одиноких женщин. Как будто они нашли здесь свое успокоение.

29/8

Утром – Версаль. Прогулка в Версальском парке. В силуэте дворца что-то остро напоминающее детство. Монумент – Луи

каторз[242] верхом на коне.

Вечером – на репетиции «Бочкотары». Художественный руководитель Антуан Витез[243], театральный режиссер. Очаровательный, умный. Тонкий. Режиссер этого спектакля Мари-Франс. Замечательные молодые ребята актеры, веселые, творчески заряженные воздухом свободы. Антуан рассказал о своих отношениях с Москвой. Договорился с Плучеком ставить в Сатире «Мольера». Но в министерстве культуры некая дама изрекла при первом намеке на гонорар: «Вы должны гордиться, что …». Антуан: «Mais c'est de la vulgarité»[244].

Надписи на стенах различными почерками.

«Хожу – и в ужасе внимаю/ Шум невнимаемый никем,/ Руками уши зажимаю —/ Все тот же звук! А между тем… О, если бы вы знали сами/ Европы темные сыны, / Какими вы еще лучами/ Неощутимо пронзены!»[245]

30/8

Ланч у Беверли и ее мужа Мишеля Горде («Нувель обсервер»). Письмо из Японии. Вечером – Жанна[246].

31/8

Поль Калинин. Внук первой эмиграции. Полный француз, к тому же католик. Метр Ренар[247].

Вечером – Присцилла[248] у Гл.[249]

1/9

Обед с Квашами в русском ресторане Доминик. Лев Адольфович, владелец ресторана и литературный критик 86 лет, старый петербуржец, во Франции с 22-го года. Имени Доменик есть театральная премия. По-настоящему знает театр и пишет хорошо. И все-таки владелец ресторана. Политик. Интересно рассказал о Де-Голле, о его претензиях на личную власть.

Вечером у Е. Г. Э.[250] Вся семья любопытна. Общие беседы и деловые переговоры. Живут в банльe[251], тихая улочка. Об А. И.[252] с нескрываемым озлоблением. Звонок из США. Соня Д.[253] Узнав, что я здесь, восклицает: «Какое счастье!»

Ехали через Булонский лес. Не похож на тот, который в представлении.

2/9

Утром – музей современного искусства. Очень много замечательного Пикассо. Зал русских авангардистов. Гончаров, Ларионова, Кандинский.

Вечером – Дин Ворт[254], Васин прошлогодний завкафедрой. Настоящий плакатный американец. Но Вася утверждает, что у него тысяча комплексов.

Жанна. Кино «Эпоха Людовика 15-го», поэтому меньше порнографии и язык ближе к моему хрестоматийному французскому, почти все поняла.

3/9

Магазин «Миледи» на Елисейских Полях. Уголок старого Парижа. Вроде «Дамского счастья» Золя. Очень приятно после всех супермаркетов, где бесцеремонные разноцветные руки копошатся в груде тряпья, а продавщицы, почти такие же равнодушные, как наши, болтают между собой. Наконец-то я дорвалась до вымеченной мной продавщицы, которая занимается только мной. Она хочет одеть меня с ног до головы. С отлично разыгранным восторгом подбирает мне тона к лицу. И что с того, что я знаю: я стара, как мир, и она, как бы ни старалась, не может разглядеть во мне прежнюю Женюшу. Зато я проглядываю. Вдруг она возникает в зеркале за каким-то туманом. Правда, на ней бушлат ярославского политизолятора, но я каким-то фантастическим усилием воли заменяю его этим парижским тайёром[255]. Это только секунда, но она дает мне горькое счастье. Вот как это выглядело бы, если бы это надеть на меня тогда…

– Цены астрономические, – восклицает по-русски Вася. А бойкая продавщица уловила, смеется, повторяет «астрономик», но услужливо разъясняет, что фирма готова ждать, если у месье и мадам нет сейчас с собой таких денег. Пусть мы оставим аванс, а они за это время подобьют элегантное пальто ватином, поскольку русские зимы так суровы. И охмурила. На все мы согласились, и теперь все Переделкино ахнет от моих обновок с Елисейских Полей.

Вечером – гости к Ксении Рыженковой. По дороге – осмотр Пляс Пигаль. Центр сексуальной торговли. Вывески: «Самые красивые НЮ Парижа», «Мулен Руж» и без конца «Секс-шоп». Игра электричества очень красива. Настоящие живые проститутки стройными рядами выставлены на глаза потребителей. Они отличаются от обычных женщин только обнаженностью груди. Говорят, они недавно бастовали, требовали распространения на них льгот, даваемых «секьюрете сосьяль»[256]…

Дом Ксении на окраине Парижа. Квартирка похожа на наши малогабаритные. Низкие потолки, нет лифта. Внутри у них какие-то фантастические изыски, стилизованные под Индию. Они, видите ли, йоги. Все в халатах, на корточках вокруг маленького стола. На полу подушки, курятся какие-то довольно отвратительные благовония. И сесть негде, и все блюда имеют какой-то мерзкий экзотический вкус. Муж Ксении тоже стилизован в этом же духе, так же, как и его французский друг. Беседуем об Индии, откуда они только что вернулись, на уровне учебника географии для пятого класса. Среди этой йоговской обстановки мечется пятилетний их сынок, которого никто не кормит и спать не укладывает, хотя уже поздно. Хорошо еще, что с нами Дин Ворт и его дама, славистка Ирина. Они немного разряжают эту обстановку индийского богослужения.

4/9

Приехал Пентираро[257]. Очаровательный молодой красавец, прямо с экрана. Оживленно беседуем по-французски на основе взаимной амнистии. Допоздна работаю.

5/9

Обедаем вместе. Присоединился Дин Ворт. Беседа показывает все национальные различия между нами. Мы все люди приблизительно одной профессии, но, Боже, как мы разно судим обо всем! Проводы Дина в аэропорт Орли.

Вечером – кино «Девятисотый год». Три часа подряд. Есть очень сильные сцены, но тяжело ложится на психику картина революционной бесовщины на фоне порнографии.

К концу дня письмо от Г.Св.[258] и телефонный разговор с ним. Горькое разочарование. Завиральные идеи насчет «Нового мира», да еще на том самом номере, на котором остановился Твардовский[259]. Незамысловатое злобствование по адресу «Континента». И все из-за того, что каждому мальчику «хочется в мэтры, в кентавры…».

6/9

Подготовка к поездке в Нормандию.

III. «Развели по двум разным концам Земли…»

Письма Беллы Ахмадулиной и Бориса Мессерера были обнаружены при разборе бумаг Василия Аксенова в его американской квартире (г. Шантили, штат Вирджиния). Там они находились среди рукописей изданных и неизданных рассказов, эссе, публицистических статей и писем множества корреспондентов Аксенова, в том числе Георгия Владимова, Сергея Довлатова, Владимира Максимова, Семена Липкина, Инны Лиснянской, Юлиу Эдлиса, Джона Апдайка. Письма, о которых идет речь, были написаны от руки, – ведь для нас, советских граждан, то была еще докомпьютерная эра. К счастью, почерки Беллы и Бориса оказались вполне разборчивыми, и письма без труда удалось прочесть. А после прочтения стало ясно: их обязательно нужно печатать, это животрепещущие свидетельства ушедшей эпохи. О находке я сообщил при встрече Борису Мессереру, и оказалось, что в их с Беллой Ахмадулиной семейном архиве находится большая пачка писем Василия и Майи Аксеновых к ним. Так возникла идея настоящей публикации.

Чтобы ее осуществить, нужно было две эти находки разрозненных писем превратить в живой диалог, каким на самом деле и была эта удивительная переписка. Для этого необходимо было расположить письма в хронологическом порядке.

Значительная часть писем Ахмадулиной и Мессерера не имела дат, их удалось датировать (некоторые предположительно) только после сопоставления с письмами и открытками Аксеновых, которые в большинстве своем аккуратно датированы. Сопоставление и датировка писем производились по событиям, в них упоминаемым: отъезды в эмиграцию Владимира Войновича с семьей, Льва Копелева и Раисы Орловой, Георгия и Натальи Владимовых, аресты и допросы друзей, прощания с умершими: Владимиром Высоцким, Надеждой Мандельштам, Ильей Вергасовым, Александром Тышлером.

Как известно, Аксенова вынудили уехать из страны в июле 1980-го после скандала с альманахом «Метрополь». Ахмадулина, тоже участница альманаха, осталась дома. Но, оставшись дома, она, как и немалое количество ее соотечественников, находилась в состоянии внутренней эмиграции. Среди них были люди, активно не высказывавшие состояния своей души, Ахмадулина этого не скрывала. Она не принимала участия в советских общественных мероприятиях, демонстрировала неприятие

политики властей, открыто общалась с иностранными корреспондентами и дипломатами. И, конечно, открыто поддерживала преследуемых властью друзей, принимала участие в их судьбе…

Первые письма Аксенова датированы концом сентября 1980 года, первое письмо Ахмадулиной – 4 января 1981 года. Временной разрыв между письмами объясняется отсутствием надежного канала для передачи почты.

Такой канал связи обеспечивали в те мрачные годы иностранные дипломаты и корреспонденты зарубежных газет, благодаря которым стала возможна, в частности, почти вся публикуемая переписка. И не только письма – они передавали на Запад произведения писателей и поэтов, которые тогда не могли быть опубликованы на родине, а теперь составляют культурное достояние России. Неоценима самоотверженная деятельность Карла и Эллендеи Профферов, четы американских славистов, влюбленных в русскую литературу, основавших в университетском городке Анн Арбор (штат Мичиган) знаменитое издательство «Ардис». Начиная с 1971 года в «Ардисе» вышли на русском языке романы Владимира Набокова, Михаила Булгакова, Андрея Платонова, Василия Аксенова, Андрея Битова, Владимира Войновича, Фазиля Искандера, поэтические книги Осипа Мандельштама, Иосифа Бродского, Семена Липкина, Инны Лиснянской, Владимира Сосноры и многих других прозаиков и поэтов.

Ахмадулина пишет Аксенову, что после «Метрополя» в Москве возникло новое независимое объединение: «Клуб беллетристов», куда вошли молодые писатели Филипп Берман, Николай Климонтович, Евгений Козловский, Владимир Кормер, Евгений Попов, Дмитрий Пригов, Евгений Харитонов, об их намерении издать «Каталог», о последовавшей за этим кагэбэшной слежке за участниками клуба, обысках и допросах, а затем и об аресте одного из них. Сообщает об уходе из жизни близких людей и их похоронах, о творческих муках и озарениях, посылает свои новые стихи, радуется его новым книгам.

Вырвавшийся на свободу Аксенов пишет Ахмадулиной о встречах со старыми друзьями, знакомыми и просто коллегами: художниками, музыкантами, актерами. Перечисление имен ошеломляет: Владимир Максимов, Владимир Войнович, Виктор Некрасов, Иосиф Бродский, Сергей Довлатов, Анатолий Гладилин, Михаил Шемякин, Лев Копелев и Раиса Орлова, Фридрих Горенштейн, Лев Збарский, Андрей Тарковский, Максим Шостакович, Мстислав Ростропович и т. д. и т. д. Без преувеличения можно сказать, что эти имена представляют собой

цвет русской культуры того времени. Вот уж действительно, как замечает Аксенов в одном из писем, нужно же было создать такую эмиграцию из страны в мирное вроде бы время! А в «Бумажном пейзаже», одном из первых романов, написанных за рубежом, Аксенов соответственным образом переиначивает известную комсомольскую песню:

Едем мы друзья,
В дальние края!
Станем эмигрантами и ты, и я.

И дальше:

Мама, не скучай,
Слез не проливай,
В Кливленд поскорее с дядей Мишей приезжай…

Аксенов делится своими литературными новостями, сетует на разобщенность русской эмиграции, переживает за судьбу сына от первого брака Алексея, оставшегося на родине, следит за событиями в Москве по сообщениям средств массовой информации, иногда иронически вопрошает: «Как вам без М. А. Суслова? Тяжело?» – это в январе 1982 года, когда начался уход из жизни престарелых советских вождей.

И есть еще одна важная тема – судьба их литературного поколения, ощущение того, что блестящее творческое содружество шестидесятых (Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава. Белла Ахмадулина, Василий Аксенов) перестало существовать, его участники потеряли друг друга, разъединились, разошлись в стороны. Об этом с горечью пишет Белла Ахмадулина. Василий Аксенов вспоминает в связи с этим строки из ее давнего стихотворения:

…Ну, вот и все. Да не разбудит страх
Вас, беззащитных среди дикой ночи.
К предательству таинственная страсть,
Друзья мои, туманит ваши очи…

Через двадцать с лишним лет он вернется к этой животрепещущей для них теме в своем последнем завершенном романе «Таинственная страсть»…

В письме от 5 января 1983 года Белла Ахмадулина, обращаясь к Василию Аксенову, вспоминает стихотворение Марины Цветаевой «Рас-стояние: версты мили…» (1925), посвященное Борису Пастернаку: «как это – „нас – рас – раз… развели по двум разным концам земли“».

Публикуемая переписка действительно вызывает в памяти другую, имевшую место за полвека до этого: Марины Цветаевой, эмигрировавшей в Европу в 1922 году, и Бориса Пастернака, оставшегося в Москве. Как и та, на полвека предшествующая ей переписка, – замечательный памятник творческой и человеческой дружбе людей, не изменивших своему предназначению.

Переписка Василия и Майи Аксеновых с Беллой Ахмадулиной и Борисом Мессерером[260]

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру

24 сентября 1980 г.

Дорогие Белка и Борька!

Все-таки отрыв получается очень скорый и прочный. До нас сейчас (и давно уже) не доходит никаких новостей из Москвы. Последнее, что слышали в Вашингтоне, что наша подружка Шелапутова[261] опять сделала какое-то «плохо сбалансированное» заявление. Правда ли?

Думаю, что вы не получили ни одной нашей открытки из Европы, тем более, что в помощь «товарищам» я и адрес слегка перевирал. О нас кажется американский голосишко что-то передает (прорвалось ли сквозь глушилку?), о вас же московский голосишко вряд ли что-нибудь передаст, потому его и не слушаем. В Милане очень часто вас вспоминали, шляясь в компании Люли-Милы-Музы и их заграничных мужчин. Между прочим, очень было мило и гостеприимно, а Люли себя показала как настоящий друг. Мы полугалопом по полуевропам шлялись почитай, что два месяца, три раза меняли автомобили, перетаскивая из Парижа в Рим бобовое семейство молодежи, потом самих себя в Альпы, потом самих себя в Милан и потом уже решили посмотреть кино над океаном. Фильм, правда, оказался самый что ни на есть предурацкий.

Сейчас начну перечислять кого видели из деятелей литературы и искусства. Во Франции: mr. Gladiline[262] (симпатичнейший, немного странноватый парижанин), г-н Максимов[263] (это, конечно, отдельная поэма), тов. Некрасов[264] (постарел, но очарователен, как всегда), дальше идут люди попроще con De Bertia, Claude Gallimard…[265] В Нью-Йорке русская братия ведет себя несколько даже разнузданно, порой как бы и не замечая туземцев. Уже издается пять или шесть газет, возникают какие-то мелкие издательства, денег никто друг другу не платит и чем живы совершенно непонятно. Настроение, впрочем, у всех неплохое. Встретила нас в JFK (аэропорт)[266] в полном составе во главе с Сережей Довлатовым[267] редакция «Нового Американца», самой, пожалуй, забавной газеты. Потом

было открытие русского музея живописи на другом берегу Гудзона в Jersey-City[268], куда и меня тут же Глезер[269] записал попечителем. Там происходило что-то фантастическое, то и дело появлялись знакомые люди, москвичи и питерцы, которых я полагал в Москве или Питере и даже, кажется, видел недавно среди переделкинских орав или на М. Грузинской.

Итак, в Нью-Йорке: Бродский (помирились), Шемякин[270] (как всегда весь в черном, буревестник контрреволюции), Pat Blake[271] (привет Андрею передайте), Лева Нисневич[272], Бахчанян[273] (салют Славкину[274]), Мила Лось…[275] В Вашингтоне сплошные москвичи[276] – Bob Kaiser, Peter Osnos, Terry Catherman etc… Предложили мне fellowship[277] (по-моему, не переводится) в Кеннан Институте по будущий год. Пока мы осели на два-три месяца в Ann Arbore[278], разбираемся с разными делами в Ardis'e. Надеемся скоро порадовать читателей книжными новинками. Передайте, пожалуйста, Попову, что здесь, клянусь – не вру, продаются огромные бутылки Vodka Popov. При первой же возможности попробуем переслать. Сундучки свои распечатал только вчера. Издатели предлагают отобрать для Женькиной книги лучшее из обеих папок, так как они ограничены в объеме книги. Мы этим займемся с Майкой. Что делать с оставшимися? Можно ли предлагать журналам или другому издательству (Russica, например, или «Серебряный век»)[279]. Витюше[280] передайте, что здесь по-прежнему сохраняется интерес к его произведениям. Стихи Инны[281] пересылаю в Париж и от себя передаю запрос Горбаневской[282] о возможности выпуска книги стихов за счет автора. Книга стихов Семена Из.[283] отобрана Бродским (он очень высокого мнения о ней) и выйдет до конца года. О Кубле[284] какой-то спор, Иосиф хочет издать все, что есть, а Карл[285] – избранное, попробую посредничать. Женя Рейн[286] выйдет в «Russica». Можно ли печатать отдельные стихи в газетах? Карл очень хочет выпустить книгу Беллы или о Белле, прозу, стихи, фото, что-нибудь графическое Бориса. Короче говоря, можно сделать красивую книгу. Даете ли добро, и какие по этому поводу идеи? Между прочим, если у вас действительно дела пойдут круто и захочется посмотреть кино над океаном, дайте знать заранее, чтобы можно было начать здесь всякие хлопоты по поводу всяких там fellowship'ов. Жоре Владимову[287] передайте, что на днях отправил письмо Апдайку. Ольга[288] пыталась по нашей просьбе звонить ему из Лондона, но безуспешно. Мы волнуемся. Ничего не знаем ни о Войновиче[289], ни о Копелевых[290], ни о Горенштейне[291]. Весной в Лос-Анджелесе будет университетская конференция на тему «Русская литература в изгнании»[292]. Мы к тому времени там уже будем

как writer-in-residence[293] на весенний семестр, так что всех ваших blue-birds, blue joy[294], Dean Worth[295] увидим. Напишите нам пока по адресу (до декабря): 200, State Street, 204, Ann Arbor, Mich 48104, USA или на «Ardis». Наш телефон (на всякий случай) 313.994.4957. Майка посылает вам почти все свои поцелуи. Настроение у нее сейчас немного выровнялось, однако были моменты нелегкие. Конечно, мы тоскуем, но не по березкам, а только лишь по близким, по друзьям, потому что вы красивше березок. Если бы всех хороших из Москвы… или наоборот… Пока что не оставляет ощущение, что мы обязательно вернемся. Сегодня мы работали с Игорем Ефимовым[296] на лагуне возле «Ардиса», вокруг прыгали белки, шмыгали еноты и бурундуки. Езжу пока на джипе, который мне Карл уступил на время. Вокруг бегают американские студеры. Какая-то странная бытовуха, как будто так и надо.

Целуем, ждем писем. Таке pigeons mail[297].

Передайте, пожалуйста, письмо моему Киту (151-8615), он не получил ни одной моей открытки.

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру

29 сентября 1980 г.

Дорогие Белка и Борька!

Вчера у нас был визитер из Москвы, Валерий[298], администратор Таганки, и он среди прочего сказал, что вам «буквально есть нечего». Так ли это? Мы можем устроить отсюда (вернее, попытаемся), чтобы вам принесли пару тысяч рублей. Напишите, нужно ли на этот предмет ворочаться.

Отдельно о твоих калифорнийских деньгах. Миша Флайер только что запустил нужную бумагу в университетский компьютер. Все безобразно медленно делается. Однако, рано или поздно они придут к нам. У Майки есть идея купить тебе дубленку, а если к этому времени подойдет какая-нибудь праздничная сэйла[299], то может и пару дублов-шипскинов натянуть. Там, кажется, что-то вроде 650?

Ну, а теперь сразу о музыке. Концерт всех Шостаковичей + Ростроповича был здесь главным событием сентября. Максим[300] нас просто потряс 6-й симфонией. Он никогда в Союзе так не дирижировал. Говорят, что просто новое рождение и вырастание в звезду. Митька его – совершенно удивительное существо, чудеснейший живой, веселый и к тому же еще тончайшей конструкции мальчик. Играл дедушкин концерт, и там вторая лирическая часть, мне стала мерещиться Москва и снег в тех

переулках, знаешь, есть еще, нетронутые Степанидой[301], потом я его спросил, о чем он играл, и он сказал – о поземочке. Мы сидели со Светланой Харрис[302], которую случайно встретили в фойе. В Kennedy Center все время на тебя налетают знакомые – то Dieter Muller из Гамбурга, то Яша Судзуки из Токио, то какой-нибудь военный атташе, то Милор Стуруа[303]. И вот поперлись потом на прием, а там шампанское – рекой! В общем, триумф, и я очень рад за Максима, все же воткнул Степаниде за все издевательства над папкой. Затем сидели в Watergate'е у Ростроповича и вдруг, деликатно постучавшись, входит Л. И. Брежнев, говорит: дорохые товарищи, не здесь товарищ Хусак? Оказалось, это Слава купил себе в Вене такую маску. Нельзя сказать, что маска полностью удачная, хотя испугаться, конечно, можно. Некоторые черты вождя все же чрезмерно преувеличены, другие недотянуты. Говорят, что в Нью-Йорке можно достать более удачные варианты.

Мы теперь в Большой Помойке[304] бываем часто, дружим там с Милкой Лось и ее новым мужем художником Геной Осьмеркиным. В последний приезд побывали у Левы Збарского[305], застали там большую компанию: те же Шостаковичи, Э. Лимонов[306], Саша Соколов[307] и лежащий пузом вверх новый Бабель – Ефим Севелло[308] (может быть, и Сивилло, но уж никак не Севилья и не Сивилла). Лева очень понравился – веселый, забавный, как всегда стильный, но бедный. Говорит, что занимается сейчас скульптурой, и впрямь – в студии имеются какие-то сваренные патрубки, похожие на пароходные вентиляторы. Живет с очаровательной афганкой[309] Лизой; видимо, довольно умная собака, ибо когда недавно грабители выносили Левино stereo, Лиза не тявкнула, а только смотрела на них глазами Бабрака Кармаля[310].

Может быть, вы слышали о третьем арагвийском приеме в Нью-Йорке. Посылаю вам статью В. Козловского[311] об этом. Было шикарно и жарко, сломался сначала air conditioner, потом радио. Встретили там и Сарочку Бабенышеву[312] (потом она приехала в Вашингтон) и Леву с Раей[313] (они прибыли из Европы на Queen Elisabeth II)[314] и Азарика[315], с которым потом отдельно еще повстречались. Он среди всего прочего говорил, что у него есть большое интервью с тобой, но кажется еще не расшифрованное. Что делать в смысле публикации?

Писание письма продолжается уже после ужина с Литтелом[316] и звонка к вам. Как действительно все хорошо порой работает, спасибо и почте и телефону. Я тебе очень благодарен, что не забываешь о Лешке, он очень замкнутый парень и его нужно иногда поддергивать, подтягивать туда, куда

ему и самому хочется зайти, в частности, к вам. <…> «Змеиным укусом» с моей стороны, вероятно, был вопрос – что тебе прислать? Защитной же реакцией организма ответ – дубленку. Что делать? Иногда кажется, что все отдаляется неимоверно, стремительно уносится на огромные расстояния, но потом видишь, что даже и там все очень прозрачно и отчетливо и, может быть, даже лучше различимо. Может быть, даже лучше видно отсюда, все обнажилось. Криводушие, во всяком случае, уже не прикроешь ничем, ибо ничем пустоты между актами криводушия не заполняются.

Нам почему-то кажется, что мы еще вернемся, хотя, признаюсь, враждебная сторона родины, ее безобразная харя в огромной степени преобладает над ее милостью, дружбой и красотой. Вас всех, друзей и любимых людей, я, признаюсь, давно уже оторвал, во всяком случае, от Москвы, хотя еще и соединяю с теми местами, где нам чудилась свобода, с Кавказом, с Крымом, а от той Москвы, где некогда восторгалось, воспарялось, дралось и сочинялось «Когда моих товарищей корят…»[317], вроде бы ничего уже банда нам не оставила. Как бы хотелось, чтобы вы хоть в гости приехали! Светлана Харрис теперь будет ловить Солсбери[318], чтобы прислал официальные бумаги. Обнимаю и целую, Маятка тоже. У нее последнее время барахлит слегка почка, я волнуюсь. Послезавтра улетаем в Канаду на 4 дня, и после надо будет ее обследовать. Когда у нас будут стишки Хамодуровой?[319]

Your BAC

Пик и Би Гей[320] – такие настоящие друзья! Она, например, сказала: если какой-нибудь человек встречает в своей жизни такого человека как Б. А., значит он большой lucky man / woman[321].

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру

(на почтовой открытке)
7 ноября 1980 г.

Дорогие Беллочка и Боречка!

Вчера вдруг получили письмо из Амстердама от Зямы[322] с разными милыми московскими подробностями – ВТО, Елисеевский, встреча с вами, Шурик Ширвиндт – и повыли малость от ностальгии. Вообще же для ностальгии времени не хватает, работы много. На днях вернулись из Теннесси. В Нашвиле жили у профессора John H. Cheek. Не знаете такого? Когда-то у него жил Евтух[323]. Миллионщик, пилот, каратист,

знаток китайского и русского, т. е. готов ко всем превратностям судьбы. Пик Литтел сообщает нам московские новости, а от вас мы пока не получили ни одного письма. Наберитесь сил, ребята! Отрыв от Москвы получается здесь очень быстрый и как бы окончательный, но мы этому всячески сопротивляемся. «Ожог» вышел в «Ардисе», постараюсь послать вам дарственные копии. На очереди теперь «Остров Крым». Я понемногу начинаю новую писанину. В конце ноября собираемся в New York. Там русская жизнь довольно горяченькая, с пузырьками, все время возникают разные проекты. Через пару месяцев собираются в Ленинград студенты отсюда. Попробуем устроить для вас посылку. Что нужно прежде всего? Эти ребята едут из Oberlin College, где работает чудеснейший человек Володя Фрумкин[324], друг Булата[325], между прочим. Очень волнуемся за Войновичей, мне правда, кажется, что это они[326] просто решили его помучить напоследок и отпустят.

Целуем. Вася, Майя.

Майя Аксенова – Белле Ахмадулиной

Осень-зима (?) 1980 (?) г.

Белка, милая!

Послали тебе маленькую посылочку с Мариной[327], но теперь не уверена, что вещички тебе подойдут. Васята говорит, что я немного преуменьшила твои габариты. Так ли это?

Белочка, нам необходимо свидетельство о браке. Оно находится у Гали Балтер[328]. Пожалуйста, возьми его у нее и передай Пику. Хотелось бы подробнее узнать о твоих планах и о жизни наших бунтарей. Узнаем обо всем в центральных газетах (NYT и т. д.).

Всех целую.

Майя.

Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым

4 января 1981 г.

Родные, любимые, даже не знаю, с чего начать.

Начну с благодарности за посылку, я в ней прочла вашу любовь и заботу (как ни намекала М. Ф.[329] на участие своего точного вкуса, но мне лишь Майя могла так выбрать и купить, так любовно и так впопад). Спасибо вам.

Вообще же признаюсь, что я совершенно уничтожена истекшим годом и не надеялась дожить до этого, с которым поздравляю вас. Пусть этот первый ваш год там, где нет нас,

будет для вас добрым и упоительным. Хоть душа всегда о вас печется, за Ваську я как-то спокойна: верю в его силы, в расцвет таланта – или как это сказать, не знаю. А ты, Маята, не печалься, ведь все дело в этом расцвете, раз уж я выбрала это условное слово. Короче говоря: пусть Бог хранит вас, и станемте молиться друг за друга.

То, что было до, – вы сами знаете. Остальное вы тоже знаете: ваш отъезд. Смерть Володи[330] (не знаю, что ужасней: быть вдали или совсем вблизи). Ужасное влияние этой смерти на всех людей и на ощущение собственной иссякающей жизни.

Вскоре хоронили Тышлера[331].

Потом все силы уходили на Володю Войновича, на непрестанную тревогу о нем, на две тревоги: хочу, чтобы уехал, и не умею без него обходиться.

Проводы и отъезд Копелева; здесь у меня было какое-то утешение: ну, стихия немецкой речи и прочее.

С Володей же мы как-то кровопролитно близки, уж некуда ближе, а все сближались. Его действительно трагические долгие проводы (лишние слезы на аэродроме из-за лишнего хамства).

29 утром умерла Надежда Яковлевна[332] – я бросилась туда. Не стану описывать подробно страшную бабу «ЗАМОРОЗКУ», привезли – 30-го, опоздав на сутки[333], вдребезги пьяного форматора, привезенного мной для снятия маски, кстати, до сих пор неизвестно, что с маской, потому что по неизлечимому безумию я отдала деньги – до. Священнослужители и милиция, милиция (то есть у них закон: что одинокий человек и так далее. Но в морг увезли, по-моему, потому, что мы дали оповещение о смерти, я через Сэмюэля[334], помните такого?).

Новый год мы встречать не стали (Боря еще был вовсе болен каким-то вирусом, с которым он не мог вылететь из Душанбе, а уж вылетев, приземлился в Риге, откуда не мог вылететь, а уж добравшись до мастерской, увидел на дверях записку о смерти Н. Я., что я там, но и ключ был – там. Так что он стоял на освежающем ветерке, температура у него была 39,9°).

Не стали встречать, я говорю, но без чего-то двенадцать появилась пьяная, веселая Лаврова[335] с каким-то особенно неуместным голосом, Савелий Ямщиков[336] и его ученик и приспешник Миша[337].

Я все время плакала, но условно мы чокнулись за Новый год, я думала о вас и о Володе, с которым перед этим говорила по телефону.

Лишь в три часа 1 января Надежду Яковлевну перевезли из морга в церковь (маленькая такая, возле Речного вокзала) и там оставили на ночь. В одиннадцать часов 2-ого января – отпевание.

Собралось несметное множество народу, для этой церкви чрезмерное и удивительное, в каком-то смысле – радостное, утешительное. Затем, в два часа, – Старое Кунцевское кладбище, где людей стало еще больше. Место на кладбище устраивали интригами через Литфонд, и хоронильщик этот, давно уж мне известный своей резвостью и глупостью, повелел, едва вошли на кладбище: вот здесь ставим на каталку, здесь забиваем и катим. Народ возроптал, мужчины подняли открытый гроб, очень сплотившись – скользко; шел редкий мрачный снег.

За гробом шли юные и молодые люди и пели положенное церковное – к ужасу хоронильщика: он бегал вокруг, озирался и бормотал: к чему это? зачем это? И вдруг возопил: «Стойте! Где каталка? Кто последний видел каталку?» Скорбная, прекрасная процессия продолжала свое пение и движение. Судьба каталки – темна. Украл кто-нибудь?

Повернули к могиле. Процессии пришлось двоиться, троиться, делиться на множество течений, люди наполняли эту часть кладбища, но не могли подступиться к отверстой могиле. Пение продолжалось, и лишь поющие точно знали, сколько оно будет длиться. Могильщики явно этим тяготились. Наконец, гроб опустили в могилу, посыпалась земля. И вдруг вихрь налетел и сотряс вершины деревьев – так грозно и громко, что все люди подняли к небу лица и потом многозначительно переглянулись.

Это множество людей производило (наверно, на каждого из них) большое, благородное, но и несчастное впечатление: вот, не вышло по-вашему про одинокого человека; вообще ничего у вас не вышло, мы еще люди, и вот как нас много – да, но это все, что осталось.

Н. Я. не была одинока: ведь я – налетала и улетала. Знаю, что Н. Я. любила эти налеты, очень дорожила ими, любила Борю (из-за болезни он мог только сидеть в машине у церкви и выйти, завидев выносимый гроб). Я – налетала: с обожанием, с умом, с цветами, с пустяками. А кто-то – был всегда. По очереди. Денно и нощно. То есть я знаю, кто и каковы – их много.

Васенька, ладно, а то сейчас придет Пик, а я не успела тебе сказать почти ничего. Про Надежду Яковлевну я напишу и пришлю тебе.

Но и те люди – по уговору меж нами – напишут. Они – не писатели, не склонны писать. Но они слышали ее последние слова, а до этого – слова, оговорки, замечания и признания.

Но не поняла я наших поэтов в одном: как они не позвонили мне в дни Надежды Яковлевны? Я бы от них ничего не взяла, потому что Н. Я. от них бы ничего не взяла, но даже так называемые поэты должны были позвонить. Разумеется, это

касается, кажется, лишь двух знаменитых. Остальные – кто звонил, кто пришел, а кто сердцем весть подавал…

Васька, родной и любимый, все остальное ты или знаешь или можешь вообразить. Например, Борю не пустили в Болгарию. Он туда и не собирался, просто, по требованию болгар, он делал для них оформление «Лебединого озера».

Вообще же мне очень нужно, чтобы у вас было – хорошо. Потому что у меня – сами видите. Да и как-то: не болит вроде ничего, а сердце – бедствует и жалуется.

Володька[338] звонил 31-ого, сказал, что вы говорили по телефону – вы и впредь говорите, потому что он был очень печален.

Со мной по-прежнему никто не борется. По-моему, приглядывая за моей жизнью, они догадались, что, если дальше так пойдет, – в борьбе нужды не будет. Ничего себе – новогоднее письмецо! Прости меня за все вздоры. Вот съеду в Переделкино, успокоюсь, Бог даст, напишу что-нибудь – и полегчает.

Целую, целую тебя и Маяту. А то – Боре только страничка осталась. Я всегда ощущаю, что вы меня помните и любите. Майка, ты получила свою коробочку? Уверена, что – да, я очень давно ее отправила. И письмо через Светлану – ведь получили?

Ваша Белла.

Оказывается, Борька вам отдельно пишет, значит, страничка – моя.

Наверно, про «Клуб беллетристов»[339] вы слышали? (Кормер[340], Попов[341], Козловский[342] и двое, кажется, других.) Во всяком случае, я сделала, что смогла, чтобы вы – услышали (Тони Остин)[343]. 17-ого января говорит мне Ерофеев[344], что вот, послали члены упомянутого клуба письмо в какие-то мелкие власти. Что-что? – говорю, – они ждут, чтобы поощрили их клуб, который, как они пишут, есть? Пусть они ждут обысков.

Обыски были – 19-ого, как только письмо было получено адресатом. А дальше – знаешь, наверное. Вообще же Попов и Ерофеев (не участник «клуба»), Кублановский, Рейн, Кормер, Битов[345], когда не в Ленинграде, – частые гости мастерской и живем дружно (если я не задираюсь). Булат – очень мягок, страдая, что разминулся с тобою, долго услаждал пением Володю[346]. Смешно: после проводов Володи Булат, Чухонцев[347] и еще двое полтора часа висели в лифте, пока я не выкупила их за бутылки. Володька к Мюнхену подлетел, а они – висят, и говорят Остину: снимите нас за решеткою.

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной

Конец января (?) 1981 г.

Белка дорогая!

Мы приехали сюда[348] 22 января и на неделю поселились у Дина[349]. Твой blue joy тут же явился и осведомился – а где, мол, Белка и Борька? Дин завел себе на дому девушку по имени Эмили и собирается на ней в скором времени жениться, то есть получил уже licence на это дело.

Потом мы сняли квартиру в Санта-Монике в пяти минутах ходьбы от пляжа, тебе эти места хорошо известны. Venice[350] стал за последние годы очень чистым и даже слегка респектабельным, хотя еще и вывешивает лозунги типа «Моральное большинство – ничто! Вэнэс сопротивляется!». Вообще же американы за истекшие пять лет стали как-то посерьезнее, меньше стало в Калифорнии карнавальности, хотя роликовое конькобеженство неистовствует. Пешеход по-прежнему странная фигура в L.A.[351] Естественная фигура бежит или на роликах шпарит.

Здесь уже в Santa Monica получили кучу писем от вас из Москвы, очень, разумеется, возбудились, воспылали, разгорячились и огорчились. Приляпанноть нашу к России, видимо, ничем уже не оторвешь, никакими ублюдочными указами. В газетах ищу только русские репортажи и уж потом зачитываю остальное, по TV только тогда подпрыгиваем, когда Cronkite[352] начинает что-нибудь про Россию или про Польшу[353], ведь о Польше сейчас – это вдвойне о России. В прошлую субботу в сатирической программе Saturday Night Live[354] пошли экстренные новости: Польша вторглась в Советский Союз, польские войска продвигаются к Москве, польский посол в UN[355] заявил, что это не военная акция, что действия польского правительства направлены лишь на стабилизацию Советского Союза, однако польская армия рассчитывает добиться успеха, используя элемент внезапности.

Мы как раз недавно говорили, что прошлый год со всеми высылками и смертями прокатился по тебе бульдозером. Ты замечательно описала похороны Надежды Яковлевны. Мы увидели вас всех, окруженных видимой и невидимой сыскной нечистью, и пожалели, что нас нет с вами, могу себе представить тот душевный подъем и порыв ветра в деревьях и депрессуху потом.

С Володей Войновичем мы говорили один раз по телефону, я позвонил на следующий день после их прилета, он был еще совершенно обалдевшим. Сейчас, говорят, он в хорошей форме. В мае мы увидим его, а также многих других бродячих русских классиков, здесь в Лос-Анджелесе, будет трехдневная, весьма широко задуманная конференция «Русская литература в

изгнании»[356]. Недавно, окидывая взглядом место действия, т. е. our Earth-mother-planet[357], я насчитал по крайней мере 50 более-менее известных имен русской литературы, оказавшихся за бугром. Беспрецедентная, вообще-то, херация на фоне так называемого мирного времени.

Я так и предполагал, что ваш дом волей-неволей станет центром загнанной нашей московской братии и ты сама просто в силу своей душевной сути окажешься главной фигурой Сопротивления. Это, конечно, красиво сказано, и мы восхищаемся тобой и такими ребятами как Женька Попов, но беспокойство за вас сильнее восхищения. Женька пишет, что ситуация сейчас решительно изменилась и впрямь – к таким мерам как «официальное предупреждение писателя» банда еще не прибегала. Я представляю себе, как они обложили мастерскую и дачу, как подсматривают, подслушивают и поднюхивают. Очень хорошо по себе знаю, как велико напряжение в такой ситуации. И в то же время, я решительно не знаю, хорошо ли будет для тебя – уехать. Майка считает, что плохо. Я не уверен. Прожить еще в условиях чрезвычайно благоприятной и благожелательной университетской среды вполне можно, работа, стипендии будут и у тебя и у Бориса, хотя этот предмет просит серьезного взвешивания – цены все растут, налоги огромные и т. д., однако главное, как ты понимаешь, не в этом, а в том почти космическом отрыве от родины, и не сам себя чувствуешь заброшенным, а напротив, твоя огромная рыхлая родина становится для тебя в отдалении чем-то покинутым и любимым, вполне небольшим, вроде щенка или ребенка. Даже порой всю сволочь, что формирует образ зловещей Степаниды, забываешь. Засим возникает естественное: кому принадлежит Москва – мне, Белле, «Метрополю» или нелегальной банной бражке? Конечно, может быть, тут возникнет идея Сопротивления. Я может быть не до конца дрался, но все же дрался, сколько мог, и отступил с боями и крови им все же попортил немало. И у каждого честного нашего человека есть выбор разного рода и все варианты (приемлемы при сохранении достоинства, то есть того, от чего они больше всего и скрежещут). Словом, на всякий случай, Дин Дабль-ю-ар-ти-эйч[358], начал копать свой ректорат на предмет вашего приглашения, тебя к славикам, Борьку в School of Art[359].

Это просто подготавливается шлюпка, а вовсе не сирены поют, прошу учесть.

Мы после конца семестра, т. е. в июне отправимся обратно на East, но еще неизвестно куда – в Washington DC[360] или NYC[361], так как есть предложения на будущий год из двух этих столиц, но еще не вполне определенные. NY конечно соблазнителен русской

средой и огромными возможностями всяческой деятельности, но уж больно обшарпан и грязен. В Washington больше будет времени для писаний. Кстати, понемногу кропаю с Божьей помощью новый роман. «Крым» в скором времени выходит в Ардисе. Там все еще есть идея, и она крепнет, выпустить книгу (твою и о тебе) вроде булатовской, со стихами, прозой, фотоснимками и т. д. Сообщи свои пожелания. У Дина твоих налоговых денег не было, но он будет выяснять в своем финансовом отделе, уверен, что не пропали. Сообщу, как выяснится. Поехал ли в Париж Андрей? Недавно прочел в Newsweek кой-чего про Евтушенко. Очень жалкое впечатление. Лучше бы уж не высказывался.

Обнимаем вас и целуем. Храни вас Господь. Ваши Вася и Майя

Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым

Март 1981 (?) г.

Родные Вася и Майя!

Помню, на чем остановилась давным-давно: у меня есть огромное письмо к вам, переогромное – и пришлю. Так и было, но, вернувшись из гостей, я так его переогромнила, что утром осерчала и порвала. Помню, что последнее упоминание о «Каталоге» несколько было небрежно – я тогда еще не читала его, затем прочла и всем пяти авторам предъявила мой совершенный привет (Пригов[362] и Харитонов[363] были для меня внове).

Сейчас – в некотором смятении: Боря предупредил, что приедет Пик, и я тороплюсь. Столько всего – к вам, главное же – непрестанной нежности и тоски. Как часто, сильно и томительно вы мне снитесь! И всегда – не просто, со значением, в которое потом с печалью вникает дневная душа. И в каждом сне – ощущение вашего соучастия, действенной взаимности, простертости в мою сторону – спасибо. Спасибо и за «Континент», за Васькино замечательное интервью.

Все же, наспех, по порядку. По добрососедству моему я близко участвовала в бедном завершении жизни Вергасова[364]: в больнице и во всем, что потом.

На скромных поминках сидела рядом с его братом, учителем с Кубани, он сетовал, что – не пышно, без начальства. Вдруг – начальник входит. Я отпрянула на другой конец стола, он покосился на Липкина и Лиснянскую, имеющих с покойным свою какую-то связь.

В своем кратком скорбном слове начальник этот перечисляет все трудности нашего международного положения,

предостерегает о беспечности к польской опасности.

Я: Послушайте, ваша Кузнецов[365] – фамилия?

Он: Вы же знаете.

Я: Меня с вами прежде никто не знакомил, а теперь – поздно.

Он: Вы – женщина, и вам прощается.

Я: Никогда не заметно было, чтоб вы, уничтожая и сажая, считались с полом.

И – так далее.

Я: Здесь – поминки, вы не заметили? Здесь люди собрались. А вы – нелюдь, нечисть – и делать вам здесь нечего. (Сама – в ужасе: дом не мой и поминки не мои.)

За его спиной девка Люська (оказалось – жена его) делает мне знаки.

Все это (может, вы уже знаете от Инны) затем описываю, что до сих пор не понимаю продолжения.

Наутро прибегает Каверин[366]: Беллочка, что именно было (он уже знал от Лиснянской)? Звонили из ЦК (по-моему): что с Беллой? Почему она так нервничает? Мы не считаем ее изгоем, почему она отказалась от публикаций, от телевидения?

Далее – и впрямь, звонит Широков[367] (хороший) из ЛГ: дайте стихи. Я думала, думала, потом дала: про Высоцкого, про Цветаеву и «Сад».

В то время – я плоха была, такая, как в письме про Н. Я.

(Да, кстати, Борька тогда делал «Лебединое озеро» для Софии. В Болгарию, конечно, не пускали, но он собирался лишь макет и эскизы отправить и деньги получить. Вдруг говорят: вылетайте в Софию, спектакль срывается. Он несколько раз летал и возвращался.)

Сдав макет и эскизы, Боря прилетел и нашел меня – обезумевшей от похорон, девятых и сороковых дней и от жизни.

Как-то его осенило: отправить меня в безвестный и захудалый художнический дом под Тарусой (летом – пионерлагерь, поэтому обитель моя называлась «пионерлагерь „Солнечный“»).

Там, через десять дней мрачности, я начала писать стихи: днем и ночью.

Там же получила «Литгазету»: стихи к Цветаевой и «Сад» (твой).

Я уехала из Тарусы первого апреля: с грустью и с пачкой стихов.

На 3 и 4 были назначены концерты в Риге (общество книголюбов), на стадионе. Звонит устроитель: ЦК запрещает как бы не выступление, но объявление, а про выступление как-то уклончиво говорит. Устроитель Юрис возражает, что они коммерческая организация, надо продать 7 тысяч билетов. С

угрозой говорят: разбирайтесь сами. Билеты были проданы – без афиши, и свою тысячу рублей мы получили (это было кстати: в Риге и на побережье начиналась весна, и все вспоминали мы тебя в пустых барах и ресторанах).

Рижане очень ликовали, очень были благосклонны, Юрису – не попало, он все время был страшно испуган и после второго выступления на стадионе жутко напился.

Но дело было в том, что я была уже не та, претило мне стоять на сцене. Хоть стояла я хорошо (публика заметила: никаких посвящений Жене и Андрею), четко, печально.

И все же – ощущение какой-то неправедности, замаранности осталось у меня. Вскоре я опять вернулась в Тарусу, но в стихи было вернуться трудно. (Все же опять много написала за 17 дней.) Правда твоя, Васька, насчет романтического image. Казалось бы, что лучше: читаю огромному бледнолицему залу про Пастернака, Цветаеву, Ахматову и новое – медленное, непонятное.

Но радости уже нет от этого. Впрочем, с выступлениями опять все заглохло, так что тужить не о чем.

В сей миг вошел Дмитрий Александрович Пригов. Теперь он читает Васино, а я пишу Васе.

Вася, я так быстро и некстати перечисляю все эти скудные подробности жизни, потому что и сама не знаю: к чему ведут они?

Про советских и меня понятно, что они решали и решили, до поры до времени, – не трогать меня. Да и не до меня им: у них опять собрания, съезд и прочая.

Но и я их видеть не могу и соотноситься с ними не могу. (В маленьком случае: идем с Лизой[368] по улице, Карелин[369] норовит сунуть руку, я руки за спину: «прочь, прочь, не надо этого». В случае всей жизни – ведь то же самое.)

Стихи же новые, по дружеской просьбе Фогельсона[370], сложила, отдала ему.

Да, стихи. Я их все пришлю тебе.

Приехал Пик.

Васька, я сняла что-то в Тарусе, опять хочу поехать, уже с детьми.

По приезде – все-все, что написала, пошлю тебе.

Пока же, прости, что написала как-то все не так, как живу, как горько люблю вас, как безнадежно обо всем думаю.

Одно несомненно: лишь стихи и прочие писанья ответят мне на все мои вопросы, с которыми лишь к судьбе могу взывать.

Вася и Маята, Пик и Бигги[371] – уже едут.

Я все написанное – пишу в Васину тетрадь, чтобы и Вася написал.

Теперь – примите разрывание сердца, любовь мою и Бори и, Вася, – любовь множества людей.

В следующий раз напишу – лучше.

Липкин – счастлив из-за книги![372]

Целую. Ваша Белла.

Многого не успела.

Вот, смешное. Приходит молодой человек, с тайной рукописью, с письмом от Владимовых.

Кладет все это в ящик № 30 (как у нас) соседнего дома.

А там живет кто-то мрачный в отставке, ничего не отдает.

При Боре входит в наш подъезд, смотрит: кто живет в № 30? Все сцепились, но он не отдал ничего – нам.

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной

2 июля 1981 г.

Дорогая Белка!

В столице нации нас ждала радость – пакеты от Пика с твоими страницами и даже роскошнейший альбом (кто тебе их делает? С таким искусством здесь можно хорошо торговать по университетским кампусам). Я алчно к нему кинулся, предвкушая содержимое, но оказался пуст, предназначен для заполнения мною – хитрая какая – придется писать. Начну, пожалуй, в нем «Гавайский трактат», он располагает к этому цветами и листьями. (До отъезда из Калифорнии мы побывали на двух островах Гавайского архипелага и не пожалели, а напротив – очаровались.) Что касается писаний, то этому делу, конечно, мешают наши постоянные разъезды и переезды, а также университетская и общественная работа. Тем не менее навалял маленькую повесть «Свияжск» (первая в эмиграции) и послал в «Континент». Первая мысль, конечно, была о «Новом мире», но потом подумал – Наровчатов, хоть и дерзкий человек, не донесет, пожалуй, даже до дядьки Альберта[373], в лучшем случае Евтушенке покажет. Теперь буду понемножку валять роман, начатый еще в Мичигане. После выхода «Острова Крыма» начал я первое в своей жизни капиталистическое предприятие. В издательстве «Эрмитаж» Игоря Ефимова (звучит громко – на деле же это просто Игорь и Лариса в подвале собственной квартиры) издают за свои деньги «Аристофаниану с лягушками», сборник пьес. Если тираж 1000 разойдется (большой вопрос), это принесет мне несколько сотен дохода, которые я по примеру некоторых классиков соцреализма[374] внесу в бельгийскую оружейную промышленность и вскоре стану миллионером.

Слухи о Тарусском сидении дошли до нас уже давно, стихов пока нет. Жаждем. С удовольствием и радостью прочитали подборку в «ЛГ». «Сад» с такого расстояния еще более великолепен. Значит, полезно иногда по морде сволочь. Рассказанный тобой эпизод с Кузнецовым лишний раз подтверждает то, что он не вполне прогрессивный, сексот патриархального толка, не понимает современного феминизма. Женщины борются за то, чтобы их избивали наравне с мужчинами, а жлобы-сексоты все по старинке, принцип очередности соблюдают.

Очень жалко Илью[375]. Сколько его помню, он всегда выражал презрение к Степаниде В., был искренним и даже пытался бороться, несмотря на все свое простреленное и изувеченное. Передай, пожалуйста, наше сердечное соболезнование Лиде.

Как я понимаю, Пик забрал твое письмо и в тот же день передал тебе наше с копией приглашение от Гаррисона Солсбери. Любопытно, дошел ли оригинал по почте? Есть ли у вас идеи насчет возможного приезда в том смысле, что – собираетесь ли рыть землю? Я думаю, что есть смысл, и я не согласен с Пиком, что вас тогда автоматически лишат гражданства. С какой стати? Вы не такой еще гад-отщепенец, как другие. Приглашение Гаррисона, как ты понимаешь, любезная формальность. Он о вас заботиться не будет, о чем он меня тактично предупредил по телефону. Однако, если мы будем знать заранее, мы подготовим здесь все – и тур по университетам, и жилье в разных городах, не говоря уже о столице мира капитализма, жителями которой мы теперь имеем себя быть. (Новые координаты у Ника и в письме Попову). Дин Уорпфстор[376] даже обещал устроить в UCLA[377] циклы для тебя и Бори, но на него сейчас полагаться трудно: он женился на девушке Эмили и как-то стал все то ли забывать, то ли слегка чураться. Например, мы его несколько раз просили выяснить, где твои деньги income tax return[378], и он всякий раз обещал, но так ничего и не сделал. Теперь мы уже махнули рукой и обратились к нынешнему chairman'у[379] Мише Флайеру, а вот от него можно ждать реальной помощи.

В течение лета у тебя должны появиться разные калифорнийские люди – Марина, Линда, Майк Хайм. Пожалуйста, передай с ними свои идеи и соображения или, как бы написал Г. Боровик[380], «свои надежды и чаяния». Впрочем, сейчас, заглянув в твое письмо, подумал, что тебя летом не достичь, если уезжаешь в Тарусу. Даже и это мое письмо неизвестно когда к тебе прибудет.

В снах уже все перемешалось. Вот прошлой ночью видел вас

обоих – будто Боря ходит, что-то готовит в помещении, чем-то распоряжается, а ты собираешься читать, но где это происходит – в Москве, в Лос-Анджелесе, на Гавайях?

Мы сняли квартиру в большом доме недалеко от американских святынь. Город нам нравится, пожалуй, самый европейский из всех американских. Люди сидят в открытых кафе, чего в LA не увидишь, по ночам в Georgetown как на Saint German de Pres, молодежь, саксофоны, все в шортах.

Мы еще ничего не видели, потому что озабочены пока столами и стульями. Только вот вчера смотрю – у решетки Белого Дома чувачок с плакатом «Лицемеры, лицемеры!» стоит и курит, и лицемеры его лицемерно не трогают.

Впрочем, увы, далеко не все здесь так идиллично. Сегодня в газетах ужасная история. Юношу-провинциала в Нью-Йорке толпа подонков ограбила, стащила штаны и с хохотом гнала по 42-й улице, пока он не бросился на рельсы сабвея.

В заключение маленькая история из разряда бочкотары.

Незадолго до нашего отъезда в LA[381] появился мосфильмовский человек Тарачихин[382], чем-то отдаленно напоминающий моего Телескопова. Он был ассистентом в группе Бондарчука[383], а энтот маэстро снимает кино-поэму о пламенном революционере Дине Риде[384] под зловещим названием «Красные колокола»; съемочная площадка располагается в Мексике, откуда товарищ Тарачихин (17 лет партстажа) вдруг, забурев на неделю – петушиные бои, красотка Гваделупа, покито, синьоры, до краев не наливайте), вдруг рванул через американскую границу и попросил свободы. Мы его видели – типичный мосфильмовский шестидневный загул, после которого с удивлением просыпаешься в Свердловске или Риге. В данном случае – Лос-Анджелес.

Обнимаем и целуем. Нежнейший привет Семену и Инне и всем нашим.

Ваши Вас и Май.

Не случается ли тебе иной раз по соседству встретить Кита? Так его люблю и жалею – каково парню иметь такого отца-отщепенца. Мне кажется ли иногда, что может случиться новый 56-й год?[385]

Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым

8 июля 1981 г.

Вася! Майя!

Всю прошлую ночь (на вторник 7 июля) я была с вами, писала вам письмо в Тарусе. Кончалось оно описанием восхода солнца

(вы – напротив, я оборачивалась и целовала бездну между мной и вами), а кончилось – в печке.

Я приехала в Москву, чтобы завтра (уже светает: 8 июля) отправить вам письмо. Взять мне его негде: то в печке, а этого еще нет.

Вчера, в это время предрассвета, я так вам писала: глубокая ночь в Тарусе, я – из Оки, мокрая, на рукаве халата (Майкиного) сидит мощная угрюмая треугольная бабочка, уцелевшая от – чтобы вы ее увидели.

Я – совсем съехала из Москвы в Тарусу. Сняли захудалый слабоумный домик, налево – могила Борисова-Мусатова, направо – танцплощадка, площадка – танц (из стишков моих) на месте дома Цветаевых. («Ленинград, я еще не хочу умирать…»[386] – Пугачева, ни в чем не повинная.)

Вчера я писала: передо мной два вида: Мауи (целовала открытку в ваш балкон, в океан и в купальщиков даже) и не-вид из-за лампы на Оку – совершенно вблизи вид на распластанных на стекле, бедно обнаженных насекомых.

Бабочка на рукаве – тревога всеведущих и ищущих еще какого-то сведения усиков или как их назвать… затем убрала, сошла с рукава и сидела на письме к вам.

Я так сильно, так нежно ощущала вашу близость, нашу неразрывность.

Писала про поэта Сиренева[387], обитающего в Тарусе, подлежащего непрестанному бесполезному вдохновению, про то, что втайне чертополохово завидую его персидской кустистости и легкости руки.

Писала про Н. Я. Мандельштам, как она мне сказала: «На том свете пущу тебя к Осе». Я: «А я – не пойду». – «?» – «Н. Я., вы же не предполагаете, что я на том свете буду развязней, чем на этом».

О том, как меня снабжала неуверенностью во всем ее мысль: когда они увидятся с Осипом Эмильевичем?

Я заметила, что встретились в день 13 января (я забыла, что Новый год). Очень плакала в церкви. «…плавающих и путешествующих…».

Слезы мои стали неопрятно велики, прочь, через могилу Б. Л.[388], … через бар, где тогда почему-то упадали на пол, просительно цапая меня за… ноги безусловные «русские» советские писатели.

Но писала я о смерти Жени Харитонова, которого (из «Каталога» и вообще) безмерно выбрала, полюбила и поощряла – совершенной дружбой и приветом слов души о его таланте, о том, что все обойдется (он этим не дорожил, то есть не моим приветом, а благополучным продолжением).

Боря приехал ко мне в Тарусу с вестью о его смерти, и благодарю Борю, что почти не смог удержать слез. (Он же дал оповещение.)

Стихи все не перепишу для вас – много уж набралось, вы рады будете.

Я совсем ушла – прочь, Таруса это и иначе, выше и географически удостоверила.

Сегодня (вчера уж) была девочка Линда из Лос-Анджелеса: привет от Ольги[389] и – главное – видела вас так недавно. Чудно рассказала, как ты, Вася, говорил со спортсменами и как Маята прекрасна и прелестна – и на ее, девочкин, взгляд.

Васенька, я-то – что, понятно, что не расстаюсь, я уж писала тебе, как сны о вас убедительны настолько, что опасаюсь наяву: не изнурительно ли для вас так не покидать меня? – но дорожу тем, что множество людей измучены осязанием твоего отсутствия. Тут и молодежь с ее темно-светлым туманом сознания, влюбленным в предполагаемую спасительность чужеземства, и прекрасные родные, не ищущие спасения, и официантки[390] (очень!), и – вся наша Бочкотара, в честь которой посылаю тебе ложку[391] из тарусской забегаловки, сразу же Борей взятую – для тебя.

Советские со мной – грациозны, совсем не трогают, я это уж нежностью считаю (отлучки из этой нежности даже на два месяца не могу вообразить).

Что не выступаю – рада. (То есть: выступать – дико для меня, кроме – если позовут, как недавно Протвино: физики, свободны, сулили 200 р., однако запретил местком или парт– всемогущим ученым.)

Жили – как всегда, как ты знаешь. Капали эти: один к двум, на это же машину купили, старую продали.

Совершенно не имеет значения, но вспомнила: об этих американских деньгах (небольших) банк присылал оповещение, доверенность валяется у Дина, он забыл, да и не важно[392].

Боря меня отругал за вздор.

Что Дин и его невеста? Поцелуйте его каким-нибудь воздушным или другим для всех вас не обременительным способом.

Опять светает. Сутки назад я все доводила до вашего сведения (чтобы опять вернуться к письму и к вам) все цвета нежно крепнущего восхода, его прелесть и радость, которую я словно от вас приняла и с обожанием и благодарностью совпала с вами – как всегда и навсегда.

Меня и утешает и устрашает ощущение столь явной для меня нашей нерасторжимости.

Всегда – неуклюже, но впопад – молюсь о вас.
Ваша Белла.

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру

(на почтовой открытке) Август (?) 1981 г.

Дорогие Белка и Борька!

Получилась дурацкая вещь. Мы забыли № дома на Воровской. Поэтому на всякий случай посылаю и туда и сюда, отсчитав на память дома от ЦДЛ, блаженной памяти. Мы еще блуждаем по Европе, так что нового адреса сообщить пока не можем. Правда через неделю выезжаем уже по местожительству и оттуда сразу напишем подробно. Вот в этих Альпах Доломитских, в Кортина Д'Ампеццо, отдыхали десять дней. Иногда похоже на Грузию, иногда на Крым. Жители и туристы разнообразные. Масса писателей. Привет от Джанкарло Вигорелли[393].

Очень скучаем по друзьям. Часто вас вспоминаем, любим, целуем, обнимаем, выпивая пива (оно здесь нынче уродилось), вспоминаем и хнычем.

Вася, Майя

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру

(на почтовой открытке) 19 августа 1981 г.

Дорогие Б & Б!

Это фривольный остров, о котором в путеводителе Кука написано, что он не для family holidays[394]. Мы на нем были всего 3 часа и ничего особенного, кроме загорелых девок, не заметили. Вообще греческие острова похожи все на Коктебели, хотя, увы, по сравнению с Коктебелем на них чего-то не хватает и что-то в избытке. Белка, ты, кажется, здесь уже бывала, во всяком случае, твое присутствие ощущается.

Завтра летим в Париж и оттуда домой, в Вашингтон. Целуем

M&V

Забыл сказать, что пишу на острове Эгина в деревушке под звучным именем Пердика и смотрю на яхту *Эвридика.*

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной

5 ноября 1981 г.

Дорогая Белка! Пишу на скорую руку. Три дня назад

произошло несколько ошеломительное событие – пришло (дошло) письмо от умершего Жени Харитонова. Оно настолько удивительное, так явно раскрывающее его личность, что я решил его опубликовать и вообще подготовить журнальную или газетную («Русская Мысль» или «Новое Русское Слово») публикацию об этом писателе. Кроме письма, здесь могут быть отрывки из поповского описания его последних дней и похорон (разумеется, без упоминания имени автора), мои собственные какие-то строчки… может быть, что-нибудь твое?… отрывок из его прозы (книга пока еще не дошла до меня, но уже на пути из Нью-Йорка), и очень хорошо было бы получить какие-нибудь фотографии. Пожалуйста, спроси у Попова, не может ли он достать фото. Я помню (не помню только при каких обстоятельствах), что видел в Москве какие-то впечатляющие снимки, особенно один групповой запомнился, среди художников; типичное московское «подполье» (не в большевистском, разумеется, смысле слова).

В письме Женя выражает желание увидеть свою книгу, прежде всего в виде репринта, т. е. со всеми помарками, исправлениями, опечатками и т. д. Я думаю, что «Ардис» это сделает в достаточно короткий срок.

Мне бы хотелось, чтобы Харитонов, не став членом писательского сообщества, оказался одним из его героев. Судьба его мучительна посреди имперских (как он пишет) пружих когорт.

Вкладываю в конверт два экземпляра книги Юры Кублановского. Еще два остаются у меня для следующей посылки. Передай ему при случае от нас поздравления.

От Семена[395] недавно было письмо, и мы порадовались, что наши поздравления дошли до него вовремя. Неделю назад его и Инну приняли почетными членами в Американский Пен-клуб. Слышали ли они об этом?

Вот последние новости для Евг. Козловского (что-то сплошные вокруг Евгении, а?): «Красная площадь» идет в №№ 30 и 31 «Конти»[396]. То, что Горбаневская нам об этом рассказывала в Торонто, прямо скажем, не очень-то мягкого свойства. Роман опять поплыл через Атлантику к нам, так как батька Емельяныч[397] его печатать не будет. Может быть, здесь все-таки найдется издатель, может быть, Эд. Лазанский[398] из Сахаровского Комитета?

Тебе, конечно, Белочка, не нужно утруждаться с этими сведениями, а просто лишь передать все Попову. Его вторая книга будет принята «Ардисом», и это очень хорошо, потому что лучше пока здесь нет издательства для русских.

Все тянется томительно долго, почти как в «Совписе». Перевод, например, «Ожога» даже еще и не появился на поверхность, хотя срок сдачи прошел два месяца назад, да и вообще все эти переводы лишь в редких случаях имеют отношение к литературе.

Со времени отъезда Пика ничего о вас не слышали, да и вообще ничего о Москве, кроме рок-оперы[399] Лен. комсомола в новостях, да подлодочки нашей, захваченной циничными шведами[400].

Нет, вру, еще дошло, что Пастернаков выгнали с дачи[401] и поселили там полнейшее животное по имени Карпов[402]. Правда ли?

Появлялся ли у вас Кит? Есть ли у тебя с ним какой-нибудь контакт? Телефон на Красноармейской один раз ответил, а теперь опять молчит, подозреваю мадам. Получили ли калифорнийские бумаги на подпись? Недели через три в Москву поедет очень симпатичный парень из Кеннан Института по имени Марк. Дам ему ваш телефон, если не возражаете. Как прошла Борькина выставка?[403] Целуем и ждем писем.

Ваши Васи и Майи

Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым

11 декабря 1981 г.

Милые родимые Вася и Майя!

Всякий раз затрудняюсь начать: мое соотношение с вами, во сне и наяву, столь непрерывно, что думаю – на чем же я остановилась? и не думаю, что вы это не знаете. Я и пишу вам чаще, чем отправляю письмо. Обычно это потому, что, выпив или выпивая, сразу же устремляюсь к вам – со сбивчивым перечнем событий и пустот, любви, слез, шуток и пустяков. Порою – всю ночь. Но знаю, что имею право, – лишенной вас, с кем же мне рассуждать и болтать, пусть и в ночном завихрении ума. Но утром, от привычки к трезвому писанью, рву все это не читая, но возымев облегчение: поговорила. Основная же причина моего важного не-письма та, что я все желала привести в порядок стихи, чтобы послать вам, дело нехитрое, да никак до одного стихотворения, утраченного в черновике, не доходят голова и руки. А без него – не хочу, это стихотворение посвящено Васе (то есть и началось как Васино стихотворение), оно про то, как два солдата убили истопника (близ Тарусы).

Но сегодня, скоро уже, я смогу отправить вам письмо, и спешу.

Вася, ты уж знаешь, наверное, про арест Жени Козловского,

про обыски у Климонтовича, Лена[404] и Кенжеева[405].

Женька[406] позавчера весь день давал показания (с умом и волей).

Женька и его сподвижники по «Каталогу» – вплотную мой круг, то малое и первое, что я могла сделать, я сделала сразу же. Меня тревожат их обстоятельства, да и сама я, не с опаской, но с некоторой мрачностью нервов, ощущаю заботливый прищур присмотра.

Впрочем, я – в порядке, книги же и бумаги вывезли на всякий случай.

Вот, Вася, мой милый бесценный друг, что пишу я тебе вместо стихов и оповещений о том, как парит и бедствует душа.

Вошли Женька и Светка[407] [кстати, Женя говорит, что, когда мы (Боря, я, Климонтович и Пригов) поехали в машине, за нами зачернело]. Ладно, Васька.

Про Кита: когда я получила твое последнее письмо (от 5 ноября), я поняла, что ты еще не знаешь, что я дважды видела Алешу с удовольствием и любовью.

(Вошел Пригов, сказал, что был еще один обыск, у человека, который не хочет быть упомянут, – у Кривомазова[408]. И в Ленинграде нечто в этом роде.)

Да, про Кита. Я говорила с ним по телефону. Он затем сам позвонил и собирался зайти, но пока не зашел. Я думаю, что ему, ребенку и мужчине, – не совсем ловко со мной и с нами. Я всегда очень прошу его располагать моей дружбой, как бы родством.

Дважды заходила Тоня[409]. Я приветила ее – как могла, от тебя и от себя.

Вася, с безмерной любовью и новым волнением читала я «Ожог», теперь его тоже свезли в укрытие.

Я радовалась победе твоей жизни и чудного таланта и победе убиенных над убийцами. Вообще – храни тебя Бог и нас в тебе.

В эти грустные, но напряженные даже до бодрости дни я радовалась чистому дружеству – нас, немногих, и как далеки, чужды мне остальные.

Васенька, пришел Пик.

Целую тебя со всем обожанием.

Маята, милая, целую, не расстаюсь с вами душой.

Но не печальтесь и не пугайтесь там чрезмерно!

Ваша Белла.

Родные Майя и Вася!

Вдруг подумала: с Рождеством и с Новым годом!

Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым

27 декабря 1981 (?) г.

Милые родные Вася и Майя!

Я провела с вами единственно и совершено счастливый мой день: 25 декабря. Я не видела ни одного человека, лишь птиц в окне и собак. Я медленно ходила, смотрела, улыбалась, елка громко оттаивала, я повесила на нее вашу иконку, крестик, вернувшийся ко мне от Лени Пастернака, Библию читала. Я не знаю, где про Рождество, и читала псалмы Давида, особенно 1-й, любимый. Все: яркая толчея птиц за окном (четыре сойки, два дятла, поползни и синицы), моя радость, трезвость, тишина – все это было вам, к вам, и ваш ответ был явствен.

Однако икона, и крестик, и Библия не упасли меня от антихристов, вещающих по ТВ о Польше, об Америке – негодуя, я даже усмехнулась, ведь и я думала о вас – в Америке.

Я не писала вам, а всей душой – вплотную соотносилась. А вчера (26) пошла позвонить (в тщетной надежде) Алеше, Кира[410] была так строга и мрачна, что я пообещала не звонить боле. Вася, только не говори ей, не усугубляй.

Вышла от Лиды[411] (где звонила), увидела Дмитрия Александровича Пригова, Н. Ю. Климонтовича и В. Лёна (соблюдение отчеств – правило Пригова). Вновь оповестили о допросах по делу Козловского. Их просьба к тебе – о Козловском, у него что-то еще должно выйти, пусть, но с оповещением, что сидит (статья 190–1, изготовление, хранение, распространение клеветы). Все эти сведения, от меня, вяло прошли: да и то сказать, Сахаров[412], теперь Польша[413].

Все остальное, убогое, мы делаем здесь.

Кублановского не посадили, хотя твердо обещали. На всякий случай – экземпляр его письма к Апдайку, но это – **в случае ареста**, пока не надо.

Васенька, Маята, я пишу, пока Пик и Бигги и Хайдук[414] и дети пьют чай. Тороплюсь отдать все письма к тебе, Вася.

Насчет ваших портретов – придумаем.

Я же – ничего, пишу новую штучку, как всегда – посвященную тебе.

Торопят, целую. Ваша, и лишь ваша, Белла.

Поздравляем с Собакой[415].

Продолжение письма
Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым

Васька! Майка!

Сегодня – разбор выставки (она хорошая была, Женька тебе пишет). Носят картины домой. Пишу наспех, потому что иду на

прием – к тебе же, Вася[416], и тороплюсь.

Первое: Кит – очень хороший, и у него нет никаких плохих новостей, обещает закончить институт хорошо, просто ему в институте, безотносительно к фамилии, – невыносимо.

Мне тоже – невыносимо. Статейку[417] в руки не брала, но содержание – знаю, и название знаю.

Стихи валялись в этой газетке – стала забирать, говорят: «Пожалуйста, но никто ваших стихов печатать не собирался».

Какие-то стихи напечатаны в «Литературной Грузии» – мои, мои к Володе Высоцкому и Высоцкой. Пошлю, как получу.

Васенька, родной. Еще не написали тебе про «Остров Крым» – как хорош. Рассказ «Право на остров» – обожаем.

Странно, что при статейке, умирая впрямую от оповещения о ней, – жалела не себя.

Милые, спасибо вам за все, и за подарки. Я все передала сразу же.

Выставка заняла все время – быть, любить хороших, встречать, провожать.

Моя жизнь, сердце – не как символ, а как нечто, подлежащее боли, – ваше.

Напишу все подробно – через несколько дней. И отправлю – подробней. Сегодня – знаю, что неудобно.

Целую, целую. Ваша Белла

Продолжение письма
Борис Мессерер – Василию Аксенову

Вася, дорогой, вот, кажется, настал момент и для меня сесть и написать тебе несколько слов. Я думаю, что ты понимаешь, как трудно нам что-то сформулировать о нашей жизни, столь знакомой тебе, без какого-либо повода взглянуть на нее по-новому. Хотя сейчас, может статься, и есть такой повод: я имею в виду свою выставку, которая учинила все-таки некоторую встряску в нашем устоявшемся болоте.

Я посылаю тебе каталог и пару фотографий, чтобы ты мог иметь некоторое представление о ней.

Себе я могу сделать некоторый комплимент в смысле несуетности в деле организации и подготовки этой выставки. Она находилась в плане вот уже в течение пяти лет и каждый раз откладывалась на следующий год по соответствующей причине, как то: наш журнал[418] или очередное высказывание «нашей» женщины. И вот, наконец, где-то в мае месяце мне позвонили из дирекции выставки и сообщили, что она состоится в этом году. Первым движением души было пойти и отказаться от нее, как по

причине нежелания сотрудничать с ними в любой форме, так и по ощущению неготовности выставляться; в данном случае я имею в виду некоторое «творческое комплексование», сопутствующее такому крупному испытанию для художника, каковым таковая выставка является. Но по некотором размышлении я «передумал» эту ситуацию и склонился в сторону положительных эмоций, дал согласие и стал тщательно к ней готовиться. В первую очередь я отказался от всех прочих заказов и полностью сосредоточился на дорисовывании всех ранее начатых вещей. Во-вторых, мы решили никуда в этом году не ездить отдыхать, в смысле Крыма или Кавказа, и несколько разделиться, то есть Белле посуществовать отдельно в Тарусе, а мне в Москве, чтобы я мог быть полностью свободным для своих дел. В результате всего вышесказанного мои действия обрели чрезвычайную целенаправленность и быстро стали приносить необходимые результаты. Любопытная ситуация возникла перед самым открытием, я имею в виду историю с плакатом. Дело в том, что для плаката я выбрал ту самую фотографию с тремя граммофонами, что и была опубликована в нашем журнальчике. Какой-то момент я надеялся, что никто не обратит на нее внимания, так как дело прошлое, да и выходило, что на той инстанции, где ее должны были утверждать, вроде бы не обладали начальнички такими глобальными познаниями в изобразительном искусстве, чтобы эти граммофоны сличить и заметить, а уж после выхода вроде и не должны были цепляться, раз дело сделано. А с точки зрения творческой я не видел равной замены «этим трем», которые к тому же стали чем-то вроде марки издательства или фирмы моей или нашей! Но судьба, естественно, рассудила по-своему. За неделю до открытия власть пронюхала о случившемся, и поднялся грандиозный скандал: дескать, Москву хотят заклеить метропольскими граммофонами. Я думал, что карточный домик моей выставки, с таким трудом возведенный нашими усилиями, завалится в тот же миг. Каким-то чудом в последний момент, когда я был вызван к высшему художественному начальству для объяснений, мне удалось переубедить его в том, что, дескать, следует исправить положение, не вкладывая в него столько глубинного смысла, так как тогда действительно эта история приобретет зловещий характер и потребует далеко идущих выводов. Самое же смешное оказалось в том, что когда начальство выразило согласие с моим предложением и начался коллективный поиск выхода из положения, то высокая комиссия из трех представленных мной на выбор литографий, долженствующих послужить заменой злополучной метропольской, выбрало ту, где были изображены также граммофоны, только на этот раз в количестве двух. В итоге

вся эта история стала напоминать знаменитую байку – анекдот о Николае II и человеке по фамилии Семижопкин. Оный господин вышел с ходатайством на высочайшее имя с просьбой облагородить звучание его фамилии, на что Всероссийский Самодержец будто бы ответил: «Много ему семи, ну пусть тогда будет пяти!» В результате этой заварухи мне не успели напечатать каталог к открытию выставки и сделали это на две недели позже. А новый плакат по великому блату выпустили в день открытия выставки, и в развеску он пошел через пару дней. Сама выставка была разрешена после посещения трех комиссий из МК, Московского управления культуры и секретариата Союза художников. После всех замечаний и придирок ото всех соответствующих инстанций она и открылась при огромном стечении интеллигентов двадцать четвертого сентября сего года. На открытии были все наши друзья-знакомые, в том числе Семен Израилевич и Инна, Володя Кормер и Женя Рейн, Фазиль Искандер[419] и Андрей Битов, Женя Козловский и Коля Климонтович, Дм. Алекс. Пригов и Евг. Бор. Пастернак и десятки и сотни других и прекрасных людей. Через два часа после открытия (выставка состоялась в помещении Московского Союза художников на ул. Вавилова, 65 – напротив Черемушкинского рынка) вся многочисленная братия друзей и знакомых в количестве двухсот (!) человек перекочевала в помещение ресторана Всероссийского театрального общества, который был снят мной целиком! (И все это совершенно в долг, как ты понимаешь!) Гигантское гуляние длилось с семи часов вечера до часу ночи и, по отзывам участников, удалось на славу. Должен сказать, что в числе гостей действительно были лучшие люди из оставшихся еще в России: кроме тех, кого я перечислил в начале, могу вспомнить Булата Окуджаву с Олей, Сашу Володина[420], Зяму Гердта, всех режиссеров московских театров, а также огромную группу художничков во главе с Мишей Шварцманом[421], не говоря уже о целом созвездии московских красавиц, украсивших собой этот «праздник».

Василий, не осуждай меня за то, что я так подробно пишу об этом, но ты должен понять, что для меня это было целое событие, хотя, как ты знаешь, нам не привыкать к огромным сборищам. Выставка просуществовала месяц и три дня и посещалась очень большим количеством людей. В заключение могу отметить, что в конце мы устроили закрытие с чтением стихов и шампанским для всех (!) присутствующих, что и можешь разглядеть на прикладываемых фотографиях. Я думаю, что подобное мероприятие (я имею в виду выставку) дает ощущение – для всех нас, оставшихся москвичей, – длящейся жизни. Это столь важно

для нас потому, что общий мрак достиг сейчас своего апогея, и люди невероятно ценят всякий знак какой-то другой – длящейся жизни, чего-то более светлого, чем то, что они видят вокруг себя. Нам об этом говорили буквально все, в том числе и Жора Владимов и наш Пик Литтел, который привел-таки своего Посла и успел-таки это сделать до закрытия выставки! Буквально все дни работы выставки нас с Беллой на ней окружали все наши перечисленные друзья, которые приезжали туда каждый день, как на работу, и проводили его там в питье пива и дружеском трепе. Вася, пусть это письмо, которое я кончаю в момент приезда наших друзей на дачу, останется таким локальным «документом» о выставке, а уж в следующий раз я поподробнее напишу тебе о всей нашей прочей жизни.

Огромное спасибо тебе и Майе за память и присылку всех ваших прекрасных сувениров – это нас очень поддерживает и практически и, конечно, духовно.

Майю я обнимаю крепко, всегда помню, люблю и шлю все возможные приветы.

Сейчас, когда я перечитал письмо, мне показалось, что его надо было переделать и описать прочие события нашей жизни, но боюсь, что если сейчас его не отправить, то опять я не соберусь сделать это еще полгода.

Вася, дорогой, всегда, всегда тебя помним, любим и внутренне всегда с тобой переговариваемся – ты это так всегда и знай.

Еще раз обнимаю и целую тебя и Майю.

Твой Борис.

P. S. Да, забыл сказать, что Саша[422] мой пришел из армии, отбыв там ровно два года.

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру

(на почтовой открытке с изображением кресла XVII в.)
Декабрь (?) 1981 г.

Кажется, это кресло подойдет к мастерской. Восхищен граммофонами на афишном стенде. Недавно Гаррисон делился впечатлениями о том, как вкусно у вас там жрали. Очень надеюсь вас увидеть в будущем году. Да здравствует водка «Выборова»! Сегодня впервые за год увидели снег. Ничего особенного. Поздравляю с Рождеством Христовым и Новым годом. Хорошо бы все-таки увидеть хоть что-то, по-настоящему увлекательное.

Почитатели ваших талантов

Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым

6 января 1982 (?) г.

> …Вот новый день, который вам пошлю
> оповестить о сердца разрыванье,
> когда иду по снегу и по льду
> сквозь бор и бездну между мной и вами…
>
> *(из стишков Б. А.)*

Дорогие Вася и Майя!

Пишу вам в ночь под Рождество: при луне (специально вышла на террасу, чтобы описать вам ее пушкинское выражение, и убедилась в ее гоголевском отсутствии) и при отрадных огнях двух елок, в доме и на дворе.

Ну, и при известных вам Вове-Васе и Сильвере[423]. Рядом бодрствует и шелестит неизвестный вам и давно, но мало знакомый мне Некто (дети[424] говорят, что это хомяк редкой породы; и действительно, независим и куслив на редкость).

Сами же дети не пришли еще с гулянья, хоть праздничной ночи уже два часа. Весь вечер перед этим они, с другими девочками, гадали разными способами и тщетно поджидали прохожих, чтобы спросить об имени. Гаданье их наводило меня на грустные мысли. Боря испросил себе краткой отлучки для работы и отдыха, у него от нас и впрямь в уме рябит, но его доброта и опека пристальны и неизменны. 5-ого он один ездил поздравлять Женю Попова с днем рождения, мне недостало прыти, да и детей и насморка было в избытке.

1-ого все у нас собирались, я вам писала, сегодня, на Рождество, должны быть Жора Владимов с Натальей (его дружба ко мне, которой я всегда дорожила, в последнее время особенно стала для меня утешительна), Тростников[425], очень преуспевший в изготовлении самогона и навостривший Попова, Рейн, милые Пик и Бигги. Всем им я душевно рада, да и эти солнце-морозные дни я провела в ровности, в спасительном упадке ума и нервов, в радостной близости к детям. Даже почти не курила, хоть московские помойки все еще украшены коробками и картонками из-под Winston’a и всего, что в этом роде. Легкомысленные московские оборванцы вполне утешают себя прельстительным куревом в отсутствие масла и всего, что в этом роде. Закурила, и редкостный близ сидящий хомяк, кажется,

недоволен. Вот, его хозяева вернулись. Они с совершенно новым выражением грусти вслушиваются в наши постоянные разговоры о вас и тосты за вас. «Над непосильным подвигом разгадки трудился лоб, а разгадать не мог»[426]. Мысль о них меня всегда снедает и изнуряет.

Да, дети, елки, гости, переделкинская обжитость, но самовластный организм знает, что ему пора в Тарусу. Именно те места и зимой, с их пространной сиростью, с бедностью и строгостью существования, притягательны для меня и спасительны для моего писанья. «Я этих мест не видела давно, душа во сне глядит в чужие краи, на тех, моих, кого люблю, кого у этих мест и у меня украли… и ваши слезы видели в ночи меня в Тарусе, что одно и то же, нашли меня и долго прочь не шли. Чем сон нежней, тем пробужденье строже. Так вот на что я променяла вас, друзья души, обобранной разбоем. К вам солнце шло. Мой день вчерашний гас. Вы – за Окой, вон там, за темным бором…»[427].

Вскоре же и съеду. Те стихи, заведомо Васины, о которых я уж писала и которых не написала (набело), начинаются так:

Все в лес хожу. Зael меня репей.
Не разберусь с влюбленною колючкой:
Она ли мой? иль я ее трофей?
Так и живу в губернии Калужской.

А что нам? Мы не ищем новостей.
Но иногда и в нашем курослепе
звучит язык пророчеств и страстей
и льется кровь, как в Датском королевстве.

Все написанное и не написанное так и велит мне туда ехать, словно оно там сидит, по мне скучает, совершенно готовое и стройное.

Много всего я там написала, но ощущение какого-то требовательного недо останавливает меня в посылке вам, как и во всякой торопливости.

Но вот одно:

Ночь упаданья яблок

Уж август в половине. По откосам
по вечерам гуляют полушалки.

Пришла пора высокородным осам
навязываться кухням в приживалки.

Как женщины глядят в судьбу варенья:
лениво-зорко, неусыпно-слепо —
гляжу в окно, где обитает время
под видом истекающего лета.

Лишь этот образ осам для пирушки
Пожаловал, кто не варил повидла.
Здесь закипает варево покруче:
живьем снедает и глядит невинно.

Со мной такого прежде не бывало.
– Да и не будет! – слышу уверенье.
И вздрагиваю: яблоко упало,
на «НЕ» извне поставив ударенье.

Жить припустилось вспугнутое сердце.
Жаль бедного: так бьется торопливо.
Неужто впрямь небытия соседство,
словно соседка глупая, болтливо?

Нет, это август, упаданье яблок.
Я просто не узнала то, что слышу.
В сердцах, что собеседник непонятлив,
неоспоримо грохнуло о крышу.

Быть по сему. Чем кратче, тем дороже.
Так я сижу в ночь упаданья яблок.
Грызя и попирая плодородье,
Жизнь милая идет домой с гулянок.

Ощущение чего-то важного и необходимого предстоящего совершенно отвлекает меня от интереса к бывшему, могущему составить книгу – в этом случае, в «Совписе» ли, в «Ардисе» ли – мне художественно все равно.

Права ли я в моем предчувствии – Таруса мне ответит, а ты, Вася, решишь.

Снова думаю, как мучительная видимость вашего отсутствия лишила меня не вас, а многих прочих, видимо присутствующих.

Вот и минувший, ушедший к вам день был так ваш и с вами, что до ночи трепетала я чужака и пришельца. Этот воображаемый

развязный гость, посягающий на замкнутость нашего круга, и сам понял свою неуместность и не дерзнул втесниться (и щели не было), так что теперь, под утро, с благодарностью вижу его проницательность и деликатность.

Правда, пока цветущий день еще за ставнями блистал, явились рабочие (из воспетых мной в стихотворении про «Гараж с кабинетом») за помойкой, снесли ворота до совершенной отверстости входа, до сих пор зияющей с опасным гостеприимством, раздолбали ящик с нечистотами, банками из-под пива (спасибо!) и щегольскими остатками Winston-ских упаковок и пообещали привезти новый ящик, железный. Спросонок и от врожденного подобострастия, я им сразу же выдала гонорар.

Зато больше никто не вторгался в мой и ваш день.

В отсутствии ворот есть известное удобство для Пика, а ящик – что ж, Лида[428] мне и говорила, что железный ящик далеко не всем писателям дают, не говоря уж об их вдовах.

(Не кстати, но все же: отбирание дома Бориса Леонидовича отсрочено с 1-ого января до 1-ого мая, а там видно будет.)

Подумала: а вдруг они все же вскоре приедут с ящиком или просто так? Не лечь ли поспать? Ведь и утро, и день я свободна провести в говорении вам вздора в хомяцкой независимости от того, свободны ли вы внимать моему вздору.

Все же как запасливо и изобретательно бедное сердце, если ему, в предписанных обстоятельствах, так легко и весело любить вас!

Спокойной ночи мне и вам счастливого вечера и дальнейшего времени! Целую вас, мои милые.

Доброе утро, а у нас – смеркается. Сыплется снег и стоит тот чудный убывающий цвет, всегда обольщающий и уверяющий, что нет другой Степаниды, кроме соседской собаки. Горят две елки, и высится железный ящик.

В утро, обещанное вам, вошел из снегопада путник. Поначалу люто я его встретила, а он совершенно хорош оказался, просто невмочь людям сносить в одиночестве ум, талант, жизнь эту, да еще в такие морозы. Именно – из людей, днепропетровский житель, инженер, перенесший рак, с хорошими и странными стихами и скорбными помыслами.

Но все же был до третьего часу: прозяб ужасно, и в электричках перерыв.

Опять из стишков: «Где мы берем добродетель и стать? Нам это не по судьбе, не по чину. Если не сгинуть… совсем – то устать все не сберемся, хоть имеем причину… Слева и справа – краса и

краса, дым – сирота над деревнею вьется. Склад неимущества – храм без креста. Знаю я, знаю, как это зовется»[429].

Дети – требуют есть.

Вася, ты спрашивал про рок-оперу Андрюши. Вполне чужеземная вещица. Множество Бадолянов[430] в упоении.

Вообще, в отечестве расцвет мюзиклов – второй, столь бурный (в этом месте письма, вблизи шести часов пополудни, вошел Боря) расцвет после конца 30-х годов…

Прошло несколько часов. Все (кроме Битова) уже писали тебе, Вася.

Васенька! Маята! Я – уже лишь целую вас.

Ваша Белла.

Они вам пишут! А я – готовлю и подаю! Но все, кто здесь, рядом, – безукоризненно прекрасны. Все снимались, и снимаемся, и пошлют.

Опять не успела рассказать – ну, сон, – до помойки, до ящика. Мне Васька и я снились в лагере: Ваське 4 года и 7 мес. срок, и мне – 4 года.

Ну, пока. Белла

Продолжение письма
Борис Мессерер – Василию и Майе Аксеновым

Майя, Вася, дорогие, любимые, я дописываю эти строки на новом листе бумаги. Хочу донести до вас замечательную обстановку сегодняшнего вечера, стихийную рождественскую обстановку, которая возникла буквально из ничего, но замечательную тем, что собрались сегодня прекрасные люди, которых вы так хорошо знаете и чьи подписи вы можете прочесть в этом письме: Владимовы, Тростниковы, Рейн, семья Пика – он, Бегги и Андреа и кто-то из французов и итальянцев, Битов и Людка Хмельницкая[431]. Сейчас пьем за ваше здоровье, на улице мороз в двадцать пять градусов, Переделкино, собаки, дети и на столе водка, баночное пиво, что мы так ценим, как вы знаете, и прочие разносолы. Что еще написать в эти минуты? Вчера был на дне рождения Жени Попова у него дома. Была горстка людей: Ерофеев с Вещей[432], Климонтович, Пригов и еще пара человек, тоже было очень мило. Все время вспоминаем вас. И на Новый год тоже: за новогодним столом пили рюмку за вас, и помнили, и любили.

Вася, если сможешь, передай новогодний привет от меня Бродскому Иосифу и Леве Збарскому. Еще раз целую. Сейчас Рейн допишет пару слов.

Борис.

Продолжение письма
Евгений Рейн – Василию и Майе Аксеновым

Василий, Майя, метут снега, душа больная, кривит *<нрзб>* брезжут; страна гудит, по сердцу режет пустынный вид двух ваших кресел. Ну, что? Ну, как? Кто ныне весел? Се кавардак? В Москве, в *<нрзб>* не схож ли, а? А в нашей норке все тишина.

Е. Р.

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру

31 января 1982 г.

Дорогие Белла и Боря,

пишу второпях и очень по делу. Пожалуйста, попробуйте связаться с Ж. Поповым. Мы получили некий сигнал остановить публикацию второй части повести Козловского в «Конте». Это сделать не трудно, но, кажется, бессмысленно, все равно ведь у них: а) текст есть; б) «Конт» с первой половиной тоже; в) Козловский сам. Смягчит ли их этот ход? Максимов сказал сегодня, что есть две недели сроку, т. е. можно ждать до 15–16 февраля. Мы попробуем путь более срочной телефонной коммуникации, но если она не состоится, пусть Женька увидит Dave Satter'a[433] и даст ему знать их решение.

«Каталог» идет, в общем, полным ходом и, кажется, появится через месяц.

Вторая очень важная идея. Издевательства над молодыми писателями (особенно «Каталога») уже достигли такого уровня и угроза так велика, что здесь поговаривают о создании международного писательского комитета в их защиту. Пусть дадут немедленно знать, не повредит ли это.

Насколько я тебя понял, ты хочешь составить книжку для «Ардиса». Оформи это желание более отчетливо, и Карл с Эллендеей будут, мне кажется, счастливы. Думаю, что очень хороши были бы кроме стихов и разные фото, хохмы, Борины рисунки, какие-либо статейки (помнишь, «Крокодил») и т. п., чтобы возникла книга с «шумом времени».

Обнимаю Вас, второпях, рано утром летим в Новую Англию (жаль, что не в старую) лекции шарашить. Целую

В.

P. S. Как дела у Андрея Битова, все ли в порядке?

P. S. Как вам без М. А. Суслова?[434] Тяжело?

Василий Аксенов – Борису Мессереру

7 апреля 1982 г.

Дорогой Борька,

несколько дней назад говорил с Китом, и он мне сказал, что был у тебя, что Белла надолго в Тарусе. Малый не особенно разговорчивый, да еще и специфика наших контактов, но мне показалось, что он был очень доволен визитом к тебе. Между прочим, он хочет мне послать какую-то свою картину, но не знает, как это сделать. Может быть, ему ее у вас оставить, чтобы Пик забрал?

Вот настоящий друг, без него оборвалась бы основная жила коммуникации. Попов и компания не очень-то заботятся о контактах. Недавно до нас дошло, что они сейчас хотят «поменьше шума», а между тем совсем недавно после ареста К.[435] и обысков просили «побольше», что мы и делали. В общем-то бедных ребят можно понять: гэбэшкины паузы кажутся им основательным затишьем, хочется нормальной жизни, спокойной работы. Все это мы прекрасно помним и понимаем, но мне все-таки кажется, что когда зашло уже так далеко, что назад можно повернуть только с помощью основательной подлости, в том смысле, что уже не повернешь, тогда единственное, что может помочь, – контакты с внешним миром.

Доходили до нас слухи, что К. «колется» и что они готовят что-то вроде показательного процесса с «разоблачениями» в печати. Глупость, конечно, несусветная – идеология опять сама себя высечет, если, конечно, попутно не будет доказано, что К. грабил сберкассы. Что он может раскрыть – как передавал через кого-то свои сочинения? О. К. – на чью же голову падет позор?

Из Москвы через местную прессу все время сейчас поступают сенсации. Вот последняя самая замечательная: якобы В. И. Ленин через МХАТ уже объявил новый НЭП и скоро все будет.

Между тем у нас жуткий ударил Зуссман. Несколько дней назад расцвели наконец вашингтонские вишни, Cherry Blossom, лучшее время года, парады, фестивали, и вдруг дикий колотун, все цветы облетели, и в народе пошли разговоры в том смысле, что «наши физики проспорили ихним физикам пари»[436].

Мы живем тихо, если не считать бесконечных parties, но это конечно мало похоже на наши московские сборища, богемой здесь и не пахнет, я стараюсь максимально использовать время при Кеннан Институте для писания (вот вчера, например, дописал небольшой романчик), т. к. на будущий год, вероятно, такой

лафы уже не будет, придется больше крутиться, чтобы зарабатывать на уровень жизни (вполне скромный), студентиков учить или лекции шарашить. Английские мои переводы до сих пор не готовы, да и трудно рассчитывать на хорошую продажу, вернее, глупо – это вопрос только удачи. Была идея создания шикарного русского журнала, но для этого нужен ни много, ни мало, а миллион, а мистер Корейко пока не нашелся. Столь же вяло тянется дело с кинопакетом, куда меня пригласили и тоже уже затоваривается, затюривается. В общем-то, я не суечусь, убедил себя в том, что моя карьера уже сделана, повезет – хорошо, не повезет – перебьемся; в конце концов, почему мне должно везти в чужом доме, сколько здесь своих ловцов удачи.

Здесь у нас сложилась уже небольшая русская среда, есть и американское общество, много бывших москвичей; в Вашингтоне, наверное, больше, чем где-либо, американцев, говорящих по-русски или как-то относящихся к России. Масса народу (знакомого) проезжает через город. Вот в субботу ждем, например, на ланч известных вам Крэга и Хайди, французов Вернье, японца Сузуки (все москвичи)[437]…

Я думаю, ты помнишь здешние музеи, вот это в самом деле great advantage[438], я иногда захожу по пути минут на 15–20, сижу перед картиной и балдею, как В. И. Чапаев перед газовой плитой.

Последний эмигрантский анекдот: чувак поселился в некоем городе, но не может запомнить его названия: ГЭПЭУГО? ЭНКАВЭДЕГО? КАГЭБЭГО? Наконец, осенило – ЧЭКАГО!

Белка все обещает прислать стихи и не шлет. Заставь, пожалуйста. Запрашивал вас я также о возможной книге в «Ардисе». Почему молчите? Есть ли какое-нибудь движение с гаррисоновским приглашением? Или с какой-нибудь другой поездкой? Недавно один наш общий друг вдруг позвонил нам из Копенгагена. Говорил недавно по телефону и с Азариком[439]. Он работает учителем в high-school[440] и пока доволен. К Миле Лось приехала Бетя, полна энтузиазма.

Дней десять назад наконец-то пришли ваши деньги из Калифорнии – 620 долларов. Майка прежде хотела купить на них Белке какую-нибудь шубейку, но сейчас я ее остановил, чтобы дождаться ваших распоряжений. Распоряжайтесь, а мы пошлем посылку на…

Целуем вас и любим как всегда.

Вася и Майя

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной

(на буклете smithsonian institution)

Весна (?) 1982 г.

Мой «офис» в этой башне, подняться и спуститься можно только лифтом, да еще есть люк в полу для fire escape[441], т. е. чтобы драпать при пожаре. Надо мной сидит mr. Wei, начальник отдела печати Министерства иностранных дел КНР. Отличный, между прочим, парень. Похож на грузина.

Между прочим, почему бы тебе не послать сюда заявление на fellowship? Это дает 2000 в месяц и почти 0 каких-либо обязательств. Здесь был fellow Андрюша, а сейчас у них лежит заявление не кого-нибудь, а Ф. Кузнецова.

Если хочешь, пришлю тебе бланки заявления и поговорю с начальством. В этом случае, увы, шансы Фелькины, и без того хреновые, просто испарятся. Подумай, можно приехать на 3 месяца, на полгода, на год.

Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым

26 апреля 1982 г.

Христос Воскресе,

любимые, дорогие! Целуем вас!

Васенька, Маята, вот – сидим, вернулись из церкви.

Все бы ничего – без вас больно. И никак не соберу множества стишков моих, в том числе и Васькино, про убийство истопника. К стишкам этим благосклонны люди: одно себе Жора выбрал, другое Женька Попов, какое-то – Кублановский, а Васькино – лучшее, может быть. Впрочем, я к этому всегда небрежна, то есть – к себе, не к Жоре же, о котором трепещу, но он – как бы ничего, ясен, добр, спокоен.

Ах, при чем стишки!

Вася, я все тебя читаю. Так сильно читаю, так радуюсь тебе. Какой ты гений, Васька, какой ты любимый, несравненный, ненаглядный – и вот такого-то неужели никогда не увижу? Проклятая, несчастная Жундилага!

Васенька, Маята, вот заводит Женька «Смертию смерть поправ…»

Мне, чтобы написать вам как надобно, хотя бы день и ночь целиком должны быть предоставлены мелкой быстрой жизнью.

Но – хоть малую весточку хочу послать.

Вася, позвоните когда-нибудь: в яви голоса нуждаюсь.

Целую и обнимаю.

Ваша Белла

в ночь на 26-ое апреля, мимолетно…

Продолжение письма
Евгений Попов И Светлана Васильева – Василию и Майе Аксеновым

Дорогой Вася, дорогая Майя!

Христос Воскрес! Я и Света целуем вас, обнимаем, выпиваем и разговляемся с вами.

За столом сидят друзья, Куб с женой, выпиваем.

Больше не знаю, что сообразить в короткую секунду: дела с Е. К.[442] продолжаются – процесс будет, видимо, через месяц-полтора. И я молюсь за него.

До свидания, родные люди.

17/IV 82 Евг. + Света.

Ночь

P. S. Совсем забыл – привет от Семена и Инны. Они (тьфу, тьфу) живы-здоровы. Семен просит узнать, когда будет его проза (отд. издание).

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной

13 мая 1982 г.

Дорогая Белка,

пишу второпях, чтобы сегодня же отослать Пику: он едет в отпуск и, значит, связь на некоторое время затухнет, вот так дотянул. Заканчиваю сейчас книгу, времени ни на что не хватает, здесь еще эти мудацкие «парти» заели.

Недавно натолкнулся в «Литературной газете» на заметку: «В Ялте, в Доме творчества им. Чехова проходит семинар драматургов. В отличие от прежних лет среди его участников известные мастера Л. Устинов, Л. Зорин, Г. Мамлин, Ю. Эдлис, А. Арбузов, А. Штейн…». Какая собралась необычная компания! Вспомнилось, прости, как мы с тобой закапывали там в листья бутылки и потом их с таким восторгом находили[443]. Впрочем, и на ностальгии остается мало времени. Неужто уж мы больше не увидимся, как здешние говорят, in person?[444] Вы бы хоть в нейтральную страну куда-нибудь поехали б, а мы б туда б?!?

Кстати, о Литгазете. Давно уж с такой мерзостью, как никарагуанские мемуары Е. Е.[445], не сталкивался. Он все еще за свободу, оказывается, борется, гипертрофированный пошляк.

В смысле пошлости «наши» конечно недосягаемы, но и здесь порой из совершенно неожиданных мест несет такой местечковой дурью, что впору предположить некоторый новый интернационал. Постыднейшая возня, например, тут шла два месяца с

приглашениями на завтрак к Президенту. В конце концов Солж. послал их подальше и правильно сделал[446].

Недавно мы вернулись из Бостона, где встретили множество писателей, в том числе и Володю В.[447] Он стал гораздо лучше, уже не злится на Запад за плохой прием, да вроде бы и нет оснований – на год они переезжают в Принстон, и там, наверное, им будет хорошо.

У нас еще пока ничего не ясно на будущий год, второй такой синекуры, как Kennan Institute, не найдешь сразу. Пока что собираемся в конце августа в Испанию, а потом в Париж и Лондон. Переводы мои по-прежнему в черепашьем движении.

Вы мне не ответили, что покупать на калифорнийские деньги. Во всяком случае, вы знаете, что ваши $ 620 у нас.

Целую и жду, наконец, стихов.

Мы в NY останавливались у Билла Jay Smith[448], вспоминали вас. Они с Соней задавали много о Москве и москвичах любопытных вопросов.

Борис Мессерер – Василию Аксенову

19 июля 1982 г.

Вася, дорогой, поздравляю тебя с прекрасным днем твоего пятидесятилетия![449] Можешь не сомневаться, что в этот день мы совпадем в алкогольном экстазе и подлинной радости по случаю твоего рождения всего пятьдесят лет тому назад.

В нашем небольшом обществе, которое продолжает быть сплоченным и дружным, несмотря ни на что, продолжающем достаточно регулярно видеть друг друга, мы много говорим о тебе и Майе и как-то внутренне готовимся к этому твоему дню. Каждый хочет тебя хоть чем-нибудь порадовать. Мне сегодня это сделать трудно, потому что я не могу тебе ничего прислать из своих графических работ и, таким образом, придать своему подарку некое творческое и, я б сказал, символическое значение. Кроме того, сейчас, именно в тот момент, когда я должен написать это письмо и отправить его, вышло так, что, по совершенно случайным обстоятельствам, Беллы не оказалось дома. (Хотя я прекрасно знаю, с какими замечательным чувством она как-то внутренне ждет этого твоего дня, вкладывая в поздравление тебя с ним тоже какое-то прекрасное значение!) Я же понимаю, что сейчас нельзя рисковать и не отправить это письмо в данную минуту, и потому я делаю это сам и, одновременно со своими, шлю и ее пожелания тебе счастья и свободного творчества. Кроме того, я решаюсь на свой страх и риск послать тебе, быть может, в первый раз, ее стихи, тоже

выбранные мною, по моему вкусу, включая, правда, стихотворение «Либедин мой, либедин…», которое Белла посвятила тебе еще в Тарусе, зная, что чернота нашей жизни, столь воспетая тобой здесь, не сможет не понравиться тебе и в этом стихотворении. Сам же я думаю, что стихи ее этого периода, который не закончен, замечательны каким-то новым своим чувством, порой столь заземленным, а порой все еще по-прежнему парящим очень высоко. Таких стихов у нее очень много, и каждый раз, когда я собираюсь их отослать в как бы окончательно подобранном и строгом виде, из этого ничего не получается, так как Белла каждый раз что-то меняет и что-то хочет дописать получше, и вся эта бодяга откладывается и откладывается. Так что сейчас именно потому, что ее нет дома, ты и сможешь прочесть хоть что-то из новых стихов. Кроме того, желая тебя порадовать, я вложил сюда же старое письмо Миши Рощина[450], адресованное тебе, но не отправленное вовремя. Без сомнения, оно тоже будет кстати тебе в этот день и заменит собой специальное поздравительное. О своих делах напишу тебе подробнее в другой раз, и, пожалуй, единственное, что скажу, это о радости выпуска «Самоубийцы» Николая Робертовича Эрдмана[451], что поразило всех наших друзей, никогда до конца не веривших в это. Да я и сам до последней минуты не верил в возможность такого исхода и сейчас продолжаю переживать подробности развернувшейся баталии. Но об этом после. Сейчас разгар лета, и, наверное, необходимо срочно куда-нибудь уехать отдохнуть, вырвавшись внезапно и окончательно.

Вася, я отправляю это письмо и продолжаю надеяться, что Белла найдет возможность написать тебе отдельно, но сегодня, как я уже сказал, я не рискую ее ждать.

Вася, передай, пожалуйста, Майе мои приветы и пусть она считает и берет на свой счет буквально все слова, сказанные тебе здесь. Мы всегда, всегда помним о ней. Буквально ни одного дня не проходит без того, чтобы ее имя не мелькнуло бы в нашем вечном трепе о вас.

Целую тебя и Майю.

Ваш Борис

Продолжение письма
Белла Ахмадулина – Василию Аксенову

Васенька, дорогой, милый,

вот и я поздравляю тебя с твоим Днем. Написала – и какой-то скрип-всхлип внутри сердца удостоверил, что много жизни вычла из него наша разлука.

Тяжелое тягучее лето: бедная Лиза, вдруг повзрослевшая и огрубевшая (может быть, на время) Аня, увлеченная лошадьми и ипподромом, усталый Боря, бессмысленная я, неизбывные, вялобурные застолья. Собираемся поехать, куда глаза глядят – в сторону Вологды.

Даже если я преувеличиваю постоянное внимание злорадного уха и глаза, – оно тем более изнуряет, удивляюсь лишь, что оно так затаилось.

Вася, я, по предчувствию моему, была готова к «письму»[452] Козловского – но жалела, что тебе это не может не быть больно.

Хотя – что! И так понятно, что человек (во всяком случае – этот, упомянутый) – слаб и убог, а они всемогущи и знают, с кем им удобно будет иметь дело.

Почему-то на меня это лишь из-за тебя произвело какое-то впечатление. Все прочее – не интересно.

Вот и пишу я вам, ненаглядные (и впрямь не могли наглядеться на вас в аппаратик Пика) Вася и Маята, вот и пишу вам – вяло, как живу.

Приглашения пока не оглашали и не оформляли. Зачем им, чтобы мы увиделись? Да и нечего нам возразить и противопоставить им.

Милого Пика видим все время – сейчас он приедет с Гаррисоном. (Маленькое оживление на улице.)

Вася, не хочу опечалить тебя моей нынешней не-бодростью, пройдет.

Просто шлю вам всю мою любовь и целую. 20-ого августа – совершенно вместе.

Ваша Белла.

Васенька, еще раз: с твоим грядущим днем рождения! Выпивай вместе с нами 20 августа в 8 часов вечера по-нашему (Женька Попов, Борька и я никак не могли высчитать: сколько будет по-вашему.)

Целуем вас!

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру

27 июля 1982 г.

Дорогие Белла & Боря, газетенка «Московская Правда» добралась до нас (не сама, но в xerox копии) сравнительно недавно. Я, когда узнал о раскаянии (от Жана-Луи[453], злокозненного бельгийца), позвонил в библиотеку Конгресса и поинтересовался, есть ли у них такое издание, и библиотекарь вскоре перезвонил и радостно сказал, что есть и именно за нужное число, но оказалось, что он имел в виду не местную «Правду» Москвы, а ту главную «Правду» всех времен и народов. И только усилиями «спецслужб США» ошибка была исправлена.

Документик достоин передачи потомкам: «спецслужбы СССР» усилий больших не приложили, чтобы закамуфлироваться, каждая фраза отмечена их особым стилем, видно Козловскому совсем отбили охоту держать перо. Сначала я думал ответить в «Нью-Йорк таймс», но потом слишком уж противно стало, пусть потомки и разбираются в их грязных делах. Может быть, коснусь когда-нибудь при случае и к слову.

Что касается самого персонажа, то обвинять его в чем-либо трудно, ведь не исключено даже, что в Лефортово что-нибудь в пищу подмешивают, подавляющее волю, как в армии, например, усмиряют эротизм. Как еще иначе объяснишь вереницу покаяний – о. Дудко[454], Регельсон[455], Капитанчук[456], Болонкин[457], ленинградка эта, Козловский? Может быть «стилисты» обладают сокровенным словом?

Конечно, все это весьма постыдно, но я в самом деле не брошу в Козловского камень. Здесь некоторые думают, что был какой-то собачий компромисс: в статейке не упомянут никто «изнутри» (даже Жора), а только лишь внешние сволочи. Что вы думаете по этому поводу? Пик пишет, что Владимовы собираются в дорогу. Когда их ждать?

На фоне этих замечательных событий дивно звучат слова Булата. «У нас сейчас всех холят и лелеют», – сказал он Сарочке Б.[458] в Париже. А Вася, по его словам, совершил большую ошибку, уехав. Он (т. е. я) мог бы ездить, как я (т. е. Булат), мог бы писать, как я, то есть, что хочу, а они бы его все равно выпускали ездить, то есть никакой нужды в эмиграции и не было бы. Людям, которые «ездят», чего же эмигрировать?

Вот в чем, оказывается, причина моей эмиграции: думал, что не буду «ездить»; как видно, и гражданства меня лишили за эту непонятливость.

Та же самая идея прилетела сюда и из Болгарии. Один мой здешний приятель, американский поэт, встретил там Шкляревского[459], который сказал, что Вася напрасно решил уехать, это он совершил большую ошибку, мог бы прекрасно и не уезжать.

Совпадение, конечно, случайное, но и Шкляревского мне легче понять, а вот Окуджава, который все обстоятельства прекрасно знал, *лишний* раз поражает ослепительнейшим эгоизмом.

Впрочем, все это уходит все дальше и дальше. Прошло два года, все меньше надежд увидеть папу, все отодвигается в глубину, в литературные измерения, даже и сын, даже и друзья. Мы становимся настоящими русскими эмигрантами. Английские словечки прыгают вокруг, даже и когда упражняешься по ВМПС'у[460].

Впрочем, на прошлой неделе мы посетили две русских деревни в штате Вермонт, это летние школы в Middlebury и Norwich, там студентам запрещается говорить по-английски и даже смотреть телевизор. В глуши, у проселочных дорог живут различные писатели, в том числе Саша Соколов и Кевин Клоз[461]. Все шлют приветы. Мы присмотрели большой дом на склоне горы overlooking[462], прошу прощения, обширное живописное пространство дивного и прохладного штата. Думаем на будущий год арендовать его, а если немного разбогатеем, то и купить вместе с прилегающим лесом в 90 акров. Вот тогда приезжайте, откроем там колонию «Остров Крым».

Среди Вермонтской идиллии узнали мы ужасную новость из Мичигана. Неожиданно рухнул Карл Проффер. Еще 10 июля мы встретились на океане в Rehoboth Beach[463], провели вместе вечер, болтали, пили вино, ничто не предвещало беду, а через неделю его прооперировали и нашли запущенный рак желудка. Эллендея плачет и все время повторяет «конец света», это именно так, конечно, и выглядит для нее, да и для всех нас здесь это просто настоящий обвал – ведь кроме того, что он – настоящий иноземный рыцарь русской литературы, он для многих здесь беженцев настоящий друг. Наверное, только мразь вроде Фельки Кузнецова обрадуется. Конечно, хоронить еще рано, будем еще молиться за него, но уж тут пойдет химиотерапия и рентген и… в общем…

Ребята наверное уже получили «Каталог»? На всякий случай отсылаю свою копию. Очень хороши там Женька и Пригов. Есть ли какие-нибудь на горизонте замечательные произведения, вдохновенные молодые люди? Вообще, что там происходит, кроме раскаяний? Как тут один литгерой спросил после того, как

нашел свои штаны, висящими на люстре: ну, как вообще-то жизнь в Америке?

В здешней жизни тоже есть непорядок. Вчера один критик обвинил американских писателей в том, что они пишут только о себе, т. е. о писателях. Кое-какие новости об Америке узнаю из кгбэшной страницы Литгазеты.

Вы так и не сообщили, какие сделать бытовые покупки на ваши деньги. Во всяком случае, они, деньги ($ 620), лежат у нас, и в любой момент по вашему приказанию мы их израсходуем или сбережем с годовой прибавкой в $ 6.

Мы через две недели собираемся в Европу, в Испанию, на Майорку, потом Париж и Лондон. Вернемся в середине сентября в Вашингтон, но еще неизвестно, останемся ли мы здесь на будущий год или сдвинемся куда-нибудь.

Целуем, ждем вестей.

Вася, Майя

Приписка на отдельном листе:

Дорогие и любимые друзья!

Ваши письма и стихи пришли за несколько часов до нашего отъезда в Европу. Берем их с собой. Если 20-го соберетесь пить, найдите на карте в Средиземном море Балеарские острова: туда мы направляемся. Спасибо за поздравления. Постараюсь.

Вася.

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру

(на почтовой открытке с изображением торговца сувенирами с осликом на улице Толедо)

14 августа 1982 г.

Дорогие Б & Б,

сидим в ресторанчике «Альфонсо Шестой» в Толедо. Сюда сегодня подвезли пиво. Официант пообещал также лангустов, но мы не верим. Жара 40°, т. е. около 110F, но дышится легче, чем в нашей столице при 90F.

Все вокруг серовато-розоватое. Вообразите эту улицу без осла, но полную многоязычного сброда, среди которого иной раз можно услышать что-то вроде «Муся, Фаня, куда же вы идете?» – жители жарких республик. Возвращаемся в Мадрид и перелетаем на Майорку, а оттуда уже отправимся в Париж и Лондон, полюбоваться дождями и туманами.

Обнимаем вас и упорно надеемся на встречу.

В & М

С ослиным упорством, как этот осел, продающий свистульки и дудки, упорствуем мечтать. Спасибо за «Сову» и «День Рафаэль»[464] и прочее, как раз здесь и прочитаны: было к месту.

Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым

Сентябрь (?) 1982 г.

Васенька, Майя, неожиданно приехал Пик, и я ничего, как всегда, не успеваю написать.

Спасибо, целую, люблю, очень, очень стала тосковать и отчаиваться, но ничего.

Пожалуйста, от меня – Карлу и Элендее слова моей любви, печали и надежды[465]. Я им напишу.

Вася, от Булата: не знаю, что он тебе пишет, но он ужаснулся дури Сары[466].

Перепутала – Жорино письмо само по себе, в Германию. Просто тогда их привет, они все время с нами, надо им уезжать[467], но они пока ничего не сделали для этого.

Очень грущу, но ничаво.

Целую, Белла

Продолжение письма
Борис Мессерер – Василию Аксенову

Вася, дорогой, в этот раз написать не успеваем, прими лишь наш привет. В своем письме ты совершенно точно оцениваешь нашу ситуацию, и добавить к этому почти нечего. Тем не менее, жизнь длится! Близко общаемся с Жорой, которому сейчас особенно трудно. Белла два месяца провела в Тарусе и опять написала хорошие стихи, которые, мне кажется, тебе особенно понравятся – про «черноту» нашей жизни и разные там детективы в стихах. Я занят работой в театрах. Сейчас, как ни странно, делаю «Самоубийцу» Эрдмана, конечно, подсокращенного в Театре сатиры, и, что самое удивительное, миниатюры Хармса[468], скоро премьера, но я не знаю, разрешат ли. Алеша несколько раз заходил и выглядит совсем неплохо. Я думаю, что с институтом у него все будет в порядке, и он его кончит[469].

Вася, жди нашей более вразумительной и подробной весточки.

Всегда живем вашими свершениями и успехами. Привет буквально от всех и знай, что часто выпиваем за тебя и за Майю на наших встречах.

Майе огромный привет и поцелуи.

Твой Борис.

Родные и милые, в спешке – целую. Ваша Белла.

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру

(на почтовой открытке)
26 декабря 1982 г.
С Новым Годом! С Рождеством Христовым! Привет от вас позавчерась, сегодня вам от Май и Вась! Целуем.

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру

Конец 1982 (?) г.
Дорогие Белка и Борька!
Очень рады, что вы, наконец, решили попытаться посетить эти берега. Трудно даже представить, как было бы чудесно вас увидеть!
Что нужно сделать здесь? Напомнить Гаррисону? Мы его наверняка увидим в NY через пару недель. Там будет мировой конгресс PEN, куда, между прочим, хотели пригласить и Белку, но это уж мало реалистично.
Я думаю, что вам нужно обязательно приехать в течение какого-нибудь университетского семестра (т. е. не летом и не в каникулы) для того, чтобы поездить с выступлениями по кампусам и заработать денег. Кроме того, можно выступать в местах скоплений соотечественников и тоже заработать. Они, компатриоты, сейчас укрепились, разбогатели и могут платить.
Чтобы все это организовать, нужно время. Поэтому, когда все будет решено, дайте нам знать заранее, за 2 недели или за месяц, чтобы можно было активизировать всю систему.
Недавно мы сидели в вашингтонском джазовом One step down[470] с Максимом Ш.[471], Левой З.[472] и Кириллом Д.[473] Тут пришла максимовская девушка[474] и говорит: а я третьего дня была у Бори и Беллы на Воровской. У-у-у-п-п-с!
Целуем и поздравляем с Рождеством и Новым годом.

Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым

5 января 1983 г.
Вася и Майя!
С Новым годом, третьим без вас…
Разговаривать с вами – в воздух, с поручением заходящему

солнцу, просто – в лес, в снег. С уверенностью, что вы – слышите, знаете, всегда разговаривать с вами, даже до слышного прохожим бормотания – легче, чем писать. Особенно, если что-нибудь вдруг хорошее, что и следует считать счастьем…

Например, ночью слышали твой голос (и вся Москва слышала):[475] «Здравствуйте, господа!» – твой ясный, здравый, умный, но столь для меня мой, мне принадлежащий, вот он, возле уха на переделкинской подушке – и: как это – «нас – рас – раз… развели по двум разным концам земли».

Утром, в отчаянии, в осознании этой приставки (ничего себе приставочка к корню) – все думаю о тебе, о вас, едем с Лизой в Переделкино. Сошли с поезда – из снега свежий сгусток стройных, словно привидевшихся черт: маленький (уже взрослый) Петя Пастернак целует в щеку. И засмеялась: милый Вася, ничего, видишь – идем с Лизкой в аптеку, в магазин. В магазине – все то же, и в Сетуни – и много посвящено тебе.

Вот все и счастья мои.

Еще: между чужими чтениями еще раз прочла «ОК»[476] и еще раз возлюбила твою драгоценную и вещую книгу (твои мои книги спрятаны. А для прочтения другими держу, чтобы читали, некоторые задерживают, зажиливают, очередь, как всегда, – пререкается).

Радость: ты – в расцвете зрелого ума, чудного дара.

Мы же – в упадке.

Про Жору ты знаешь. Сегодня (5-ого января) опять они с Наташей весь день (с 9 до 18), как и вчера, – в тюрьме давали показания по делу Бородина[477] (замечательный, я его лишь однажды у Жоры видела) и по делу Крахмальниковой[478].

Наталье завтра опять идти.

Вроде к тому клонят, чтобы он, дескать, покаялся, назвал… вздор, одним словом… но – до 20-го января, иначе – дело совершенно готово. Надежда: что он ведь не оповестил их о возможности для него – уехать, так, слухи, подслушка, то есть – не о возможности, конечно, а о его каком-то смутном, вынужденном решении, о поездке для лечения… как-то все это не так, а как нужно – я не знаю и советовать не умею.

Написала лишь 25-ого декабря письмо на «высочайшее» имя – отдали невесть кому[479]. Нет письма, копия теперь у меня – и что же мне советовать или делать?

Сегодня все с Инной и Семеном[480], все беспомощны, Жора же по телефону рассказывает, что и как, приедет 7-ого, на Рождество.

Васенька, прости, родной мой брат и друг, сбивчивость и нехудожественность писания.

Нет, что ли, ясных трезвых сосредоточенных нервов – для художества – всегда, как у великих…

Ночь, елка нежно и прельстительно сияет под окном, спят дети, по коим разрывается сердце. Вздыхают и вздрагивают спящие собаки.

И – снег, звезды, лампа, отраженная в черном окне. Казалось бы – что еще надобно, не грех ли капризничать?

Васька, ну да ладно. Мои радости – все же мои. Старые люди очень утешительны. Наталья Евгеньевна Штемпель[481] («Воронежские тетради») соотносится со мной по почте и телефону – и сразу я радуюсь, легчаю сердцем. Анастасия Ивановна Цветаева – слава Богу, бодра, хоть, при обожании, пререкаюсь немного, но она, к счастью, этого как раз не слышит.

И даже, если мы с тобой, с вами, не увидимся на этом свете, – разлуки – нет.

При случае – скажи Володьке и Леве[482].

Васенька, много нашей жизни, у нас отнятой, – в тебе, тебе дано ее длить, беречь и осуществлять. Целую тебя (через сотни разъединяющих верст – это ближе и правильней всего остального).

Белла.

Продолжение письма
(Дальше – лишь к Майе.)

Маята! Когда-то – незадолго до вашего отъезда – ты принесла мне пачку Marlboro – и я иногда прикасаюсь щекой к этой пустой коробочке. Вот и сейчас – сходила и прикоснулась. Сколько всего твоего пропало по длинной мере жизни, а коробочка – вот.

Майка, так хочу говорить о печали, благодарить, а не просить, и все же – прошу.

Я знаю, что твои дорогие и драгоценные подарки давно превзошли бедную сумму, упомянутую Васей и тобой, но знаю также, что счет другой и все – другое. Прости, что говорю о пустяках, не соизмеримых с твоей добротой и щедростью, но, если осталось от этих денег, потрать, Маята, купи что-нибудь, знаешь, детей жалко – особенно Лизку, уж слишком оборванка и еще рада, что – как я. Аньке – от Пика перепадает и штаны мои идут. А Лизка – по сути душа и нага, как душа. Купи ты им, Христа ради, Аньке – джинсы, № – по-моему, 36, в общем, ей – впору мои в обтяжку и короткие, купи ей лифчик и трусы для купанья, две пары, размер лифчика – между 0 и 1, у нас не продают и за это она не купалась прошлым летом. Лизке же бедной – тоже джинсы (10–11 лет, размер – не мыслю) и еще чего-

нибудь.

Видишь, это совершенно – из Васькиного «Острова Крыма» получается.

Маята, еще, когда прошу, смеюсь над собой и жалею Пика – не утяжелить его багаж.

Мы тут ехали с Лизкой в электричке, солнце нас весело осветило, и, без ужаса, правда, ужаснулась я причудливости, уже юродивости наших одеяний, да и лиц. И брат Лиза, хрупкий, верный, рваный, почувствовав, сказала – утешительно, угодливо: «Почему это я, мама, только все старое-драное люблю носить?» – как если бы ей предлагали выбор. А Анька – барышня, и в моей бессмысленности она не виновата. Она все скачет на лошадях.

Маята меня смешит, список надобного московским друзьям из «ОК» – помнишь?

Мне же, если остатка тех денег хватит и если влезет в сумку, – может быть, какую-нибудь дешевую такую куртку, то есть подешевле, чтоб зимой в деревне ходить? И вот еще – вдруг: валенок не продают ныне, но бывают такие чужеземные валенки. А может быть, это и блажь, и тяжело. И – о, безвыходность – тоже джинсы и свитер какой-нибудь – это, если с Жорой обойдется, я в Тарусу съезжу. Я наговорила, при фальшивом бескорыстии, на, наверно, огромную сумму, но это я так, приблизительно. Майя, а ты лучше старое какое-нибудь твое и Ванькино[483] нам посылай, не надо таких роскошных бархатных брюк, мне даже лучше бумажный, всегда мной любимый до тебя, бархат. И еще – карандаш для глаз – не продают.

Маята, прости, прости. Знаю твою любовь и потому – столько моего вздора.

Целую тебя. Твоя Белла.

ЗАБЫТЫЙ МЯЧ

Забыли мяч (он досаждал мне летом).
Оранжевый забыли мяч в саду.
Он сразу стал сообщником календул
и без труда вписался в их среду.

Но как сошлись, как стройно потянулись
друг к другу. День свой учредил зенит
в календулах. Возможно, потому лишь,
что мяч в саду оранжевый забыт.

Вот осени причина, вот зацепка

чтоб на костре учить от тьмы до тьмы
ослушников, отступников от цвета,
чей абсолют забыт в саду детьми.

Но этот сад! Чей пересуд зеленым
он называл? Он – поджигатель дач.
Все хороши. Но первенство – за кленом,
уж он-то ждал, когда забудут мяч.

Попался на нехитрую приманку
весь огнь земной, и, судя по всему,
он обыграет скромную ремарку
о том, что мяч был позабыт в саду.

Давно со мной забытый мяч играет
в то, что одна хожу среди осин,
гляжу на сад и нахожу огарок
календулы. И вот еще один.

Минувший полдень был на диво ясен
и упростил неисчислимый быт
до созерцанья важных обстоятельств:
снег пал на сад, и мяч в саду забыт.

Майя Аксенова – Белле Ахмадулиной

Январь (?) 1983 г.[484]

…Надо успеть в эти несколько дней найти то, что тебе нравится, и купить. Таков капитализм! Раньше я к этому никак привыкнуть не могла, но теперь, кажется, освоилась…

Ни о каких валенках в Вашингтоне даже и не слыхали. Валенки! Здесь даже и теплых сапог купить невозможно. Посылаю единственную пару, которую удалось найти. Может быть, они тебя спасут на некоторое время, да и Борису пригодятся. Семейная пара.

Очень долго искали тебе теплую куртку. Не хотелось покупать обычную спортивную, да они не очень-то и теплые.

Эта нам понравилась сразу – лунный ренессанс, а по-нашему «Дутик», сразу нас покорил. Двойная, черная, стильная, настоящий пух, дорогой магазин.

Дома «Дутик» ожил, я на него все время смотрела, разговаривала и гладила.

Кончилось тем, что Василий предложил его усыновить.

Люби «Дутика»!
Целую. Майя.

Да, Белчик! Сообщи, пожалуйста, подробно размеры. Ты теперь можешь все определить по вещам. Хотим купить Боре джинсы и ботинки, а размера не знаем. Сделай это, пожалуйста.

Боренька! Дорогой!
Всегда тебя помним, любим, но бабы на этот раз захватили площадку.
В следующий раз все только тебе.
Целуем. Майя, Вася

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной

Январь (?) 1983 г.
Дорогая Белка,
спасибо за чудное пред-Рождественское письмо. Мы здесь дважды празднуем праздник. На Christmas я ходил на полуночную службу в собор Св. Матвея в центре Вашингтона и восхищался, как всегда, тамошней публикой – такие, знаешь ли, какие-то сильные и стильные, эдакие прочные западные люди. В православии народ поскромнее, но все-таки тоже красивый. Как ни странно, сохраняется какая-то цивилизованная Россия. Я думал, чем же все-таки так разительно отличается здешняя служба от, скажем, переделкинской, ведь в принципе все так же, а потом понял, простейшая вещь – дети! Ведь там большевики ведь запрещают детям прислуживать на литургиях, вот в чем дело.

А вообще, увы, все дальше и дальше уходит пространство прежней жизни, а здешнее все ближе и понятнее, к тому же при всех своих глупостях здешнее пространство все-таки настолько естественнее для человеческой сути, что этого нельзя в конце концов не почувствовать и даже не испытать некоторой благодарности за то, что оно все-таки стоит и противо-стоит.

Теперь, когда очередные наши глупые надежды гробанулись и когда все яснее становится действительная «необратимость соц. изменений», т. е. то, что наглости и тупости нет конца, только об одном и остается мечтать (пусть беспочвенно) – чтобы вы здесь оказались, а там пусть Фельки Кузнецовы стучат друг на друга. Может быть, то, что я сейчас говорю, в чем-то безнравственно – Россия, язык, могилы – но… как тут Виктор Ворошильский[485] написал о «Солидарности»: это уже приключение не моего поколения. Впрочем, это все-таки еще не капитуляция; иногда кажется, что вывоз отвлеченных предметов патриотизма – это

тоже сопротивление.

Очень волнуемся за Жору и Наташу. Я устроил недавно прямую передачу некоторых заявлений через «Голос». Вообрази, это было непросто, ибо здесь все опутано тоже соответствующей, хотя и своеобразной бюрократией и гуманитарный расчет хоть и принимается, но во вторую очередь. Слышно ли было?

Мы боимся, не пропустил ли он момент для отъезда. Пик рассказал, что в разговоре с гэбухой Жора сорвался и накричал нечто ужасное. Как бы они не решили отомстить, да и вообще совершенно еще непонятно, что можно от них сейчас ждать, когда римско-софийская[486] история с каждым днем становится все яснее.

Во всяком случае, мы будем здесь орать во все тяжкие, если с Жорой и Натальей что-нибудь случится.

Спасибо за стихи. Я их читал на своем семинаре. Одна девочка сейчас пишет, как они говорят, papera на твой предмет в связи с Тарусой. У тебя совсем пошел новый период, который, конечно, так и называется «101-й километр Беллы Ахмадулиной», очень плодотворный.

Недавно здесь читал Бродский, и в аудитории возникло ощущение, что он совсем уже экспатриировался отовсюду. Читалась картина зимы, свободная от каких-либо иных примет, кроме зимних.

Очень нравится «День-Рафаэль» – это тоже живительный космополитизм. Не хочешь ли ты все-таки что-нибудь напечатать здесь? В таком элитарном и маленьком «Глаголе» может, мне кажется, сойти.

Карл сейчас проходит второй цикл лечения. Экспериментальный метод основан на вызывании у него в животе искусственно перитонита, что, конечно, дает дикие боли и слабость. Врачи все-таки дают некоторые надежды. Держится он потрясающе. В госпитале после операции, возя перед собой капельницу на колесах, занимался переводами.

Незадолго до приезда Пика мы узнали, кто его заменит в Новом году, т. е. после летних отпусков. Большая удача – это Рэй Бенсон[487], которого, как и его Ширли[488], вы все хорошо знаете – «метропольский» человек.

Приятно, что вы слушаете меня по радио. Буду теперь стараться вас позабавить, хотя взялся я за радиожурналистику в общем-то из-за денег: расходы огромные, а уезжать из Вашингтона на какую-нибудь постоянную университетскую «позицию» не хочется. Кроме этого, читаю раз в неделю в одном местном университете и еще буду ездить – тоже раз в неделю – в колледж возле Балтимора. Увы, литературные мои заработки

дико буксуют. Сволочь-переводчик до сих пор не сделал английского «Ожога», из-за этого тормозится все остальное. Впрочем, вот недавно в Париже вышел «Остров Крым», выходит «Ожог» и там же начинают репетировать «Цаплю».

Василий Аксенов – Борису Мессереру

2 мая 1983 г.

Дорогой Борька!

Пишу коротко, иначе никогда не соберу проклятущий пакет. Подробнее позже. Вчера получили твое письмо, и вечером я его зачитывал Войновичам (они сейчас в Вашингтоне), присутствовал также старый Закс[489] из «Нового мира» и еще пара друзей, и все восхитились, между прочим, твоим слогом, а Майка даже прослезилась при упоминании Дутика.

Спасибо, старик, за такое письмо, вот именно такие обстоятельные, с живыми картинами письма нам потребны. Илюша Левин, ленинградец, очень заторчал на описании питерской пьянки с Ленами, а я лично припомнил довольно четко квартиру Эры в 66-м году, где я был пьян до изумления и три раза пропускал самолет на Минводы.

Я тебя уже поздравил через Пика и еще раз обнимаю от всей души, слиянием тел образуя столетие.

Целуй Белку, ее 101-го километра вирши все время зачитываю студентам. Вчера же: письмо из Германии от Левы и Раи[490], они восхищаются Белкиными действиями в защиту Жоры.

Здесь его, кажется, ждут. Звонили мне из телевидения, спрашивали, говорит ли Mr. Vl.[491] по-английски.

Борька, очень тебя прошу передать письмо моему Киту, найди его, во что бы то ни стало, и вообще поговори с ним, если сможешь, по-товарищески и как Мастер (ведь он же по твоему цеху). Ему предстоит то, через что Саша[492] уже прошел, – армия, к тому же он женился и находится сейчас в каком-то радиоактивном поле <…>двух мамаш и глухой подозрительности в институте.

Когда мы увидимся с вами?

Обнимаем и целуем.

Вася и Майя

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру

Весна (?) 1983 г.

Б & Б!

Огромная просьба. В посылке часы для Лешкиной жены Нины.

Говорить нужно только с ней самой, не с мамкой <…> Вы, может быть, уже знаете, что Кит – в армии. Куда его послали, мне неизвестно. Если Нина приедет к вам, передайте ей от нас привет, а нам сообщите свои впечатления. Может быть, она напишет нам записку: где Кит, как дела и проч.

Целуем.

В & М

Фрагмент письма Василия Аксенова – Нине Алексеевой и сыну Алексею

Весна-лето (?) 1983 г.

Нина, не смущайся общаться с Беллой. Она не только суперстар, но наш самый близкий друг и к тебе очень хорошо относится. Обнимаем вас и с нетерпением ждем писем.

Борис Мессерер – Василию и Майе Аксеновым

6 ноября 1983 г.

Дорогие Вася и Майя!

Господи, сколько же времени прошло с тех пор, как мы последний раз обменялись письмами. Поди месяца четыре, пять. Целая жизнь. Расстояние во времени усугубляется расстоянием в километрах. Почти все лето мы ездили. То по России, то по Грузии. Сначала на машине в Ферапонтов монастырь через Переславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль, Вологду. 600 километров. Это наш второй вояж в эти места. Повтор прошлогоднего маршрута. Уж больно хороши эти старые города и притягательны руины церквей и монастырей в их округе. И как конечная точка – церковь села Ферапонтово, расписанная Дионисием. Оттуда мы тоже делали некоторые вылазки, но уже не в таком километраже. Поездки в Кириллов с его Кирилло-Белозерским монастырем, в сам Белозерск, в Нило-Сорскую пустынь, в Горицкий монастырь. Не могу отказать себе в этнографическом моменте. Эти названия и сами места буквально гипнотизируют сознание и воображение. Например, путешествие на Спас-Каменный. Это название я сам вычитал, а ситуацию вычислил – то есть своим умом дошел, что должно это быть нечто необычайное. Вдоль дороги от Вологды до Кириллова на протяжении ста километров расположено великое Кубенское озеро, все время виднеющееся в «близком отдалении» от шоссе. В

дымке. И вот посреди этого озера есть каменный атолл – слово, мало подходящее к русскому пейзажу, но выражающее суть нелюдимости и каменистости, на котором виднеются руины Спас-Каменного монастыря. Подъезд к нему тоже изумителен. Надо объехать озеро и добираться на моторке с другого берега (200 км дороги и сорок минут на моторке). Лодка идет по рукавам и плавням дельты р. Кубенки, где диковинные птицы – журавли, чайки, дикие утки, цапли сидят прямо на воде, то есть каких-нибудь чуть выступающих веточках или отмелях. Дальше выход в открытое море – озеро – и как замок Иф графа Монте-Кристо видны величественные руины изумительной красоты. Сохранилась колокольня XVI века. Сам монастырь – XII век. До последнего времени существовала архитектура XIV–XV-го. Взорван в 1933 г. по решению Вологодского обкома. Сейчас стоит вопрос о реконструкции. В обкоме отвечают: «Как же мы восстанавливать будем, когда живы те, кто взрывал?» И так все с этим благословенным краем. Начать с того, что хотят повернуть северные реки вспять и напоить Каспийское море и Кубань. Это значит, стоит вопрос о затоплении всех Вологодских земель, и в первую очередь Кириллова, Белозерска, Ферапонтова и т. д. Когда подъезжаешь к Рыбинскому морю, к р. Шексне, разлитой до безобразия, до бесформенности берегов, то на ветровом стекле машины выступает (оседает) морось (мельчайшие капельки воды) – воочию видны следы микроклимата-урода. По обезображенной реке движется танкер. Он идет зигзагами по широчайшей водной глади. Значит, проходимо лишь старое русло. Все остальное лишь для того, чтобы повысить уровень воды на 20–30 сантиметров. К зрелищу этому привыкнуть нельзя. Но впереди перспектива, что не будет ничего вообще. Вологодчины как таковой. Так что как бы ездим прощаться.

Жили мы не в самом Ферапонтове, а в деревне Узково, километра за три от монастыря. Здесь имеет свой дом и мастерскую художник Коля Андронов[493]. Он живет здесь почти постоянно, с супругой своей Натальей Егоршиной и детьми. Они и подыскали нам избу и изумительную тетю Дюню. И чем тоньше и божественнее красота этих мест, чем больше поражают человека эти восходы и закаты, тем отчетливее проступают черты вырождения и дегенерирования всего живого сущего в этом краю.

Попытка драматургии

Сцена I

Место действия – изба.

Шурка (*ему за 50 лет*). (*Вваливаясь в изодранной рубахе. Весь в крови.*) Мама, а где мама? Это я, Шурка, я опять пьяный!

Тетя Дюня (*80 лет*). Сынок, батюшка, да ты не такой пьяный, поди, сегодня. Ты б домой шел, отдохнул бы!

Шурка (*выжимая кровавую рубашку*). Нет, мама, я очччень пьяный.

Тетя Дюня. Батюшка, сынок, сколько раз я тебе говорила, чтоб ты на публику не выходил.

Шурка. Нет, мама, это меня сынок так отделал, но и я ему е…нул хорошо, он в поле лежит сейчас.

Я (*50 лет, автор*). (*Выскакивая на крыльцо и видя проходящего второго сына тети Дюни Николая.*) Дядя Коля, там Шурка Серегу убил. Он в поле за избой лежит.

Николай (ему за 50 лет). (*Проходит не ОБОРАЧИВАЯСЬ и не отвечая.*)

Сцена II

Те же и Серега (*ему 18 лет*). (*Весь в крови. Шатаясь, подходит к Шурке и бьет его по лицу.*) Вот тебе, папаня. А Витька (*второй сын Шурки*) из армии придет – мы тебя до смерти отделаем и ракам скормим.

Шурка (*вставая с пола и утирая кровь*). А это тебе, сыночек, чтоб батю помнил.

Серега лежит до конца пьесы не двигаясь на крыльце.

Сцена III

Зинка (*40 лет*). Без слов вцепляется в голову Шурки и царапает ему лицо.

Тетя Дюня. Шура, батюшка, ты бы домой шел, отдохнул бы. Баловник ты сегодня. Неугомонный какой-то.

Шурка (*отбрасывая Зинку в огород*). Мама, а мама, а у тебя маленькой не найдется?

Немая сцена. Участвуют:

Белла Ахмадулина (45 лет), поэт.

Борис Мессерер (50 лет), художник.

Дети Беллы:

Аня – 15 лет.

Лиза – 10 лет.
Тетя Дюня – 80 лет.

Шурка падает на последних словах и лежит не двигаясь. Сережа и Зина лежат не двигаясь.

Занавес

За сим следует мое обращение к вам, дорогие Вася и Майя, моим первым зрителям, то бишь слушателям, то бишь читателям, с просьбой не быть слишком строгими судьями и учесть, что «пьеса» написана экспромтом сейчас, без единого черновика и в пределах 10 предшествовавших этому минут.

Сейчас мне хочется на мгновение перекинуться в Грузию, может быть, еще и потому, что уж очень силен контраст между этими двумя странами, между этими двумя жизнями.

После пребывания в Ферапонтове решение поехать к морю пришло мгновенно, как вы понимаете, как ощущение контраста, как необходимость жизненная.

Подгадал сделать выступления Беллы в Сухуми (3), в Пицунде и Гагре по одному. В поддержку идее. В материальном смысле. И поехали. Дивно побыли там, после значительного перерыва. Вас вспоминали беспрестанно. И почему-то, Василий, образ твой как-то неразрывно связан именно с югом. И хотя, может, Ялта тебе и ближе, но и в Пицунде ведь пережито было немало. А дурь-то ведь прежняя осталась, так что тебе ее и выражать, и выражать – всю жизнь! Да, любопытно, встретили мы там Бориса Можаева[494]. Человек он прекрасный, ты знаешь. Но смешно, деревенская его идея преломилась уж больно дико в связи с рассказами его устными об Англии, где побывал он только что. Со смешной важностью он рассказывать стал о встрече с английскими крестьянами, о том, как живут они, об их чаяниях и надеждах. И не смешно стало, а грустно. И чудовищно нелепо «деревенщиком» быть, так сказать, в интернациональном смысле. А потом мы попали в Тбилиси. И эти две недели обернулись каким-то чудным куском жизни, с добротой людей и пиететом к Белле. Эти дни перенасыщены были пьянством, но, конечно, не российским, а с благородством и прекраснодушием, с тостами и дружеством. А для нас уже и тосты не тосты, а продолжение как бы ранее начатого разговора, и длящееся общение, и скорбь об ушедших. Но эти дни – счастливые дни. И даже начальство грузинское не чета нашему. Случай такой был, что мы с Чабуа Амирэджиби[495] поехали в горную Хевсуретию, в Шатили. А там случился национальный праздник, на котором было высшее

грузинское начальство. И секретарь ЦК Сулико Хадеишвили скомандовал так: что если Белла приехала в Хевсуретию на машине, то отправить обратно ее надо не иначе как на вертолете. Сели все мы вместе с Чабуа на вертолет и полетели, разглядывая Казбек и узнавая его сразу, ибо похож он на папиросную коробку, как две капли воды. И вдруг садится вертолет на горное озеро невиданной красоты. 3500 метров от уровня моря. Снег. По снегу бежим к озеру. Проваливаемся. Мерзнем. А тут из самолета несут напитки, чоча (поросенок), фрукты. Выпили мы с местным начальство за Беллу Ахмадулину прямо на снегу, в виду горы Казбек. Поднялись в воздух и полетели в Тбилиси, а уж потом и в Москву – прямо к маразму, безденежью и бесперспективью.

Еще несколько строк я хочу вписать о **страшном**, как таковом, что случилось за дни нашего пребывания в Ферапонтове.

В нашу деревню Узково привезли гроб, сделанный из цинка, в котором находились останки солдата, погибшего в Афганистане.

Мы были свидетелями той раскрутки местных деревенских событий, за этим последовавших. И то, как ночью собирались родственники из разных окрестных сел, чтобы быть рядом с родными в тяжкие минуты первого горя. И как слетелись – съехались местные начальнички в дом погибшего: и военком, и секретарь парторганизации, и секретарь комсомольского бюро, и прочие, прочие, прочие.

А кругом – слухи – разговоры. И мелькают в них дивные русские названия окрестных мест и деревенек: «А вчерась на Чарозеро четыре повезли…»

И сами похороны. Отделение солдат в 10 человек с оружием. Все чернявые, с юга. И 17 человек милиционеров на 3-х машинах и мотоцикле. И военный оркестр. Грузовик с гробом. Провожающие человек 50. Все убогие – деревенские. Жалостно выглядящие люди. Остатки человеков. Хромые, косые, бедные. И мать воет – звериным вытьем. В городе такого не услышишь. Военком прерывает: «Подожди рыдать, мамаша». И речь толкает: «Чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы…» (Н. Островский). Снова мать воет. И секретарь парторганизации: из «Песни о буревестнике» – цитату – очевидно, директива по стране, как хоронить погибших на войне. Оркестр глушит вой близких.

А потом расходятся. А водку в поселке не продают все три дня. И люди жрут любую сивуху и осмыслить пытаются, что же все-таки случилось с односельчанином.

А мы с Андроновыми, тоже пошедшими на похороны, чтоб свой долг отдать человеку, и по сей день прийти в себя не может, вспоминая эти минуты, и так же пили и тоже понять ничего не

могли.

Вася, Майя, дорогие, дописываю письмо, торопясь, потому что момент отправки пришел.

Нарочно пишу про свое, чтоб понятней вам что-нибудь было про нашу жизнь.

Про вашу же ничего здесь не спрашиваю, потому что надеюсь, что сами вы все напишете. И подробно.

Мы вообще очень редко пишем. Например, отослали Леве Копелеву и Рае Беллину книжечку с крошечной, но теплой надписью и, о Господи, как же они откликнулись на этот крошечный знак внимания, какой бурей словоизъявления, так что просто стыдно стало за свое неписание.

Вася, Майя, любим вас всегда и помним.

Пишите нам и уж вы нас не забывайте в вашем лучшем из миров.

Целую. Борис.

Продолжение письма
Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым

Вася и Майя

Уж не 3-ье[496], уж выпал и растаял снег, уж Бенсон сейчас приедет.

А я? Попробуй – опиши все, скорей, в горячке: что вот соотношусь наяву, а не привычным таинственным способом посылания в вашу сторону всхлипывающих и усмехающихся сигналов. Как описать все не в художестве, а в письме, заменяющем все, что отнято: видеться, болтать, говорить и оговариваться, или надо всегда писать письмо вам, я пробовала, но письму больше, чем художеству, нужна явь и достижимость читателя.

Вот и в Ферапонтове – всегда думала о вас, словно писала письмо, – куда опустить? в озеро? в небо? Ах, утешалась, они сами все знают, они это мое письмо – через озеро и небо – получили. И на сеновале получили ответ: твой, Васька, голос. И потом получали. Я сказала Боре: Васька – пушкинский, по Пушкину человек: бред таланта и здравомыслие вместе.

Описал ли вам Боря, как при дождичке, возле белого Ферапонтова монастыря, хоронили местного мальчика в цинковом афганистанском гробу и каково же хватать и обнимать этот, все отнявший, цинк той, чей крик стоял во всей природе? Ей, кстати, заметили вежливо, но строго: «Мамаша, подождите убиваться». Это военком начинал речь: «…геройски погиб за родину…», а кроткая его родина серебрилась озером, белела

монастырем, осеняла тихим дождичком нетрезвые головы. И много гробов прибывает в те места, сводя их с ума непонятностью смерти и непроницаемостью цинка.

Сама эта бездна меж нами стала пугать своей не условностью, она все грозней и грязней уверяет нас в гибели и в сумасшествии. Вот матушка моя: врывается в образе моей смерти, седины клубятся, зеленые очки сверкают: ЦРУ! Рейган! Наслали самолет! Ты – под пагубным влиянием.

И я – своей слюною плюю и своими руками толкаю, руки и голова ходят ходуном. Впрочем, все это как бы описано в Собачьем рассказе[497]. Эх, да что – сил нет.

Книжка[498] – вышла по их, видимо, усмотрению и обобрана сильно.

Боря забыл в Москве мои новые стихи – если до отъезда Рэя не успею передать ему, – как-нибудь передам.

Любимые мои и наши! Простите сбивчивость моих речей – моя мысль о вас – постоянное занятие мое, но с чего начать, чем кончить – не знаю.

Целую вас. Белла.

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру

18 ноября 1983 г.

Дорогие Белка и Борька!

Рэй (Луч-Ray)[499] появился, как всегда – спешка, запарка, полдня на сборы, с вещами по коридору, собака лает, телефон звенит, проклятья, как всегда, на невинную голову С.В.[500] Спасибо за письма. Помимо радости общения с вами, возникла еще впечатляющая картина действительности (Борькины описания превосходны. Почему бы тебе не написать книгу, старик? Заткнешь за пояс многих «крупнейших из ныне живущих»), а Белкино «нет сил» и поразило и подтвердило. Иной раз возьмешь «ЛГ», и дыхание перехватывает от вранья.

Я так рад, что вы меня иной раз слышите. В этой работе, которая возникла только из-за нужды в деньгах, вдруг появился смысл.

На днях я получил письмо от Жоры. Он стал главным редактором «Граней» и просит меня написать статью о «Тайне» и вообще о таинственности Шелапутова и Хамадуровой. Надеюсь, не возражаете? В этой статье мне хочется, кроме основной темы, еще прояснить некоторые пунктиры, мокрой тряпкой слегка по некоторым мордам, надувшимся от паршивого высокомерия в адрес поэтов нашего московского круга и поколения. Один[501],

например, называет авторов «Метрополя» «баловнями» (т. е. режима), другой[502], понимаете ли, со снайперской винтовкой собирается поджидать возле ЦДЛ Вознесенского и Катаева, но почему-то не Грибачева и Стаднюка. Больше всего, однако, это касается Бродского, который ведет себя в Нью-Йорке как дорвавшийся до славы местечковый поц. Он хвалит Сюзан Гутентаг[503], а та его «крупнейшим из крупнейших», но если бы только это – он лицемерит на каждом шагу и делает массу гадостей и Саше Соколову, и Копелевым, и другим, не говоря уже обо мне.

Не думай только, Белка, что в статье о тебе я буду сводить с ним счеты. Я с ним вообще ничего сводить не буду, да и упоминать нигде не собираюсь <…>, а здесь пишу для очень внутреннего использования, просто чтобы вы знали, что он ваш недоброжелатель <…>.

Статью я начну писать, как только романчик свой бедный закончу, т. е., надеюсь, через месяц. Времени дико не хватает, для романа просто ворую по часу в день, а то и по 15 минут. Капитализм не особенно-то дает размягчаться. У меня тут в последнее время пошло довольно большое паблисити – то на T V, то газета, журнал, радио. Никакого кайфа я от этого не ловлю (стар уже), но считается, что это нужно для «book promotion»[504], жуйня местная. Между прочим, мы недавно были показаны с Белкой в одном фильме. Это был «Inside Story»[505] о Володе Высоцком. Основа была сделана Сэмом Рахлиным в Москве, а потом американцы (компания PBS) доснимали здесь меня и Шемякина. Вот это был хоть и печальный, но и прекрасный момент – видеть вас и себя в одном фильме.

С Жорой и Наташей мы еще не встретились. Надеюсь, зимой будем в Париже (премьера в театре – «Цапля») и заедем хоть на день к ним.

Обнимаю вас, мы ждем вас все-таки здесь в гости после завершения цикла холодной войны, если, конечно, в горячую, гадина, не перекатится.

Целуем.

Вася & Майя.

Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым

15 января 1984 г.

Васька, Майка, любимые родные!

С Новым годом! Дай вам Бог всего хорошего (про себя – как-то не верится, что-то я стала плоха, но общий добрый врач (Жорин, Инкин и Семена) сказал, что – не так уж, бывает на

старуху пруха. Просто душа пересилила организм).

Майка! Когда я сразу же передала Гале[506] твою посылочку (и подарила вашу фотографию, хотя с этим ужасно жадничаю), она все говорила про дела, про доверенность и прочее. Но, может быть, вы объяснились по телефону. Тогда Галя все втолковывала мне, что это – важно, что вы должны с этим разобраться[507]. Но, может быть, эти мои сведения устарели – это было месяц назад. Все-таки по ее просьбе напоминаю.

Тогда же я видела Алешкину жену. Она – безукоризненная на вид и в способе вести себя девочка. Алешка по совпадению – где-то за Пахрой, в той стороне. Ему не так уж плохо, хотя не вольно. Я советовала: претерпеть и не искать улучшения. Поскольку о Воле – речи быть не может. Просила написать вам – но, может быть, она меня не нашла, мы уезжали в Ригу и в Таллин (выступала за деньги). Девочка хочет снять жилье вблизи Алешкиной службы.

Также она сказала мне: «Ведь я не могу не увидеть Василия Павловича – для меня это очень важно». Я думала об этих ее словах, но – почему бы ей не хотеть этого?

Сказала также, что от Алешки знает, что – мы (я и Боря) – как бы единственно близкие родные люди, если что – к нам, но в деньгах не нуждаются. (Тут – в месте письма – я засмеялась: над нами.)

Впечатление же от беседы с нею, от сведений от Лешки – в общем благоприятное. Его ничто и никто не терзают излишне – даже он имеет маленькую поблажку в общем уделе (рисовать для надобности части или как ее?).

Потом, к моему счастью, я уверена, что Афганистан хотя бы… да, хотя бы это в нашем случае, – исключено, другие же случаи – очень плохие. Но это я так, от лишней и бесполезной заботы и муки.

Еще: во время выступления в Доме архитектора позавчера, нервничая от мелкой полицейщины, с которою Боря схватился, увидала в зале Тоньку. Очень встретились наши глаза, всегда понимающие. Тонька потом подошла в толчее – скромно и мимолетно, как и подобает близкому человеку. Обещала позвонить (я хотела отдать ей мои Майкины сапоги как ее) – не позвонила – думаю, от какой-то высокой деликатности или разминулись случайно.

Васька! Рассмешу тебя.

Пришел режиссер, как люди говорят: благородный и неблагополучный, Булат просил принять, иначе бы – не приняла. Я очень занеслась в моей отдельности. Да, я занеслась в моей отдельности, а его предполагаемый (уже начатый) фильм – о

единстве поколения, о шестидесятых годах. Я сказала: валяйте, снимусь, но не с Евтушенко и <…>, а – с Аксеновым, Войновичем и Владимовым: мы и впрямь не разминулись. Баба-ассистент мне говорит: «Б. А., но ведь это – невозможно». Говорю: вот и я о том же. А Борька – еще был грубее и справедливей. Так, кроме начальников кино, мы повредили кино.

Васька, всегда моя радость, про «Плейбой» – тоже замечательно, изысканно и остроумно. И – твой голос, волшебством осиливающий даже наш почти не действующий приемник.

Еще: с осознанным обожанием читала книгу твоих рассказов[508]. Старым – время не повредило, новым – помогло.

Люблю и спасибо, многие люди думают так же.

Для меня – большая честь твоя будущая статья обо мне.

Жора мне звонил 31-го декабря, он не знал, что я уже от тебя знаю о вашей затее[509], и не узнал от меня – но два любящих голоса дома говорили – поверх всего – о любви лишь и о других пустяках. Ссылайся на мои любые стихи – свободно, остальное ты сам все знаешь.

Меня – не трогают, после отъезда Жоры все как бы длится их мне ответ: «Ну, теперь ваша душенька довольна?» Длится и мое горькое спасибо.

Важно для меня еще мое ощущение, что не тронут тех, кто вблизи меня: Инку, Семена, *<зачеркнуто>*[510], еще есть.

Конечно, если они нас всех вместе не пристрелят. Да – зачем? Нас – почти нет.

Васька, все-таки мне придется продержаться на белом свете: мне надо еще – если не написать, то записать то, что знаю лишь я. Впрочем – вздор, это я от лишней задушевности, я – держусь.

Целую вас, целую вас (через сотни разъединяющих верст, как уже сказано вам не мною[511] и мной).

Андрей же Георгиевич[512] – совсем близок и прекрасен, но ему только этого не хватало[513], и он подавлен как-то слишком. Но мелочи и умеют подавить усталого человека.

И Ушика[514] любимого – целую.

Спасибо Пику – люблю всегда.

Ваша Белла.

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру

Начало февраля (?) 1984 г.

Дорогие Белка и Борька!

Очень радовались последней почте и Белкиному письму

особенно; из него обрисовались черты жизни. То, чего нам не хватает, есть у вас. Хоть ты и пишешь «нас почти нет», а все-таки есть, и мразь, окружающая, заставляет (благое дело мрази) любить друг друга, или, скажем, внимать, оценивать сочинения и просто слова, выражение глаз.

Здесь иные жалуются на «партийность», но на самом деле и партийности-то никакой нет, а есть только искореженная молекула самолюбий. Любое подобие успеха у ближнего (вернее, отдаленного, т. к. живем на огромных расстояниях) вызывает тихий, но отчетливый скрежет зубовный. Особенно стараются те, кому как бы и там и здесь недодали против тех, кому там передали, да и здесь-де, не по праву хапают. Соискательство славы то и дело принимает курьезные формы. Парикмахер Лимонов в нежном возрасте 40 с чем-то лет изображает юного ниспровергателя эмигрантской словесности, с ним заодно такой Леша Цветков[515] свергает Ахматову, а в Израиле пышет злобой Милославский[516], из крепостных евреев князей Милославских. Ни тем, ни другим, ни третьим не написано ничего, чтобы хоть какое-нибудь право на что-то давало. Хорошо хоть, что Саша Соколов, которого эта п-братия хотела как бы аккумулировать, выбирается из-под них, потому что, хотя и Нарцисс несусветный, но все же подлинный писатель. Недавно прочли его новый роман (еще не вышел) «Палисандрия», история «кремлевского сироты», дичайший такой «сатирикон» с растлениями старух, коллекционированием трупов, словом – портрет российской интеллигенции. Последний раз говорили с ним по телефону, и он стал говорить о твоей книжке[517], восхищался, что меня порадовало – явное преодоление лимоновщины.

О твоей книге несколько раз – с неизменным захлебом – говорил по телефону и А. А.[518] во время своего парижского триумфа. Захлеб относился к самому факту выхода книги: дескать, не только у меня все хорошо, но и у Белки все хорошо.

Я спросил его: случайно не слышал ли чего-нибудь об Алеше? Ответ опять же с радостным каким-то захлебом: представляешь, ничего не слышал, просто ни словечка! Я говорю: Андрей, ты по десять раз в году за границей (ну, уж по десять, обижается он), неужели никогда в голову не пришло услышать как там сын друга. Он отвечает смущенно: а я думал, что это тебе не важно, не интересно вообще… Ну, Бог с ним!

В конце февраля начну писать статью о «Тайне» и «101-м» для Жориных «Граней». Мешал роман, но теперь я его кончил, и стало чуть больше времени. Роман получился здоровенный, хоть и меньше «Ожога», но больше «Крыма», т. е. 505 стр. Называется он «Скажи изюм». В принципе – история «Метрополя», но персонажи

все выдуманные, никто себя, надеюсь, не узнает, за исключением Ф. Ф. Кузнецова – Фотия Фекловича Клезмецова. Читал, пока кроме Майки, только один человек, Илья Левин, и читал три раза подряд.

Спасибо, что моих ребят[519] так гостеприимно встретили. Они, Пол и Дэвид, приехали под большим впечатлением и, хоть в чтении и не поняли ни фига, но общая атмосфера и личность чтеца очень вдохновили.

Почему бы все-таки не попробовать почитать на этих берегах? А. А. сказал, что, по его мнению, вас бы пустили, если б вы нажали. Отчего бы не заявиться (в смысле подать заявление) и не установить сроки? Помимо разных гуманитарных выгод, включающих и наш эгоизм – видеть вас, эта поездка, думаю, могла бы сильно поправить благополучие. Тур по университетам и русским скоплениям явно принес бы неплохие деньги. Только это нужно заранее все организовать. Приглашение Солсбери еще действует?

Мы очень вам благодарны за то, что приняли нашу Нину. Она написала, что шла к суперзвездам не без робости, но была полностью очарована и т. д. Мне нравится (и Майке тоже) ее внешность (американцы привезли пачку снимков), а также ее отношение к Киту; в его дурацкой армейской жизни она стала настоящей опорой – ездит к нему часто, вообще как-то все держит под контролем. Подкупает также, что не смущается контактов с человеком, «опорочившим высокое звание гражданина СССР» <…>.

Отправляю эту почту за несколько дней до отъезда в Париж. Там 17 февраля в Театре Шайо премьера «Цапли». Не знаю, писал ли я уже вам об этом – играть они собираются параллельно с «Чайкой» и почти тем же составом, а что самое замечательное – в тех же декорациях, ибо почему же в имении Треплева не быть сейчас советскому жуликоватому пансионату «Швейник». Витез[520] хочет даже чучело чайки оставить там где-нибудь в уголке, чтобы не бросалось в глаза. Благая идея вроде бы для МХАТа, вторая птица на занавес просится. Я, честно говоря, очень предвкушаю французское действо. Пусть даже спектакль будет дрянной (но, надеюсь, не будет), а все-таки – большой театр, зал на 800 сидений, все-таки какое-то вознаграждение, а то все пишешь, как в прорву какую-то, и все поглощается без звука. Я имею в виду опять же русскую аудиторию. Жаловаться на невнимание Запада все-таки не приходится – книги собирают порядочный урожай рецензий и здесь, и в Европе. Русская же пресса (а тут этих журнальчиков и газетенок развелось как грибов, в NYC две (!) ежедневных газеты, три еженедельника, 3

«толстых») до сих пор не отрецензировала «Бумажный пейзаж»[521], хотя пишут черт знает о чем, обо всем. Миляга Алик Гинзбург[522] говорит: диссиденты тобой недовольны, считают, что ты их высмеял в «Пейзаже». А я о них и не думал.

Что происходит в Москве с вождями и с самим «волшебником Изумрудного города»? Недавно Додер писал в «Вашингтон пост», что они опрашивали москвичей и выяснили, что из 10 девять понятия не имеют, что с главным что-то не в порядке, даже не знают, что он отсутствовал на сессии. Великий народ; уже и подчиняться некому, а все подчиняется!

Недавно для класса перечитывал «Несвоевременные мысли» Горького. Поучительное чтение, особенно в эмиграции; эффект странно остужающий. Любопытно, что это единственная книга «буревестника», в которой он не кокетничает с читателем и не развешивает безвкусицы своей обычной.

В классе студенты, между прочим, больше всего удивлялись, как уж (по-английски a garden snake) умудрился залезть «высоко в горы».

Все время ходят противоречивые слухи о Любимове – то он собирается обратно, то, наоборот, к нам, за океан. Андрюша Тарковский[523] готовится к съемкам «Гамлета» весной в Швеции, а USC[524] в Los Angeles хочет его пригласить на следующий год. Насчет еще одного Андрея, т. е. Битова. Передайте ему наш огромный привет. Брательник его[525] совсем исчез с горизонта, никто не знает, где он и что делает. В этой связи жалко, что А. теперь вряд ли в скором времени на наших горизонтах появится.

И вот еще один Андрей (Дмитриевич Сахаров). Мысль о его судьбе, и о больной Люсе, и о той прорве говна, которыми их заливают, порой просто жить не дает. До нас дошло, что Галя Евтушенко очень им помогает. Вот молодец какой!

О самом Евтушенко вчерась прочел в «Time», что он опять стал непочтителен с начальством, но по-прежнему очень популярен среди читателей – продано 4,5 миллиона копий последнего романа. Американы все-таки неподражаемы, даже тов. Амфитеатров.

Обнимаем вас, целуем, ждем писем.

В & М

Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым

10 февраля 1984 г.

Дорогие любимые Васька! Майка!

(Как возрос в значении наш маленький суффикс: и всегда прежде бывший нашим, он стал увеличительным суффиксом,

клятвою в близости вопреки всему.)

Еще раз – с Новым годом! Получили вашу открытку и радовались ей, как и подобает детям при милости Деда Мороза.

Вчера показала Лизе Васькин портрет: кто это? Лиза с удивлением на меня посмотрела: не подозреваю ли я ее в недоумии? Но все же трогательным голосом, как бы сожалея о недоумии других, сразу ответила: «Дядя Вася Аксенов». Так что вот какое у вас незабываемое личико.

Сейчас Лиза пишет вам сама. Лиза – совершенно брат, пониматель, сострадатель.

А Анька – вдруг стала обратна мне, но возраст ее таков, <… > и непонятность моей судьбы, тяготящая ее, и естественное желание благополучия. У нее, впрочем, есть больше, чем принято в средних благополучных кругах, чье уютное устройство соответствует ее представлению о правильной, надобной жизни. Но – нет меня как правильной и надобной матери, и нет разгадки моей неправильности. Я все время мучусь и сожалею о ней, не умея помочь ее мучению. Хотя бы возраст этот – еще продлится, потерзает ее и нас и пройдет. А дальше разберется как-нибудь.

Но это я так, Майка, не пишу, а болтаю, не художество свершаю, а разговариваю с вами, – как бывало, как должно быть.

Все же мне нужно не сказать, а написать вам нечто – важное, тяжелое (не пугайтесь), сейчас поймете, о чем речь.

Этот день – с его чудным утром, с птицами за окном – хотела написать: только наш с вами, но вспомнила: 10 день ф

Ну, Васька! не успела дописать 10 ф…:Пушкин! – вбегает Лида Вергасова: Андропов помер.

Продолжение письма

17 февраля 1984 г.

Васька и Майка, стало быть, я написала: 10 ф, пред тем ужаснувшись: как я забыла? День смерти Пушкина! – влетела Лида, и я не дописала.

И все-таки – это был День смерти Пушкина, и наш с вами день.

И вернусь к тому, что я хотела написать сначала вам, потом – для других.

Вы – сосредоточьтесь, а я изложу вкратце.

В конце сентября прошлого (1983) года мой добрый и достопочтенный знакомый, ленинградец, поехал в служебную (инженер) командировку в Набережные Челны. Оттуда, ранним утром, на «Ракете» он выехал? выплыл? в Елабугу, это и то рядом. Все тем же ранним, мрачным утром (оно не успело перемениться,

да и не менялось в течение недолгого осеннего дня) Георгий Эзрович Штейман (так его зовут) ждал открытия похоронного бюро г. Елабуга с тем, чтобы заказать венок: «Марине Ивановне Цветаевой от ленинградцев». Бюро открылось, и к нему все были добры, учтивы, объяснили, что ленту исполнят через час, но – цветы? Научили пойти в институт, где растут какие-то цветы, сказали: «**Столяр, который делал гроб для М. И. Ц., умер недавно**». Георгий Эзрович пошел в институт, там ему дали то бедное, что у них росло в горшке, с тем он вернулся в бюро, взял ленту (это все как-то соединили), его научили, как идти на кладбище и где искать, он шел, страшно подавленный и мыслью своей? и видом города.

Он поднимался к кладбищу, видел – уже не однажды описанные – сосны, услышал за собой затрудненное дыхание человека и от этого как бы – очнулся. Обернулся: его догоняла, запыхавшись, женщина в платке и во всем, что носят и носили, то есть, как он сказал: «простая, бедная, неграмотная женщина». Она (он только потом понял), еще не переведя измученного жизнью и ходом вверх дыхания, сказала: «Это вы – из Ленинграда, к Цветаевой? Столяр, который делал гроб, – мой двоюродный дядя, он умер, и перед смертью покаялся: „Я – у покойницы, у самоубийцы, у эвакуированной, из фартука взял – не знаю что. Возьми и пошли в Москву – мой грех!!“»

Не стану, Василий, воспроизводить речь столяра и родственницы его. Это ты – в художестве, я – лишь суть тебе описываю.

Георгий Эзрович, по моей просьбе, записал все это. А ВЕЩЬ – взял, он не мог найти меня, и все это стал сразу рассказывать мне недавно, в Ленинграде, после моего выступления.

Утром, еще не видев и не трогав ВЕЩИ [он в пять часов пополудни мог мне это отдать (до – на работе)], я, дождавшись приличного для звонка часа: кому же скажу? Анастасии Ивановне – опасалась испугать, и слышит плохо. Юдифи Матвеевне! – все сразу поймет. Боря, кому же?! – и звоню, и попадаю в их общий разговор. (Юдифь Матвеевна Каган, дочь Софии Исааковны Каган, – ныне самые близкие фамилии Цветаевых люди.)

Анастасия Ивановна – Юдифь Матвеевна – я – разговариваем втроем. (Юдифь Матвеевна мне потом сказала: плохая техника на службе мистики.)

У Марины Ивановны Цветаевой в правом кармане фартука (родственница столяра, да хранит ее Бог, не понимала: почему фартук, не знала она этого) был маленький предмет, с которым она хотела уйти и быть: старинный блокнотик, 3 × 4 см, в кожаном переплете, на котором вытеснены Бурбонские Лилии,

вставлен маленький карандашик.

Бурбонские Лилии – это ее известная заповедность, я уж все про это собрала, что могу, потом займутся другие.

Поверженные Бурбоны, Людовик XVI, я сейчас не об этом, о том лишь, что с этим маленьким предметом пошла она на свою казнь. Она предусмотрела все (что, ты понимаешь, например, Асеевы возьмут Мура и будут воспитывать «как своего»), но не думала, что гробовщик возьмет из кармана и вернет – получилось, что мне. Бурбоны – да, пусть, но это талисман был, важность, с собой.

На меня это подействовало сильно, тяжело – но в радость другим пусть будет как неубиенность, неистребимость.

Анастасия Ивановна взять «книжечку» отказалась. Ей было тяжело держать ее в руках. Воскликнула: «Все Маринины штучки! Но я ее знаю – это вам от нее».

Возбранила мне отдать в музей изящных искусств (я все же отдам, если там и впрямь будет открытая экспозиция, посвященная И. В. Цветаеву и всей семье Цветаевых, а это, я думаю, вскоре, может быть, будет).

В Музей же в Борисоглебском переулке[526] – не верю, я до него – не доживу, как, впрочем, верю, что при моей жизни не увижу я, как выкидывают «содержание» дачи Б. Л. – в новую форму.

Вот, Васька, что хотела я написать тебе – вольно, больно, как должна, – а далее все это я строго опишу для других, выбрала: «Литературную Грузию», для сведения почитателей Марины Ивановны, но как-то и у них – мороз по коже (для них – лишь описание сути, и все равно как-то нецеломудренно выходит в предположении опубликовать, да и опубликуют ли? Но я сразу предала это изустной огласке, как-то надо и написать).

Не буду я – в журнал, вам лишь.

Васька и Майка, вот написала вам 10-го февраля про Аньку – и сожалею теперь, у нас, после этого мимолетного признания вам, что-то случилось вроде моря-горя: как смела я так серчать, накликала ее и мои слезы. Совсем испепелилась я из-за Аньки – своею виной, в чем она, бедное дитя, виновата?

Так что – все начальные слова моего к вам письма оказались роковыми (не станем преувеличивать, хе-хе).

Аньку – боле всех жалко, зачем я написала? Ей, из всех нас, – труднее всего, именно потому, что она хочет того, что я никак и никогда не могу дать ей.

Васька, поговорим о другом.

Пожалуйста, напиши сам Гаррисону Солсбери, что мы получили снова его безмерно доброе, умное, изящное

приглашение.

Я не оставляю надежды увидеть вас – именно потому, что я не скрываю, что хочу увидеть вас – напоследок, и более ничего, я как-то понимаю, что нас могли бы выпустить – при их обстоятельствах, если они перестанут так свирепствовать с Америкой (не перестали).

Но Гаррисону – ты напиши, что спасибо! что – как он добр и умен, что – как мы ценим его тонкость и великодушие, его слог.

Мы – пока не думали даже об оформлении, но – посмотрим, вскоре пойму.

Целую вас, мои дорогие и любимые.

Спокойной ночи.

Завтра напишу вам еще немного вздору.

18 февраля 2 часа пополуночи.

Продолжение

18 февраля 1984 г.

Васька и Майка!

Не прошло и десяти минут – я снова пишу вам.

Полная Луна – но мне ее не видно: за мглой небесной.

Как гнев небес и принимаю.

Васька, ты понял же, что «книжечка» – мое условное и неправильное название?

«Блок-нот"ик» – где предусмотрено вырвать листик. Ни один листик не вырван. Карандашиком – черкнуто – не М. Ц., конечно, кем-то, кто пробовал карандашик.

Сам этот маленький старинный предметик – флорентийского происхождения. (Все, кого люблю, музейные работники Ленинграда и Москвы, но на этот раз не во Флоренции дело – это, кстати, никто не объяснил мне: почему Флоренция сделала своим знаком, пусть сувенирным, лилии Бурбонов? Я, правда, не знаю.)

Всех – в Музее Достоевского, в Лицее (Мойка, 12 – на капитальном ремонте, уж – не увижу, да и не надо), в меньшиковском дворце – оторопь брала от… да и совпадений много было.

Опять, Васька, можно – про Ленинград тебе скажу?

Я не умею его снесть, перенесть, действует – чрезмерно.

Но – как им удалось – не убить? Ведь они – все убили в Ленинграде? Был «день блокады» – о Вася, Гаррисон знает, – а мы шли, рупоры кричали – и как – совершено затравленный – я ужаснулась напротив дома (№ 47, Большая Морская, дом Набоковых), в доме гр. Половцева, я его не знала, там Союз архитекторов, – к сожалению моему, дом (Половцева) – роскошен

и на него претендует исполком.

Но – как им удалось не убить Ленинградцев?

Неужели этот неубиенный, неистребимый город оснащает лица людей – светом?

Ведь не было возможности – особенно у Ленинграда – выжить?

Откуда опять берутся лица и души?

Неужели есть таинственный и неведомый нам приток?

Анастасия Ивановна Цветаева (я топала при ней ногой: зачем не объясняет, в книге, почему, по какой именно причине, она узнала про смерть М. Ц. – через два года, неужели два ее ареста – ничего не значащая одна деталь) – А. И. подлинно и совершенно верует в Бога, она считает все это благом.

Для точности замечу: не очень я, конечно, топала, но нечто в этом роде – совсем было. Измученная «блок-нот"иком», как рявкну: «Не желаю сейчас ничего слышать про вашего Горького». Но и А. И. была им («блокнот"иком»), лишь его завидев, измучена, все же кротко сказала: «Моего Горького – не обессудьте».

Смысл же (этой трезвости любви Софьи Исааковны, Юдифи Матвеевны и – моей) в упреке, с которым никто не смеет обратиться к А. И., не должен сметь: куда девались маленькие подробности (всеобщая гибель и разлука)? зачем было печатать вторую часть книги ценой таких недомолвок? (ты читал ли? прочти).

Но А. И., конечно, видит в этом другой, высокий, смысл, и одно ее описание, как она узнает о смерти сестры, может быть, важнее недоумения непосвященных: почему – через два года? и где? (а ей еще предстоит второй арест и последний обыск, который смел уже все, кроме этой вот «книжечки», взятой из кармана фартука).

А. И. – благодарит ее сажавших как исполнителей Божьей воли (она им так и говорила, к их удивлению), но за себя лишь можно так благодарить, за других – нет, все-таки – нет.

Передаю вам благословение А. И., под которое всегда склоняюсь, когда крестит перед нашим (с Борькой) уходом: «Я – лишь молюсь за вас, да хранит и благословит Бог вас, ваших детей и СОБАКУ».

А. И. мне заметила: «Вы слово „собака“ пишете с большой буквы», а я все слово – большими буквами. Она (как и М. И.), надеюсь, это ничему не противоречит, СОБАК считает ниспосланными и заведомыми небожителями.

Пока распространяю на вас, на детей, на СОБАК это ее благословение, но сразу же стану еще писать вам, потому что на этот раз (если с Черненко[527] ничего до завтра не случится) –

оказия к вам не сорвется.

Продолжение письма (?)

Васька и Майка,

не знаю, сколько у вас времени, а в Переделкине – двадцать минут шестого часа все того же дня февраля.

Еще про Анастасию Ивановну Цветаеву.

Я была – в отчаянии, как может быть лишь в письме сказано, что испугала ее уверением в том, что это вам (ей) – весть.

(Вы обязательно возьмите ее «полную» книгу воспоминаний, где вот про лагерь, про… – опущено по ее каким-то высоким, конечно, соображениям, да и кто может укорить ее.)

Это: не выкидываю, посылаю.

Все-таки звоню: «Анастасия Ивановна! Вот – собака около телефона».

Целует в телефон собаку. «А кошки – у вас есть?»

«В Москве. Здесь не могу, птицы едят под окном».

А. И. рассказывает:

«В лагере, еще в том бараке, у меня был кот…»

Далее – своими словами: был кот, но возлюбил А. И. – и по причине задушевности и по той, что она его – она его – кормила, сама – не ест, и кот этот тяпнул птичку (не спросила – какую именно), А. И. успела выхватить птицу, которая показалась ей – полуубитой, положила за пазуху ватника и пошла, вместе с другими, на близлежащую товарную станцию, где ей следовало разгружать или загружать вагоны, это мне не сказано.

А. И. взяла бездыханную птичку и положила ее на (буфер, что ли) – пусть кто-то, пусть бездыханный, – уедет отсюда.

Состав тронулся, птичка очнулась и взлетела, и полетела.

Кот, как вы и сами понимаете, – как и я знаю всей душой, – ни в чем не виноват.

Более я писать не стану. Я – не безумна, просто редко разговариваю с вами.

Сейчас же во что-нибудь положу и заклею.

Иначе – не пошлю!

Сколько я сожгла писанного вам (и сейчас пойду).

Я же – уеду в Тарусу. Еще учтите, что в то воскресенье – оказии не случилось. Зато – завтра.

Все события – пусть хоть такие.

Прощаюсь, простите, люблю,

ваша бедная Белла.

Продолжение письма (?)

Васька и Майка!

Вчера ходили с Лизкой в лес.

Заблудились в трех соснах. (Оказалось, что она знает три сосны, она «бегает», – как ты, с меньшим успехом.)

Она – вывела меня на дорогу. Говорит: «Пойдем этим путем, ты-то помнишь, где жили дядя Вася и тетя Майя?»

Я говорю: «Теперь этот дом меня не интересует».

№ 17? Номер дома я увидела при полной Луне.

Лиза: «Вот дом дяди Васи и тети Майи».

Засим прощаюсь.

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру

11 апреля 1984 г.

Дорогие Белка и Борька!

Несколько дней назад умерла Би Гей. Мы ее еще застали, когда поехали на мартовские каникулы во Флориду. Впрочем, она была уже почти в агонии, только лишь временами из нее выныривая. В один из таких моментов Пик нас позвал в спальню. Она нас узнала и прошептала: Thank you for coming. I love you so much…[528] Пик тогда попросил меня рассказать ей о твоем письме и о Цветаевском блокнотике. (Ему я уже подробно об этом рассказал.) Би Гей эту историю выслушала очень внимательно и прошептала что-то вроде it's great[529] и, как мне показалось, с каким-то ощущением причастности.

Между прочим, она очень гордилась стихом, который ты ей прислала, и несколько раз раньше при встречах и по телефону мне говорила, что все поняла, но не может перевести название «Звук указующий» и просила меня найти что-нибудь подходящее. Я в конце концов ей сказал, что это можно перевести, как The Guiding Sound[530], и она сказала, что вот теперь все понимает.

Забавная деталь на фоне этой трагедии. Когда мы вошли в спальню, за нами проскочил и Ушик. Встал на задние лапы и лизнул Би Гей в руку. Она ему улыбнулась и сказала: sweat baby…[531] Вот уж, действительно, эти собаки – ты права – небесные создания!

Тарковский, когда у нас был, все с Ушиком играл и говорил: это же ангелочек. Кстати, у него в «Ностальгии» есть несколько таких ангельских явлений в виде собаки и маленькой девочки.

Мы Ушика этого негодного (заочного друга Вовы-васи) иной раз зовем «ангел-обжорка», «ангел-храпелка», «ангел-дрочилка».

Литтеловский дом в курортном городке под названием санкт-петербургский пляж – в самом деле райское местечко. Он стоит на берегу канала – там все изрезано каналами, вытекающими в Мексиканский залив, – над ним пальмы и другие чудные деревья. Летают деловитые пеликаны, а цапли (цапли!) садятся прямо на маленький их пирс, прямо с которого Пик ловит рыбу и вытаскивает ловушки с крабами. Пожить там Би Гей почти не пришлось. Как вы знаете, они там поселились, когда она была уже больна, кажется, после двух уже операций. Пик был абсолютно измучен, он все делал своими руками – и уколы, и перевязки, и все прочее. Мы застали там их сына с семьей и Андрея, а также маму Би Гей, крошечную старую лэди из Кентукки. Мы там сняли номер в отеле и провели 3 дня. Каждый день ездили к ним, но Би Гей уходила все дальше и общаться с ней уже было почти нельзя.

Однако это еще тянулось несколько дней. Мы поехали в Майами, потом вернулись в Вашингтон, она еще была жива, и вот только несколько дней назад отдала душу Богу.

Мне запомнился один ее приезд из Москвы. Она была в тот вечер очень веселая, мы пили шампанское, и она рассказывала о вас и о московских очередях, в которых она стояла, чтобы купить шлепанцы одному из пятидесятников: американское посольство не смогло обеспечить его 46-й размер. Итак, ушла.

Цветаевская история совершенно фантастична. Она должна тебе дать толчок для большой работы: там может быть очень много всего, в том числе и твой «101-й километр», и Европа, все эти дела, проза и стихи; уверен, что ты этого не потеряешь как отчетливого сигнала для работы, сможешь сделать поистине что-то сногсшибательное с той литературной и душевной высоты, на которой ты уже стоишь.

Я начал уже писать «Прогулку в Калашный ряд», т. е. статью о стихах, где Белка будет главным героем, но тут вдруг свалилось множество суетных американских дел. Все как-то очень плотно пришлось на апрель и начало мая: три конференции и две лекции и еще какие-то срочные работы для хлеба насущного. В середине мая мы едем в Токио на конгресс Международного Пен-клуба, а вот по возвращении, уже находясь в зоне продолжительных академических каникул, как раз и закончу «Калашный ряд» для Жориных новых «Граней».

Его самого с Натальей мы ждем через несколько дней в Вашингтоне, на неделю. Они остановятся у нас. В их честь устраиваем прием с ровным представительством как левого, так и правого американских крыльев. Слабо надеемся, что обойдется без мордобоя.

Кажется, я уже писал вам, что в феврале мы ездили в Париж

на премьеру «Цапли», однако явно не писал, что это был настоящий успех. Вот уж неожиданность, в самом деле! Пиша тогда по соседству с вами, в снегах, даже и не думал, что это будет поставлено, да еще и в шикарном парижском театре. Множество интервью по радио и Т V, рецензии и статьи во всех главных газетах, только в нашей «Русской мысли» – ни одной строчки, вот как мило.

Говорят, что Вознесенский какую-то дерзновенно-интеллигентскую статью напечатал в «ЛГ», я ее как-то пропустил. Также говорят, что он собирается сюда за почетной степенью доктора в Оберлинском колледже. Вообще, письменники кое-какие несмотря на «антисоветскую истерию» здесь все-таки мелькают. Каких-то 17 душ где-то промелькнуло в Калифорнии по вопросам любви к миру. Там же пребывает Мих. Шатров[532], которому, оказывается, специально запретили со мной общаться, как будто это общение кем-то подразумевалось. Все это я пишу, потому что вам, Б & Б, пора уже приехать.

Большое спасибо Лизке за ее стенгазету. Она у нас висит на стене. Между прочим у нас на стене висит и Борькина большая картина с граммофонами, которая попала к нам (на время) путями неисповедимыми.

Появлялась ли у вас наша Нина?

Целуем множественно.

Вася, Майя, Ушик.

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру

(на почтовой открытке)

16 января 1985 г.

St. Martin Island

This island smaller than Crimea, but France and Holland set in here.

Kisses![533]

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру

Весна (?) 1986 г.

Дорогие москвитяне!

Читаю сейчас «Выбранные места из переписки с друзьями» (для своего университетского семинара) и стыжусь, оттого, что наша переписка заглохла, и больше, кажется, по моей вине, чем по вашей.

Как все-таки Николай Васильевич отменно старался в этом направлении! Какая все-таки эпистолярная активность существовала меж европейскими Минводами и российскими столицами!

Сказать, что эпистолярный жанр относится к минувшему веку в нашем случае будет смешно, не так ли, ибо между нами не существует ни телефонов, ни самолетов, то есть, по сути дела, наши отношения переведены не в XIX век (тогда уже была система почтовых дилижансов все-таки), а скорее в XVI – письмо в Китай с оказией Марко Поло.

Гоголь к друзьям, как известно, относился с нежнейшей функциональностью; то денег просил, то обстоятельных дневников российской жизни, ибо бесконечно испытывал нужду в кормежке и в аутентичности. Окружающая франко-немецко-итальянская жизнь его ни хрена не интересовала (очевидно, не казалась аутентичной), он все-таки всегда считал себя русским внутренним писателем, несмотря на 18 лет отсутствия, может быть, потому что мог вернуться в Империю в любой момент. На этой «аутентичности» он, очевидно, и прокололся: по почте эта херация не пересылается.

Нашему брату, очевидно, чтобы сохраниться в профессиональном артистическом качестве, нужно искать подножный корм, привыкать к амфибиозности существования, не настаивать на внутренней «русскости» 100 %, а напротив, утверждаться в русском эмигрантском качестве.

К амфибиозности, между тем, вырабатывается все более стойкая привычка. Столько раз на дню приходится нырять из воздуха в воду и выныривать обратно, что уж и не знаешь, что считать «воздухом», а что «водою» – русский или английский.

Иногда, впрочем, две стихии замечательно перемешиваются. Вот недавно заспорил я с одним типом из-за стоянки на улице. Я кричу ему из своей машины «Мудак ты е…й!», а он мне отвечает из своей: «Fuck you». По пятницам у меня трехчасовой семинар в соседнем городе Балтиморе, после чего, возвращаясь в автопотоке домой и слушая программу местной станции-интеллектуалки «All things considered»[534], я вдруг замечаю, что думаю на чужом языке и даже «тухлая вобла воображения» ворочается как-то не по-нашему. Не очень-то приятное ощущение, должен признаться, во-первых, потому, что своего не хочется отдавать, а во-вторых, потому, что в чужом-то уж никогда не избавишься от неуклюжести; жабры работают хуже легких.

Изредка появляются в наших водах пловцы из прошлого. Прошлой весной, например, один такой долговязый пожаловал[535]. Уселся в кресло и стал не без нервозной

уверенности, как будто по отработанному списочку, предъявлять претензии: пишу, оказывается, не так, как хотелось бы, слишком много иронии, обижаю борцов за мир вроде Габриэллы Гарсии[536], не возражаю против возвращения Никарагуа в лагерь потребителей туалетной бумаги, по радиостанции нехорошей выступаю, которая финансируется знаешь-кем-зловещий-шепот (сведения, очевидно, полученные непосредственно от Генриха Боровика), а самое главное, вот самого его, ночного гостя (визит произошел в полночь), обидел – сказал видите ли в здешнем журнале, что хоть и сам гость раздобыл себе славу, без помощи ЦК, но все же и ему приходилось подкармливать ненасытное чудовище стишком-другим.

Странная какая-то диспропорция, несоразмерная обидчивость для человека, который прекрасно знает, что о нем говорят все, кроме меня, бывшие соотечественники[537].

Страннейшей оловянной невинностью наливаются зенки, когда в разговоре выплывают гадости, сказанные им обо мне то в Каракасе, то в Брюсселе. Тебя удивляет, что мы об этом знаем?

При слове «мы» он всякий раз корежился, очевидно воображая спецслужбы Запада. Самое замечательное у этих типов то, что они очень быстро начинают верить собственной лжи. Кто это «мы»?

1 С учетом всех обстоятельств *(англ)*.

2 См. об этом подробнее: Аксенов В. Десятилетие клеветы. Радиодневник писателя. М.: 2004. С.14–26.

3 Габриэль Гарсиа Маркес (1927–2014) – колумбийский писатель, лауреат Нобелевской премии (1982).

4 Имеется в виду связь с «компетентными органами».

Мы – это я, Майя и Ушик. Какой еще Ушик? Наша собака. Какая еще собака? Вот эта, что лежит у камина в двух метрах от вас, мусью. Оказывается, за два часа беседы так старательно по списочку шел, что собаку не приметил. Вот вам хваленая российская литературная наблюдательность! «Одиннадцать невидимых японцев»[538].

Другой посетитель из того же цеха был все-таки значительно приличнее. Первого, надо сказать, отличает полное отсутствие Ч. Ю.[539] Очень не любит, когда собеседник шутит, досадливо морщится в таких случаях, скалится, как бы не слышит. Второй, напротив, с шуткой дружит и вообще порой все-таки вызывает что-то доброе в памяти; окрестности «Метрополя» и т. п. Однако и на старуху бывает проруха. Вдруг звонит, озабоченный:

– Весь Нью-Йорк говорит, что *это* я изображен в недавно вышедшем романе. Скандал. Ты что-то должен сделать.

– Пардон, что я могу сделать – переписать?

– Сказать, что это не я.

– Это не ты.

– А все говорят, что это я.

– Ты сам себя узнал?

– Нет, я думал, что это Б.

– Скорее уж Б., чем А.

– Однако, он назван А.!

– Что же, разве нет других А.? Он мог бы быть отчасти и В., не так ли?

– Разумеется, но весь Нью-Йорк…

Поразительная чувствительность сейчас развивается в этом цеху при малейшем намеке на некоторую неполноценность репутации. «…Ну, вот и все. Да не разбудит страх Вас беззащитных среди дикой ночи. К предательству таинственная страсть, Друзья мои, туманят ваши очи…»[540]. (Даже «Грани» отредактировали в цитате «предательство» на «враждебность») [541].

Со времени же написания стиха, обратите внимание, какая произошла эрозия понятий: и страха уж нет, а есть опасочки, и страсти уж нет, а есть склонность, а уж разнокалиберные подляночки-то разве предательствами назовешь – это уж будет, как англичане говорят, *типичный* «overstatement»[542].

Итак, вы видите, что родина все-таки снабжает меня достаточным запасом аутентичности, однако это вовсе не означает, что она остается единственным ее источником и поводом.

Тут конечно и своей «аутентичности» хватает, как в рассеянии, так и среди туземных масс. Недавно, например, вся творческая Америка со сдержанным умилением свидетельствовала примирение двух классиков[543], восемь лет назад бивших друг другу морды.

В соцреализме, помнится, такие процессы носили более загадочный характер. Вспоминается «время пробуждения», шестидесятые годы, когда в буфетной зале возникали турниры стульями и бутылками, а на следующий день участники турниров мирно знакомились друг с другом, как бы отказываясь отождествлять вчерашних фурий с собой, похмельными кисами.

Простота этих отношений, увы, относится уж к ностальгии. Нынешние литературные мордобои на пространствах планеты и времени принимают диковиннейшие формы.

Вот вам пример. Прошлым летом в Париже процитировал я в статье одного из москвичей, возмутившегося наглостью одного из жителей передового ближневосточного государства. Имена, разумеется, ни того ни другого не были названы, однако южанин

себя узнал и разъярился и через несколько месяцев в Вашингтоне я узнал, что он, оказывается, давно уж меня ненавидит (вот какие сильные чувства!) и теперь у него «развязаны руки». Стало быть, надо ждать теперь пакости с Ближнего Востока. Как видите, обстоятельства российской литературной жизни усложнились в сравнении с XIX веком, когда письмо Белинского Гоголю проехало всего лишь от Бад-Бадена до Вис-бадена.

Или вот еще – для того, чтобы поскрежетать зубами в адрес вашего покорного слуги, берут 20-летнюю американскую сикуху и под ее именем просовывают в местный журнал такую посконную мразь, которая этой сикухе и присниться не могла, если только она не спала с 10 лет с кем-нибудь из наших титанешти.

Словом, интересно; почти не скучно и почти не противно или, как поет советский народ: «Я люблю тебя, жизнь, и хочу, чтобы лучше ты стала!»

Обнимаем.

Вашингтонцы.

Посылаю копии не потому, что дорожу писаниной, а потому что писал в Белкином альбоме, а вырывать из него жалко.

VA

Белла Ахмадулина – Василию и Майе Аксеновым

3 мая 1986 г.

Христос Воскресе!

Дорогие родные Васька и Майка, странно и дико взывать к вам из яви хладно-солнечного ветреного дня, где кривятся и морщатся портреты вождей, снимаемые к Пасхе, толпы рыщут «сырковой массы особой», достижимые напитки – 13 р. 50 к. самые дешевые.

Но – бурно, многолюдно, страшновато. Зловещий бред этой яви очень усилился в последнее время… Или мне кажется, от капризности, или впрямь столь выпуклого и душного мрака не помню. Что-то новенькое невольно ощущаешь в вялом и безвыходном гибельном сюжете, то есть старенькое, конечно, – эх, где привычные *<нрзб>* их увядание теперь вспоминается как кротость и уютная унывность.

Остается принимать надрывности завихрений, невидимо колеблющих трясину, – за безграмотный и безошибочный исторический оптимум: несколько столетий, не больше.

А собственная жизнь, насущная жизнь людей вокруг и детей рядом – мимолетность, выгадаем какой-то блик, большего не надо.

В феврале и марте этого года была постояльцем дома творчества композиторов на окраине города Иваново: эта окраина сильно повлияла на меня.

Я и прежде знала – но здесь впопад очутилась, сильно действует, очнуться не могу.

Только что вернулись с Борей из Таллина – ощущение, как от Иваново; и шпили, и мостовые, и кроткий залив лишь усугубляют отчаяние: им-то за что?

Из смешного: 30 лет «Современника»[544], никто не опасался, но – вопреки елею – немного разговорилась и проговорилась бедная остаточная богема.

Взыскали с «Современника» – мое маленькое злорадство, но и «капустников», говорят, больше не будет.

Васька, если вдруг где-нибудь и как-нибудь соотнесешься с Юрием Петровичем Любимовым, передай ему изъявления любви, нежности, печали и верности, – я во всех этих чувствах к нему и к Театру еще крепче, чем прежде… – чего не скрываю, разумеется.

У нас – безвыходно (вдруг нет!) болен Володя Кормер.

Человек с честью, талантом и умом, – не может снести, нечаянно гибнет.

Я, Боря, близкие нам – все же имеем близ друг друга, шутки, вздоры, выпиванья, автомобили с флагами – печалит это, но и смешит.

Васька, пожалуйста, пришли еще один «Изюм» – у нас было два, я-то прочла и ликовала, а Борька, от честности, не успев прочесть, отдал Липкину и Женьке Попову.

У Андрея Битова – вдруг вышли две прекрасные книги: в Тбилиси и в Москве. («Вдруг» – это долго было, но сбылось. Андрей тоже печален, он тебе сам напишет завтра. Мы все едем в Переделкино. Женька собирался завезти письмо тебе: он завтра не сможет приехать. Светка ложится в больницу, но это ничего, не ужасно.)

Васька, ты – совершенная радость для меня и для нас, и многие, к счастью, люди любят и знают тебя. И в Таллине все что-то твое брезжило, мерцало, усмехалось и сияло – пили за тебя после двух часов пополудни, с вольнолюбиво-раболепными эстонскими литераторами.

Маята, не терзайся из-за матушки чрезмерно[545]. Галя Балтер пишет тебе отдельно, письмо ее прилагаю. Я тебя люблю и целую, а ты будь мудра и спокойна, думать о поездке сюда – по-моему, никак нельзя, разве что иметь такую художественную грезу, всегда утешительную. Как не-греза – такое намерение не может тебя занимать, к счастью, это и невозможно, – иначе было бы слишком безумно и опасно («Подвиг» – Набокова, этого довольно

для подвига).

Дорогие, родные, любимые!

Примите нашу любовь, да хранит вас Бог!

Целую Ушика!

Всегда ваши,

Белла,

Борис.

Дорогие! Христос Воскресе! Целуем вас и пьем за вас.

Василий Аксенов – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру

Июль 1986 г.

Дорогие Белка и Борька!

Пасхальные письма приплыли к нам уж, пожалуй, не раньше чем к столетнему юбилею статуи Свободы[546], потом мы стали собираться в бегство из Вашингтона, где жара этим летом невыносимая, и вот сейчас пишу уже из Вермонта, некоторые подробности из литературной жизни которого вы найдете в письме к Женьке. Впрочем, аккуратность – это, очевидно, последнее, чего можно ждать от наших почти астральных контактов.

Худо-бедно, но уже шесть лет прошло с того дня, когда вы все стояли за стеклянной стенкой, а мы уходили за священные турникеты. Белка, твое описание праздничной ситуации весьма впечатлило нас и лишний раз показало, как стопроцентно эти ситуации, пространства и периоды не считаются с нашими желаниями, столь умеренными, и надеждами, все скукоживающимися.

Мы заметили одну любопытную вещь. Ваши письма – твое, Женьки и Андрея – датированы 3 мая, но вы явно еще не знали о Чернобыле[547], в то время как наши «средства массовой информации» (советский перевод слова media) уже неделю! истерически об этом вопили. Нельзя не отдать должное большевикам – даже в нынешнем мире их стена, в общем, работает, хотя кирпичи уже и падают на их собственные головы, как в данном случае, когда и мужички нашего поколения, добравшиеся, наконец, до своих заветных рубежей, оказываются в той же позе, что и ушедшие «ворошиловские стрелки». Тем, впрочем, не было стыдно, а эти, кажется, все-таки немножечко стыдятся.

Не знаю, дошел ли до вас скандал, разразившийся в окрестностях Франкфурта и всколыхнувший литературную эмиграцию, а именно увольнение Жоры с поста редактора

«Граней». Сделано это было на редкость бестактно и нагло. Его литературная независимость трактовалась как «нелояльное отношение» к организации. Пример этой черной неблагодарности и полной невозможности терпеть рядом сложную человеческую личность вместо партийного винтика лишний раз показывает, что писателю нечего делать по соседству с любой партией.

Так или иначе, но эта семья (их осталось двое вместо трех) оказалась в трагической и унизительной ситуации. Я все это знаю из первых рук и потому хочу вам рассказать, чтобы и вы получили какую-то информацию на фоне неизбежных в таких случаях сплетен.

Уже с середины мая к нам в Вашингтон начались почти ежедневные звонки из Германии и из Парижа. Максимов этим поворотом в Жориной судьбе был потрясен, кажется, не меньше, чем Жора, и старался поддерживать его изо всех сил. К слову сказать, несмотря на некоторую вздорность характера, Емельяныч вообще относится к небольшому числу честных людей, и во всяком случае он выгодно выделяется среди очумевших мегаломанов или наглых провокаторов, вроде гиньольной[548] пары Синявских[549].

Я пытался «тихой дипломатией» хоть как-то улучшить Жорину ситуацию, но вскоре выяснилось, что дело зашло уж слишком далеко и обратного хода нет. Превращение «Граней» в настоящий литературный журнал (а именно таким он становился под Владимовым) тамошних командиров не устраивало, да к тому же и личные отношения в их небольшой общине дошли уже до абсурда, не без помощи, увы, Наташкиного эпистолярного жанра.

В начале июня я оказался в Германии (по другому делу) и встретился сначала с Левой и Раей[550], а потом и с Владимовыми. Несколько слов о Копелевых, вернее, о том, что такое Herr Kopelev для немцев.

Я никогда еще не прогуливался по улицам с человеком такой неслыханной знаменитости; Евтушенке такое только снится в самых сладких снах. И в Бремене, и в Кельне едва ли не все прохожие вздрагивали и застывали в радостном изумлении при виде нашего Льва. Дети подбегали дотронуться до штанин, девушки чуть прислониться щечкой к плечу, пока дружок снимает фотку с самим Копелевым. И это не просто узнавание, но именно радостное сияние. На вокзале нас увидел бургомистр Бремена, бросился к Леве и понес его чемодан до вагона.

Потом приехали Жора и Наташа и повезли меня в свой (довольно паршивенький) городишко возле Франкфурта. За день до этого Елену Юльевну[551] увезли в больницу с сердечной недостаточностью, но никто не предполагал трагического исхода.

В общем, все это произошло из-за этого жуткого кризиса с «Гранями». Е. Ю. своего «Жорика» боготворила и от таких ударов слегла.

Через день я улетел в Вашингтон, а пока летел, Наташа уже позвонила Майе и сказала, что мама скончалась.

Это событие, разумеется, еще больше усугубило ситуацию в Niedernhausen[552]. Они сидят на десятом этаже в унылой хрущобе (хоть и с бассейном), по неделям ни с кем не разговаривают живьем, униженные и оскорбленные и, как мне показалось, основательно растерянные и убитые потерей Е. Ю. Наташка, хоть на поверхности, держится даже лучше, чем Жора; его же я никогда прежде не видел в таком нервном, раздраженном и неуверенном состоянии.

Мне показалось, что им надо как можно скорее уезжать оттуда, может быть, и из Германии, отправиться куда-нибудь в Италию или в Испанию, хотя бы на пару недель, продышать всю гарь этого скандала. В Америке, в том же Кеннановском институте, или в Гарварде, Жору могли бы принять на довольно продолжительный срок, и это, может быть, был бы для него лучший вариант, чтобы кончить роман и «зализать раны», но они пока ничего не решили, сидят на месте, даже отдохнуть не уезжают, что-то ждут, и мы за них (все друзья) очень волнуемся.

Владимовское дело многих (хоть на момент) объединило. Под письмом в его защиту подписалось (хотя текст, сочиненный Максимовым, далеко не всем нравился) около семидесяти «деятелей культуры», среди них были люди, годами пылавшие друг к другу омолаживающим чувством ненависти. Однако и у этого письма, составленного, казалось бы, по бесспорному поводу, нашлись ненавистники и завистники, в частности, гиньольная пара Синявских. В эмиграции пошли бродить похабнейшие письма и листки. Любопытно, как люди, дома, перед лицом общего пугала, хранившие по отношению друг к другу хотя бы лояльное молчание, здесь развернулись в надменности, интриганстве и общем сволочизме. На вечеринках прежде всего оглядываешься – с кем нельзя говорить об Х, при ком нельзя упоминать У, будет ли уместным сказать об И пару теплых… Волей-неволей приходится проводить отбор и сокращать прежние связи.

Эта тема товарищества и предательства, тобой вздутая еще в 60-ые, остается у нас, может быть, самой актуальной, несмотря на старение. Для меня она в недавние годы почему-то стала жгучей. В молодости, как ты помнишь, я был покладистым и почему-то даже не представлял, что могу стать объектом больших или малых предательств. Судьба, однако, развивает воображение. С

тех пор, как «они» объявили меня «врагом», я столкнулся с чередой довольно ошеломляющих предательств. Теперь, казалось бы, не следует удивляться ничему, и все-таки иногда спотыкаешься в замешательстве.

Зачем, например, В. Конецкому[553] понадобилось в № 4 «Невы» писать обо мне такую злобную ложь, расфуфыренную к тому же его пошлейшими ерническими художествами. При случае, если встретишь его, не затруднись, пожалуйста, передать ему мое презрение, ну а уж если я вдруг эту «помпу» встречу в окрестностях какого-нибудь порта, не затруднюсь дать по роже, зная к тому же его как труса, всегда убегавшего, пока мы с Данелией дрались в завязанных злобной шавкой драках.

Б-р-р-р… Сейчас начинаешь все больше ценить тепло и верность тех, в ком уже не усомнишься никогда, то есть вас, наши дорогие друзья.

Нельзя не видеться столько времени, это безобразие, диктат «чудища о.о.о.с. и л.»[554]. У нас такое чувство, что если вы серьезно захотите приехать, вам не откажут.

Маевка после кончины матушки всерьез было уж собралась съездить, но твои замечания ее охладили, и я, конечно, ее не пущу, если даже просто возникают аналогии с набоковским героем.

Так что надо, чтобы хотя бы уж в эту сторону катился поезд. Я очень скучаю и хочу видеть также и Алешку, но тут пока что не возникает даже никаких вариантов. Нет ли у тебя, Белка, каких-нибудь соображений, не посоветуешь ли что-нибудь, что можно предпринять, чтобы мы могли с ним хоть ненадолго увидеться? Во всяком случае, огромное спасибо вам, друзья, за заботу о нем.

Целуем и мечтаем о встрече.

Вася и Майя

Из записей Майи Аксеновой

1980

* * *

10 сентября прилетели из Милана в Н.-Й.

Десять дней жили в Н.-Й. вместе с Васей, Аленой[555], Виталием[556]. Виделись с Бродским. Я раньше с ним никогда не встречалась, а Вася увидел его впервые после ссоры[557]. Живет он в страшной квартире, что-то вроде подвала, но с выходом в маленький садик, берлога гения. Чувствует себя неважно, но бутылка виски стоит рядом с ним, и он понемногу потягивает. Курит, пьет кофе. Был очень внимателен, подробно старался объяснить, как надо вести дела, какие нужны документы, где лучше преподавать. Сам он числится в Мичиганском университете, но жить там не хочет. Любит Н.-Й., и Мичиган для него тяжелая нагрузка. Последние годы проводит там только один семестр.

Каждый день встречи. Видели Пат Блейк[558]. Очень мне понравилась. Красивая, умная, прекрасный литературный вкус. Была очень внимательна. Приехала к нам с бутылкой водки, черным хлебом и солеными огурцами.

Айзик Клейнерман[559] и Линда встретили нас замечательно. Мои ребята прилетели из Рима на день раньше нас и, конечно, этот засранный Хиас[560] их не встретил, а когда после нескольких часов приехал их представитель, которого с трудом разыскали, он просто отказался их принимать и уехал, оставив семью с ребенком в чужом городе без денег на аэродроме. Алена в панике позвонила Айзику, и тот немедленно приехал и забрал их к себе.

На следующий день они встречали нас, предлагали остановиться у них в доме, и все дни старались как-нибудь нам помочь.

Мила Лось – очень элегантна. Работает в Тэд Лапидус[561]. Сын учится, роман с каким-то богачом из Гаити. По-моему, не очень счастлива.

Васин издатель Джонотан Галосси[562].

Парень тридцати лет, интеллигентный, собранный, никакой развязности (скорее застенчивый). Самое хорошее впечатление.

После Н.-Й. были два дня в Вашингтоне. Жили у Боба Кайзера[563]. Милая, чуткая семья. Две девочки.

В основном деловые встречи.

Интервью на «Голосе» с Людмилой Фостер[564].

* * *

20 сентября прилетели в Ann Arbor[565].

Встретил Карл. Эллендея где-то носилась и покупала нам матрас и необходимые для дома мелочи. Старались много и довольно нелепо. (Теперь, когда я к ним привыкла, меня это не удивляет.) Матрас не понадобился, телевизор работал плохо, квартира – полное дерьмо. Все-таки около месяца мы с Васятой прожили в этой квартире. Место новое, надо было оглядеться. Очень скоро мы поняли, что на Профферов рассчитывать не приходится (при полной их доброжелательности), и в один день сами нашли, хорошую теплую квартиру, в самом центре, переехали, поставили телефон. Привели Профферов в дикое изумление, все сделали самостоятельно. Эллендея охала и ахала, говоря Васе, что русские сами ничего сделать не могут.

Немного о Профферах[566].

Огромный дом (бывший гольфклуб). Просторный, красивый, много техники, на каждом шагу телевизоры (все плохо работают). Издательство в полуподвальном большом помещении, все последнее современное оборудование – как говорит Ефимов[567], используются на одну треть.

В издательстве работают Игорь Ефимов и секретарь Марша (местная, по происхождению полька, хорошо говорит по-русски). Два раза в неделю приходит помогать студент Крег, тоже учит русский язык.

В семье Профферов четверо детей. Три взрослых парня от первой жены Карла, и маленькая замечательная девчушка – Арабелла. Ей два года.

Ложатся Профферы в пять-шесть часов утра, встают в два-три часа дня. Работают только ночью, мебель переставляют тоже ночью. Делают это довольно часто. Днем ходят разбитые, сонные. Иногда Эллендея просыпается и начинает носиться по дому. Что-то делает, едет в магазин, кормит свою большую семью. Карл всегда невозмутим. Маленькая Арабелла ведет точно такой же образ жизни. Только ночью еще пока не работает, а смотрит телевизор. Зато в два года знает уже все буквы. При этом ведут очень замкнутый образ жизни. В гости не ходят, в кино тоже, а о концертах и говорить нечего. Мы купили им билеты на джазовый концерт (Линды Рондстон), вытащили из дому, и они радовались как дети.

У Карла курс в Университете, занятия, по-моему, два раза в неделю. Ходит, как отбывает повинность. Книги выпускают замечательные, но русские издания им не приносят дохода или очень маленький. Как говорят Профферы, издательство существует только за счет английских изданий. Но у меня сложилось такое впечатление, что они просто этого не знают, т. к. расходы по дому и издательские дела не разделяются. Расходы при таком доме и семье огромные, поэтому они периодически оказываются в очень тяжелом положении, но потом это как-то проскакивает, то ли займ, то ли очередной гонорар за перевод, в общем, пока существуют. Дай им Бог! Привыкла я к ним не сразу. Да и сейчас я с ними не близка, но все-таки относиться стала лучше, пытаюсь понять их. Люди они добрые, к Василию относятся прекрасно, Эллендея всегда старается мне помочь.

* * *

20 ноября.

Позавчера позвонили из Госдепартамента и передали что у Жоры Владимова инфаркт (задняя стенка). Наташа Владимова нас разыскивает, кажется, хочет, чтобы мы организовали им приглашение. Очень расстроились, я поплакала. Представляем, как эти сволочи давят всех; когда мы еще были в Москве, Жора если и собирался уезжать, но не раньше чем через год. Вечером позвонили в Москву и нас соединили с Наташей (очень странно), рассказала, что 4 ноября Жору вызвали в Лефортовскую тюрьму и продержали там целый день, как свидетеля по делу Татьяны Осиповой[568]. На следующий день Жора попал в больницу с серьезным инфарктом. Сейчас он лежит в 71-ой Кунцевской больнице. Решили попытаться уехать, ждут приглашения. Позвонили Игорю Белоусовичу[569], еще кое-кому, Крегу Витни[570] (Н. Т.). Очевидно, пошлем приглашение от Мичиганского Университета (формальное), а Крег попытается дать сообщение в газете.

Войнович прислал открытые письма (свое и Ирины). У него очень тяжелое положение. В этих письмах он излагает все подробно. Пока его не отпускают. Мы думаем, что «они» решили над ним поиздеваться. Человек болен, похоронил близких людей[571] – самое подходящее время поизмываться.

Будем помогать, как сможем. Странно, что Лев Копелев, приехав в З. Германию 12-го ноября, ничего нам не сообщил. Может быть, он серьезно думает, что его пустят через год обратно?[572]

В воскресенье (23-го) мы полетим в Н.-Й. Думаю, что там нам удастся более подробно обсудить все вопросы.

Васята работает очень много. К лекциям готовится серьезно, т. к. читает их на английском.

IV. Два письма Василия Аксенова к Иосифу Бродскому [573]

О том, что отношения между двумя знаменитыми советскими эмигрантами в Америке были далеко не безоблачными, известно давно, и это ни для кого не является тайной. Напряженность их отношений была заметна и со стороны. Так, Анатолий Гладилин, старинный друг Василия Аксенова еще по Советскому Союзу, потом по эмиграции (и после возвращения Аксенова на родину они остались ближайшими друзьями), вспоминая о Бродском, привел любопытную выдержку из письма Сергея Довлатова, с которым состоял в переписке. Довлатов объяснял в нем, почему так называемых шестидесятников, оказавшихся в эмиграции, бывшие соотечественники встречали порой не очень дружелюбно: «Они самоутверждаются. Их отношение к вам подкрашено социальным чувством, – писал Довлатов Гладилину. – Огрубленно – содержание этого чувства таково: „Ты, Гладилин, знаменитость. С Евтушенко выпивал. Кучу денег зарабатывал. Жил с актрисами и балеринами. Сиял и блаженствовал. А мы копошились в говне. За это мы тебе покажем“. Я не из Риги, я из Ленинграда (кто-то остроумно назвал Ленинград столицей русской провинции). Но и я так думаю. Или – почти так. И ненавижу себя за эти чувства.

Поразительно, что и Бродский, фигура огромная, тоже этим затронут. Достаточно увидеть его с Аксеновым. Все те же комплексы. Чувство мальчика без штанов по отношению к мальчику в штанах, хотя, казалось бы, Иосиф так знаменит, так прекрасен… А подобреть не может»[574].

Вот, так сказать, рассуждения общего порядка.

Но есть в этих не сложившихся в эмиграции взаимоотношениях Аксенова и Бродского отдельный сюжет, касающийся аксеновского романа «Ожог». Роман, по неоднократным признаниям автора, был его первым произведением, написанным совершенно свободно, без какой-либо оглядки на советскую цензуру. Он был написан еще до отъезда Аксенова из Советского Союза (авторская датировка – 1969–1975. – *В. Е.*), был абсолютно антисоветским, и власть, «всевидящему глазу» которой «Ожог» стал известен, страшно боялась его публикации на Западе. Боялась настолько, что Аксенов, защищая свою творческую свободу, даже мог какое-то время выдвигать определенные условия. Судя по его письму от 29 ноября 1977 года, роман уже в это время был переправлен за

границу. Как видно из того же письма, «Ожог» вызвал неприятие Бродского, выраженное при этом в разговоре с издателем «Ардиса» Карлом Проффером в весьма грубой форме[575].

Однако об издании романа в США речь еще не шла[576].

Но в 1980 году Аксенова все-таки вынудили уехать из страны.

И вот когда он оказался на Западе и затем был лишен советского гражданства, сам Бог, как говорится, велел ему этот роман напечатать. «Ожог» еще до приезда Аксенова в США поступил в крупное американское издательство Farrar, Straus and Giroux. Но тут случилось неожиданное: американское издательство отказалось печатать роман, запрещенный в Советском Союзе.

Своим друзьям Аксенов рассказывал, что виной тому был отрицательный отзыв об «Ожоге» Иосифа Бродского – издательство просило его прочесть роман в качестве эксперта. В своем письме от 28 октября 1984 года Бродский сообщал Аксенову, что встречался с Эллендеей Проффер в «Анн Арборе», от которой узнал, что Аксенов считает его «своим большим недругом», человеком, «задержавшим его карьеру на Западе на три года». И Бродский в этом письме попытался не то чтобы оправдаться (виноватым он себя не считал), но разъяснить свою позицию.

По мнению Анатолия Гладилина, Бродский своим отрицательным отзывом нарушил негласное правило, существовавшее в эмигрантской среде: произведения, авторы которых подверглись в СССР, преследованию, печатать безоговорочно, невзирая ни на какие привходящие обстоятельства. Заметим при этом, что к 1980 году Бродский уже около восьми лет жил в Америке, его мнение о современной русской литературе было чрезвычайно авторитетным. Аксенов же только что появился в США и не имел еще здесь необходимых связей и влияния. Неудача с публикацией «Ожога» на английском языке была для него тяжелым ударом.

Спустя несколько лет он описал эту ситуацию в другом своем романе «Скажи изюм» (1985, издательство «Ардис»), главный герой которого известный фотограф Максим Огородников имеет много общего с самим Аксеновым, а под именем Алика Конского выведен Иосиф Бродский. Вместо романа «Ожог» речь там идет о фотоальбоме Огородникова «Щепки», печатать который отказывается президент американского издательства «Фараон» Даглас Семигорски. Отказ издательства вызван уничижительной рецензией Алика Конского[577], старого друга Огородникова.

После появления в печати романа «Скажи изюм» вся эта история с «Ожогом» стала предметом обсуждений, толков, слухов

и домыслов в литературной среде, как в эмиграции, так и в России (в середине восьмидесятых зарубежные издания на русском языке все чаще пересекали государственную границу Советского Союза).

Но художественное произведение есть художественное произведение, а подлинные обстоятельства происшедшего оставались неизвестными.

Аксенов так никогда и не простил Бродскому той роли, которую тот сыграл в истории с публикацией одного из любимейших его романов. И уже в самые последние годы жизни, если речь заходила о нашем пятом нобелевском лауреате, не мог скрыть давней обиды. Правда, поскольку острота момента давно миновала, он высказывался об этом в спокойном тоне, немногословно, но не скрывая горечи.

Василий Аксенов – Иосифу Бродскому [578]

29 ноября 1977 г., Ajaccio[579].

Дорогой Иосиф! Будучи на острове, прочел твои стихи об острове[580] и естественно вспомнил тебя. У меня сейчас протекает не вполне обычное путешествие, но, конечно же, не об этом, Joe[581], я собираюсь тебе писать. Собственно говоря, не очень-то и хотелось писать, я все рассчитывал где-нибудь с тобой пересечься, в Западном ли Берлине, в Париже ли, так как разные друзья говорили, что ты где-то поблизости, но вот не удается и адрес твой мне неведом, и так как близко уже возвращение на родину социализма, а на островах, как ты знаешь, особенно не-<…> – делать, как только лишь качать права с бумагой, то оставляю тебе письмо в пространстве свободного мира.

Без дальнейших прелюдий, хотел бы тебе сказать, что довольно странные получаются дела. До меня и в Москве и здесь доходят твои пренебрежительные оценки моих писаний. То отшвыривание подаренной книжки, то какое-то маловразумительное, но враждебное бормотание по поводу профферовских публикаций. Ты бы все-таки, Ося, был бы поаккуратнее в своих мегаломанических[582] капризах. Настоящий гордый мегаломан, тому примеров передо мной много, достаточно сдержан и даже великодушен к товарищам. Может быть, ты все же не настоящий? Может быть, тебе стоит подумать о себе и с этой точки зрения? Может быть, тебе стоит подумать иногда и о своих товарищах по литературе, бывших или настоящих, это уж на твое усмотрение?

Народ говорит, что ты стал влиятельной фигурой в американском литературном мире. Дай Бог тебе всяких благ, но и с влиянием-то надо поэту обращаться, на мой взгляд, по-человечески. Между тем твою статью о Белле в бабском журнале[583] я читал не без легкого отвращения. Зачем так уж обнаженно сводить старые счеты с Евтухом и Андрюшкой? Потом дошло до меня, что ты и к героине-то своей заметки относишься пренебрежительно, а хвалил ее (все это передается вроде бы с твоих собственных слов) только лишь потому, что этого хотел щедрый заказчик. Думаю, не стоит объяснять, что я на твои «влияния» просто положил и никогда не стал бы тебе писать, ища благоволения. И совсем не потому, что ты «подрываешь мне коммерцию», я начинаю здесь речь о твоей оценке.

В сентябре в Москве Нэнси Мейзелас[584] сказала мне, что ты читаешь для Farrar Straus&Giroux[585]. До этого я уже знал, что какой-то м<–>, переводчик Войновича, завернул книгу в Random

House[586]. В ноябре в Западном Берлине я встретился с Эмкой Коржавиным[587] и он мне рассказал, что хер этот, то ли Лурье то ли Лоренс – не запомнил, – так зачитался настоящей диссидентской прозой, что и одолеть «Ожога» не сумел, а попросил Эмкину дочку прочесть и рассказать ему, «чем там кончилось». И наконец, там же в Берлине, я говорил по телефону с Карлом[588] и он передал мне **твои** слова: «„Ожог“ – это полное говно». Я сначала было и не совсем поверил (хотя учитывая выше сказанное и не совсем не поверил) – ну, мало ли что, не понравилось Иосифу, не согласен, ущемлен «греком из петербургской Иудеи»[589], раздражен, взбешен, разочарован, наконец, но – «полное говно» – такое совершенное литературоведение! В скором времени, однако, пришло письмо от адвоката, в котором он мягко сообщил, что Нэнси полагает «Ожог» слабее других моих вещей. Тогда я понял, что это ты, Joe, сделал свой job[590].

«Ожог» для меня пока самая главная книга, в ней собран нравственный и мыслительный и поэтический и профессиональный потенциал за очень многие годы, и потому мне следует высказать тебе хотя бы как оценщику несколько соображений.

Прежде всего: в России эту книгу читали около 50 так или иначе близких мне людей[591]. Будем считать, что они не глупее тебя. Почему бы нам считать их глупее тебя, меня или какого-нибудь задроченного Random House?

Из этих пятидесяти один лишь Найман отозвался об «Ожоге» не вполне одобрительно, но и он был весьма далек от твоей тотальности. Остальные высоко оценили книгу и даже высказывали некоторые определения, повторить которые мне мешают гордость, сдержанность и великодушие, т. е. качества, предложенные тебе в начале этого письма, бэби.

С трудом, но все-таки допускаю, что ты ни шиша не понял в книге. Мегаломаническое токование оглушает. Сейчас задним числом вспоминаю твои суждения о разных прозах в Мичигане, с которыми спорить тогда не хотел, просто потому что радовался тебя видеть. Допускаю подобную глупую гадость по отношению к врагу, само существование которого ослепляет и затуманивает мозги, но ведь мы всегда были с тобой добрыми товарищами. Наглости подобной не допускаю, не допустил бы даже и у Бунина, у Набокова, а ведь ты, Иосиф, ни тот ни другой.

Так как ты еще не написал и половины «Ожога» и так как я старше тебя на восемь лет, беру на себя смелость дать тебе совет. Сейчас в мире идет очень серьезная борьба за корону русской прозы. Я в ней не участвую. Смеюсь со стороны. Люблю всех

хороших, всегда их хвалю, аплодирую. Корона русской поэзии, по утверждению представителя двора в Москве М. Козакова, давно уже на достойнейшей голове. Сиди в ней спокойно, не шевелись, не будь смешным или сбрось ее на <–>. «Русская литература родилась под звездой скандала», – сказал Мандельштам. Постарался бы ты хотя бы не быть источником мусорных самумов.

Заканчиваю это письмо, пораженный, в какую чушь могут вылиться наши многолетние добрые отношения. Вспомни о прогулке с попугаем и постарайся подумать о том, что в той ночи жила не только твоя судьба, но и моя, и М. Розовского, и девочек, которые с нами были, и самого попугая[592].

Бог тебя храни, Ося!
Обнимаю, Василий

Василий Аксенов – Иосифу Бродскому

7 ноября 1984 г., Вашингтон

Любезнейший Иосиф!

Получил твое письмо. Вижу, что ты со времен нашей парижской переписки осенью 1977 года мало в чем прибавил, разве что, прости, в наглости. Ты говоришь о вымышленных тобой предметах с какой-то априорной высоты – о каких-то идиотских «квотах»[593] для русской литературы в Америке (кстати, для какой же книги ты расчищал дорогу в рамках этой «квоты»?) о «профессиональной неуверенности», о «крахе», выражаешь тревогу по поводу моей «литературной судьбы»[594]. Помилуй, любезнейший, ведь ты же пишешь не одному из своих «группи», а одному из тех, кто не так уж высоко тебя ставит как поэта и еще ниже как знатока литературы.

Если же вспомнить о внелитературных привязанностях – Петербург, молодые годы, выпитые вместе поллитры и тот же попугай гвинейский[595], много раз помянутый – то моя к тебе давно уж испарилась при беглых встречах с примерами твоей (не только в отношении меня) наглости.

Не очень-то понимаю, чем вызвано это письмо. Как будто ты до недавнего разговора с Эллендеей не знал, что я думаю о твоей в отношении моего романа активности или, если принять во внимание твои отговорки, твоей «неофициальной активности». Перекидка на какого-то «Барыша»[596] (с трудом догадался, что речь идет о Барышникове) звучит вполне дико.

Что за вздор ты несешь о своих хлопотах за меня в Колумбийском университете? Я сам из-за нежелания жить в Нью-Йорке отказался от их предложения, которое они мне сделали не только без твоего попечительства, но и вопреки маленькому дерьмецу, которое ты им про меня подбросил. Среда, в которой мы находимся и в которой, увы, мне иногда приходится с тобой соприкасаться, довольно тесная – все постепенно выясняется, а то, что еще не выяснено, будет выяснено позже, но мне на это в высшей степени наплевать.

У Майи[597] к тебе нет никакого особого предубеждения, за исключением только того, что всякая женщина испытывает в адрес персоны, сделавшей ее близкому пакость. ОК, будем считать небольшую пакость.

Твоя оценочная деятельность, Иосиф (как в рамках этой твоей «квоты», так и за ее пределами), меня всегда при случайных с ней встречах восхищает своим глухоманным вздором. Подумал бы ты лучше о своем собственном шарабане, что буксует уже много лет

с унылым скрипом. Ведь ты же далеко не гигант ни русской, ни английской словесности[598].

Я этого маленького нью-йоркского секрета стараюсь не разглашать и никогда ни в одном издательстве еще не выразил своего мнения о твоих поэмах или о несусветном сочинении «Мрамор»[599]. Уклоняюсь, хотя бы потому, что мы с тобой такие сильные получились не-друзья.

Всего хорошего.

Ты бы лучше не ссылался на Карла. Я тоже с ним беседовал о современной литературе и хорошо помню, что он говорил и что он писал.

V. Вокруг калифорнийской конференции по русской литературе 1981 г

В мае 1981 года (с 14 по 16) в Лос-Анджелесе (штат Калифорния) проходила международная конференция «Русская литература в эмиграции», в которой участвовали русские писатели-эмигранты (так называемой третьей волны), а также американские и западноевропейские писатели, литературоведы и журналисты.

Вот их имена:

Василий Аксенов, Юз Алешковский, Дмитрий Бобышев, Деминг Браун, Эдвард Браун, Николай Боков, Томас Венцлова, Владимир Войнович, Джордж Гибиан, Ашбель Грин, Джон Дэнлоп, Д. Бартон Джонсон, Вера Данхем, Сергей Довлатов, Анатолий Гладилин, Роберт Кайзер, Патриция Каден, Наум Коржавин, Илья Левин, Юрий Лехт, Эдуард Лимонов, Ольга Матич, Виктор Некрасов, Эдвард Олби, Виктор Перельман, Карл Проффер, Эллендея Проффер, Мария Розанова, Андрей Синявский, Джеральд Смит, Саша Соколов, Джеффри Хоскинг, Алексей Цветков[600].

Программа работы конференции была рассчитана на три дня. На открытии прозвучал доклад известной американской славистка Ольги Матич «Russian Literature in Emigration» («Русская литература в эмиграции»), затем выступил Андрей Синявский с докладом «Две литературы или одна?», открывшим дискуссию первого дня. Темой второго и третьего дня стала связь политики и литературы. В каждый из дней конференции, кроме докладов, проходили «круглые столы» русских участников конференции[601].

В перечне участников обращает на себя внимание отсутствие таких крупных фигур эмиграции как Александр Солженицын, Владимир Максимов, Иосиф Бродский. И это не случайно, это следствие той разобщенности и даже вражды, которая буквально раздирала русскую литературную эмиграцию третьей волны на отдельные группировки и компании.

Так, главный редактор «Континента» Владимир Максимов отказался приехать на конференцию из-за того, что организаторы ее уделили, по его мнению, слишком большое внимание Андрею Синявскому. В письме Василию Аксенову от 4 апреля 1981 года, сетуя на это, он писал: «Выступлением Синявского открывается

конференция, а затем о нем же следует целый доклад. Мало того, в списке участников дискуссии числится и его жена (почему и не твоя, и не моя, и не Войновича?)». Отношения его с Синявским были уже достаточно напряженными, хотя первоначально предполагалось, что оба они будут соредакторами «Континента». Но Синявский потребовал, чтобы в состав редколлегии была введена и его жена, М. В. Розанова, с чем Максимов был категорически не согласен. Это и послужило причиной разрыва отношений между ними. В результате Андрей Синявский и Мария Розанова создали свой собственный журнал «Синтаксис», который сразу же занял враждебную по отношению к «Континенту» позицию.

Молодые писатели (в частности, Эдуард Лимонов и Саша Соколов) с недоверием относились к вкусившим славы на родине Василию Аксенову, Науму Коржавину, тому же Владимиру Максимову.

Главный редактор газеты «Новое русское слово» Андрей Седых предпринимал откровенно враждебные действия по отношению к газете «Новый американец» Сергея Довлатова, видя в нем конкурента, который может отобрать у него читателя.

Особняком со своими восторженными приверженцами держался объявленный классиком при жизни Александр Солженицын.

Нечто подобное можно сказать и об Иосифе Бродском, окруженном многочисленной группой почитателей. Причины разрыва между ним и Василием Аксеновым изложены в предыдущем разделе настоящей книги «Два письма Василия Аксенова к Иосифу Бродскому».

Взаимные претензии писателей эмиграции достигали порой предельной остроты, подтверждением чему служит опубликованная в «Вопросах литературы» (2013, № 3) непосредственно касающаяся предстоящей конференции в Лос-Анджелесе переписка Василия Аксенова с Владимиром Максимовым и Сергеем Довлатовым, а также сохранившаяся в американском архиве Василия Аксенова переписка Сергея Довлатова с Владимиром Марамзиным[602].

Письмо Марамзина изобилует скрытыми и явными упреками в адрес Довлатова. Например, в начальной фразе письма, задающей тон всему письму, Марамзин пишет:

«Я вижу, что ты вообще на всех нас поставил крест как на друзьях и союзниках, да и газету-то присылать перестал. Думаю, что причина в том, что тебе ее мне стало присылать – ну, не то что стыдно, а несколько неудобно. <…>

Ты много говоришь о свободе. На самом деле твоя газета,

которой мы все так радовались, и помогали бы всеми силами и способами, постепенно и очень четко заангажировалась»[603].

Довлатов отвечает Марамзину жестко, но спокойно:

«Я работаю в независимой демократической газете и буду делать ее так, как считаю нужным, с учетом всех доброжелательных и разумных советов.

В твоем письме часто встречаются формулировки: „Ты напечатал… Ты не захотел опубликовать…“ Это неточность. И очень показательная неточность. Ты исходишь из наличия в газете – диктатора, вождя, начальника. Возможно, ты даже представления не имеешь, что такое демократическая форма руководства. Так знай, что моя злополучная должность является выборной, я не стал редактором и не был назначен редактором, а был – выбран редактором <…>.

Не буду затевать отвлеченный разговор о демократии. Я, как мог, высказался на общие темы – в газете.

Отвечаю тебе конкретно по пунктам:

1. Я на тебе креста не поставил… Напротив – очень ценю тебя как писателя, и редкий номер газеты выходит без упоминания твоего имени в самом положительном смысле.

2. Понятие „союзники“ для меня неприемлемо, ибо я ни с кем не воюю, ни к каким партиям не принадлежу и ни в какие союзы не вступаю.

3. Газеты высылать я не перестал. Последние два комплекта отосланы не авиа, а морем, потому что здесь жутко дорожает почта <…>.

То есть оба стремимся к миру. Но ты понимаешь мир как торжество одной точки зрения, а я – как сосуществование и противоборство многих…»[604].

Немаловажным фактом, характеризующим отношения в эмиграции, является отказ участвовать в работе конференции Александра Солженицына, Владимира Максимова и Иосифа Бродского, которые были по существу чуть ли не такими же литературными генералами (эмиграции), как руководители Союза писателей в любимом отечестве (ни в коем случае не хочу здесь приравнять одних к другим в смысле их литературной талантливости – и Солженицын, и Бродский, конечно, были и останутся классиками, да и Максимов – явление совершенно иного масштаба, чем Георгий Марков, Сергей Сартаков или другие представители так называемой секретарской литературы). Ситуация эта являлась своего рода карикатурой на положение дел в литературной метрополии, то есть в Советском Союзе, с предполагаемым соблюдением субординации и негласной табели о рангах.

Недаром Сергей Довлатов замечает Владимиру Марамзину в уже цитированном письме:

«Это письмо одного политического деятеля другому, или одного военного другому военному, скажем, полковника – майору, нарушившему порядок военных действий в разгар боев. Я не политический деятель, не майор, в боях не участвую, и потому окрики из ставки Верховного главнокомандующего кажутся мне оскорбительными».

А Василий Аксенов на упрек в нежелании ввязываться в литературно-политические дрязги отвечает Владимиру Максимову:

«То, что ты называешь „моей позицией“ – это отсутствие позиции в этом или более широком скандале. Этой позиции от меня не дождутся».

И это внутреннее достоинство Василия Аксенова и Сергея Довлатова, которое читатель ощутит в процессе чтения их переписки, не может не внушать уважения.

В настоящий раздел включены также три письма к Василию Аксенову, не относящиеся к теме конференции (от Владимира Максимова – 10 февраля, Андрея Седых – 11 апреля, Эдуарда Штейна – 30 августа 1981 г.), но колоритно оттеняющие картину повседневной жизни эмиграции.

С той же целью включены сюда записи Майи Аксеновой, сделанные в Лос-Анджелесе, где Аксеновы жили в это время. Публикуемый материал освещает одну из ярких страниц истории русской литературной эмиграции третьей волны.

Владимир Максимов – Василию Аксенову

4 апреля 1981 г.

Дорогой Вася!

Только что получил афишу конференции в Лос-Анджелесе. Я и раньше чувствовал, что затея эта носит недобросовестный характер, но все же не предполагал, что до такой степени. Эту конференцию можно назвать не конференцией «писателей третьей эмиграции», а совещанием авторов «Ардиса» с двумя-тремя приглашенными из посторонних. Только, уверяю тебя, напрасно устроители взялись составлять свой список русской литературы за рубежом и определять, кто в ней есть кто. Списки эти составляет время и непосредственный литературный процесс, а не Карл Проффер (при всем моем уважении к нему) и не Ольга Матич.

Тенденциозность подбора участников бросается в глаза сразу. Выступлением Синявского открывается конференция, а затем о нем же следует целый доклад. Мало того, в списке участников дискуссии числится и его жена (почему и не твоя, и не моя, и не Войновича?). Тут же красуются его соратники по эмигрантским скандалам графоман Боков[605], окололитературный проходимец Янов[606], любитель Лимонов и т. д. и т. п.

Затем следуют доклады, суля по замыслу, о «ведущих» прозаиках и поэтах третьей эмиграции, но только об одном из них[607] «про и контра», о других же лишь «про». Причем «контра» поручается субъекту, не имевшему и не имеющему никакого отношения к нашей литературе вообще. Даже сам себя он называет историком (хотя и историк липовый). Подвизается главным образом на поприще травли Солженицына, собирая за это дань с американских либералов, озабоченных судьбой своего более чем шестидесятилетнего флирта с Советами. В заключение я должен был бы выслушать доклад о гениальном творчестве таких могучих русских прозаиков, как Соколов и Лимонов. Нет уж, благодарю покорно, я такой художественной самодеятельностью в молодости-то брезговал, чего ж мне теперь в ней участвовать?

Разумеется, Ваш покорный слуга был приглашен на эти сомнительные литигры только в качестве редактора одного из эмигрантских журналов вкупе с Николаем Боковым и Марией Розановой[608]. Это уж, дорогой Вася, слишком! …Дорогой Вася, мне пятьдесят лет, из них почти тридцать, на глазах у всех вас я – в литературе. Зарабатывал литературную репутацию не в мутном болоте эмиграции, а там – на родине, где всегда числился не

последним. Книги мои (плохи или хороши, покажет время) переведены почти на двадцать языков и вышли примерно в шестидесяти иностранных изданиях (кстати, и переводиться я начал еще в России, печатаясь там), у меня вышли или находятся в процессе выхода четыре Собрания сочинений (русское, шведское, немецкое), а по иностранным не уступаю никому из них, критики, прессы и научных исследований обо мне и моих книгах, мягко говоря, никак не меньше, чем у вас всех. Так с какой же это стати я должен был сидеть, выслушивать и обсуждать творчество литературных гигантов вроде Соколова или Лимонова? Поэтому я вправе считать приглашение, посланное мне, если не подлой провокацией, то, во всяком случае, оскорбительным вызовом.

В эмиграции, причем не так далеко от Лос-Анджелеса, живут такие замечательные критики, прозаики и поэты, как профессор Леонид Ржевский[609], давно разрабатывающий тему литературы третьей эмиграции, Алексей Лосев[610], Игорь Ефимов[611], Наум Коржавин и целый ряд других. Как это устроители ухитрились «не заметить» их активного существования в нашей литературе? Или не надеялись, что они поддержат задуманное здесь аутодафе?[612] А чем объяснить отсутствие Фридриха Горенштейна или старейшего из нас Виктора Некрасова (его пригласили в конце концов, но только как замену мне)?

Дорогой Вася, поверь мне, что замысел устроителей по меньшей мере подл. Эти люди и стоящие за ними «благотворители» пытаются столкнуть нас лбами и затем пользоваться нашими распрями для своих, далеко не безобидных целей. Но, поверь мне, люди эти (я знаю это по своему горькому опыту) циничны и неблагодарны. Как только отпадет нужда, они бросят вас на произвол судьбы. Если Синявский думает, что на инсинуациях против Солженицына или «Континента» он приобретет себя какой-либо капитал (политический или материальный), то глубоко ошибается: кроме десятка статеек в их печатных органах на этом пути его ничего не ожидает. Как, впрочем, и всех тех, кто соблазнится на их посулы.

К тому же, Вася, долг платежом красен[613]. Ты уже сейчас испытываешь на себе последствия занятой тобою позиции. Русская печать и критика, к примеру, в подавляющей своей части молчит по поводу твоего романа (который, кстати сказать, я считаю замечательным). Я не преувеличиваю ее значения, но не следует также, поверь моему опыту, обольщаться: она насквозь политизирована. «Величайшими произведением двадцатого века» здесь уже назначались последовательно «Доктор Живаго» Пастернака, «Палата № 7» Тарсиса[614], «Архипелаг Гулаг»

Солженицына, «Суд идет» Синявского, «Семь дней творения» Максимова, графоманский роман о Пастернаке[615] (не помню названия) Юрия Кроткова[616], автобиографическая книга Наврозова[617], литературные упражнения Саши Соколова и «Зияющие высоты» Зиновьева[618]. Не многовато ли для мировой литературы? Даже такой замечательный писатель, как Генрих Белль[619], не избежал этого поветрия: при получения известия о присуждении ему Нобелевской премии, он, в заявлении для ЮПИ[620], назвал меня и Апдайка следующими после себя кандидатами (еще даже не прочитав моей книги), а теперь на вопрос о писателе Максимове он недоуменно пожимает плечами, всего лишь из-за того, что я говорю не то, что он хотел бы от меня услышать. По моему мнению, он оказался недобросовестным и в первом, и во втором случае, ибо книг моих не читал ни до, ни после.

Уверен, что мои замечания ни на йоту не изменят твоей сегодняшней позиции, тем не менее, я считаю своим долгом быть с тобой до конца откровенным, ибо люблю и высоко ценю тебя и как писателя, и как человека.

Твой В. Максимов

Устроители также должны помнить, что реагировать мы будем соответственно их замыслу и исполнению: слава Богу у нас есть еще трибуны и не только в русской печати.

В. М.

Василий Аксенов – Владимиру Максимову

25 апреля 1981 г.

Дорогой Володя!

Вчера получил твое письмо и впервые, должен сказать, вступаю с тобой в контакт без обычного интереса и желания: мы с тобой и в России спокойно делили курицу славы[621], плеваться же через океан совершенно не хочется, тем более, что к здешнему дележу я вообще не имею никакого отношения. Тем не менее, как видишь, пишу только лишь потому, что ты мой старый товарищ. Если бы от кого-нибудь другого получил что-нибудь в этом роде, просто… извини за многоточие.

Прежде, чем коснуться главного, а главным я считаю интонацию письма, остановлюсь на сути твоих претензий, направленных почему-то в мой адрес.

Тенденциозность подбора приглашенных участников, конечно, бросается в глаза: Солженицын (даже не ответил на приглашение), Максимов (отверг приглашение по списку причин), Марамзин (отверг приглашение из солидарности с Максимовым), Бродский (отверг приглашение по причине отдаленности пребывания и самочувствия) …Можно ли кого-нибудь из этих персон, кроме, конечно, Марамзина, назвать «автором Ардиса»?

Я не отвечаю за устроителей конференции, это американские люди, а не наши, но в связи с географической близостью я знаю, что тебя здесь ждали и как редактора, ведущего эмигрантского журнала, и как выдающегося русского современного писателя. То, что о тебе нет отдельного доклада в повестке дня, уж никак не говорит о пренебрежении к тебе как писателю, но, может быть, лишь об отсутствии злободневности в нынешнем периоде твоего творчества, а это, на мой взгляд, не недостаток, а достоинство. Ты русский классик, живущий в Париже, – чем плохо? Уж мне-то в личном письме мог бы ты и не перечислять своих достижений, и, поверь, я ценю тебя не за «четыре полных собрания сочинений».

Что касается оставшихся за бортом, то здесь, конечно, неизбежны были различные несправедливости. Я, хотя и давал себе зарок не вмешиваться в предъярмарочную суету, язык обломал, говоря за Ефимова, Горенштейна, Гладилина, Алешковского[622]. Удалось отстоять только двух последних. Оставшиеся фонды теперь они используют для приглашения американских писателей и издателей. Прости меня, но о замечательном Леониде Ржевском действительно никто не заикался. Володя, Володя, ведь мы с тобой профессионалы, нам-то с вами, доктор, ясно, что пульса нет, что это графоманище

почище Георгия Маркова[623].

Очень жаль, что ты и твои люди бойкотируют эту конференцию (даже угрожают ей в каком-то странном чикагском стиле), первую на американской земле встречу такого широкого диапазона, которая могла бы помочь нашему общему делу. Я, со своей стороны, приду на конференцию и сделаю все от меня зависящее, чтобы она не приобрела антимаксимовский или антисолженицыновский характер, чем, я уверен, даже и не пахнет.

Начиная это письмо, я написал, что главное для меня – это твоя интонация. Сейчас вот вспомнил, что завтра Пасха, и хочу думать, что речь идет не об интонации вообще, но об отдельных лишь нотках.

Володя, дорогой, что это значит «долг платежом красен»?[624] Я никому из вас ничего не должен, и надеюсь, Господь и в дальнейшем убережет от займов с какими-то загадочными платежами. В ваших сабельных боях с Синявским я участвовать не буду ни при каких обстоятельствах. Парижский скандал[625], плывущий сейчас через Атлантику, удручает меня, как и многих других русских литераторов, живущих здесь. То, что ты называешь «моей позицией» – это отсутствие позиции в этом или более широком скандале. Этой позиции от меня не дождутся (даже за счет внимания русской прессы к «Ожогу»), ибо ждут ее, по моему глубокому убеждению, не в Париже и не в Нью-Йорке, а в Москве, в Китай-городе и напротив[626]. А за счет отсутствия этой позиции я надеюсь сохранить свою позицию в отношении советской литературной полиции, хотя в принципе я всего лишь беллетрист.

Еще раз выражаю свое сожаление, что ты не приедешь в Лос-Анджелес, хотя бы для того, чтобы сказать то, что ты сказал в своем письме ко мне. Ведь мордобоя-то, надеюсь, не будет, и стульями друг в друга никто бросаться, кажется, не собирается. Еще больше жалею, что мы не сможем тут с тобой отправиться в облюбованный уже для этой цели приморский ресторанчик и посидеть, как в прежние времена. Может быть, летом нам удастся приехать во Францию, у нас до сих пор нет никаких документов. Я просто теряюсь, с какого бока подступиться к американской бюрократии. Спихотехника[627] здесь уже на советском уровне. Уж не придется ли просить убежища в Южной Африке?

Поздравляю тебя с Пасхой!
Христос Воскрес!

Твой В. Аксенов

Василий Аксенов – Сергею Довлатову

26 апреля 1981 г.

Дорогой Сережа!

Я вот тоже заслужил немилость батьки Емельяныча[628]. Вчера пришло истерическое письмо из Парижа[629], катит на меня за конференцию в Лос-Анджелесе: не тех пригласили, его недооценили, идем на поводу у каких-то таинственных антимаксимовских сил, и вот в ответ на эту занятую мною позицию, вот, Вася, «долг платежом красен», русская пресса хранит полное молчание по поводу «Ожога». Хоть стой, хоть падай. Во-первых, я тут при чем? Американцы собирают конференцию. Во-вторых, всю эту п-добратию со всем почтением приглашают, всех наших классиков, они все ломаются и не соглашаются, а тотемный столб[630] с элегантностью, свойственной тотемным столбам, вообще ни х-ра не отвечает, а потом оказывается «тенденциозный провокационный набор участников»[631].

Письмо написано почти в той же тональности и даже иногда экспрессии, совпадающей с письмом Марамзина[632] к Вам. Кто там кого накручивает, трудно понять, но вообще – у «виртуоза»[633] физиономия довольно коварная. Ползет большевистско-монархический туман из Парижа к нашим пасторальным берегам, где… ну в общем сами заканчивайте эту фразу.

Посылаю Вам еще один корьера-делла-серовский[634] фельетончик, а Вы бы, Сережа, все же озаботились бы присылкой печатного текста[635], а то ведь я первого-то фельетона так и не получил. Пришла большая газетная куча – «все в газете интересно, прочитаю все, хоть тресну»[636] – зачитался до одури, а «клеветона» (выражение Гладилина) так и не нашел.

Какие максимальные объемы прозы Вы можете печатать в своем приложении? У меня, надеюсь, через пару месяцев начнет появляться новая проза. Пока живем суетно. Недавно в Сиэтле закатили парти[637] в мою честь. Я спрашиваю, что тут за люди, вот этот, например, типус, который? А, это, говорит, хозяин авиакомпании «Юнайтед» и отелей «Вестерн», а вообще-то, говорят, наши гости, скинувшись, могли бы купить Советский Союз, и не покупают только потому, что полагают это плохим инвестмент.

Поздравляю Вас с Пасхой. Вчера ходили мы на заутреннюю службу и встретили там совсем уже молодых людишек (один из них просто оказался приятелем моего сына), недавно высланных

из Москвы за какую-то демонстрацию у Моссовета. Все это кажется мне довольно любопытным. Кажется, Кащей Бессмертный заболел пневмонией.

Привет всем Вашим. Вэлкам ту Эл Эй![638]

Ваш В. Аксенов.

Владимир Максимов – Василию Аксенову

Середина (?) мая 1981 г.

Христос Воскрес!

Дорогой Вася!

Чтобы избежать эмоциональных перехлестов, постараюсь вновь указать тебе на очевидные факты.

1. В. Марамзин был приглашен после моих долгих настояний и лишь вместо отказавшегося Иосифа Бродского. А для супруги Синявского, к литературе отношения не имеющей, сразу нашлись и место и деньги. Без всяких напоминаний. Оскорбительность этой ситуации и заставила его отказаться от поездки.

2. В Израиле, где проживает немало хорошо известных тебе писателей (Кандель[639], Мерас[640], Милославский), наиболее достойной приглашения оказалась некая Н. Рубинштейн, известная лишь тем, что является закадычной подругой М. Синявской[641].

3. Снова хочу указать тебе на тот факт, что приглашенный выступать с докладом о Солженицыне Янов не имеет и никогда не имел никакого отношения к литературе. Он известен лишь своими претенциозными наскоками на Солженицына и уже по одной этой причине не может быть приглашенным в качестве объективного докладчика. И давай снова спросим себя: почему лишь об одном писателе «про и контра», а про иных только «про»?

4. Почему находятся деньги для приглашения графоманов вроде Бокова, опять-таки приятеля Синявских, а для Коржавина и Горенштейна не находится?

5. Почему «могучее» творчество Лимонова и Соколова привлекает внимание устроителей, а поиски подлинных писателей – С. Довлатова, Л. Лосева, Ю. Милославского, И. Мераса, Ф. Канделя, Ф. Горенштейна, В. Некрасова (приглашен лишь на замену мне), Н. Коржавина, М. Поповского[642], Н. Горбаневской, А. Гладилина и др. их не интересуют.

6. Не понимаю также, почему господин Дэнлоп[643], уровень которого мне хорошо известен, более достоин приглашения, чем Ржевский?

7. Передо мной афиша конференции: из 12 авторов, перечисленных под рубрикой «Участвующие писатели»,

8 – Аксенов, Алешковский, Бобышев, Довлатов, Лимонов, Марамзин, Соколов, Цветков – авторы «Ардиса».

8. Повторяю, Вася, что считаю приглашение на конференцию не в качестве писателя, а в качестве редактора эмигрантского журнала наравне с Синявским и Боковым оскорбительным для

себя.

9. Что касается «чикагских угроз»[644], то это, Вася, несерьезно. Я лишь упомянул о том, что мы не останемся равнодушными к тому, что американские «знатоки» хотят навязать нам, «литературным дикарям», литературу соколовых и лимоновых в качестве образца. У нас в России таких прозаиков на каждое литобъединение по десятку. Господину Кайзеру[645] прежде, чем судить о нашей литературе, следует научиться хотя бы сносной журналистике. Его – беднягу и «В. П»-то[646] держит из-за связей и денег богатого папы, а он, видите ли, о русской литературе берется судить.

Перечитав свое предыдущее письмо, не нашел в нем ничего для тебя обидного. По отношению лично к тебе оно корректно и уважительно в высшей степени. Что же касается устроителей, то сказанное мною лишь робкое отражение того, что я о них на самом деле думаю. По всему чувствую, что там не без участия также и госпожи Карлайл[647], давно претендующей на монополию по составлению списков современной русской литературы. Только не по чину. Недаром ей и А. Миллер[648] после ее пакостной книжонки о Солженицыне указал на дверь.

Но, дорогой Вася, отметая все эти страсти вокруг «тараканьих бегов», я надеюсь, что мои личные эмоции не повлияют на наши человеческие отношения. Пусть лучше жизнь сама рассудит, кто из нас прав. Я же по-прежнему буду относиться к тебе с любовью и уважением, как к человеку, так и к писателю.

Еще раз Христос Воскрес!

Твой В. Максимов

Не скрою от тебя, что Милош[649] (как ты понимаешь, абсолютно объективный человек) тоже передал мне через «Культуры» свои недоумения по поводу конференции. Я, разумеется, высказал ему свое мнение. Что он решит, не знаю.

В. Максимов.

Владимир Максимов – Василию Аксенову

(на бланке журнала «Континент»)
10 февраля 1981 г.

Дорогой Вася!

Благодарю за теплую цидулю. Как ты себя чувствуешь в качестве гражданина мира? По мне – хоть и неуютно, но жить можно. Буду рад увидеться в мае. Роман[650] твой давно получил. И снова более внимательно и придирчиво прочел. Могу только подтвердить, что вещь состоялась. И вещь серьезная. Хотя колымский ее пласт, как ты сам понимаешь, оказался для меня более близким и волнующим, чем все остальные.

В следующем номере, т. е. в конце марта, у нас в «Нашей анкете» интервью с тобой[651], которое нам прислал некий Ноялин. Хотелось бы шире и серьезнее, но уж какое есть. Подтверди, пожалуйста, твое согласие, а то вдруг ты об этом ни сном ни духом.

Поклон Майе.

Твой В. Максимов

Андрей Седых[652] – Василию Аксенову

(на бланке газеты «Новое русское слово»)
11 апреля 1981 г.

Многоуважаемый Василий Павлович!

Спасибо за присланное нам слово о Трифонове[653]. Оно коротко, сильно и человечно.

Я жалею, что мне не пришлось поговорить с Вами – и познакомиться – в Нью-Йорке. Но на Вас сразу наложил свою массивную руку Довлатов, и это мне помешало. Надеюсь, в ближайший Ваш приезд мы познакомимся.

Вчера получил от Максимова новый номер «Континента» и прочел интервью с Вами. Очень интересно, но смутил меня один абзац, – Вы там сказали, что мат может обогатить произведение, но может его и разрушить. Я охотно пользуюсь матом в личной и редакционной жизни, т. е. среди друзей, но на страницы газеты его не допускаю. Нас, знаете, еще читают фрейлины двора, и бывшие камергеры, и оглохшие от старости генералы… У нас одно такое слово вызовет взрыв негодования и погубит навеки мою пуританскую репутацию. Известно ли Вам, что Ефимов из «Ардиса» несколько месяцев назад прислал мне главу из Вашего романа[654] и первая же страница была густо пересыпана крепкими словами? Я объяснил «Ардису», что у нас это – нельзя, новоприехавшие считают это нормальным, а старый читатель негодует и пишет письма в редакцию. Ефимов предложил заменить слово точками. Тут я опять запротестовал: мне казалось, что этим я нарушу авторский замысел и самый стиль вещи.

За этой единственной оговоркой – очень прошу прислать нам, что Вы найдете подходящим. Больше всего нам нужны рассказы (не журнального, а газетного размера – от 6 до 10 страниц на машинке, с двойным интервалом). Но, конечно, Вы можете писать все, что хотите, – политические статьи, воспоминания – и все, что пожелаете.

Жму Вашу руку.

Искренне Ваш Андрей Седых.

Приписка:

Читал в N.Y. Times Вашу статью «День, когда я был лишен гражданства»[655]. Замечательно было написано и переведено.

Эдуард Штейн[656] – Василию Аксенову

(на бланке журнала «Континент»)

30 августа 1981 г.

Многоуважаемый Василий Павлович!

Как Вы, очевидно, знаете, матч[657] между Виктором Корчным и Карповым начнется в Мерано (Италия) 1-го октября. 17 сентября я вылетаю на место схватки. Очень хочу попросить Вас о одной услуге. Если Вам позволит время, черкните, пожалуйста, несколько строк Виктору во время матча, многоуважаемый Василий Павлович! Моральная поддержка важнейший фактор. Можно и на мое имя, поскольку я буду его пресс-атташе в течение всего поединка. На всякий случай вот мой адрес: E. Shtein, kurhotel «PALAS», Merano, Italy.

Несколько дней тому назад был в Вашингтоне, старался к Вам дозвониться, но без успеха (номер телефона дал мне Антони Сейди[658]).

С дружеским приветом,

Ваш, Э. Штейн.

Из записей Майи Аксеновой

Лос-Анджелес, 28 марта 1981 г

Сегодня умер Юра Трифонов. Утром в 9 часов позвонила Ира Данилевская, сказала, что из Москвы прямо набирать Америку, но этого еще никто не знает. Подошел Вася, сначала шел непринужденный разговор, потом Васята изменился в лице, заохал, побледнел и, повторяя Иркины слова для меня, спросил, когда умер Юра Трифонов. Ровно год назад в этот же день умер Володя Левин[659], и мы все страдали, хоронили и поминали. На поминках были Ольга[660] и Юра. Проснувшись еще до звонка Ирины, мы вспоминали этот день. Я сказала: странно, но я помню только Бетси (теща Эдлиса[661]), как она была одета, что говорила. Вася: «А я помню Ольгу и Юру». Ольга была в клетчатом теплом костюме и т. д. Тогда я стала вспоминать поминки. Я, Ольга, Юра и Миша Рощин забились в угол и пили водку, хотя никому из нас этого было нельзя делать…

Набрали (соединились) с Москвой. Вася сказал: «Это квартира Трифонова? Звонит Аксенов из США, это правда? А кто говорит? Ольга, бедненькая, это ты?»

Ольга рассказала – у Юры начались почечные колики (камни), держались несколько дней, обратились к врачу. Обратились к лучшему урологу СССР Лопаткину Николаю Алексеевичу (я его очень хорошо знаю, он лечил меня).

Лопаткин сказал, что нужно оперировать, боли не пройдут.

Согласились, операция прошла успешно, на третий день, т. е. вчера (время путается из-за разницы во времени) утром Ольга позвонила в больницу и ей сказали, что все нормально, а через два часа Юра умер. Тромб. И Ольга с ужасом говорит – ведь с тромбом нигде ничего не могут поделать. Вася сказал: «Да, это как пуля».

Мы убиты, я рыдаю и утверждаю, что он бы жил, если бы не операция.

На столе у нас лежат книги Трифонова. Через неделю у Васи семинар по творчеству Юры.

Не верю!

Лос-Анджелес, 21 мая 1981 г

Прошла конференция. Вчера уезжали Гладилин, Некрасов, Алешковский. Перед отъездом вечером хотели куда-нибудь зайти,

но дико надрались дома. Приехали Андрон[662], Саша Половец[663], Эмиль, Илья и еще кто-то (Миша Суслов), и тихо, тихо почти без закуски накачались. Утром Толя уехал, забыв брюки и пиджак.

Конференция прошла довольно мирно. По-моему, все литераторы и американские слависты довольны. Были Синявский, Розанова, Лимонов, Боков, Бобышев, Алешковский, Гладилин, Войнович, Мандель (Коржавин), Цветков, Олби[664], Аксенов, Некрасов.

В меру критиковали и хвалили друг друга.

Вся наша братия – Некрасов, Гладилин, Мандель, Алешковский были рады повидать друг друга и много времени проводили вместе. Толя Гладилин просто жил у нас.

Войновичи сняли номер недалеко от нас в Санта Монике[665]. В их настрое я так и не разобралась. По-моему, они еще очень растеряны, устали и не решили, где жить дальше. Думаю, что приедут в Америку. Я была для Ирины[666] плохой утешительницей, так как сама все время чрезвычайно взвинчена и иногда на грани – послать все к чертовой матери и вернуться в Россию…

VI. Письма друзей

Михаил Рощин – Василию Аксенову

Малеевка. 11 июля 1979 г.

Дорогой Василий Палыч! Я провел с Вами четыре дня, и чувствую, вынужден обратиться к забытому эпистолярному жанру, чтобы что-то выразить, сформулировать и сказать Вам, как Другу, как Писателю, слова радости, – Вы нам приятное и мы Вам! В самом деле, знаешь, самое замечательное, поверх всего, Высокой Печали и Великой Ярости, когда закрываешь книгу[667] и потом все продолжаешь жить в ней и с нею, это радость от того, что она написалась, вышла, созрела, что это ты ее написал, что ты все равно к ней пришел, к Свободной Книге, и сумел, понимаешь, не разбазарил, не разболтал, не отделался прежним, а так собрался, сгруппировался – какой выдох после сорокалетнего вдоха! А как прекрасно читать книгу неотредактированную, переливающуюся, надоедающую малость, кружащую, долгую, свободную во всем! Как она набита, наполнена, как ты не забываешь ничего, ни детали, как плывут сначала из тумана пять твоих машин, мотая огнями, и как замечательно приближаются, нарастают, соединяются – Книга идет все по восходящей, такая здоровая, а ты ее держишь, нигде не опуская, – вторая часть поднимается все выше и выше, и проза густеет, и все становится строже, – видно, как книга меняется, оттого что ты меняешься, или вернее, она подчиняет тебя себе.

Ты знаешь, мы ведь с тобой похожи, из одного теста, просто писали всегда по-разному, про разное, и кучковались в разных местах в ТЕ годы, – вы-то в «Юности», – помнишь, по настоящему-то и встретились только в «Новом мире», – я это к тому, что моя радость такая, будто это я сам написал, понимаешь, про себя и своими словами. Помимо правды, испытываешь все время еще и художественное наслаждение, профессиональное, как ты, собака, щедр, как богат, жменями рассыпаешь, слова ставишь прекрасно, фраза все время льется, как лимфа, живая-преживая, и в иных местах слезы наворачиваются от счастья, что человек ТАК пишет среди нашего литературного лесоповала. Ты всегда был поэтом, и здесь поэзия прозы освободилась и расковалась так же, как твоя душа, – я просто вижу, как ты писал и сам смеялся и сам дивился кое-чему, что вылетало вроде бы вдруг из-под пера. Хорошо, хорошо… А какая фантазия, хулиганство, игра «Зарница», как охерительно написана Москва, пьянка, бабы, дети подземелья, – ну, что говорить, мне пришлось бы сейчас все перелистывать заново и останавливаться на каждом куске. Не с кем, зараза, посмаковать и посмеяться! Про Машкин калифорнийский узел,

про Хвостищева, про Вляйзера, про вашего друга Вадима Николаевича. На мой взгляд, если тебе интересно, в копилку мнений, что получилось, что вылепилось особенно: понимаешь, все именно вылепливается, постепенно и последовательно, из знакомого и симпатичного аксеновского трепа первой части, из сгустков второй, из поэмы третьей, – так вот, в смысле мяса, что ли, образов (помимо общего образа Книги), что вышло безусловно: Алиса, Самсик, Пантелей, Саня Гурченко, мама Нина. Сокрушительная глава с Чепцовым, – он вообще, может быть, самый сильный и свежий тип в книге, с биографией, с прошлым и будущим. Замечательно получился Толя Штейнбок. Ну, словом, все, или почти все. Лихо вышли Катанга, танк в Европе, образ Родины в финале. Мне не очень понятно про бога, но об этом я просто не знаю ничего и испугался, нет ли в этом отголоска м о д ы на Бога, которая явилась теперь. Ну ладно, это все херня, оценки и выкладки, ты сам все знаешь лучше всех, и замечателен, о чем я только и хотел сказать, сам факт, случай с товарищем Аксеновым, и спасибо Русской Литературе, а также Михаилам Афанасьевичам, разным Исаичам, Борисам, Осипам, Маринам и Аннам, а также даже всяким Дуче, и нашей Казани 1933 года, и нашему подземельному детству, и нашей подпольной родине, подпольной стране, которую все никак не превратят в образцовую. Превратим Перовский район в образцовский! Превратим Родину в красную смородину! в черную смородину!

Словом, спасибо. Но… тебе, конечно, не поздоровится, я думаю, ты к этому готов, после такой книги что уж в какие-то игры играть, мосты наводить, смешно. Да и наш простой советский читатель разорвал бы тебя в клочки, дай ему тебя обсудить! Но это все уже относится к биографии книги, а не к факту ее рождения. Посмотрим. (Хотя не нужно быть оракулом, чтобы…)

Я тебя обнимаю. Если могу быть чем-то полезен, скажи. И главной Радости, что это сделано, ничем не затемняй. Ни хера. Не ты первый, не ты последний.

Целую. Твой Мих. Рощин.

Юлиу Эдлис – Василию Аксенову

2 марта 1982 г.

Привет, Вася!

По-видимому, надо свыкнуться с мыслью, что мои письма к тебе и твои ко мне не доходят, где-то пропадают, и надо пользоваться, хотя бы изредка, оказиями. Я отстукиваю тебе это письмо на машинке, потому что почерк у меня стал совершенно нечленораздельный и тебе пришлось бы долго его расшифровывать.

Самое смешное – а может быть, трогательное – заключается в том, что я пишу это письмо на твоей даче в Переделкино, которую снял на зиму у Киры, а на стене напротив – твоя роскошная фотография и от этого такое чувство, что ничего не изменилось, все как раньше. Очень может быть, что так оно и есть.

Время от времени я вижусь с Китом и по мере сил наставляю его на истинный путь. При всех извивах его характера и его возраста, думаю, что толк из него получится, и он крепко встанет на ноги, надо только набраться терпения. Во всяком случае, именно об этом я толковал ему и Кире с переменным, естественно, успехом.

Бетти Абрамовна[668] уехала к Миле[669] в Штаты, и если ты увидишься с ней в Нью-Йорке, то узнаешь от нее все подробности о моей нынешней жизни. Правда, тебе придется делать поправку и извлекать квадратный корень из ее интерпретации событий.

Я остался один в этой огромной храмине, накупил новой мебели, наклеил новые обои, и с юношеским упованием жду начала новой своей жизни, хоть и прекрасно понимаю, что ничего нового, и уж, во всяком случае, неожиданного, не предвидится. Но – блажен, кто верует.

Однако одиночества не испытываю – у меня, во всяком случае, пока она не обзавелась собственной семьей и детьми, есть Мариша[670], да и с Валей[671] у меня сохранились самые добрые и дружеские отношения. Собственно говоря, они, Мариша и Валя, моя семья, пусть и на отдалении. Так и живу, утешая себя тем, что немного уже и осталось, каких-нибудь, в лучшем случае, двадцать лет – глазом не успеешь моргнуть.

Вижусь мало с кем – с Мишей Рощиным, Юликом Крелиным[672], Юрой Левитанским, Витей Славкиным, Ряшенцевым, реже – с Булатом. Новые друзья, как и новые любови, в нашем возрасте заводятся уже с натугой. Очень редко вижу Беллу, но прежней простоты и близости отношений между нами давно уже нет. Что поделаешь.

Играю в теннис, езжу в те же Дубулты, Сочи, Ялту, Пицунду[673]. Круг жизни, видимо, определился уже навсегда.

В ноябре прошлого года в журнале «Театр» была напечатана «Игра теней»[674] («Клеопатра»), я не верил в это до последнего дня. Скромная, а радость и щекотание собственного тщеславия. В конце концов выходит в «Совписе» книга прозы, пять повестей, написанных в разное время, а в «Искусстве» – пьесы, «избранное», удостоился в кои-то веки. Написал новый роман, называется «Жизнеописание», одно название – роман: меньше пяти печатных листов. Друзья похваливают, а «Новый мир» взялся печатать, но беда в том, что они могут не успеть до выхода книги – я этот роман тоже включил в «совписовский» сборник, так что могу остаться без журнальной публикации, а ведь у нас книги ни критики, ни «литературная общественность» не читают, читают только журналы. Не беда, напечатали бы хоть в книжке.

Как видишь, я все более решительно ухожу из драматургии в прозу, очень уж остоебенили господа актеры и, особенно, режиссеры. Впрочем, правды ради, надо сказать, что в будущем сезоне будет поставлен «Вийон»[675], да и «Клеопатра», надеюсь, не останется без театра, а на телевидении ставят сразу три моих старых комедии. Но писать для театра действительно не хочется – уж очень суетное и потненькое занятие, а с годами суета уже кажется все более и более унизительной и ненужной. Хуже и унизительнее театра разве что кино, но уж его-то не избежать: хлеб наш насущный.

За кордон меня решительно и бесповоротно не велено пущать, приходится с этим примириться, хоть и саднит, как застарелая зубная боль. Впрочем, может, что и изменится со временем, чем черт не шутит. Да не в этом, как говорится, счастье. Хоть и очень и очень хотелось бы с тобой повидаться, наговориться вволю и не торопясь. В наших с тобой отношениях, если смотреть правде в лицо, многое стало не вытанцовываться в последние годы, многое мы друг в друге не понимали, разводили нас в разные стороны новые друзья и новые пристрастия, вкусы, литературные увлечения и нетерпение, но я всегда тебя числил, и теперь тоже, среди самых близких моих людей, ничего из нашего прежнего не забываю и люблю, как всегда, и присно и во веки веков, прости за некоторую выспренность слога.

О тебе я, собственно, почти ничего не знаю, новости и известия приходят через пятое на десятое, да и то из вторых и третьих рук, обрастая небылицами и легендами. Если представится оказия, напиши подробно и художественно, не жалей чернил и бумаги.

Скоро 28-е марта – печальный день, годовщина смертей

Володи[676] и Юры[677]. С их уходом и с твоим отъездом что-то прервалось и в моей жизни, да и в жизни вообще, как-то изменились отношения между мной и миром, то есть между мною и тем, как я живу. А может, дело просто-напросто в возрасте и в тех неизбежных утратах, которые приходят вместе с ним. Да и тебе, помнится, в этом году перевалит за полста.

Мне тебя не хватает, пиши.

Поцелуй от меня как можно нежнее Майку, я о ней тоже всегда помню.

Я никогда не умел писать писем, мне всегда кажется, что самого главного я так и не вспомнил и не написал.

При случае я непременно пошлю тебе, когда они выйдут, обе свои книжки. А что у тебя по этой части? Как пишется, что впереди?

И вообще…

Не забывай. Жму тебе руку и обнимаю. Будь бодр и легкомыслен, а главное – держи хвост морковкой, еще не вечер.

Твой Ю. Эдлис

Анатолий Гладилин – Василию Аксенову

2 декабря 1981 г.

Вася, Вася!

Тебя, конечно, в первую очередь интересует Бася. Спешу сообщить: она, естественно, ужасно снялася, и в платье белом, и в платье голубом![678]

Теперь можно перейти к менее срочным новостям.

Послал я через Мари Эллен Ж. Владимову (и он получил) «Остров Крым», «Железку» и «Континент» № 24. «Ожога» у Аниты[679] не оказалось, а то было бы полное собрание сочинений.

Видел Булата. 2 концерта его прошли с о<–>енным успехом. Но он болен (желудок), намеревался сразу по прибытии в Москву лечь в больницу. В Париже он был всего неделю, мало с кем виделся, не ел, не пил, быстро уставал. Он мне задал вопрос: что у меня произошло с Максимовым? Ответив, я задал встречный – что у тебя произошло с Аксеновым?

Его версия: его просил Ф. Кузнецов[680] помочь ребятам, чтоб они не обостряли отношения, и он пошел на это, не зная, что ты решил идти до конца. На секретариате понял, что ему было бы лучше не ходить вообще. Ужасно был удручен твоей фразой: «секретарский подпевала». «Ноги у меня стали ватными – но потом я понял, что я старше его, а он сейчас сильно нервничает.

На проводы я не пришел, потому что не хотел вращаться в светском обществе. Я вообще практически сейчас ни с кем не общаюсь. А вообще я Васю люблю» – вот буквально его слова. Я передал разные нежные слова от тебя[681].

Он специально привез фотокарточку и попросил меня снять копии, что я и сделал. Оригинал вернул ему, а одну из копий посылаю тебе. Как молоды мы были! Он говорит, что это на вечере Евтушенко в Политехническом (61 или 62?!?).

Как вам город Вашингтон при ясной (осенней и зимней) погоде? Майкины настроения и самочувствие?

Сейчас я взял бюллетень на десять дней (тем у нас, у кого нет стипендии от тов. Кеннона[682], приходится хитрить, чтоб написать хотя бы одну-две главы к роману).

Приедешь ли ты в феврале в социалистическую Францию?

Пользуюсь случаем и поздравляю Вас, ребята, со всеми Рождественскими и новогодними праздниками. Надеюсь, что когда-нибудь будем жить в одном городе, чтоб, отвалившись от праздничного стола, пойти вместе к бабам[683].

Всех благ!

Обнимаю.

Георгий Владимов – Василию Аксенову

Декабрь 1980 г.

Дорогой Вася!

Будучи в больнице, прочитал «Остров Крым» (принесла Наталья, уплатившая, как говорит, 50 рублей) – прочел, не отрываясь, лишь изредка бегал курить в сортир. Вещь замечательная, с чем позволь поздравить тебя от всей души. Много блеска, искрометности, провидения. Есть прямо-таки классические сцены (впрочем, ты сам знаешь, какие): в бане, на заседании политбюро и все вторжение. Мне сдается, единственная твоя здесь ошибка – что не сказано, как отнеслась эта географическая аномалия к оккупации 41–45 годов, отсюда ведь и должно было, по идее, почти все движение Общей Судьбы. Думаю, критики на это укажут, но черт с ними, с критиками, важно, что удалось основное: изображение государственной уголовщины, которую никак не поймет этот всепроникающий, мудрый Запад. Обнимаю тебя и благодарю, поцелуй за меня Маечку.

Твой Жора.

Семен Липкин – Василию Аксенову

8 ноября 1981 (?) г.

Милые Майя и Вася, пришли к Белле, оказия. Пишу Вам, и целую Вас не в конце письма, а в начале. Очень рад был узнать от Беллиного гостя, что вы оба хорошо выглядите, довольны жизнью, что (подтверждается), «Остров» вышел по-русски, но мы пока книги не видели. Так как меня торопят, то сразу перехожу к просьбе, – узнать, что слышно с моей повестью «Декада», о ее местопребывании знают Копелев, Эткинд, Ира Войнович. Слыхал, что по-русски теперь трудно что-либо напечатать, правда ли это. Со слов Васи (я уже об этом писал) узнал, что повестью будто бы заинтересовался Карл. С помощью вышеуказанных лиц можно доставить ему рукопись. Кто-нибудь дайте мне знать обо всем, Вася, я Вам очень благодарен за все что с Вашей помощью со мной произошло и происходит. Будьте счастливы в любви (Майи) и в новой книге – в третьем романе. Еще раз целую Майю и Вас.

Ваш С. Липкин

Владимир Максимов – Василию Аксенову [684]

16 ноября 1981 г.

Дорогой Вася!

Прочитал «Остров Крым». Разумеется, мы откликнемся. И откликнемся положительно. Но в частном порядке мне хотелось бы возразить тебе по двум принципиальным (во всяком случае, для меня) поводам. Согласись, что мир обитателей твоего фантастического «Острова» в известном смысле являет собою слепок российской эмиграции. И хотя ты в конце концов высмеиваешь носителей идеи Общей Судьбы, приводя их к полному краху, к ее главному апологету – Лучникову относишься с явной симпатией. Это право автора, но у того же автора, на мой взгляд, нет права искажать при этом подлинное положение вещей в эмиграции, переворачивая ее изображение с ног на голову. Когда в авторской ремарке ты, идеализируя своего героя, пишешь, что-де не патриоты-монархисты, а, мол, лишь такие либералы, как Лучников, бросились в пятьдесят шестом на Будапештские баррикады[685], то это, мягко говоря, далеко от истины. Я, Вася, не монархист и не испытываю никакой симпатии к монархии, но, справедливости ради, должен отметить, что в трагическую для венгров минуту рядом с ними оказались именно монархисты из НТС[686] – Олег Красовский (весьма, кстати, неприятный субъект), Глеб Рар, Александр Артемов и другие, а либеральные эмигранты и, употребляя твою метафору, сторонники Общей Судьбы, вроде тогда еще молодого графа Степана Татищева[687], стояли в охранительном оцеплении у советского посольства в Париже, спасая оное от гнева разъяренной толпы (и это в те дни, когда Сена пестрела партийными билетами, выброшенными туда самими французскими коммунистами).

Второе мое (повторяю, Вася, сугубо частное и огласке не подлежащее) замечание касается твоей, если так можно выразиться, интермедии «К столетию Сталина». Деление палачей на талантливых и бездарных мне представляется неправомерным. Читатель, который любит тебя, поверит тебе на слово, но в действительности такая раскладка искажает историю, а это уже грех для писателя немаловажный.

Мне, к примеру, трудно понять, чем Троцкий лучше Сталина? Ты пишешь не фельетон и не памфлет, а роман и твой долг доказать это противопоставление художественными (прости меня

за банальность!) средствами. Если ты полистаешь материалы партконференции, посвященной новой экономической политике, то убедишься, что на стороне спасительного, как ты его называешь, ленинского плана стоял тогда именно Сталин (хотя и из чисто тактических соображений), а против был умный и талантливый Троцкий и его сторонники[688], которые выступали за полное и окончательное удушение крестьянства вообще и любой личной инициативы в частности, а также за всемерное развитие перманентной революции, то есть, за распространение своего гнусного режима на весь мир.

Давай также зададим себе вопрос, почему именно талантливый Блюхер[689] приговорил к расстрелу талантливого Тухачевского[690], талант которого, кстати сказать, проявился только в беспощадном изничтожении почти безоружного тамбовского крестьянства, остальные сколько-нибудь крупные операции он бесславно проиграл, включая польскую авантюру? И чем трусливый и достаточно травоядный Калинин[691] хуже талантливого мокрушника Махно[692], лично, своими руками замучившего семью когда-то обидевшего его уездного чиновника и вырезавшего евреев (хотя в его окружении были и евреи) целыми местечками? По чужим-то тылам ходить невелико искусство, мелкие бандиты всегда ухитряются бить со спины. Под стать ему и талантливый Сорокин[693], (о котором много наслышан по своей работе на Кубани и Ставрополье) – патологический палач и животный юдофоб, заливший крестьянской кровью все свои дороги от Тихорецкой до Пятигорска. Или экзотичность убийцы делает его для нас нравственно более приемлемым, чем его бездарный коллега?

По ходу письма вспомнилось, что на той же партконференции сам Ленин, никогда, впрочем, ничего не стеснявшийся, назвал свой спасительный план вынужденной тактикой, которая при первой же возможности будет снята с повестки дня. В полном соответствии с указаниями талантливого своего учителя – Ленина, его верный, хотя и бездарный ученик Сталин это впоследствии и проделал.

Мне думается, что подлинную точку отсчета в анализе нашей истории двинула в своей последней (и я считаю гениальной) книге Евгения Семеновна[694], впервые поставив перед собой и перед своими современниками вопрос: а что же я, что я делала до того, как оказалась в следственной камере?

Если мы хотим полной правды, мы можем и обязаны начинать только с этого вопроса, иначе все начнется сначала и нам уже никогда не выбраться из заколдованного круга мифов и заблуждений.

Вот, пожалуй, и все.
Искренне твой В. Максимов.

P. S. *Прости меня, но еще одно «кстати». Талантливые Блюхеры побеждали только на фронтах, которые практически некому было защищать. Его последняя победа на озере Хасан была достигнута в пропорции: шесть советских дивизий, с учетом фундаментального тыла, против двух японских – с враждебной китайской территории за спиной, то есть безо всякого тыла вообще. И к тому же какой кровью!*

Евгений Попов – Василию Аксенову

20 августа 1982 г.

Дорогой Вася!

Поздравляем с днем рождения, сиречь – с важным юбилеем, в вечер которого 20-го числа августа месяца мы, е.б.ж. подымем чаши с напитками и осушим их до дна, как деревенщики. За Ваше здоровье, счастье, prosperity. Чего потребитель может желать творцу? Сущих и грядущих бумажных «кирпичей» и «половинок», радости, света в конце тоннеля.

20-го авг. Мы, с Вами вопреки материализму, будем сидеть за одним длинным столом. Я, Евг. Попов, выпью изрядно и, не умея тостовать, скажу Вам на ухо, что все мы – поколение дырок из «Звездного билета» и что время все разложит по полкам и каждый упокоится. А Вы мне скажете «easy» и будете правы.

А Светка подымет бокал на тонкой длинной ножке и, покачнувшись от волнения, скажет: «Вася!»

Обнимаем. Целуем. Майю Афанасьевну – с именинником!

Евг. Попов

Инна Лиснянская – Василию Аксенову

Накануне 20 августа 1982 г.

Наш дорогой, многочитаемый и глубокопочитаемый, любимый Вася! Поздравляю тебя с твоим полстолетьем, очень жалею, что не могу принести тебе 50 роскошных роз, – никогда не забываю тех 52-х, алых и белых, которые ты принес мне в мои 52 года. Если бы была у меня такая возможность, я по старинному образцу вложила бы в розы и записочку «Недолго знала, но навеки полюбила». Спрашивается: кого или что. И то и другое. Тебя, как друга, писателя, нежного человека, твой «Ожог», «Остров Крым» и теперь с радостью и упоеньем твой «Свияжск».

Чем я тебе не гимназисточка, влюбленная в Аксенова? Это все ж лучше, чем твои сорокалетние девчушки, бегающие в ЦДЛ.

Васенька, родной, будь здоров в свое второе полстолетье! Нет ни одной встречи с нашими общими и необщими друзьями, когда о тебе мы не вспомнили бы, с помощью русских, а иногда и английских слов.

Слушали по голосу о твоем новом романе «Бумажный пейзаж». Ждем!

Милая Майечка! Поцелуй, пожалуйста, своего мужа так, чтобы он понял, что его целуют все гимназистки этой земли. Будь счастлива с Васей и, конечно, строга.

Мои милые, по желанию Беллы, безмерно любящей Васю, 20-ого августа мы у нее отметим день рождения.

Белла, оказывается, не только очаровательный поэт, но и совершенно очаровательная хозяйка. Семен Израилевич присоединяется всем сердцем к моему поздравлению (хоть и не входит в круг поклонниц-гимназисток, а по-мужски высоко ценит твой писательский и человеческий дар) и целует тебя.

Еще раз поздравляю и целую, целую и поздравляю.

Инна

P. S. Узнала, что друзья тебе и сочинения свои посылают, и я решила послать. Понравится – передай в «К» Володе М.[695]

Зиновий Гердт – Василию и Майе Аксеновым

26 октября 1982 (?) г.

Дорогие Маечка и Вася!

Так счастливо сложилось, что нам с Таней понадобилась водка с винтом (для подарка, как вы догадываетесь!) и мы остановились около Елисеевского в большой надежде на удачу, каковой не последовало, зато у входа в ВТО встретили Беллу и Борю и вместе пообедали паштетом, капустой, рассольником и поджаркой.

Имея в виду зов в гости к Шурику Ширвиндту на этот вечер (24-го), я, естественно, позвал туда и Белочку с Борей. Шурку предупредил, что придем не одни, а приведем пару милых людей, хотя они и из торговой сети[696]. Без паузы он заявил, что любит торговцев гораздо жарче, чем эту сраную элиту. Так и день, и последний вечер в Москве мы провели в этом составе.

У Беллы странное состояние оттого, что, с одной стороны, – Бог знает что, – с другой, – в «Дне поэзии» опубликовали ее стихотворение[697]. Выглядит она чуть замученно, но прекрасно, а Боря вообще свободен и раскован, умен и добр, как в лучшие времена.

У Ширвиндта Белочка прочла твое, Вася, письмо; очень смеялись и грустили. Сегодня мы с Таней в Амстердаме. Для компании взяли с собой кукольный театр[698]. Пробудем здесь до 10 ноября, потом смотаемся в Брюссель и в конце месяца вернемся в родную блевотину, как ты однажды нарек это место. Нарек, я не побоюсь определить, с большой художественной силой.

Как-то, слушая «Голос», были осчастливлены присутствием при твоем разговоре с некоей Тамарой. В том месте, где ты предвосхищал радость Фел. Кузнецова от его возможной встречи с тобой в Штатах, мы очень веселились. Наутро выяснилось, что вместе с нами веселилась, что называется, вся Москва. Таким образом, суждение будто мы живем скучно, глубоко ошибочно и является досужим измышлением наших врагов, – противников разрядки[699].

Очень часто на Пахре[700] бываем у Рязановых. Дом в большом порядке, тепло и уютно. Еще он полон напоминаниями о редких, но очень душевных встречах с вами, дорогие ребята[701].

Если встретите Райку Тайц[702], кланяйтесь ей и мальчикам. Еще поклон Володе Лившицу с его папой. С Сашей

Володиным[703] у нас общение почти ежедневное.

Целуем вас,

Таня, Зяма.

Булат Окуджава – Василию Аксенову

Осень 1982 г.

Дорогой Вася!

Пользуюсь умопомрачительными каналами[704], неожиданно прорытыми провидением, и сообщаю тебе следующее:

1) Сарра[705] оказалась цдловской болтушкой. Возможно ли, чтобы я высказывался с осуждением[706].

2) Узнал о Карле[707]. Как это отвратительно! Жизнь о нас совсем не заботится: какие-то постоянные пакости.

3) Как легко было из Парижа[708] говорить с Вашингтоном. Ну надо же! Теперь это не для нас: ни телефон, ни Греция, ни омары.

4) Надеюсь, ты не очень встреваешь в борьбу противуборствующих изгнанников? Это все пустое.

5) В Москве дело к зиме. Отсюда падение нравов. Ужесточение. Феликс[709] выгуливает собачку. Я стараюсь быть равнодушным, но даже это не помогает писать. Конечно, мои демонстративные шаги в Лютеции[710] стали достоянием некоторых любознательных соотечественников, и в Москве собирался произойти скандальчик, но потом быстренько его затушили: видимо, в данный момент не очень выгодно. Чем и пользуюсь.

6) У меня все замечательно. Хотелось бы к вам, но возраст и утрата способности подсуетиться, чтобы заработать, осложняют мои фантазии.

7) Целую и обнимаю,

и еще Майю, Карла, Иосифа и многих-многих других.

Булат.

P. S. Если связан с Сашей Соколовым, скажи пусть черкнет.

Булат Окуджава – Василию Аксенову

Весна 1983 г.

Дорогой Вася!

Недавно слышал тебя[711]. К сожалению, одну часть, как проводили отпуск. Было грустно.

Появилась случайная оказия, но не могу сообразить, что сказать. Все время хотел много и что-то важное, а сейчас вылетело. Во всяком случае, радоваться нечему.

Недавно праздновали полвека Борису Мессереру. В ВТО. 150 человек. Сумасшедший дом. Фазиль[712], Биргер[713], Попов[714], Инна Л[715]., Семен Изр.[716], Гриша Горин[717]. В общем, все те же. У Фазиля сын – Сандро![718] Ничего себе?

У нас дома вот уже полгода ремонт. Что-то на нас протекло. Это очень интересное мероприятие, если ты не забыл, как это у нас делается.

Белла хороша. Пьет мало, пишет много. Все утряслось у нее. Кое-кто еще живет надеждами, но это уже другая компания.

Думаю, что после французского вояжа[719] я не скоро выберусь на Запад, хотя кто знает.

Обнимаю тебя и Майю

И кланяйся от меня всем знакомым.

Булат

Джон Апдайк – Василию Аксенову

(перевод с английского М. Вогмана)
Май, 19[720]

Дорогой Василий,

Я был очень рад получить твое письмо. Извини, что моя рецензия на «Остров Крым»[721] была местами не только хвалебной – я безусловно восхищен (а кто бы не восхитился?) его энергией, независимостью, страстью (или страстной юмористичностью). Я очень жду знакомства с «Ожогом»[722], тогда я совершу очередной набег в СССР. Спасибо за замечания о Трифонове[723]; разумеется, читатель перевода много теряет – но чудо, пожалуй, в том, сколько он, тем не менее, получает (или мнит полученным).

Надо сказать, я всячески восхищался тем мужеством, с которым ты принял потерю своей страны и языка, став этаким бодрым американцем. Твои недавние – и отличные! – высказывания о довольно-таки износившемся мире американской литературы показывают, что ты теперь – во всех смыслах – говоришь с нами на одном языке. Удачи тебе с твоим первым романом по-английски[724]. Я завидую не самому вызову, на который ты отвечаешь, сколько тем искрам, которые высечет сила трения при таком усилии.

Надеюсь, Евтушенко никогда не увидит моей жесткой реакции на его роман; 20 лет назад он был со мной крайне любезен, да и остается значимым явлением, несмотря на все свои пошлости.

Наталья Владимова[725] – Василию и Майе Аксеновым

16 декабря 1984 г.

Вася и Маечка, с Новым Годом, дорогие, с новым счастьем и со всеми остальными нашими праздниками!

Ну, сначала московские новости:

1. Очень плох Володя Корнилов[726] – никакого заработка, считает, что в семье он – «лишний рот», даже дочь зарабатывает, а он – ничего. Жену, говорит, из красивой женщины – старухой сделал. Через 3 года ему будет 60. Устроился сначала гардеробщиком, а сейчас ночным сторожем за 80 р. Был у юриста – Софьи Вас. Калистратовой – та ему сказала, что с пенсией ничего не получится. Тут в издательстве у него есть деньги – обещали часть ему переслать в сов. рублях, ждут оказии. Выезжать он не хочет.

2. Инну Лиснянскую вызывали куда надо, провели с ней 2-часовую беседу. Семен Из.[727] ждал ее внизу – потом ему было плохо с сердцем. Никаких подписок, что не будет впредь печататься за рубежом, она не дала. Просит, чтоб о ней дали рецензию, не как о гражданине, а как о поэте, и чтоб писал не «Кублановский». Во, чего захотела! Заказали мы рецензию Ире Заборовой – дочери Бориса Корнилова[728], авось Инна будет довольна.

3. Сахаровы с 8 сент. вместе[729]. Первый месяц он был совершенно невменяемый, сейчас уже работает. Были у него 2 физика из ФИАНа. У Гали Евтушенко есть генеральная доверенность от Люси[730] на все, но в квартиру, опечатанную, Галю не впускают и взять зимние вещи не дают.

4. Ну, про дачу Пастернаков вы знаете. Лев Зин.[731] говорит, что у Наташи Пастернак[732] есть уголовное дело (чистое), и когда милиция пришла, то ей пригрозили – будете шум поднимать, дадим ход делу. Вот так. Прав Синявский, все мы – блатные при этой власти.

У нас все ничего. Я вроде от депрессухи отошла маленько, вот только скучно здесь очень, выпить не с кем!

Представляю, сколько слов (и каких) произнесла Белла по поводу ордена[733]. Журнал со статьей Васиной мы отправили через Кельн недели две назад.

Майка, ношу твою оранжевую двойку не снимая – и сплю в ней, и гостей принимаю, – спасибо! Когда Гладила поедет в Америку, передам тебе подарок – кружевную накидку из Москвы,

полученную с оказией.

Ну, еще одолела[734] мистера Солжа. По своей неграмотности большой разницы с кратким курсом[735] не обнаружила. Что же до Тарковского[736], то в «Вестнике»[737] Струве[738] был вынужден дать передовую «Тарковский на Западе». Так что этим мальчиком они подавились[739]. По всему видать – когда художник смеет говорить о себе[740], им это очень не нравится.

Когда вы будете в Европе? скучаю без вас. Кланяюсь всем, особенно Аленке[741]. Как она? Газету ее изредка вижу – совсем хорошая газета.

Целую вас крепко.

Наташа.

P. S. Мише Рощину[742] большой привет.

Георгий Владимов – Василию и Майе Аксеновым

16 декабря 1984 г.

Дорогие Маечка и Вася! Поздравляю с Новым Годом и с вашим американским днем Благодарения, желаю всех российских и американских благ! А главное, дети мои, – здоровья!

Завершился мой первый редакторский год (сейчас выскочил 134-й №), и должен сказать, наиболее гвоздевым материалом оказалась «Прогулка в калашный ряд». Это именно то, что и нужно «Граням» (новым). Отзывы со всех сторон самые благоприятные, временами «переходящие в овацию», как писали при Иосифе Виссарионыче. «Так держать, медсестра!»[743]

Кстати, лежат Васины 1250 нем. марок (я выписал по высшей ставке), что с ними делать? Благодаря Ронни и вообще «рейганомике» это выйдет в долларах втрое меньше, но, м.б., переслать?

У Чалидзе[744] вышла книжка Роя[745] «Они окружали Сталина». Я ее читал в рукописи в Москве, очень любопытно. Это жизнеописания Ворошилова, Маленкова, Молотова и т. д. – с роевской дотошностью. Хотел бы ее похвалить в «Гранях», но там уже настолько привычно стало Медведева только ругать, что никто из всяких там политологов не берется. Может, найдете такого среди ваших вашингтонцев? Хорошо заплатим.

И еще – о «Бумажном пейзаже». Рекламу Наташа сделает в след. номер, но нужна рецензия. Кто возьмется? У нас пока старый круг рецензентов, а новыми мы еще не обзавелись.

Большой привет Мише Рощину. Слава Богу, что хоть его по мед. делам выпускают. Не будет ли у него путей в Германию? А также и у вас?

Обнимаю, целую, всегда ваш

Жора

Георгий Владимов – Василию Аксенову

1 марта 1986 г.

Дорогой Вася!

Получили ваше письмецо от 12 февраля, спасибо.

Парижский счет обогатим, как наберут текст и выяснится объем. К сожалению, чековая книжка не у меня, а у Жданова, так что приходится считаться с этой арифметикой.

Жданов пока сидит крепко в директорах, и ты можешь «Поиски жанра» послать на его имя. Только советую настоять в сопроводиловке, чтоб книжкой занималась известная тебе Н. Е. Кузнецова, – она, еще с одной женщиной из типографии, вычитают внимательно, с минимумом опечаток (и безвозмездно), все остальные тут – дикие халтурщики.

К.[746], как нам известно, зовут в редакторы издательства, может быть – и в главные. Он здесь выступал с грандиозным планом переустройства всей работы, обещал даже привести Солжа (как Наташа говорит – наверно, закатав его в «звезды и полосы», как Берию – в ковер). Дал понять, что он для А. И. первый советник, даже составляет для него списки рекомендуемой к чтению литературы. Объяснил, почему классик принял гражданство США, – оказывается, под угрозой высылки из страны. По-моему, обгадил и Солжа, и – еще больше – американцев. Неужто и впрямь они так давили на бедного эмигранта? А как работать будет К., – не знамо, неведомо. Емельяныч[747] говорит, что он «принципиальный сачок». Зато «Грани» он поливает усиленно – что они «розовеют» и «перестали быть журналом НТС»[748], и «долго это продолжаться не может». Может быть, в мои заместители готовится (или – его готовят), точнее – в заменители.

Твой разговор с тезкой[749], по-видимому, возымел действие: 20-го состоялась трехсторонняя встреча, оченно резкая, где я и Наташа все высказали, что наболело-накипело, руководство (повышая голос до верхнего «до») настаивало, что это «их журнал», они и решать будут, а «наши друзья» заняли позицию примирительную: очень просили меня все-таки продолжать мои «благородные усилия», результаты которых им очень нравятся, а что касается некоторых наших материальных претензий (создание редакторского фонда для авансирования малоимущих авторов, повышение зарплаты моим сотрудникам – до обещанного ранее предела, не более того) – это «ваши внутренние проблемы, в которые мы вмешиваться не можем». Закончилось, впрочем, демонстративно – «миссис и мистер Владимовы» были

приглашены отужинать, а руководство – нет, даже жалко было смотреть, как они быстренько хватались за шапки и дубленки. Ощущение – как после Бородинской битвы: поле осталось за французами, то есть франкфуртцами, но «победа нравственная», как пишет Лев Николаевич, вроде бы за нами. Что дальше будет, не знаю, пока – обоюдное молчание, с осторожным выведыванием, что же там дальше-то было, за ужином, и не собираюсь ли я все-таки уйти. Вот так и живем.

Из Москвы сведения, что братцы-кролики из ССП выступили дружно против Георгия Мокеича[750], а Феля Клизмецов[751] принародно каялся, что за 10 лет своего секретарства ничего хорошего для Союза не сделал. Скромничает, падло: а разоблачение «Метрополя» как происков Си-Ай-Эй[752] – разве не достижение? Ну, и еще одно благое деяние мог бы поставить себе в заслугу – следователю Губинскому рекомендовал меня не сажать, а выпихнуть к чертям свинячьим на Запад.

В свой черед и киношники кроют своего Ермаша[753] – как душителя и гонителя, к тому же – и лгуна по части статистики зрительского интереса к советским фильмам. Не иначе – сымать будут.

Белла и Боря всерьез приняли предложение от Гарри Солсбери[754], т. е. это им даже предложено было. Наташа с ними 30 минут говорила, настроение у них приподнятое. Может быть, вправду выпустят их, а не только Евтуха, тогда больше узнаем.

Как с домом твоим? Очень обидно, что вы в такой переплет попали. У нас деньги сейчас в «депо», как говорят финансисты, но где-то в начале апреля они оттуда покажутся, так что подавайте заявку заранее – на 20 тысяч тугриков, это мы сможем вам перевести без конвертации, т. е. без потерь.

Стесняться тут нечего.

Обнимаю и целую М., В. и У.[755]

Ваш Жора

Наталья Владимова – Василию и Майе Аксеновым

1 марта 1986 г.

Дорогие Майя и Вася!

Посылаю Вам НТСовскую частушку, собирательница Н. Денисьева (Кузнецова).

Разгулялося село,
К нам приехало Кубло,
Оно всех пере<->ло* —
То-то было весело!

Статью на «С.И.»[756] заказали Елене Тессен – она уже писала рецензию в «Обозрение». Некрича[757] – прочтите.

Целую Наташа

_____

Пере<->ло * всех: и Аксенова, и Владимова, и Ахмадулину, и даже Инну Лиснянскую и Емельяновича.

Евгений Попов – Василию и Майе Аксеновым

3 мая 1986 г.

Дорогие Вася и Майя! Шлю майский привет с другого берега нашей счастливой жизни без берегов. Вот, например, решил купить винца на Пасху, встал в очереди на Трубной площади. И представьте себе, товарищи, не прошло и 55 минут, как я уже получил 2 штуки «Алазанской долины», 2 штуки «Кагора» и дюжину «Жигулевского». А еще что-то говорят… Очередь была очень красивая, ее обслуживали 5 милиционеров с рупором, призывающим сойти с проезжей части, и 2 гаишника с жезлами, останавливающими движение в головах и хвосте очереди. И народ в очереди стоял культурный, с галстуками в шляпах, читали друг другу стихи, которые я не смею привести, потому что во мне сидит внутренний цензор. Я много езжу по территории Расеи и везде вижу различные чудеса, диво-дивное, ускорение, гласность, восстановление социальной справедливости. Вот был в г. Медыни Калужской области. 8 тыс. жителей, как в «городе Градове», с XVII века город горел 32 раза. Древний промысел Медыни – изготовление спичек. Чем еще знаменит ваш город? – спросил я. Тюрьмой, был мне ответ. Она построена в XVIII веке и внутри является архитектурным памятником, был мне ответ в отделе культуры. Сам я сочиняю произведения в стол, посыпая их нафталином, чтоб не завелась моль, к тому времени, когда окончательно восторжествует социальная справедливость и начальство, обливаясь слезой, признает, как признало Н. Гумилева, напечатанного в журнале «Октябрь»[758], откуда отправился в небытие тов. Софронов[759], или Д. Г. Лоуренса, чья повесть[760] напечатана в «Иностранной литературе», и вовсе он совсем уже и не порнограф оказался, а очень мыслящий художник, вышедший из шахтерского простого народа, почти как А. М. Горький. Ввиду новых веяний я попытался добиться издания своей мелкой книги, запрещенной в Красноярске в 1980 году, но главный редактор Госкомиздата тов. СВИННИКОВ (так!) объяснил мне, что издавать меня НЕ ТРЭБА, т. к. у меня не тот угол зрения и взгляд мой на действительность нечист. А также преподнес мне в качестве сувенира рецензию, подписанную зам. редактора отдела фельетонов газеты «Правда», где излагалось примерно то же самое. На мой трепетный вопрос, не значит ли это, что меня посылают к чертовой бабушке, тов. Свинников, не сдержавшись, сказал мне, что я могу обратиться к «заокеанской бабушке»,

дорожка мне, дескать, туда известна. Удивился молодой писатель 40-ка лет, Евг. Попов, и спросил чиновника, верить ли ему своим ушам, что такое высокопоставленное лицо советует ему печататься за границей. Струсил чиновник и сказал, чтоб я не придавал значения этим словам, что это всего лишь ШУТКА. Ай, шутники, ай, лукавцы, как писал Ф. Ф. К.[761] в незабвенной статье «Конфуз с Метрополем»![762]

Кстати о Ф. Ф. К. Он вновь на коне и даже придумал термин восстановление «эстетической справедливости», чтоб, дескать, тех, кто хорошо пишет, нужно, стало быть, печатать. Говорят, что он вовсю бьется с другими «старейшинами». На конференции и съезде ругал Чаковского, Поволяева, Семенова Ю., Айтматова. А на собрании в МОСП якобы обронил, что «я уже 10 лет в „этой канаве“». Товарищи разгневались и (говорят, говорят) хотели его снять, но он пошел «наверх» и укрепился еще пуще. «Феликс пошел ва-банк», говорит прогуливающаяся под весенним солнышком «аэропортовская» публика.

Из новостей культурной жизни. Видел несколько дней назад пьесу Мрожека «Эмигранты»[763], разыгранную двумя молодыми мхатовскими актерами в подвале бывшей котельной близ метро Бауманская. При стечении публики человек в 30. Развеселили Москву Веня Смехов, Л. Филатов и Шаповалов, выступившие на капустнике в честь 30-летия «Современника» с дерзкими куплетами про разоренную Таганку и нашествие на нее «крымовских татар»[764], за что Г. Волчек получила строгий выговор.

На том же капустнике А. Володин рассказывал о своих мытарствах с пьесой «Назначение» и от нервности публично выругался матом. В результате такого хулиганства часть начальственной публики, а также и В. Розов покинули зал[765]. Ну да ладно!

Московиты вовсю смотрят «видео». На Арбате открылся «видеосалон». Там можно взять смотреть разные интересные фильмы. «Ленин в Октябре», «Чапаев», «Анжелика – маркиза ангелов». Я заинтересовался стенными расценками. Суточная мзда такова: фильм на историко-революционную тему – 1 руб.50 коп., советская киноклассика – 2 руб.50 коп., остросюжетные современные фильмы – 3 руб.; фильмы зарубежного производства – 4 руб. Как это понять, спросил я служителя. Но он молчал, в упор глядя на меня. Как громом пораженный вышел я на преображенный Арбат, где теперь продают везде яблочный сок и сладкие шанежки.

В конце зимы – начале весны мы со Светкой полтора месяца прожили в Переделкино у Беллы, которая пребывала в доме

творчества на окраине текстильного городка Иванова, где сдружилась с местным трудовым народом все на той же датской почве и откуда она привезла стихи, продолжающие и углубляющие тему «101-го километра»[766]. Вычурным, почти церковнославянским языком описаны простые сов. вещи и люди, и я жалею, что (литштамп) вас не было с нами, когда она читала нам эти стихи на Борином чердаке с видом на посольство неизвестной страны, откуда однажды пришел к Боре охраняющий это посольство милиционер и пытался продать ему икону «середины XIX века».

Я восстановил машину «Запорожец», ударенную в начале зимы тяжелым грузовиком на углу Ленинского проспекта и улицы Строителей так, что подо мной обломилось кресло, купил бензину да езжу по улицам столицы, надев на поредевшую голову коричневую фетровую шляпу. И говорит мне гаишник. Ты зачем ехал 85 км, когда полагается 60. Ты кто такой? Я задумался. Художник я, сказал я. Эх ты, художник, е. т. м., неизвестно отчего растрогался чин и отпустил меня, не взяв даже пятерки. Как громом пораженный, чуть не прослезился я и долго буду помнить такого хорошего человека, которому я за его доброту подарил японский календарик с голой бабой. Как громом пораженный уже от моего поступка (ведь я должен был немедленно «рвать когти», раз меня отпустили), гаишник спрятал «радар», сел в свою машину и стал разглядывать бабу, тихо и светло улыбаясь, как дитя, подглядывающее в женскую баню. Вот так одна доброта рождает другую, а та – третью. Об этом мечтал Лев Толстой, и мечта его сбылась.

Передают приветы Инна с Семеном Израилевичем. Инна закончила большую поэму, Семен пишет книгу воспоминаний, и я думаю, что будет она чрезвычайно интересной – ведь он видел ВСЕХ, помнит ВСЕ и пишет обо ВСЕМ. Они живут на даче между Рузой и Ново-Иерусалимом, в Москву наезжают крайне редко, так как физически плохо себя здесь чувствуют, глотают таблетки и т. д.

У соседа моего Карабчиевского вышла (там) книга о Маяковском[767], Тростников[768] по-прежнему служит каменщиком в Даниловом монастыре, Фазиля я уже не видел около года, у Андрея Битова в Грузии вышла хорошая книга, где напечатаны 2 рассказа из «Метрополя». Весной, в Переделкино, видел несколько раз Алешу, говорил с ним. Он мне нравится, хороший он парень. Сейчас, как мне сказал позавчера Боря[769], он поступил на работу («Мосфильм»), и, дай Бог, там все будет в порядке.

Скучаю по вам. Несколько раз видел сон с однообразным

сюжетом. То Вася приезжает в Москву, то Майя. Гуляем, беседуем, за столом сидим. Ах, кабы в руку сей сон…

Такова идет жизнь. Привет вам и поцелуи от Светки. Она чуть-чуть нервничает от жизни, но, по-видимому, это удел всех, кто имеет нервные клетки и окончания.

Целую вас и обнимаю

Ваш

Евг.

Посылаю для ознакомления две штуки из моей новой книги, которую я все никак не могу закончить.

Анатолий Найман – Василию и Майе Аксеновым

7 декабря 1989 г.

Дорогая Майя,

глубокоуважаемый господин Аксенов, жаль, жаль, жаль![770]

Дорогие, все прекрасно понимаю, о безумном вашем графике информирован, а все равно жалко не увидеть лишний раз разные старые и новые черточки, там, родинки и усики на, в общем, знакомых и близких физиономиях. За неделю до вас приезжали итальянцы, которых повел, в аккурат, на «Крутой маршрут»[771] – каждый раз, как Неелова[772] кричала «дети мои», я хотел встать и объяснить залу, что частично знаю, о ком идет речь. (Все-таки это за пределами – когда чья-то жизнь показывается со сцены в натуральном виде, ну, хотя бы кипяточком обдали. Правда, плакал все три часа, а как не плакать – больно.) Вася, твое весеннее-летнее письмо получил и даже, кажется, ответил, а если нет (оно ответа не требовало), спасибо за добрые слова. А дошла ли до тебя моя книжка? В августе-сентябре провели с Галей и сыном Мишей 40 дней в Италии. Если Италия – у вас, то вы там прямо баснословно живете.

Обнимаем. Толя.

Ольга Трифонова[773] мне сказала, что вы остановитесь в «Советской»[774], звонил – «таких нет».

Анатолий Гладилин – Василию Аксенову

2 апреля 1991 г.

Вася, Вася,

как ты, наверно, догадываешься – я ужасно снялася, и в платье белом, и в платье голубом! Конечно, я тебя поздравляю с «Ожогом»[775]. Думаю, что это в какой-то степени – завершение твоей карьеры российско-советского писателя. Все-таки из всех твоих вещей для Союза «Ожог» – главный. Представляю себе, какая была бумага. На подобных клозетных серых[776] обрывках сейчас печатается в Союзе максимовский «Континент». Но, как говорится, не в бумаге счастье. И по слепому самиздату читать было хуже.

Звонила Эллендея, я ей передал твое предложение по поводу рецензии, на что она ответила: «Какую рецензию тебе еще нужно после той, что напечатали в „Нью-Йорк таймс“?». В «Нью-Йорк таймсе» действительно напечатали хорошую статейку, но в рубрике «шпионская литература» (17 февраля). Я-то убежден, что этого недостаточно, но Эллендея, мне кажется, никогда не могла развить успех книги в финансовый. Впрочем, нельзя много требовать от милой бабы, и не за это я ее люблю.

Наверно, недели через две мы все-таки с Машей полетим в Москву. Цены на билет огромные, и никакими московскими деревянными гонорарами мы не окупим расходы на дорогу. Однако другого выхода нет, моя книга[777] закончена (два с половиной года работы, это рекорд для меня) и издадут ее только в Москве (если издадут), я хочу издания, хотя бы ради «исторической справедливости». А то сейчас в эмиграции все так перестроились, что никто не помнит (или упорно не хочет помнить), как же все было на самом деле в застойные восьмидесятые.

Работая над книгой и беспрерывно крутясь около детей и внуков, я довольно сильно зарылся в подполье, и волны московских гастролеров меня слегка лишь затрагивали. Пожалуй, хорошо и душевно пообщались только с Арканом[778]. Создается впечатление, что наших доблестных соотечественников на Западе интересуют лишь те люди, через которых они могут приобщиться к каким-то благам. А что с меня взять? Даже редакция «Русской мысли», которая всегда меня побаивалась, но внешне сохраняла любезные отношения, совершенно элементарно отказалась печатать мои некрологи (в этих случаях, кажется, не спрашивают о партийной принадлежности) о Сереже Довлатове и о А. Я. Полонском.

Вчера, получив с большим опозданием Н. Р. С.[779], мы нашли твои большие «воспоминания и впечатления»[780]. Как всегда прочли с удовольствием. Ты, Васенька, смотришь на жизнь еще с любопытством и на баб тоже заглядываешься. С чем тебя и поздравляю и желаю как можно дольше продолжать в том же духе.

Обнимаем тебя и Майю.

Толя, Маша.

На анкету Василия Аксенова отвечают его друзья и коллеги

Весной 1975 года, находясь в Калифорнийском университете для чтения лекций по русской литературе, Василий Аксенов составил анкету для друзей и коллег по ремеслу. Вопросы анкеты не сохранились, но их удалось довольно точно восстановить по отдельным фрагментам, содержащимся в текстах его корреспондентов:

1. Как в процессе творчества из «ничего» возникает «нечто»?
2. Что является побудительным толчком к творчеству: мысль, эмоция, неясные настроения, музыка, запах, случайная фраза?
3. Что возникает прежде: сюжет, интонация, контур героя, идея?
4. Согласны ли Вы, что при смысловом пробуждении приходится собирать то, из чего при чувственном начале выбираешь?
5. Какова мера факта и мера вымысла в Вашей прозе и как трансформировался в ней Ваш личный жизненный опыт?
6. Каковы стимулы к писанию?
7. Какой из своих рассказов Вы считаете лучшим?

На вопросы Василия Аксенова ответили Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, Анатолий Гладилин, Валентин Катаев, Фазиль Искандер.

Белла Ахмадулина

Милый, дорогой Вася!

Ты сочинил анкету, а я прилежно сочиняю ответ, дабы из НИЧЕГО, что я знаю о теории прозы, возникло НЕЧТО, что последует за тобой как облачко заботы о твоей сохранности и удаче и объявится в немыслимой Калифорнии как мой сильный привет тебе и твоим доблестным и прелестным слушателям.

Вообще же, я думаю, что НИЧЕГО – не бывает на белом свете. Все – есть, даже то, чего как будто нет, – громоздко существует, пульсирует, извещает о себе и подлежит определению. Я не верю в бесплотные туманности, они – лишь притворство природы перед ленивыми созерцателями; те же, кто зряч: художники – выводят их на чистую воду явного присутствия. Это не соревнование между НИЧТО и НЕЧТО, а прояснение НЕЧТО во ЧТО-ТО, вопль безымянности, обращенный к творцу: назови по имени, дай в нем сбыться. Слово – пар возле губ на морозе, выдох вдохновения, но

вещь, равно же предмету, и формула строки должна быть не «слова», а «слово, слово, слово».

Все это мой вздор, разумеется, но я сейчас не уму подлежу, а нежности к тебе и к твоему путешествию. На этот раз явно не МЫСЛЬ, но ЭМОЦИЯ толкает меня к перу. Обычный же повод прибегнуть к перу и бумаге – совпадение мысли и страсти, мысль, оснащенная сильным нетерпеливым чувством, чувство, продуманное по мере воплощения.

Что касается неясного настроения, замысла и прочих невнятных предзнаменований – о да! Сплошь и рядом.

Замысел, идея, если и главенствуют, то все же бывают заведомо озвучены, сразу же подбирают себе должный мотив. Иногда, по мере счастливого письма, слова сами плодят себя, родительствуют непредвиденным новостям, не предусмотренным исходным замыслом.

Факт понукает к вымыслу, вымысел преувеличивает факт до события, имеющего художественное значение.

Но дело не в этом, а в том, что всей душой желаю тебе блага и радости, ты и сам все знаешь и несомненно станешь счастливой выгодой для своих калифорнийских слушателей[781].

Белла

Андрей Вознесенский

Уважаемый коллега, товарищ профессор Калифорнийского университета!

«Из НИЧЕГО возникает НЕЧТО?» ТАК УЖ ИЗ НИЧЕГО? Ты не мог так думать. Я думал, почему ты так написал? И догадался. Есть вещая старославянская формула, уходящая к татарам, наверно. Когда восторженно и исчерпывающе хотят провозгласить: «ничего тебе не достанется!», говорят: «х<->(хер) тебе!»

Или вопрос: «Что ты получил?» Ответ: «Х<->!» (то есть «ничего») (см. Даль, т. 14).

Значит: «Ничего = "…"»

Тут мы подошли к извечной и первородной сущности Искусства, Василий.

Когда Марина Цветаева, задыхаясь, выдохнула:

«Ох…»

«Эх…»

«Ах…»

«И ничего кроме этих ахов, охов у Музы нет![782]»

Она инстинктивно, структурально, языково чувствовала это.

Не во Фрейде дело. Он прав, но уж очень уныло – однобок. Я называю это «Скрымтымным»[783], Лорка называл непознаваемым словом «dwende». Отсюда, «шестое чувство» Гумилева, которое он сравнивает с мальчиком, следящим за девичьим купанием.

«Крепчает Дух, изнемогает Плоть,
Рождая орган для шестого чувства»[784].

Так что нас интересует не столько «непознанный летобъект» произведения, а непознанный орган чувств, рождающий его.

М.б., нос?

Все мы родились не из «рукава гоголевской шинели», а из гоголевского Носа. Ты из правой ноздри, я – из левой.

Меня часто толкают запахи. Из фразы «как кругом разит креозотом» – родились «Мотогонки по вертикальной стене». Как удержать на бумаге острый запах горного снега, лежащего на солнцепеке? «Снег пахнет молодой любовью». Я всегда хотел дать мир запахов и звуков в противовес зрительному. Попробовал это в «Обществе слепых». Как-то я жил в Ореанде, в комнатах отвратительно пахло духами «Жасмин». Чтобы как-то отбить этот запах, отделаться, я написал в «Озе» о туалете.

Ты ведь знаешь, я не пишу на бумаге. Я шагаю, и ритмично пишутся, вернее, возникают в памяти фразы. Я помню, где какая фраза возникла. Вероятно, магнитное поле – или чувственное поле мыслящих на свой лад деревьев, среди которых идешь – или иная электризация человеческой толпы влияет на стиль и ритм. Не знаю, что сначала – стиль, идея, герои? Я знаю, что сначала была аптека на углу Серпуховки (запах хлорки), за ней блочные серые дома (масса запахов), потом теплый гудрон, потом скверик с обжимающейся парочкой, бензозаправка и, наконец, прокисший пустырь.

Любая реальность фантастичнее вымысла. Например, 300 000 женщин, изнасилованных за 3 дня в Бангладеше. Мог бы ты сфантазировать такое? Ну, скажем, тысяч 30, ну, 50 – на большее фантазии не хватило б.

Фильм Тарковского «Зеркало» воспринимают как вымысел или же влияние «Амаркорда» Феллини.

Я учился с Андреем в одном классе, дружил с ним, играл в футбол, видел его нищее детство – для меня фильм этот документальное детство наше, я обревелся. Для всех он – вымысел, мистика.

Скромная цель искусства – хоть как-то подобать природе. Именно Она, природа, высоко и символично физически соединила самое чистое, высокое («любовь»), с самым «грязным»,

«низким» – т. е. с гигиеническим органом человека.

А могли бы мы, кажется, любить ухом, а очищаться, скажем, посредством пятки?

Поэты и соловьи
поэтому и священны,
как органы очищенья,
а, стало быть, и любви[785].

В «Даме треф» я пытался сблизить эти два полюса. Но «День поэзии»[786] напечатал «духовное», а «Дружба народов» – «гигиеническое». Разлучили!

Прислав мне анкету, как прозаику, ты прав. Жанры искусства: поэзия и проза, метисизируются – возникает новая слитная золотая раса, как у людей.

В пастернаковских письмах есть мысль о вечной попытке великих художников создать новую материю стиха, новую форму. Это желание никогда неудовлетворяемо. Но при этом выделяется высочайшая духовная энергия. Так было с Бетховеном, Микеланджело, Гоголем. Так было с Маяковским. Такова речь Василия Блаженного.

Выделяющаяся энергия текста – и есть содержание.

Факт, звук, зацепившиеся два слова – это топор, из которого варят суп. Вот моя торопливая окрошка из твоей анкеты.

Машинистка устала от диктовки.

Твой Андрей.

P. S. Все мои рассказы – лучшие. Все – документальные, только из личного опыта. Возьми мой рассказ «Латышская сага».

P. P. S.

Привет всем золотым калифорнийкам, покатайся за меня на гавайских волнах.

Булат Окуджава

Дорогой коллега, милостивый государь!

Только мое к Вам благоговение позволило мне решиться изложить на бумаге всякие соображения о собственном творчестве, что в других обстоятельствах я всегда считал неприличным что ли.

Раскрою Вам одну личную тайну. Я всегда был убежден, что главный механизм все наших чувств и действий – не воспитание, не патриотизм или там какие-нибудь распоряжения, а химические процессы в нашем организме (к счастью, неизученные). Мы,

словно пробирки, в которых намешаны всякие таинственные вещества. И вот эту пробирку суют в ледяную воду или ставят на огонь, и в ней что-то бродит, клокочет, меняет цвет, запах, значение, и, наверное, потому одни из нас, глядя, например, в небо – плачут, а другие – наоборот (и в этом наше счастье). Вот и во мне тоже все перемешивается, кипит, клокочет, выплескивается и даже попадает (пардон) на моих соплеменников. И одних это повергает в гнев, а других радует, а третьим на это наплевать.

Вот Вам случай: мужчина полюбил женщину. За что? За что?! Никто не знает. И он не знает. Он-то думает – за глаза, за походку, или там за благородное воспитание. С ума сошел… Что с тобой? Люблю!.. Люблю!

А ведь в нем просто одной молекулкой стало больше, и вот он обезумел, кричит: «Люблю!» А потом, глядишь, спустя время, сложилось в нем две новых молекулки, и он, ну надо же, разлюбил!

А Вы, милостивый государь, говорите «нечто из ничего», а это «НЕЧТО» – мое клокотание, а оно из химии, из молекулок всяких, а не из «ничего».

Теперь Вас интересует, с чего все начинается, что первое. Конечно, мысль! Как я могу сказать, что, мол, эмоция, когда мысль? «Что-то больно давно за перо не брался. Неудобно все-таки!». Вот такая мысль. И вот берусь. Пробирочка кипит, клокочет. Вижу кого-то странного, непонятного. Что-то он говорит, куда-то движется, всхлипывает, похохатывает… Господи, да это ж я! Конечно, мои родные и супруга моя, и детки в это не поверят, но это я, я. Надо скорее себе партнера сочинить, чтобы было с кем переговариваться, переругиваться, было бы кого предавать, возвышать… Вот и партнер забрезжил – туманный, скользкий, противный… Господи, да ведь и это я! Да что же это такое делается! И остановиться невозможно. Как прекрасно это! Пиши себе, описывай, ерничай, выводи на чистую воду, обманывай читателя!..

Чтобы избавиться от этого наваждения, взялся я однажды описывать жизнь Павла Пестеля. Почитал о нем всякие документы, испортил себе настроение: не по душе он мне пришелся. И вдруг в протоколе наткнулся на фразу: «НИКАМУ НИЧЕВО НИТАКОВАГО НИ ГАВАРИЛ…» Безвестный писарь написал, а я читаю. И тут сразу возникли, как Вы говорите, и «контуры героя», и «интонация», и «замысел» вспыхнул[787]. Побежало перо. Пробирочка клокочет. Что-то в ней перемешивается в непредугадываемых пропорциях. Страница за страницей (бумага финская). Закончил. Господи, да это ж опять я!

Ну и наконец насчет «меры факта и меры вымысла». Тут Вы меня, батюшка, прямо за рукав схватили. Люблю приврать. Обожаю. Иногда кажется – и не надо бы, а я вру, фантазирую. За это меня, между прочим, били. Учили не врать. А чему научили? Научили прикидываться научившимся. Пишу, и все как будто бы правда, а на самом деле – все ложь. Зачем это я? А так, милостивый государь, для личного удовольствия… Опять же про Пестеля. Сколько раздраженных историков ползали по моим страничкам – ужас! А поймать не смогли. А я все наврал и, пока врал, наслаждался. Ради личного наслаждения я на бумаге и убить могу.

С наилучшими пожеланиями
Вашей милости покорный слуга
Бедный Авросимов

P. S. Будете проездом, загляните в наше сельцо Ховрино[788], осчастливьте.

Анатолий Гладилин

I. «Как из „ничего“ возникает „нечто“»?

Мне кажется, что состояние писателя, задумавшего новую вещь, можно сравнить с состоянием беременной женщины. Правда, женщина может точно сказать, как и благодаря чему у нее произошло зачатие. У писателя это может быть случайное слово, наблюдение, мысль, а дальше внутри писателя происходит таинственный и не очень понятный процесс созревания плода (произведения). Причем тут должно пройти тоже определенное количество времени. Лично для меня это было особенно характерно в молодости. К примеру, я решил написать повесть «Дым в глаза» в апреле 1958 года. Но несмотря на все мои титанические усилия и силу воли, я нацарапал двенадцать страниц – и дальше ни с места (потом эти 12 страниц я выбросил). Однако зачатие произошло. И вот спустя девять месяцев (!) в январе 1959 года я почувствовал предродовое состояние. Я тогда работал в газете на хорошей должности, но я подал заявление об уходе, ибо чувствовал, что мне надо немедленно садиться писать, и меня просто выпирало все наружу. Из газеты я не ушел, потому что мне предоставили отпуск на 1 месяц, и за этот месяц я стремительно написал повесть, объемом в 5,5 л. Видимо, за этот инкубационный период замысел мой выкристаллизовался, и оставалось только все написать на бумаге.

Точно так же произошло и с рассказом «Два года до весны» (который прилагаю). Помню, в конце 1960 года я с ходу написал

несколько первых страниц, до момента прихода героя в библиотеку. Дальше дело застопорилось, я всячески занимался самоуничижением, заставлял себя работать – но ни с места. Но в конце лета 1961 г. я сел за стол и в несколько часов написал рассказ. И опять же ощущение – будто он уже родился, и оставалось только зафиксировать рассказ на бумаге.

Думаю, что в этих случаях все же толчок был скорее эмоциональный. К примеру, «Два года до весны»: «Т.Е. более отвратительного настроения, чем в эту осень, у меня не было». Я хорошо помнил свое настроение, которое потом передал своему герою, и вот этот эмоциональный мир молодого человека, попавшего в сложную и критическую ситуацию, послужил основой рассказа.

Но вот, допустим, рассказ «Поезд уходит» – это чистая работа мысли.

Следует добавить, что, работая над историческими романами – «Евангелие от Робеспьера» и «Сны Шлиссельбургской крепости», я, конечно, шел от исторического материала. Я погрузился в материал, документы, старался лучше понять эпоху, время, характеры своих героев, и так постепенно выкристаллизовался сюжет и идея романов. Правда, и тут были различия: в «Евангелии от Робеспьера» меня вела МЫСЛЬ, т. е. **исследование** революции вообще, как живого организма. Это меня интересовало больше всего. А в «Снах Шлиссельбургской крепости» исторический материал я «пропускал через человека», своего героя, Мышкина, сидящего уже десятый год в одиночной камере и измученного борьбой. Вероятно, в этой книге главным для меня была не столько мысль, сколько ИНТОНАЦИЯ.

Вообще, на мой взгляд, интонация – самое важное. Для меня основное – найти интонацию, а дальше все проще.

Итак, я, кажется, отвечая на один вопрос, попутно ответил и на большинство других.

Как я уже отмечал, неясное настроение, случайная фраза может служить толчком к работе. Музыка иногда как бы сопровождает отдельные эпизоды. Например, работая над «Робеспьером», я часто заводил для настроения Героическую (французскую) симфонию Бетховена. Но вот что касается «запахов», то с этим мне сталкиваться не приходилось. Наверно, Василий Павлович, по свойственному ему целомудрию, не включил еще один «компонент», а именно – женщин. Взаимоотношения с ними играют, на мой взгляд, первостепенную роль. Причем, чем хуже складываются твои взаимоотношения с женщиной, тем лучше для работы. А уж если «баб не видеть года четыре», то уж тогда такое вдохновение… Правда, для вещей,

которые по нашей терминологии идут от «мысли», лучше спокойное состояние духа.

И последнее. Для меня лично большое значение играет мой жизненный опыт. Даже в исторических романах я как бы перевоплощаюсь в своего героя, и, вероятно, эти герои имеют какие-то мои личные черты, возможно, не всегда заметные и мне самому. Однако мне кажется, что чем дольше писатель работает в литературе, тем меньше он использует факты личной биографии, и все больше обращается к вымыслу. Видимо, в этом и проявляется опыт литератора.

Бесспорно, что при «смысловом побуждении» приходится **собирать** то, из чего при чувственном начале **выбираешь**.

Отдаю должное «профессорским» и аналитическим способностям Василия Павловича —

Анатолий Гладилин

21/ IV – 75 г.

Валентин Катаев

Дорогой Вася,

письмо Ваше получил. Вероятно, Вы догадываетесь, что каждый вопрос потенциально содержит в себе также и ответ; поэтому я обычно не принимаю участия ни в каких анкетах. Но Вам я постараюсь ответить, хотя, должен признаться, что Ваши вопросы во много раз превышают мой скромный интеллект.

Вы считаете каждое новое произведение как бы неким телом в пространстве. Вы спрашиваете: как из ничего возникает нечто.

Я думаю, что из ничего ничего и не возникнет. А нечто может возникнуть из чего-то, что является окружающей нас средой, Вселенной, т. е. массой организованной или неорганизованной материи – ибо материя первична, а знание – в том числе и сознание художника – вторично.

Не следует забывать о той надписи в конце войны, которую сделал один армейский философ в Кенигсберге среди всеобщего разрушения на могиле Канта: «Теперь ты видишь, Кант, что мир материален».

Вы пишете о спокойной и пустой атмосфере, как о среде, откуда вдруг появляется «непознаваемый летающий объект» нового произведения. Здесь у Вас много неточностей: атмосфера материальна, а если она пуста, то, значит, она не атмосфера. В ней, конечно, может появиться неопознанный объект, это верно, но почему этот неопознанный объект непременно летающий? Может быть, просто движущийся, как движется все во Вселенной, а двигаться и летать – это вещи разные.

Что же обычно толкает к перу нашего брата? Мысль или эмоция?

Иногда мысль, иногда эмоция, а иногда грубая материальная необходимость. (Не будем закрывать на это глаза, ведь это стимул довольно стойкий!)

Неясные настроения, музыка, запах, случайная фраза? Да. Все это может быть толчком к работе и еще великое множество других вещей, т. е. по существу все окружающее нас, все отраженное нашим мозгом с помощью сигнальной системы, первой, а иногда и второй, не говоря уже о возможной третьей.

Но что же – спрашиваете Вы – возникает прежде – сюжет, интонация, контур героя, наконец, домысел? Идея?

Во-первых, я не знаю, что такое сюжет. Думаю, что и Вы не знаете. И никто не знает. Кто-то сказал, что «сюжет это человек». Допустим, стало быть, сюжет это я сам. Ведь не чистописание же это? Поэтому, я думаю, сюжет придумать нельзя. Он данность. Он от бога.

«Контур героя» это слишком неопределенно и литературно, вроде «причудливых очертаний гор». Почему не силуэт? Не эскиз? Не пунктир? Вообще, позволю себе заметить, выражение «контур героя» – выражение дурного тона, чего-то на грани пародии. И я не рекомендовал бы Вам настаивать на этом выражении, хотя бы для условного изображения неподдающегося слову понятия.

А вот, что касается замысла, идеи, то это другое дело.

Лично я обычно начинаю писать почти бездумно, бессознательно, не помышляя ни об идее, ни о замысле вещи в целом, а повинуясь одному из тех внешних и внутренних стимулов, о которых уже здесь говорилось. Но потом, иногда лишь на середине работы, вдруг возникает идея, я начинаю понимать, для чего я «взялся за перо», и эта идея уже всецело овладевает мною, подчиняя себе всю образно-эмоциональную структуру вещи.

Согласен ли я с тем, что при смысловом побуждении приходиться **собирать** то, из чего при чувственном начале **выбираешь**? Это было бы справедливо в том случае, если бы в процесс творчества не включались на паритетных началах как чувственное, так и смысловое. Чувственное никогда не противоречит смысловому, а смысловое чувственному, они гармонично дополняют друг друга. Разделить – это все равно, что отделить половой акт от любви, если, конечно, не иметь в виду проституцию.

Самый интересный из Ваших вопросов: какова мера факта и мера вымысла в Вашей прозе и как трансформировался в ней Ваш личный опыт?

Я твердо знаю, что в основе моей прозы неизменно и неустранимо стоит жизненный опыт. Но я всегда в процессе работы, незаметно для самого себя, превращаю его в выдумку, в фантазию.

Кто-то, кажется, Ф. Сологуб, сказал, что он берет грубый кусок жизни и творит из него легенду.

Блок делал то же самое: вспомните «Незнакомку» – как это было на самом деле и что из этого получилось в стихах, и т. п.

Таким образом, мой личный жизненный опыт является лишь основой, из которой я строю свою реалистическую фантастику, или, проще говоря, художественно вру.

К числу многочисленных стимулов у писателей есть почти всегда жгучее желание в той или иной степени оправдать себя и обвинить общество. Или наоборот: оправдать общество и обвинить себя.

Почитайте под этим углом мировую классику, и много станет ясным. Например, разница между Толстым и Достоевским. Вообще самый острый и коренной вопрос для настоящего писателя – не халтурщика и не ремесленника – это взаимоотношения с обществом, государством, религией, церковью.

Здесь больше всего писатель одерживает побед и творит поражений, впрочем, одинаково почетных.

А вообще проникнуть в тайну художественного творчества, в самую его суть, напрасный труд. Это еще непосильнее, чем хирургическим путем пытаться обнаружить в коре головного мозга механизм сна, механизм регулировки кровяного давления, механизм сновидений, предчувствий, наконец, механизм, возбуждающий в человеке чувство направленной страсти, любви.

Однако я заболтался.

Из своих рассказов мне на сегодня нравится отрывок из «Разбитой жизни» под названием «Черный месяц март» – о смерти матери.

Желаю Вам, дорогой Вася, всего самого лучшего и больших успехов за океаном, а о Вашем художественном таланте я не беспокоюсь: он блестящ!

Все наши Вас приветствуют.
Ваш Валентин Катаев
Москва – Переделкино
22 апреля 1975 г.

Фазиль Искандер

Время от времени я обнаруживаю в своей душе эмбрион будущего художественного произведения – рассказа, повести или романа.

Когда я его обнаруживаю в себе, он уже обладает некоторыми признаками жизни, то есть направленностью замысла и смутными очертаниями формы в виде отдельных фраз или обрывков диалога.

Таким образом, мне трудно сказать, что толкает меня к перу – мысль или эмоция. То, что я в себе обнаруживаю, уже обладает признаками и мысли и эмоции.

Самое решение сесть и писать для меня всегда волевой акт, то есть это всегда небольшое или большое насилие над моим нежеланием работать. Поэтому я могу твердо сказать, что если бы не заставлял себя начать работать, то ни одного рассказа не написал бы. В начале работы у меня почти никогда не бывает такого чувства: не могу не писать. Все, что я написал, я мог бы не написать, если бы в известной мере не заставлял себя работать. Но уже в процессе работы иногда возникает ощущение, что вещь под твоим пером оживает и уже сама тащит тебя за собой, а только успеваешь записывать и следить за мелкими формальностями языка, сюжетных рамок и тому подобное.

В таких случаях работа доставляет удовольствие тебе и, как правило, другим, которые после тебя читают написанное тобой.

Что первично: эмоция или замысел? Ответить не могу по вышеизложенной причине. Но вопрос этот сложней, чем кажется на первый взгляд. Что такое вымысел? Это расширенная эмоция. Это как бы физическая плоть замысла, как зеркала, отражающие друг друга, они уходят в бесконечность.

В процессе работы я всегда собираю то, что в конечном итоге становится художественным произведением. У некоторых писателей, по-видимому, противоположного мне типа, работа над рукописью означает сокращение ее.

У меня работа над рукописью – всегда расширение ее. Мера вымысла в разных вещах разная, она диктуется ощущением живой законченности данного произведения. Если для этого надо много вымысла, я себя не стесняю, так же как в других вещах не боюсь очеркообразности.

20.4.75

VII. Письма Павла Васильевича Аксенова к Василию Аксенову (1980–1982)

Письма Павла Васильевича Аксенова к сыну написаны в начальный период эмиграции писателя из Советского Союза. Павел Васильевич (1899–1991) имел весьма обычную для партийного работника тридцатых годов прошлого века биографию. В 1930 году этот тридцатилетний выходец из села Покровского Рязанской губернии становится председателем горисполкома Казани, в 1935-м по необоснованному обвинению смещается с должности, а в июле 1937-го его арестовывают как врага народа. В Казань он возвращается только через девятнадцать лет. Момент возвращения отца запечатлен Василием Аксеновым в рассказе «Зеница ока» (1960, 2003).

Оказавшись за границей, Василий Аксенов постепенно наладил переписку с самыми близкими и дорогими для него людьми, в число которых входил, конечно, и Павел Васильевич. Письма Василия Аксенова не сохранились, а вот ответы его отца на них из Казани предлагаются вниманию читателей. Их всего шесть, все они относятся к 1980, 1981 и 1982 годам. Павел Васильевич, со свойственной ему обстоятельностью, сообщает подробности своей жизни и жизни ближайших родственников, особенно то, что касается его внука и сына Василия Аксенова – Алексея, беспокоится за судьбу сына, сквозной темой писем является надежда на возвращение сына на родину, желание еще раз увидеться с ним и обнять его. Седьмое письмо написано в 1988 году находившейся в этот момент рядом с Павлом Васильевичем Эммой Чеботаревой, по его просьбе: сам он уже приближался к девяностолетнему рубежу и не мог писать из-за ухудшения зрения.

А долгожданная встреча с сыном состоялась, когда лишенный советского гражданства Василий Аксенов по приглашению американского посла Джека Мэтлока на время прилетел в Советский Союз. Шел 1989 год. Перестройка набирала обороты.

Павел Аксенов – Василию Аксенову

30 октября 1980 г.

Дорогие наши путешественники Майя и Вася!

Мы получили Ваши послания – открытку из Милана[789] и письмо из Анн Арбора[790].

На открытку из Милана мы послали Вам небольшое письмецо в Штаты. Но, по всей вероятности, не получите его. В спешке и растерянности я забыл оформить это письмецо надлежащим образом. Обычный конверт, рассчитанный на внутренние наши связи, я забыл оформить метками для писем, идущих в другие страны. Мне это письмецо не вернули. Не исключаю, что его просто выбросили в мусорный ящик.

Ваше второе письмо от 12 октября еще более обрадовало нас. Из письма ясно, что Вы не только живы, но ведете активную жизнь и у Вас есть творческие планы на будущее. Из этого не следует, конечно, что мы теперь полностью спокойны за Вас. Может быть, это покажется странным, слишком провинциальным, но мы не будем скрывать свою отсталость, а скажем прямо: покой для нас придет тогда, когда Вы, выполнив свои творческие планы, вернетесь домой, хотя бы на короткое время[791].

При всем этом мы желаем Вам и Вашим друзьям и коллегам творческих успехов для блага наших народов и обогащения наших культур.

Тетя Ксения[792] стала совсем старенькой, плачет, заговаривается и часто вспоминает Вас. Долго она, по-видимому, не протянет. Все другие родственники и друзья живы и здоровы.

С Алешей[793] мне пока не удалось связаться. Вероятно, потому, что его все не было дома и вполне возможно, что моя персона не представляет для него интереса. В этом я его понимаю и не осуждаю. Судя по слухам, учебные и творческие дела складываются у него неплохо.

Анна Ивановна[794] весь остаток лета и осень тяжко болела. В сентябре-октябре пришлось лежать в больнице. Ей оперировали правую грудь. Болезнь сердца и диабет очень усложнили операцию. Были всякие опасения, но отличный хирург (профессор) и его коллеги обеспечили успех операции. Этому способствовало *героическое* поведение больной. Все окончилось отлично. Неделю назад А. И. выписали из больницы. Теперь она дома отдыхает, включается в жизнь и набирается сил.

Скоро будем праздновать наш великий праздник. Поздравляем и Вас с 63-й годовщиной Великого Октября[795].

Относительно барахолочных дел. Не расходуйте на эти дела

своих сил и не тратьте нужных Вам денег. У нас есть все необходимое для жизни – одежда, обувь и т. д. и т. п. Всего, чем мы располагаем, нам хватит до конца нашей жизни. Ради бога, не канительтесь.

Плохо, что Вы гриппуете. Нельзя допускать этого. Берегите себя, будьте осторожнее во всех Ваших делах. Ведь Вы не акклиматизировались там.

Пока все. Желаем Вам успехов, здоровья, радости и счастья. Целуем Вас крепко, крепко.

Ваши дед Павел и Анна Ивановна.

P. S. Когда будет постоянный адрес, чтобы я мог хотя (неразборчиво) его?

Павел Аксенов – Василию Аксенову

31 августа 1981 г.

Дорогой Вася!

Получили оба твоих письма – июньское и августовское.

Июньское письмо напомнило о двух твоих книжках для детей[796]. Наша литературная критика дала им высокую оценку. Я с удовольствием снова посмотрел и полистал эти книжицы. Очень удивило меня перемещение англосаксов из господствующей нации в нацию РИКШЕЙ[797]. Я понимаю, что это явление носит местный характер (а может быть, не совсем местный?!), но тем не менее, оно весьма показательно. Не один раз в истории народов великие господствующие нации дряхлели, распадались и превращались во второстепенные и даже зависимые народности. Не об этом ли говорит опыт РИКШЕЙ на Гавайских островах? А может быть, в этом факте скрывается многосторонний талант англосаксов? Если так, то они, в какой-то степени, похожи на нас, россиян, способных решать космические проблемы и выполнять простейшие ручные работы?

Мне приятно сознавать, что твоя командировка[798] является деловой и творческой. Уверен, что она будет полезной не только для тебя, но и для нашей страны, а также для страны, в которой тебе приходится работать.

Посылку получили в июне. Таможенную плату внесли в сумме 67 рублей и сколько-то копеек. Все было в порядке. Все вещички весьма приятные и безусловно полезные. В них чувствуется Майин хозяйственный практицизм. Большое Вам спасибо за внимание и заботы. Однако я хочу посоветовать Вам не расходовать время и денег на подарки для нас. Не такие Вы богачи, чтобы разбрасываться на подарки. К тому же Вы ведь знаете, что у нас есть все необходимое для жизни: хорошая квартира, пенсия, необходимое барахлишко, которого хватит до конца наших дней. Не забывайте, жить-то нам ведь немного осталось. Правда, нас хорошо лечат квалифицированные врачи, но ведь на лекарствах далеко не уедешь.

Нас волнует теперь не барахлишко, а очень быстро бегущее время. Дождемся ли мы встречи с Вами, удастся ли нам встретить Вас на нашей земле, посмотреть, обнять, напоить чаем, поговорить, уложить для отдыха на мою стариковскую кроватку и на раскладушку, послушать Ваши рассказы о жизни вдалеке, рассказать Вам о нашей жизни, покритиковать друг друга, посмеяться и обсудить планы на будущее. Точнее, Ваши планы на будущее, так как нам-то уже нечего планировать, у нас все в

прошлом. Вот об этом прошлом, может быть, и следует поговорить. В нашей жизни тоже ведь было много важного и интересного, много трудностей и радостей, много умных и глупых поступков, ну и т. д. и т. п.

Вы предлагаете приехать к Вам в гости, пока Вы там. Это было бы хорошо, но абсолютно нереально. У меня не хватит сил на такую дорогу. Я имею в виду физические силы и полное отсутствие языка. Без языка даже молодые люди не могут ориентироваться, а что же спрашивать с представителя XIX века, у которого израсходованы физические и умственные ресурсы.

Пусть будет, что будет, а мы будем ждать встречи на нашей земле, в нашем доме.

Тетя Ксения пока живет, но становится все более немощной. Часто все забывает, но в минуту просветления вспоминает тебя и улыбается или плачет.

Многие твои друзья иногда встречаются со мной и заинтересованно расспрашивают о твоей жизни.

С Алешей редко удается поговорить. Он всегда или на работе или отсутствует. Умный он парень и безусловно перспективный.

У нас было очень сухое и жаркое лето. Тяжело было земле, растениям, животному миру и, особенно, нам – старикам. И все-таки мы выдержали все природные невзгоды. Заканчивается уборка урожая всех культур, коровки дают отличное молочко, все идет чинчинарем. А теперь наступила вполне приемлемая погода.

Желаем тебе и Майе доброго здоровья и успеха в Ваших трудах.

Целуем крепко, крепко.

Дед и А. И.

Павел Аксенов – Василию Аксенову

7 сентября 1981 г.

Дорогой Вася!

Получили Вашу открытку из Греции. По-всему, видно, что вы с Майей развлекались там с олимпийскими богами и богинями и прогуливались по Акрополю. Надо полагать, что такая прогулка будет отличной зарядкой для Вашей работы.

Письма и посылку получили. Об этом я сообщил тебе в прошлом месяце. Вероятно, теперь Вы уже получили это письмо.

Звонили Алеше, но нам не удалось поймать его. Вероятно, он был в отлучке. Однако нам известно, что он по-прежнему хорошо работает.

Мы помаленьку колдыбаем. А. И. вчера выходила на прогулку. Здоровье понемногу улучшается.

Тетя Ксения становится совсем слабенькой.

Мы вступили в осень. Кончилась жара, дышать стало лучше. Город готовится к зиме. Надеемся, что она будет мягкой, удачливой и вполне приемлемой для стариков. Впрочем, мы не такие эгоисты, как Вам может показаться, мы желаем хорошей и легкой зимы для всех наших больших и маленьких граждан.

Не обижайтесь на нас, стариков. Но мы не можем расстаться с мыслями и желаниями увидеть Вас дома, как только можно скорее.

Очень желаем Вам здоровья и успехов в Вашей сложной и трудной работе.

Целуем крепко, крепко.

Ваши дед и А. И.

Павел Аксенов – Василию Аксенову

27 апреля 1982 г.

Спасибо за письмецо. Теперь знаем, что Вы живы и здоровы. К сожалению, этого мы не можем сказать о себе. Головокружение, бессонница и расстройство памяти становятся постоянным явлением. Медицину нельзя обвинять в этом. Возраст и условия прошедшей жизни[799] накладывают глубокие отпечатки на наше сегодняшнее бытие. Мы все это понимаем и не жалуемся. Скоро наступит лето, и наше положение улучшится. Прогулки в лес и купанье в Лебяжьем озере улучшат и стабилизируют наше здоровье.

Что касается молодого человека[800], то Вы не очень объективны в оценке его поведения. Вам ведь известно, что его легкомысленные родители не очень заботились о его воспитании и школьном образовании. Это, безусловно, отразилось на его дальнейшем пути. В высшей школе он оказался пред лицом весьма трудной задачи, к решению которой не был подготовлен. И все-таки, к нашему удивлению, в этом молодом человеке оказалось столько энергии, желания и способности, что он преодолел все главные трудности и оказался в числе вполне способных студентов.

Несколько дней назад мы говорили с ним по телефону о его делах и остались довольны его информацией. Приблизительно через месяц он заканчивает учебный год, а летом отправится в Сибирь на практику. Она будет и завершением образования.

В прошлом году он за практику получил отличную характеристику. Будем надеяться, что он успешно или, в крайнем случае, удовлетворительно закончит свое образование.

С большим интересом и вдохновением готовится он к службе в Советской армии. Он надеется показать себя отличным солдатом и хорошим художником.

Предстоящим летом, если ничто не помешает, посетит Казань, то есть бабку и деда.

Казань стоит все на том же месте. Она продолжает расти, вширь и вверх. Углубляется во второй миллион[801]. Перспективы самые широкие и интересные. Но я не умею рисовать их.

Наши родственники живут там же, где были раньше. Они любят насиженные места. Тете Ксении идет 88-й год. Совсем старенькая, но пока передвигается на своих ножках и продолжает удивлять мир своими кухонными изделиями. Ее дочь Мотя[802] ведет тот же образ жизни, как в твои времена: углубляет свои познания в области медицины и рукоделия. Галя[803], помимо

журналистской службы, все более углубляется в домашние хозяйственные дела. Все большая часть домашних дел размещается на ее слабеньких плечиках. Очень трудно ей!

Оренбуржцы растят своего мальчика Ваню, внука покойного Андреяна[804]. Собираюсь совершить поездку к ним, но не знаю, когда удастся эта операция.

Погода у нас, как во всем мире, какая-то странная. Вот в эти дни, после холодов, у нас установилась весьма теплая и влажная погода. Теплее, чем на Украине и в других теплых краях.

Интенсивное обсуждение проблем гражданской войны в Штатах меня не удивляет. Опыт и корни жизни народов вырастают из прошлого и переплетаются с настоящим. То же происходит в Европе и у нас. Мы никогда не забудем ни нашего крепостничества, ни Наполеона, ни Гитлера, ни Октябрьской революции и Гражданской войны, ни тем более В. И. Ленина. Во всем этом мы черпаем опыт и вдохновение.

Итак, ты много пишешь, читаешь лекции и ходишь по гостям. Изучаешь ли ты серьезно страну, в которой живешь в последнее время? Это ведь тоже весьма важно. Гостевания недостаточно для познания страны и народа. А еще важно было бы заняться изучением своей родной страны. Мы очень мало знаем самих себя и свое прошлое. Очень советую заняться этим делом, чтобы вернуться домой еще более обогащенным знанием своего народа (в прошлом и настоящем). *Говорю об этом, потому что вижу твою тоску по родине.* Это, как мне кажется, хорошо. Уверен, что ты вернешься домой еще более обогащенным знаниями, очень нужными для больших дел, которыми озабочен и занят наш народ. Думаю, что это принесет пользу и тому народу, среди которого ты теперь живешь.

Что касается Ушика[805], я думаю, что и это хорошо. Собака – друг человека, она помогает ему быть более гуманным и человечным.

Вася, твои скрытые упреки[806] в наш адрес несправедливы. Мне ведь труднее писать, чем тебе. Но каждый твой зов омолаживает нас и прибавляет сил для сотворения письма.

Целуем тебя и Майю.

Дед и Анна Ивановна Аксеновы.

Павел Аксенов – Василию Аксенову

5 июня 1982 г.

Дорогие наши старички, Майя и Вася, примите наши поздравления по случаю наступившего лета. Очень мы соскучились по Вас. Все реже и короче становятся Ваши письма. По-видимому, расстояния и время стирают такие понятия, как тоска и сердечные переживания. И все-таки мы не можем забыть такого события, как рождение Василия Аксенова. 20 августа этому мальчику исполнится целых 50 лет![807] Я очень хорошо помню это событие. Очень много в то время было канители, радости, страха и гордости! Потом мы потеряли этого маленького хулигана и крикуна, но через много лет он пришел к нам, а теперь снова удалился. Мы живем надеждами на новые встречи, но эти надежды с каждым днем угасают.

Вы оба теперь 50-летки. Это, пожалуй, самая интересная стадия в жизни людей. И мы поздравляем тебя и твою супругу с этим самым важным днем твоего рождения! Мы уверены, что следующую круглую дату Вы будете справлять дома, на родине, но нам, вероятно, не удастся принять участия в этом грядущем празднике. А жаль, что так получится.

Вася, чем дальше уходит время твоих путешествий по свету, тем больше растет уверенность, что ты вернешься домой, на родину и эта наша славная родина будет рада твоему возрождению. Если бы ты знал, как хотелось бы нам дождаться этого дня и часа!

Но хватит об этом. Напишите, хоть немного, как Вы живете, в каком состоянии Ваше здоровье. Удается ли Вам заниматься литературой или Вы превратились в профессиональных преподавателей?

О нашей жизни. Анна Ивановна, бедняжечка, все еще болеет, но понемногу трудится в домашнем хозяйстве. О себе мне нечего сказать. Иногда мне кажется, что наступило время перепрыгнуть в мир иной, но проходит немного этого самого времени и я возрождаюсь и живу, как все люди. Очень мне мешает склероз сосудов головного мозга, затухающее зрение и слух. И ничего с этим нельзя сделать. Но все-таки я живу: топаю ногами, общаюсь с другими людьми, пользуюсь трамваем и троллейбусом, понемногу читаю, наблюдаю за жизнью планеты, смотрю наш старенький телевизор (чуть-чуть), скоро буду с А. И., а иногда и в одиночку, ходить в лес и купаться в чудесном Лебяжьем озере.

Иногда планирую большие путешествия, НО… Прошло все-таки наше время, приходится ограничивать себя самыми малыми

дозами настоящей реальной жизни.

Моя сестра, а твоя тетя, тетя Ксения еле-еле передвигается по территории дома, в котором когда-то ты жил, озорной мальчишка по имени Вася. Ей идет 88-й год. Трудно ей, но она не сдает своих позиций. Готовит пищу для внучки и всех остальных членов семьи. Частенько вспоминает того давнишнего озорного мальчишку и делает какие-то расчеты о встрече с ним.

Погода у нас стоит хорошая, и мы ждем хорошего урожая в текущем году.

Совсем недавно разговаривал с Алешей. Он был в хорошем настроении. Дела у него идут хорошо. В этом месяце он заканчивает учебный год.

Вот, кажется, и все. Желаем Вам обоим хорошего летнего отдыха и путешествий по планете. Берегите свое здоровье, оно Вам еще пригодится.

Целуем Вас самым наикрепчайшим образом.

А. И. и дед.

P. S. Получили ли Вы наше письмо в ответ на Ваше, полученное нами незадолго до майских праздников?

Павел Аксенов – Василию Аксенову

17 ноября 1982 г.

Дорогой Вася!

Твое большое письмо получил 12 ноября. Получили и открытки, посланные во время ваших каникул. Открытки мы читали вместе с Анной Ивановной, а вот большое письмо приходится читать и перечитывать одному. Нету больше моей Анны Ивановны, она скончалась 8 октября. Теперь я живу один. Она много болела, но жила, и мне хорошо было с ней. Мы оба старики, но мы любили друг друга, и нам было хорошо. А теперь ее нет, и я, в сущности, никому не нужен, и, как мне кажется, мне тоже никто не нужен. У наших детей и внуков много своих личных проблем, и им некогда возиться с такими, как я.

Анна Ивановна прожила на этом свете 80 лет и 2 месяца. Я старше ее на три года и приблизительно 9 месяцев. Следовало мне уйти первому, но ушла она. Что же мне теперь делать? Этот вопрос я задаю себе днем и ночью. Но никто не дает мне ответа на проклятый вопрос. Вот такие дела…

Единственно, что хорошо было в этой трагической акции, это то, что «курносая злодейка» не долго мучила мою любимую и дорогую подругу. Она скончалась, по сути дела, у меня на руках. Не успели мы с соседкой (доктором) уложить ее в постель, как ее не стало. Медицинский диагноз: «Острое нарушение мозгового кровообращения».

За три дня до этого, в торжественной обстановке ей преподнесли почетную награду за ее общественную деятельность[808]. Она сказала в знак благодарности несколько горячих и искренних слов ученикам школы, в которой ее очень хорошо знали и уважали. Этим и закончилась общественная деятельность.

А теперь о твоем письме. Очень приятно и радостно сознавать, что у тебя всегда есть работа и притом не случайная, а фактически постоянная и соответствующая твоим знаниям и профессии. Приятно, что у тебя появляются и товарищи, приятно и то, что Майя теперь не одна, что может общаться с подружками и т. д.

Да, все это приятно и мне, но над этой приятностью вырастают целые вороха неприятных ощущений. В чем суть этих неприятных ощущений?

Суть в том, что с каждым годом, месяцем и неделей ты все глубже врастаешь в жизнь страны твоего пребывания и удаляешься от родных пенатов. Нет надобности углубляться в

анализ этих ощущений, но учитывать это обстоятельство приходится. Я думаю, и тебе не следует забывать об этом. Ведь ты же не навечно пребываешь там. Времена меняются, и ты безусловно вернешься к своим корневищам. Не будем говорить о стариках. Твоя мать[809] ушла из жизни, твой отец недолго еще будет коптить небо. Сил у меня осталось совсем немного. Но ведь сын твой здесь, на Родине, в Москве, и у этого сына непременно будут дети, твои внуки и т. д. Не отворачивайся от этих корней.

Что касается Алеши, могу сказать следующее. Алеша не получил хорошего родительского воспитания. Не буду анализировать причин такого важного явления, но корни, из которых вырос этот великан, безусловно хорошие. Он и умен, и, как мне кажется, талантлив, и у него мягкое сердце, он может любить свою жену. Своих родителей, дедушек, бабушек и просто людей. А за всем этим стоит родина. Он готовится к военной службе.

Недавно он вернулся из Сибири, куда ездил вроде как в творческую командировку. Вчера он сообщил мне (по телефону), что у него теперь есть все необходимое для подготовки и защиты вузовского диплома.

Рука, раненная при определенных обстоятельствах, приведена в порядок, он пользуется ею в полную силу.

Отношения с мамой и бабушкой урегулированы. Об этом он доложил мне, об этом сообщили мне его мама и бабушка. Живет он теперь на временно заарендованной квартире вместе со своей женой Ниной Александровной Аксеновой. Они любят друг друга. Между ними большие физические различия. Он великан, а она невысокого роста и тоненькая. Но у нее неплохо поставлены волевые центры. Она не великая красавица, но вполне стройная и симпатичная женщина. Они любят друг друга.

Моя поездка в Москву в известной мере была полезной в деле урегулирования отношений молодых людей со старшим поколением.

Вот адрес Аксеновых Алексея Васильевича и Нины Александровны: Москва, Дмитровское шоссе, д. 44, корпус 2, кв. 46. Телефон 488-60-74. Хозяева квартиры пока не знают почтового индекса.

Всем родным передал Ваши приветствия и добрые пожелания. Желаем Вам с Майей доброго здоровья и счастливой жизни.

Старый дед.

Эмма Чеботарева – Василию Аксенову

18 июля 1988 г.

Уважаемый Василий Павлович!

Ваши открытки Павлом Васильевичем получены. К сожалению, ему трудно писать, поэтому он попросил это сделать меня. Павел Васильевич здоров, достаточно бодр для своего возраста, но плохо со зрением и слухом. Он очень ждет от Вас обещанное письмо. Он живет в ожидании весточки от Вас и надеждой на встречу с Вами[810]. О Павле Васильевиче не беспокойтесь, рядом с ним любящие его люди.

С уважением,

Эмма Чеботарева.

VIII. Из официальной переписки [811]

Широко распространенное представление о том, что Василий Аксенов всегда был писателем вполне успешным, что его много и охотно издавали в Советском Союзе с начала шестидесятых («Коллеги», «Звездный билет») вплоть до его вынужденной эмиграции в 1980 году, глубоко ошибочно. Однако именно такой представлялась его литературная судьба не только в отечественных писательских кругах, но и в среде эмигрантской. Подтверждением чему служит фрагмент из воспоминаний Анатолия Гладилина, старинного друга Василия Аксенова. Гладилин привел любопытную выдержку из письма Сергея Довлатова, с которым состоял в переписке. Довлатов объяснял в нем, почему так называемых шестидесятников, оказавшихся в эмиграции, бывшие соотечественники встречали порой не очень дружелюбно[812].

Интересную статистику приводит книговед Владимир Солоненко. По его подсчетам, у Аксенова всего с 1961 по 1980 год вышло 28 книг общим тиражом 1 миллион 378 тысяч 650 экз. В те же годы (правда, последней точкой отсчета тут является 1986 год) у Виктора Астафьева вышло 162 издания общим тиражом 26 млн экз, у Василия Шукшина – 100 изданий общим тиражом 15 млн экз., у Валентина Распутина – 88 изданий общим тиражом 8,6 млн экз., у Анатолия Рыбакова – 174 издания общим тиражом 11,4 млн экз. Со столь же внушительным перевесом опережали Василия Аксенова Владимир Тендряков, Федор Абрамов, Юрий Нагибин, Василь Быков, Борис Васильев, Юрий Бондарев, Даниил Гранин[813].

Не будем здесь останавливаться на том, что даже в пору официального признания каждое произведение Аксенова пробивалось к читателю с боем, буквально продиралось сквозь редакторские, цензорские, а порой и цековские препоны. Не будем потому, что предлагаемая переписка относится уже к другому периоду аксеновской биографии, к самому концу шестидесятых годов и к годам семидесятым, когда Аксенов фактически был вытеснен из текущего литературного процесса на его периферию, книги его издавались мало и по преимуществу не те, которые он считал своими главными достижениями[814].

Так случилось потому, что к причинам, затруднявшим издание его книг даже в самые благоприятные для него годы (чужеродность принципам социалистического реализма), теперь

прибавились причины чисто политические. Он подписывал письма в защиту репрессируемых писателей, процессы над которыми развернулись в середине шестидесятых, поддержал Александра Солженицына во время IV Съезда советских писателей (май 1967 г.) отдельным письмом к Съезду (см. ниже), вступил в открытое противостояние с заместителем заведующего отделом культуры ЦК КПСС А. А. Беляевым (1975, см. ниже), наконец, в 1979 году возглавил редакцию неподцензурного альманаха «Метрополь», выход которого привел к полному разрыву Аксенова с Союзом писателей.

В результате в последнее десятилетие перед отъездом в эмиграцию Аксенова издают все реже и реже. Отказы приходят не только из столичных издательств и журналов, но также из областных и республиканских. Журнал «Север» (1969) возвращает рукопись «Стальной птицы», «Москва» – «Золотую нашу железку». Причем главный редактор журнала Михаил Алексеев (1975) пишет Аксенову, словно перед ним рукопись дебютанта: «Нет необходимости писать Вам о том, что человек Вы несомненно одаренный». Это он пишет автору «Звездного билета», «Коллег», «Апельсинов из Марокко», «Затоваренной бочкотары» и других известных всей стране произведений и кинофильмов. «Железку» отвергает «Новый мир» (1973) и «Юность» (1974) с унизительной для Аксенова правкой Бориса Полевого (1974). «Молодая гвардия» (1976) возвращает «Круглые сутки нон-стоп» в такой оскорбительной форме, что Аксенов вынужден ответить: «К сожалению, вынужден Вам указать на некоторое отсутствие этики в Вашем письме от 26 марта за №Д-2. Вы не можете мне писать таким образом, и в оценке своей работы с Вашей стороны я не нуждаюсь – ведь я уже не комсомолец». Издательство «Современник» отказывается переиздавать «Коллег» (1976), «Советский писатель» (1972) – сборник прозы с новыми рассказами и повестями.

При этом среди произведений, увидевших свет, преобладают вещи, как уже отмечено, далеко не самые значительные для творчества Василия Аксенова: заказанная издательством «Политиздат» повесть о Леониде Красине «Любовь к электричеству» (1971), пародийный детектив «Джин Грин неприкасаемый», написанный в соавторстве с Овидием Горчаковым и Григорием Поженяном (1972), детские повести «Мой дедушка – памятник» (1972) и «Сундучок, в котором что-то стучит» (1976), ну еще отдельные публикации в периодике, в том числе юмористические рассказы на 16-й странице «Литературки». В «Литературке» же печатались отрывки из «Золотой нашей железки» (но сама повесть так и не вышла) и отрывки из повести

«Поиски жанра». Более значительными были две публикации в «Новом мире»: «Круглые сутки нон-стоп» (1976) и «Поиски жанра» (1978), но эти вещи явились к читателю в результате ожесточенной борьбы за них Аксенова не только с литературным начальством, но и с «компетентными органами», которые уже усиленно контролировали жизнь Аксенова, хотя и дозволяли ему иногда выезды за границу. Тут уже дело было в написанном в 1975 году «Ожоге», текст которого был известен КГБ и выхода которого на Западе власти боялись и поэтому порой шли на уступки строптивому автору. В том числе и в разрешении этих двух новомирских публикаций. Но это уже другая тема…

Публикуемая переписка полна отчаяния и справедливого гнева. Так, одно из писем Аксенова (см. ниже) напоминает известное письмо Михаила Булгакова к Сталину. В нем Аксенов пишет: «Вот уже скоро год я перевожу по подстрочникам с киргизского, казахского, грузинского языков. Переписываю чужие, забракованные и полузабракованные сценарии <…> Я обращаюсь к Правлению[815] с простым вопросом. Смогу ли я в дальнейшем жить своим писательским трудом, то есть сочинять, или мне уготована судьба переводчика, доработчика, правщика, текстовика и т. п.?»

В письме к Борису Полевому (1974, см. ниже), главному редактору журнала «Юность», журнала, некогда открывшего Василия Аксенова и ставшего для него родным домом, Аксенов не скрывает возмущения предпринятой правкой его рукописи: «Кто из писателей и в какой стране принял бы редактуру, учиненную Вами над „Железкой“[816], как Вы думаете? Неужели Вы хоть на минуту допускали, что я приму эту редактуру?»

Из публикуемых писем видно, что Василий Аксенов не был таким уж баловнем судьбы, каким его порой пытались представить некоторые собратья по перу в России и в эмиграции, и, кроме того, эти письма являют пример бескомпромиссной борьбы писателя за свои творческие права.

Президиуму IV Съезда советских писателей от делегата съезда Аксенова В.П. Москва

Сообщаю Президиуму, что мной получено письмо писателя Солженицына А. И., направленное им в адрес Съезда и, должно быть, уже известное Президиуму.

Я хочу заявить, что солидарен с Солженицыным по вопросу о цензуре. Невероятное долголетнее непрекращающееся давление цензуры опустошает душу писателя, весьма серьезно ограничивает его творческие возможности. Самым отвратительным детищем цензуры является так называемый «внутренний цензор», который стоит за спиной писателя во время работы, дышит ему в затылок, предостерегает, ехидничает, хватает за руку.

Впрочем, и сама реально существующая цензура скрыта от глаз писателя неким мистическим туманом – Главлит. Я не знаю ни одного писателя, который видел бы в глаза своего цензора.

Давление цензуры создает в наших редакциях атмосферу нервозности и уныния. Редактор, предвидя объяснения с Главлитом, из друга и помощника писателя превращается в его первого цензора. Теряется уважение к писательскому труду. «Порезать» текст романа, рассказа и даже стихотворения считается делом естественным и легким.

Мне кажется, что следует в значительной степени ограничить влияние цензуры на наш литературный процесс, воспретить ей вторгаться в художественную ткань произведений.

Кроме того, я хочу сообщить Президиуму Съезда следующее. То, что Солженицын сообщил об обстоятельствах своей жизни и работы в последние годы, поразило меня. Я, как должно быть и многие другие наши коллеги, испытываю глубокую тревогу за судьбу одного из самых талантливых советских писателей.

С уважением, Василий Аксенов,

делегат Съезда

Правлению Московской Писательской Организации

копии:
правлению союза писателей ссср
ревизионной комиссии сп ссср
отделу культуры цк кпсс
От Аксенова Василия П.,
члена сп ссср, члена ревизионной комиссии сп ссср

Весной прошлого года секретариат Московской писательской организации наложил на меня взыскание, а именно «выговор с занесением в личное дело», за подпись под письмом к Правительству по поводу процесса Гинзбурга – Галанскова.

Спустя короткое время в различных редакциях распространились слухи о неких сакраментальных «черных списках», в которые попали все наказанные, и я в том числе.

Слухи эти неоднократно опровергались руководящими деятелями писательских организаций.

У меня нет основания не верить этим деятелям. Убежден, что никаких «черных списков» не существовало и не существует. Хочу лишь рассказать о некоторых своих злоключениях в истекшем году.

Мой сборник, который должен был выйти в мае 1968 года в издательстве «Сов. писатель», не вышел до сих пор. Он попал в какую-то странную типографию. Типография эта, оказывается, печатает этикетки для кефирных бутылок, и ей недосуг добраться до моей книги.

По ходатайству секретариата МО и по моей заявке издательство «Худ. литература» собралось заключить со мной договор на сборник из трех повестей. Не понимаю, по каким причинам я был исключен из плана.

По поводу таких пустяков, как «зарезанные» мелкие рассказы в разных изданиях, мне даже не хочется беспокоить адресата.

Я оказался в довольно трудном положении. Пьесы мои (их у меня четыре) нигде не ставятся и не печатаются, книги (вышеупомянутые и неупомянутые) не выходят, заявки на оригинальные сценарии не принимаются.

Я писатель и живу своим трудом. В прежние годы тоже было нелегко жить этим трудом, в прошлом году стало просто невозможно.

Оказавшись в таком положении, я взялся за несвойственную

мне работу. Вот уже скоро год я перевожу по подстрочникам с киргизского, казахского, грузинского языков, переписываю **чужие** забракованные и полузабракованные сценарии.

Правление писательской организации, как я понимаю, не только карательный орган, но и орган, призванный защищать права членов организации.

Я обращаюсь к Правлению с простым вопросом. Смогу ли я в дальнейшем жить своим писательским трудом, т. е. **сочинять**, или мне уготована судьба переводчика, доработчика, правщика, текстовика и т. п.?

Хотелось бы получить ответ.

В. Аксенов

В практическом смысле это означает:

1. Может ли Правление поинтересоваться судьбой моей книги в «Сов. писателе»?

2. Может ли Правление вновь обратиться в «Худ. литературу» по поводу заключения со мной договора на сборник повестей?

Аксенов Василий Павлович

Первому Секретарю Союза писателей СССР Г. М. Маркову

Уважаемый Георгий Мокеевич!

В течение уже восьми лет я не могу выпустить ни одной книги своей прозы, за исключением двух детских книжечек в «Детской литературе» и заказной работы в «Политической литературе». Все мои заявки либо отвергаются различными издательствами, либо остаются без ответа. Вот некоторые факты.

1.15 мая 1972 года я подал заявку в издательство «Советская Россия» на сборник прозы под названием ГОЛУБЫЕ МОРСКИЕ ПУШКИ. До сих пор я не получил никакого ответа на эту заявку.

2. Еще за полгода до этого в декабре 1971 года мной была подана заявка в издательство «Советский писатель» на сборник новых вещей объемом 25 листов. После полугода посулов и проволочек заявка была отвергнута.

3. В январе 1973 года издательство «Современник» заключило со мной договор на книгу, основой которой должна была стать новая повесть о городке ученых в Сибири. В назначенный срок мной была представлена рукопись книги МИЛЬОН РАЗЛУК, в которую вошли заявленная повесть и цикл рассказов, печатавшихся ранее в периодике. Рукопись была отвергнута издательством, так как она, по утверждению рецензентов, находилась вне основного потока современной прозы, определяемой творчеством таких писателей, как Носов, Лихоносов, Абрамов и т. д.

4. В конце 1975 года я подал заявку на сборник прозы в издательство «Художественная литература». До сих пор я не получил оттуда никакого ответа.

5. Примерно в это же время я предложил издательству «Молодая гвардия» книгу американских очерков КРУГЛЫЕ СУТКИ НОН-СТОП. В марте 1976 года в разгар клеветнических слухов о моем выезде из страны я получил из этого издательства отказ со ссылкой на малохудожественность представленной рукописи. Очерки позднее были опубликованы в «Новом мире» и получили высокую оценку общественности и критики.

6. В августе 1976 года я подал заявку в «Советский писатель» на сборник прозы, основой которого стала бы приложенная к заявке новая повесть ПОИСКИ ЖАНРА. До сих пор мной не получено никакого ответа из издательства.

7. Тогда же в августе 1976 г. издательство «Советская Россия» предложило мне составить для них сборник моих рассказов.

Сборник объемом 25 листов был немедленно мной составлен и сдан в издательство. Мне известно, что он получил положительную оценку рецензентов и был поддержан на заседании Редакционного совета рядом писателей. Со дня на день я ждал заключения договора, которое задерживалось, как мне объясняли, лишь из-за болезни главного редактора В. В. Шкаева. Наконец он поправился, и тогда его заместитель И. Н. Фомина сообщила мне, что о договоре в обозримом будущем и речи быть не может. Объяснений по сути дела дано не было.

Было бы полнейшей неправдой сказать, что эти бессмысленные отношения с издательствами не утомили меня. Я основательно устал и глубоко разочарован. Читатели спрашивают меня, почему я молчу? Создалась обстановка фиктивного творческого кризиса.

Между тем ВААП довольно активно продает мои неопубликованные рукописи за границу, предварительно, разумеется, проводя их через цензуру.

Так недавно были заключены договоры с французскими издательствами на издание моих неопубликованных повестей ЗОЛОТАЯ НАША ЖЕЛЕЗКА (отвергнута «Современником») и ПОИСКИ ЖАНРА. Готовятся договора с издателями в США, Японии, Дании. Таким образом, очевидно, что в цензурном отношении мои повести безупречны. Почему же я не могу издать у себя дома не только эти вещи, но даже и коллекцию рассказов, публиковавшихся в периодике? Не могу найти ответа на этот вопрос.

Уважаемый Георгий Мокеевич. Я прошу секретариат поддержать меня в издательствах «Советская Россия» и «Советский писатель» и быть может с расчетом на будущее (надеюсь, однако, что не очень отдаленное) в издательстве «Художественная литература». Мне не нужны большие тиражи, я просто не хочу далее пребывать в дурацком качестве – писатель без книг.

С лучшими пожеланиями,

Василий Павлович Аксенов

4 апреля 1977 г.

Первому Секретарю Союза писателей СССР тов. Маркову Г. М

Уважаемый Георгий Мокеевич!

В начале декабря прошлого года во время моего пребывания за границей из журналов НОВЫЙ МИР и ДАУГАВА одновременно были сняты мои повести ПОИСКИ ЖАНРА и ЗОЛОТАЯ НАША ЖЕЛЕЗКА. Я был глубоко потрясен этой акцией и решительно протестовал. Повесть в НОВОМ МИРЕ была восстановлена и вышла из печати и как мне кажется привлекла довольно значительный интерес читателей. Я полагал, что справедливость будет восстановлена и в ДАУГАВЕ.

Однако на днях я узнал, что престраннейшее решение по поводу ЗОЛОТОЙ НАШЕЙ ЖЕЛЕЗКИ вновь подтверждено. Кроме того, я узнал, что сборник моей прозы (первая книга после девяти лет унизительных отказов) тоже находится под угрозой.

Почти уже двадцатилетняя литературная деятельность лишила меня какой бы то ни было наивности, и поэтому не обессудьте, Георгий Мокеевич, если я сейчас изложу Вам впрямую то, что я думаю по этому поводу.

Я убежден, что все эти «акции» осуществляются по инициативе Альберта Андреевича Беляева, который по неизвестным мне причинам испытывает ко мне и моей прозе многолетнюю глубокую неприязнь. Однажды я уже говорил Вам, что не намерен мириться с самодурством этого человека, какой бы пост он ни занимал. Сейчас я вновь подтверждаю, что не намерен с этим мириться. Обращаясь сейчас с этим письмом к Вам, я естественно надеюсь на помощь. Хотел бы поставить Вас в известность, что письмо примерно аналогичного содержания будет мной на днях послано секретарю ЦК КПСС тов. Зимянину.

С лучшими пожеланиями,

Аксенов Василий Павлович

15 февраля 1978 г.

В Секретариат Союза писателей СССР в Отдел культуры ЦК КПСС

Уважаемые товарищи!

Союз писателей не дал мне разрешения на поездку в США по приглашению Университета Калифорнии для чтения лекций по теме: «Изобразительные средства современной советской прозы». Самым решительным образом я протестую против срыва этого культурного контакта, против унижения меня как личности и возмущаюсь тем, что мне выражено недоверие как писателю и гражданину.

Вину за срыв этой поездки и за все последующее я возлагаю на замзаведующего отделом культуры ЦК КПСС Альберта Андреевича Беляева. Мне представляется, что этот человек рассматривает Союз писателей как свою вотчину, а писателей как своих крепостных. Более того, мне представляется, что наша литература сегодняшнего дня развивается под влиянием вкуса А. А. Беляева, а вкус его мне представляется серым.

Для того, чтобы отвести превратные толкования вышесказанного, я должен высказать здесь несколько априорных соображений. Я не против партийного руководства. Вместе со всеми своими коллегами я считаю, что идейное, направляющее влияние партии благотворно для литературы. Мне приходилось встречаться и беседовать о литературе с крупными деятелями нашей партии и находить в их лице тонких и вдумчивых собеседников, понимающих диалектическую сложность нашего времени и литературы в нем. Деятельность А. А. Беляева строится по стародавнему принципу «тащить и не пущать». В его лице я вижу человека некомпетентного.

К этому выводу я пришел на основании опыта нескольких (на протяжении ряда лет) встреч с этим человеком. Каждая из этих встреч приносила мне неприятности, досаду и унизительное ощущение своей кабальной зависимости. Вот несколько примеров. Мою последнюю книгу, которой я горжусь и которая высоко оценена многими моими товарищами, людьми, гораздо более сведущими в литературе, чем Беляев, он считает «шагом назад» и таким образом закрывает ей доступ и в журналы, и в издательства, потому что его боятся в журналах и издательствах. Особенно ревностно Беляев следит за моими попытками пересечь государственную границу. Всюду ему чудятся враги, и всегда он как бы подозревает меня в стачке с этими врагами. Несколько лет назад я собрался написать книгу об океанографах, а для этого

надо было пойти с ними в океанский рейс. Беляев сказал мне, что коралловые острова Тихого океана охвачены в этот момент идеологической войной небывалой силы и, конечно же, меня-то наши враги используют как свое оружие.

В другой раз польское издательство пригласило меня посетить Варшаву в связи с выходом моей книги. Беляев расценил это как вылазку определенных польских кругов, недоброжелателей нашей литературы, и запретил эту поездку.

Приглашение из Швеции. Зная, что все замыкается на Беляеве, я уже не обращаюсь в иностранную комиссию СП, а звоню прямо к нему. Даже не дослушав меня, он весело и жизнерадостно провозглашает: «Никаких перспектив!»

Все это похоже на анекдоты, а временами и попросту оборачивается анекдотом. Шведский издатель, выпустивший «Затоваренную бочкотару», приглашает меня посетить Стокгольм. Мне заявляют, что я не смогу поехать, потому что этот издатель – реакционный. Через несколько дней я вижу в «Литературной газете» снимок – мой издатель в обнимку с одним нашим высокопоставленным писателем в качестве «преданного друга советской литературы». Невеселые, отвратительные анекдоты!

Аргументы, которые выдвинул А. А. Беляев против моей поездки в Калифорнийский университет, – смехотворны. Вот два из них, главных, абсурдно связанных друг с другом:

а) если мы вас пошлем, то они пришлют нам кого-нибудь в обмен;

б) если мы вас пошлем, то с нашей стороны это будет «акт доброй воли». А какой тогда с их стороны будет «акт доброй воли»?

Как прикажете понимать? С одной стороны, если приглашение меня американцами не считается актом доброй воли, то, стало быть, я персона какая-то опасная, нежелательная для нас. С другой стороны, если американцы в обмен навяжут нам визит какой-нибудь своей персоны, то, стало быть, я – персона опасная и нежелательная **для них**.

Быть может, я субъективен и это лишь со мной А. А. Беляев обращается таким образом, а с остальными писателями он лоялен, широк, умен? Если даже дело обстоит таким образом, то, мне кажется, на таком ответственном посту человек обязан сдерживать свои личные антипатии.

Так или иначе, я заявляю здесь, что не считаю более Альберта Андреевича Беляева своим руководителем, освобождаю себя от всякой перед ним вассальной зависимости и полагаю, что люди с таким узким интеллектуальным кругозором не вправе руководить литературой.

Еще раз категорически протестую против срыва моей поездки в Калифорнию, которая могла бы внести свою, пусть скромную, лепту в разрядку напряженности и установить традицию приглашения советских писателей в американские университеты для занятий по профессиональным вопросам.

Аксенов Василий Павлович,
писатель
1975 (?) г.

Главному редактору журнала «Юность» Б. Н. Полевому

Многоуважаемый Борис Николаевич!

Вы много ездите по миру и встречаетесь с писателями в разных странах. Кто из писателей и в какой стране принял бы редактуру, учиненную Вами над «Железкой», как Вы думаете?

Неужели Вы, хоть на секунду, допускаете, что я приму эту редактуру? Ведь Вы здравомыслящий и многоопытный человек. Тогда для чего же Вы в поте лица трудились зелеными чернилами? Чтобы «зарубить» повесть? Для этого Вам достаточно написать «нет» и поставить свою сигнатуру. Чтобы душу отвести в унизительных для меня комментариях на полях? Сомневаюсь, ведь Вы человек незлой, и за многие годы у нас сложились в среднем нормальные отношения.

Значит, Вы уж простите меня, эта редактура, похожая на погром в посудной лавке, просто бессмысленное дело.

Быть может, был бы единственный смысл – оставить сей размалеванный манускрипт в назидание потомству как музейный экспонат: «вот так, мол, в старину редактировали лирику».

За годы нашего знакомства я успел заметить, что Вы обладаете довольно тонким вкусом к живописи. Увы, этого вкуса не хватает на лирику. Вы не хотите заставить себя понимать лирику чужой души, стиль и строй этой лирики.

Итак, я выражаю недоумение, зачем все это понадобилось после тройной и окончательной уже редактуры (С. Д. Разумовская, редколлегия, отдел).

Итак, я категорически отвергаю Вашу редактуру.

Итак, я чувствую себя оскорбленным: и почему, с какого зла…

С лучшими пожеланиями,

В. Аксенов

31. III.74

IX. Кто является истинными героями современной России?

Два публикуемых ниже текста вполне могут быть отнесены к жанру воспоминаний, столь редкому в творчестве Василия Аксенова. Они затерялись среди его бумаг и, к сожалению, не вошли в недавно изданную книгу «Одно сплошное Карузо» (2014), составленную автором этих строк из материалов американского архива писателя. По духу и стилю они вполне могли войти в указанную книгу, но так уж получилось.

Первый текст «Два типа смелости»[817], посвященный ученым, науке, как таковой, и Андрею Дмитриевичу Сахарову, в частности, возвращает нас в мрачные годы советского застоя: уже арестован известный физик Юрий Орлов, в «местах не столь отдаленных» пребывает другой известный физик Андрей Твердохлебов, через год самого Сахарова ожидает ссылка в город Горький.

В этих условиях Аксенов задается, казалось бы, наивным вопросом, чья смелость заслуживает большего признания современников и потомков: смелость космонавта, отрывающегося от притяжения Земли, или смелость правозащитника, отрывающегося от «единодушного одобрения» народом действий власти? Выясняется, что вопрос этот не так уж наивен, каким он представляется на первый взгляд. Более того, вопрос этот, спустя треть века, продолжает оставаться для России столь же актуальным, как и во время написания Аксеновым публикуемых ныне мемуаров.

Второй текст «Как Сцилла и Харибда»[818], возникший в первые годы эмиграции, начинается воспоминанием о военных учениях на Балтике, участником которых был и студент Ленинградского мединститута Василий Аксенов. К счастью, это были не настоящие атомные учения: взрыв и грибовидное облако только имитировали атомный взрыв.

От воспоминаний мысль писателя обращается к реальной угрозе существованию жизни на земле, которую несет в себе атомное оружие в условиях ожесточенного противостояния двух политических систем. Надежду на спасение дает писателю литература и «другие творческие акты», которые, по его убеждению, «делают для дела мира больше, чем пацифистское движение, которое, увы, часто становится лишь пешкой в политической игре». В условиях нынешнего набирающего силу противостояния с Западом, когда упоминаемые Аксеновым

пацифистские движения после распада Советского Союза сошли на нет, и этот его текст продолжает оставаться весьма своевременным.

Оба текста датированы предположительно. Возможность их публикации в Советском Союзе абсолютно исключена, при этом не представляется возможным установить, для какого зарубежного органа печати они предназначались.

К двум публикуемым текстам примыкал еще третий – письмо первому Президенту России Борису Ельцину, подписанное вместе с Василием Аксеновым его друзьями – сербским философом и публицистом Михайло Михайловым и учеными с мировым именем Роальдом Сагдеевым и Валерием Сойфером. Два писателя и два ученых – их единая позиция продолжает тему содружества искусства и науки в борьбе за движение человечества к прогрессу, обозначенную во втором мемуаре. Письмо датируется 1992 годом и относится к моменту обострения внутриполитической обстановки в стране, приведшей к кризису октября 1993-го. В нем выражается обеспокоенность возможностью коммунистического реванша и предсказываются плачевные последствия такого развития событий:

«Цинично называя себя „русскими патриотами“, они в своих многочисленных газетах и журналах, а также, к сожалению, и с трибуны Верховного Совета Российской Федерации, льют грязь на первого в российской истории избранного народом президента, глумятся над бескровной народной революцией августа 1991 года, не пытаясь скрыть, что их цель состоит в насильственной реставрации тоталитарного сверхгосударства.

Их не смущает даже страшная перспектива этнической и гражданской войны по всей территории бывшего СССР, то есть повторение в гигантском, ядерном масштабе, разворачивающейся сейчас „югославской модели“. Готовность пролить кровь сквозит или впрямую высказывается в выступлениях их лидеров.

Не имея никакой позитивной экономической программы, они стремятся вновь противопоставить Россию Западу, то есть опять вогнать страну в гонку вооружений, тем самым в безвыходный тупик для будущих поколений».

К сожалению, письмо не может быть опубликовано, потому что разрешения на его публикацию от трех других «подписантов» не имеется. Это письмо с настойчивым призывом не допустить противостояния новой России идущему навстречу ее демократическим преобразованиям Западу выглядело бы сегодня не менее злободневным, чем современные политические дискуссии…

Вопреки нынешним утверждениям некоторых прижизненных

друзей Василия Аксенова, пытающихся оправдать отсутствие собственной гражданской позиции утверждением, что Аксенов якобы был только писателем и политика его не интересовала, публикуемые тексты как раз остро публицистичны, и политическая позиция Василия Аксенова очерчена в них предельно отчетливо. Критикуя закосневшую и закостенелую советскую систему, он противопоставляет этой беде литературу и науку, то есть свободное творчество, как надежду на выход из любого политического тупика.

Василий Аксенов
Два типа смелости

Один из диссидентских друзей академика Сахарова однажды рассказывал[819].

Мы были вместе с Сахаровыми в Сухуми на берегу Черного моря. Внешне все напоминало нормальный отдых: прогулки вдоль красивой набережной, купания, кавказское гурманство. Шутили, старались не замечать кэгэбэшной суеты вокруг. А между тем, для местных «бойцов невидимого фронта» (как они сами себя называют) это были горячие денечки. Еще бы – главный диссидент Советского Союза оказался в их городе! Они были повсюду, куда бы ни пошел академик: в соседнем номере гостиницы, за соседним столиком в ресторане, на соседней волне в море и, хотя они и называют себя бойцами невидимого фронта, были весьма навязчиво в поле зрения. Интеллигентный человек, впрочем, может без труда сузить свое поле зрения, ограничить его, скажем, только великолепными сухумскими пальмами и морским горизонтом. Так мы и делали.

Однажды мы стали шутливо спорить с женой Сахарова Люсей: о чем чаще всего думает Андрей? О нарушении Хельсинкских соглашений, предположили мы. Чепуха, засмеялась Люся, здесь, на море, он думает только обо мне!

Вечером мы сидели на набережной. Над нами шелестели королевские пальмы. К берегу шел ярко освещенный лайнер. В небе зажигались первые звезды. Спросите его, спросите, прошептала Люся, предвкушая свое торжество. Андрей, о чем ты чаще всего думаешь? – спросили мы. О галактических излучениях, был ответ.

Ответ этот только на первый взгляд может показаться курьезным. Часто забывают, что Сахаров – ученый огромного масштаба, а он именно и прежде всего ученый, ни на минуту не прекращающий работать, то есть, мыслить. Известный израильский физик Harry Lipkin[820] недавно писал в WP[821], что мысль Сахарова всегда опережает текущее развитие науки приблизительно на десять лет.

Надо сказать, что большой процент активных советских диссидентов, заявивших о себе в 60-е годы, ученые. Глава Московской Хельсинкской группы, осужденный на 7 лет и 5 ссылки Юрий Орлов[822], – выдающийся физик. Где-то в лагере или ссылке физик А.Твердохлебов[823], высланы за рубеж математики Турчин[824] и Есенин-Вольпин…[825]

Нравственный бунт ученых против партийной бюрократии является знамением времени. Коммунист – это, по сути дела, образ из прошлого. Ученый – это человек будущего.

В свое время, 130 лет назад Маркс писал: призрак бродит по Европе, призрак коммунизма. Этот призрак пугал капитализм и обещал приход новой эры. Новая эра пришла, и на востоке Европы было построено самое реакционное и самое безнадежно темное общество из всех, что знала человеческая цивилизация. Сейчас, перефразируя Маркса, можно сказать: «Призрак бродит по Восточной Европе, призрак научно-технической революции».

Тоталитарный коммунизм нуждается в ученых для поддержания, прежде всего, своей военной мощи. Ученый или, как грубо обозначают эту касту, «технократ» по самой своей природе противостоит примитивизму тоталитарной идеологии. Применяя шахматную терминологию, ученый быстрее, чем обычные люди, умеет считать варианты. Что говорить о бюрократии, умственный потенциал которой находится ниже среднего уровня. В прагматическом расчете общественного блага, по мнению ученых, предусматривается более высокий уровень общественной морали. Отсюда и вытекает конфликт между бюро… и техно…

В начале 60-х в СССР возникли так называемые «городки науки», где, по идее властей, должны были быть сконцентрированы основные исследования в физике, математике, технике, биологии. Развитие этих городков, однако, приняло не совсем желательную форму. Они стали, что называется, настоящими «гнездами крамолы» (seats of sedition), инкубаторами диссидентства.

Особенно отличался в этом смысле знаменитый новосибирский Академгородок. Здесь, посреди сибирской тайги, поощрялось неофициальное искусство. Первые, после 35-летнего перерыва, выставки живописного авангарда, концерты запрещенного джаза, выступления знаменитых «певцов протеста», фрондерствующих поэтов – молодые «физики» рукоплескали молодым «лирикам».

Ночью в 30-градусный мороз вы выезжаете из тайги и вдруг видите за стеклянной стеной академического центра сюрреалистические полотна – незабываемое впечатление!

В это же время новосибирские ученые стали тревожить кремлевскую иерархию неожиданными социологическими и статистическими исследованиями. Социология и статистика, если и существуют в СССР, то только в каких-нибудь сверхсекретных учреждениях. Открытая статистика служит лишь одной цели – прославлению социалистических достижений.

И вдруг эти докучливые новосибирцы со своими неприятными цифрами и выводами.

В Академгородке в течение нескольких лет существовал единственный за всю историю СССР свободный дискуссионный клуб. В кафе «Интеграл», как бы имитируя фехтовальные дуэли, физики и математики обсуждали правомочность однопартийной системы.

Буйство свободы достигло своего апогея, когда молодые ученые вышли на ежегодную демонстрацию в день the official holidays in USSR under the slogan of the pre-revolution multi-parties's parliament Duma. Ostensibly it was explained as a carnival levity, but as a matter of fact that was an eloquent reminder of the short period (1905–1917) of a relative Russian democracy. This (courage) challenge brought about (spurred) and enormous scandal in Siberia, a land never been lenient to liberal ideas whatsoever. By the end of the Sixties the regime has managed a series of the political trial in order to threaten the domestic along USSR dissent. In respond the scientists and the writers had launched unprecedented in Soviet history a nation-wide campaign of the «protest letters»[826].

Образы этого изначального советского диссидентства прочно соединены с наукой, причем с самыми передовыми ее формами – ядерной физикой, математикой, социологией. Диссидентов иногда изображают чудаками не от мира сего, эдакими современными донкихотами, между тем, поиски потерянного рыцарства у диссидентов сочетаются с попыткой внедрения здравого смысла и прагматического расчета в мире тоталитарной идеологии с ее системой атавистического идолопоклонничества.

Помню, однажды в Москве зашел в нашей компании странный спор: кто смелее – космонавт или диссидент? Внешне вроде бы звучит по-детски, как бы развитие спора о том, кто сильнее – кит или слон. На самом деле речь идет о серьезном сопоставлении двух типов смелости. Отрыв от земного притяжения, выход в космос и отрыв от «единодушного одобрения», выброс собственных души и тела в опасный мир несогласия и протеста… Кто является истинными героями современной России? Вопросительный знак сейчас – это уже, в обществе, где не было вопросов, – награда, не меньшая, чем медаль Героя Советского Союза.

1979 (?)

Василий Аксенов
Как Сцилла и Харибда

Во время учебы в Ленинградском медицинском институте мне пришлось участвовать в атомном учении. Это было в 1955 году на Балтике, возле Кронштадта.

Август, жара, на горизонте силуэт старого линкора. Над ним должно было подняться грибовидное облако атомного взрыва. Предстояла отработка операции спасения остатков экипажа. На берегу были разбиты палатки полевых госпиталей, операционные и пункты дезактивации. Мы, студенты, облаченные в морскую форму, входили в регулярные отряды. В ожидании команды несколько сот молодых парней лежало на досках пирса, на прибрежных камнях, загорали, рассказывали анекдоты. Офицеры лениво бродили среди своих частей. Все было организовано из рук вон плохо.

Наконец взрыв, гриб и взрыв хохота. Отряды побежали к катерам и шлюпкам и поплыли к «пораженному» линкору. На огромном корабле в двух-трех местах полыхали имитированные пожары. Вода вокруг кишела «спасающимися». День был жаркий, и матросы наслаждались, никак не хотели спасаться, плескались, кувыркались, «топили» друг друга. Мы, приплывшие их спасать, хохотали и тоже норовили свалиться в воду. Огромный «шухер», или, как в Америке говорят, «great fun», презабавнейший водный карнавал на ласковых августовских водах Финского залива, который в тот день вполне заслуживал своего легкомысленного прозвища «Маркизова лужа». Готов ручаться, что никому и в голову не приходило думать о зловещей подкладке этой военной забавы.

К тому году астральные мраки над Землей слегка рассеялись. Умер Сталин, открылись ворота Гулага, кончилась корейская война, выведены были войска из Австрии, впервые артикулировалась немыслимая для свирепой идеологии теза «мирного сосуществования». Видимо, все в мире почувствовали облегчение, приток кислорода, и молодые советские матросы на атомных учениях не были исключением. Никто не относился к этому делу серьезно. Сама суть военной деятельности была как бы поставлена под вопрос. В России начался расцвет нового литературного поколения. А ведь еще три года назад ждали начала мировой войны и атомных бомбардировок всерьез.

Я думаю, что и в будущем нас еще ждут времена размыва астрального мрака, времена неожиданных вдохновений и

расцвета искусств. Толчки к просветлению могут быть самые разные, включая и художественной природы, фильм, новая музыка или какой-нибудь, например, роман. Ведь существует же мнение, что в 1960 году человечество было отвращено от мировой войны ансамблем Beatles и кинофильмом «Доктор Живаго».

Сейчас все воспринимается серьезно и мрачно, просветов как будто нет. Плохой фильм Day after[827] поверг множество людей в оцепенение. Не нужно обладать слишком сильным воображением, чтобы представить, как на твоем собственном горизонте вдруг начинают подниматься ошеломляющие грибы, как это произошло в фильме на горизонтах города Лоренс. Сила массового искусства такова, что иные зрители высказывались в том смысле, что за сорок лет впервые они почувствовали подлинный ужас атомной войны, а ведь в этот срок, как-никак, входит трагедия Хиросимы. «Подлинность» этого ужаса, может быть, состоит в ощущениях того, что любая следующая минута может оказаться этой минутой. И все-таки полного оцепенения не происходит, человечество, к счастью, еще не парализовано этим вечным страхом. Мысль о вероятности атомной войны можно сравнить с мыслью о неизбежности собственной смерти. Идея неизбежного конца почему-то все-таки не парализует человека. Может быть, потому, что кроме страха, в нем еще живет Дух Божий? Если что-то нас и спасет от атомной катастрофы, это будет не страх, а Дух Божий, то есть ощущение – пусть хотя бы и смутное, теряющееся в ежедневной рутине, в детских грехах, в атеистической нашей суете – Высшего промысла. Постоянно присутствующий элемент этого сложного состояния – это чувство человеческого достоинства.

Литературу я полагаю тоже частью Божьего промысла. Основная ее функция в наши дни, с моей точки зрения, не изменилась. Она состоит не в отражении видимого мира, а в его расширении или, если угодно, обогащении. Даже и фотография (искусство, кстати говоря, чрезвычайно таинственное) не отражает видимый мир, но добавляет к нему свои образы, как бы сгустки космической праны. Что же говорить о литературе! Даже самое мастерское описание, скажем, березовой рощи никогда не станет этой рощи отражением, но останется описанием. Рассказ, роман, поэма появляются поначалу в нашей жизни, как UFO[828], неопознанные летающие объекты, и остаются в ней, наделенные теми же правами, что и деревья. Они так же непознаваемы в своей сути, как и березовая роща, как и каждое дерево в отдельности. Борьба за существование литературы это, по сути дела, борьба за сохранение окружающей среды.

С этой точки зрения современная русская литература являет собой уникальный пример борьбы против загрязнения вульгарными теориями тоталитарной идеологии. Я не могу согласиться с теми, кто считает, что литература в современном мире стала расслабленной, потеряла свою жизненную силу и влияние. В русской ее части мировая литература сейчас чревата возможностью нового Ренессанса. Влияние ее на умы и чувства сограждан, даже идущее из изгнания, велико, а самое главное – она, кажется, уже проходит через радиоактивное поле марксистско-ленинской вульгарности. Опровергая вульгарнейший из вульгарных тезисов, гласящий, что литература является не чем иным, как «боевым отрядом помощников партии», русская словесность осознает себя сейчас в формуле «существование равняется сопротивлению»[829]. Это, разумеется, не означает вывернутой наизнанку вульгарности с ее пафосом боевых действий, ибо вывернутая наизнанку эта формула читается как «Сопротивление – это существование». Писать, не терять азарта, добавлять кое-что к березовым рощам России!

Сказав, что основная функция литературы в наше время не изменилась, я не хочу утверждать, что не изменилось ее значение. Романы, как и другие творческие акты, делают для дела мира больше, чем пацифистское движение, которое, увы, часто становится лишь пешкой в политической игре.

Литература своим присутствием ставит под сомнение банальное деление общественной мысли на «левое» и «правое». Взамен предлагаются другие измерения, более высокого порядка; предположим, «справедливость», «красота», «ирония»… Речь, по сути дела, идет о том, сможет ли человечество сделать следующий шаг от обанкротившихся теорий XIX века к новому веку, в котором наука, технология и искусство предлагают неожиданную формулу равенства. «Левое» и «правое» с ревом сталкиваются перед нами, как Сцилла и Харибда. Сможем ли проскочить?

В этот решительный, хоть и не окончательный момент (кто знает, что еще ждет землян впереди) литературе, на мой взгляд, следует стремиться к над-национальному, над-политическому, к космополитическому состоянию.

Говорят о том, что предчувствие атомной войны означает конец идеи бессмертия. Что же, однако, заключалось изначально в этой идее: бесконечное путешествие человеческого семени или что-то еще, нечто более грандиозное?

Василий Аксенов
Матушка-Русь и игривые сыночки [830]

Один мой американский приятель как-то рассказал о забавном рекламном трюке Playboy. В течение нескольких лет он выписывал этот журнал.

За недостатком времени ни один номер не прочитывал целиком, но пролистывал, как только вынимал из почтового ящика.

Ему особенно нравились карикатуры с подписями всякий раз на «грани», но никогда эту грань не переходящие, а также интервью и, конечно же, фотографии девушек. Мой приятель был гедонист. Вдруг он заметил, что уже год не платил за подписку, а журнал все продолжает исправно прибывать. Playboy явно не хотел терять подписчика.

Наконец пришло письмо с напоминанием, выдержанным в самой деликатной манере: «Сэр, одна из девушек напоминает Вам о подписке».

Замечательно индивидуальный подход к одному из миллионов поклонников. Подразумевается, что читатель среди множества глянцевитых отражений дивных тел все-таки выбирает «одну из девушек», свой эротический идеал, как бы влюбляется в нее, то есть как бы даже вступает с ней в своеобразные личные отношения. Стало быть, именно у этого вашего персонального фантомчика как бы больше прав деликатно напомнить о вполне умеренной плате за подписку. Сугубо западный и, я бы даже сказал, несколько старомодный в нынешнем массовом навале подход: индивидуализация клиента, то есть вещь у нас на Руси категорически непривычная.

Установившиеся на Руси нравы и порядки, и особенно в их советско-большевистском варианте, как бы опровергали право человека на эротические увлечения. Формула классика СР «человек рожден для счастья, как птица для полета» использовалась для утверждения лишь «роевого», сиречь массового, державного полета, но уж никак не личного ночного парения в поисках эротических бликов. Между тем иные птицы, как, скажем, чайки или цапли, с риском для жизни перелетали государственные границы на любовные свидания.

Секс никогда не был желанным гостем в тоталитарном обществе, поскольку отвлекал от массовых задач. Коммунистические утописты первых лет революции вроде Александры Коллонтай и Владимира Маяковского все еще

пытались оживить мертворожденные концепции лишенных ревности, но полных пыла «новых людей», однако пресловутая «любовь пчел трудовых» все больше склонялась к антиутопии Евгения Замятина с ее «розовыми билетиками», распределяемыми государственными органами для любовных свиданий. Сейчас все советское быстро забывается, однако невредно будет вспомнить, что еще совсем недавно все проявления западного гедонистического индивидуализма огульно охаивались как «порнография». Оруэлловская «Антисексуальная лига молодежи», хоть и была гиперболической метафорой, не так уж далеко ушла от советской концепции секса только лишь как средства для продолжения рода, создания нового поколения строителей и бойцов.

Одним из удивительных постулатов советской власти стало полное отрицание эротической жизни для советского человека за пределами родины. В частности, и не в последнюю очередь, это касалось матросиков, которым волей-неволей приходилось выходить в противоестественные несоветские пространства. Из столетия в столетие было известно во всех портах, что матросики, оголодав после плавания, что-то ищут в припортовых кварталах. Советский моряк внес коррективы: его это «что-то» не интересовало. Какой-нибудь «корабль науки» мог целый год находиться в далеких водах, заходить в порты за водой и продовольствием, однако экипажу предлагалось начисто забыть о женщинах. Парадоксально, но журнал Playboy мог бы тут оказать услугу помполиту, предложив фотографии вместо живых разносчиц буржуазной морали, однако и эта отдушина была наглухо забита партийной дерюгой: идеологически журнал был опаснее девушек.

В одной своей книжке я рассказал со слов очевидца о скандале на грозной плавединице Черноморского флота. Здесь будет к месту припомнить эту историю.

Советский крейсер, выполняя «визит доброй воли», стоял в средиземноморском порту. Моряки, разбитые на группы во главе с политработниками, сходили по трапу на берег, чтобы «гордо нести достоинство советского человека». Возвращавшихся встречали помощник командира по политчасти и специальный наряд, проверявший матросские запазухи и штаны – нет ли чего лишнего. Тревога! Из какого-то клеша извлечен агент американского империализма, журнал Playboy! Вся смена построена на верхней палубе. «Помпа» произносит яростную речь, клеймит тех, кто запятнал плейбойским позором краснознаменный крейсер, потом начинает вырывать из журнала страницы и пускать номер по ветру.

Матросы мрачно смотрели, как улетают фотографии отменных девиц, любовно отобранные редакцией для развлечения мужчин планеты, и не в последнюю очередь для личного состава военно-морских сил, вне зависимости от политической принадлежности. По рядам проходило глухое ворчание. Крейсер в тот день был на грани восстания. «Мисс Август» в сетчатых чулочках могла оказаться детонатором взрыва почище пресловутого котла с борщом на борту броненосца «Потемкин». По приказу вернувшегося с берега командира был устроен просмотр кинофильма «Кавказская пленница». Власть идиотов рождала множество анекдотов на сексуально-идеологические темы. Про анекдоты часто говорят, «кто же их сочиняет», однако иногда они рождаются спонтанно в юмористических обстоятельствах. Как-то мне пришлось присутствовать при зарождении одной такой истории, которая потом неоднократно возвращалась ко мне уже в качестве анекдота.

Это было в Риме в 1965 году. Тридцать лет назад, о, Юпитер! Там шел конгресс писателей на тему «Европейский авангард вчера и сегодня». Однажды после заседания под вечер трое молодых еще тогда писателей, Юстинас Марцинкявичус, Василь Быков и ваш покорный слуга, прогуливаясь по улицам, забрели в сомнительный район. В Риме той осенью мне все время казалось, что вокруг мелькают знакомые лица. Только позднее я догадался, что это были отражения итальянского кино, вернее, наоборот: кино, бывшее тогда в периоде неслыханного подъема, мастерски отражало жизненные типы. Так и в этом «сомнительном районе» девушки на улицах были знакомы: будучи проститутками, они напоминали проституток из фильмов Феллини.

Даже отдаленно нельзя было назвать этих особ красавицами, да и в манекенщицы они со своими преувеличенными частями тела не годились. Скорее уж они были колоссально вульгарными, но довольно добродушными дурнухами. «Эй, пошли, рагаццо!» – кричали они нам. «Айда позабавимся!»

«Но, но, ну сом ле коммунисте», – отшучивались мы на своем своеобразном франко-итальянском языке.

«Мы тут все коммунисте!» – восклицали девушки. К нам уже тянулись настойчивые руки со всякой всячиной под ногтями.

«Эскузо, эскузо, ну сон коммунисто совьетико!» – оборонялись мы.

«Виво совьетико! – кричали они. – Дадим скидку!». Кто-то из нас нашелся: «Ну сон коммунисто совьетико импотенто!» Только тогда девицы с хохотом отстали.

Возникший спонтанно анекдот пользовался большим успехом, потому что он был основан на реалиях советской жизни.

Тоталитарщина отрицала тот феномен, который мы иногда называем «мужским клубом». В огромном городе Москве мужчинам негде было собраться выпить пива, как только лишь вокруг страшных рубероидных палаток на пожелтевшем от отлива снегу. Бутылку водки можно было разлить только на задах заплеванных «гастрономов». Негде было сыграть на бильярде, заключить пари, поболтать о спорте, о политике, о женщинах. Что уж говорить о Playboy: случайно попавшая на просторы родины чудесной копия журнала казалась инопланетным вестником. Как-то раз меня пропустили вперед гигантской очереди на техобслуживание только лишь потому, что на заднем сиденье моих «Жигулей» лежал номер Playboy: мастерам не терпелось полистать этот орган международного «мужского клуба».

Начиная с детского сада, мальчикам внушалась идея, что следует остерегаться чего-то позорного, связанного с нижними этажами тела. В студенческие годы в госпитале Балтийского флота мне пришлось быть помощником полковника медицинской службы Пыльникова. Военный этот целитель запугивал больших детей, матросов, срывал со стены девичьи головки, делал вид, что заглядывает в какие-то несуществующие анализы: «Опять сперматозоиды в моче?! Онанируете, мерзавцы?!» Вооруженные силы, да и вообще все общество, рассматривались как огромный монашеский орден с настоятелем Сусловым Михаилом Андреевичем во главе.

Кстати, и сегодня еще существует эта ханжеская тенденция. Не далее как летом 1994 года я смотрел по телевизору, как напутствует выпускников военного училища новый политрук, православный батюшка. «Солдаты – это монахи» – таков был главный тезис его выступления. Между прочим, этот любопытный батюшка, коснувшись многих аспектов воспитания будущих воинов, не нашел места только для одного, казалось бы, важного для священника аспекта религии.

Трудно, конечно, не полагать секс проявлением первородного греха, но однако не атеистическому же государству заниматься этого греха искоренением. Вся биологическая жизнь, в конце концов, возникла в результате первородного греха, но раз уж мы живем, как мы можем не считать эротические радости Божьим даром? Советская же действительность с ее унылым ригоризмом и серостью превращала романтику в мышиную возню, вызывала депрессию и преждевременное увядание либидо.

Конечно, советское пуританство возникло не на пустом месте. Корнями оно уходит к вечной российской мрачноватой, сковывающей личность традиции. Дионисийские игрища и римские сатурналии с трудом проникали в наш суровый край.

Карнавалы раннего Ренессанса с их духовной и телесной раскованностью отражались в нашей культуре лишь иносказательно. Порой это, впрочем, было чрезвычайно красиво, поскольку в народе российском всегда были люди с артистическим чувством, и древние россы не являлись исключением.

Привлекательным воплощением этого чувства в поэзии XII века является образ красавицы-княгини Ярославны, что «кычет» по своему ушедшему красавцу-мужу, прилепившись к сторожевой башне, этому извечному фаллическому символу.

Замечательной аллегорической фигурой древней мифологии стал российский Гаргантюа, гигант Илья Муромец. Известно, что он в течение тридцати лет все лежал, а потом вдруг встал, да так, что все вокруг зашаталось, словно получил вдруг хороший заряд бодрости в виде свежего номера Playboy.

Очень любопытной и, может быть, еще не до конца понятой маской предстает в веках печально известный Соловей-разбойник с его испепеляющим свистом.

И уж совсем неожиданно возникает в исторической мифологии образ среднерусской княгини Улиты, этой нашей Мессалины Титании, что рыскала со своим псом по имени Выжлец в поисках бесчисленных любовников.

В XVII веке волна Ренессанса докатилась и до нашей мерзлой земли. На этой волне Москва заполнилась множеством в основном анонимных сатирико-эротических повестей. Трудно найти более «плейбойскую» историю, чем «Похождения Фрола Скобеева», худородного дворянина, который, переодевшись и притворившись «красной девицей», пролез в опочивальню к дочери московского боярина-стольника Нардина-Нащокина.

В многочисленных парафразах на этот сюжет мы можем найти забавные иносказательные, сугубо «плейбойские» частушки, куплеты и песенки.

Эй, голубка-красногубка,
Что ты спать не идешь?
Может, сокола ты ждешь?
Ястреба своего долгожданного?

Или:

Волк на лодочке, на лодочке, на лодочке плывет.
Лиса в красненьких ботиночках по горушке идет.
Волк все к бережку, все к бережку гребет.
Лиса хвостиком все к озеру, все к озеру метет.

И все никак не встретятся,
Никак не поцелуются.

Или:

Шли боярышни в горохе,
А за ними скоморохи
Увивалися, колбасилися,
И в горохе за забором
Три опенки с мухомором
Народилися, паявилися.

А чего стоит игра в тереме у Аннушки Нащокиной, когда Фрол-«Лукерьюшка» изображает страшного усатого «турку»: двойная, если не тройная, маска в стиле «комедия дель арте».

С внедрением в России западной, особенно французской, культуры нравы страны стали смягчаться еще больше. Большую роль в создании игровой стихии балов, летних маскарадов и, что особенно важно, в возникновении русской романтической поэзии сыграли французские вина, в частности шампанское, коего в первой четверти XIX века потреблял больше, чем Париж. Осмелюсь тут предложить свои собственные вирши из еще ненапечатанного сочинения «Тост за шампанское».

О, те закаты за горами!
Орлиный клекот далеко!
Когда иссохшие в боях гортани
Им освежало «Вев Клико»!
И на рассвете перед боем
Свой взгляд не в пушки вперивал он,
А в благодатное судьбою
Шампанское «Дон Периньон».
Над прошампаненной строкою
Огонь священный еще не потух.
Хоть и витает над страною
Букет совковых бормотух.
Поднимем чаши мы с шампанским
За вдохновенье тех эпох,
Когда у муз имелись, скажем, шансы
Сманить российских выпивох
В веселый мир пушкинианства,
Где рифм и нимф мы зрим привычный торг,
Отвлечь от пагубного пьянства,

Привлечь в шампанского восторг!

Поколению, отравленному «Солнцедаром», полезно было бы в своем воображении возродить образы «прошампаненных» первых русских «плейбоев» байронического наклонения, забубенных гусар и романтических поэтов, воспевших «русскую красавицу».

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А голос, и страстный, и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит (или звенит)[831].

Интересно, что параллельно с вдохновенными строками высокой и жаркой любви в этой среде возник и жанр, так сказать, «безнравственной» пародии, что характерно для карнавала, когда наиболее сакральные темы временами становятся предметом безудержного и вызывающего веселья. Стихи Баркова и шалости Пушкина, вроде нашумевшей «Гавриилиады», развеивали хмарь «звериной серьезности» имперских столиц.

Интересно, что эта «безнравственность» в виде высокой метафоры проникала и на страницы открытой литературы. Достаточно вспомнить хотя бы гоголевских красоток, превращающихся в кошек и обратно, или ведьму из «Вия», которую Хома Брут загнал опять же до превращения в неслыханную умирающую красавицу. Не говоря уже о шедевральном «Носе», милостивые государи, не говоря уже о нем.

Вспоминая о российском «плейбойстве» прошлого века, нельзя, конечно, обойти стороной цыганский табор. Байронический герой, особенно в провинциальных гарнизонах, грезил экзотикой, югом, гомерическими страстями, в то время как повседневная жизнь предлагала ему хмурое небо, тоскливые лики начальников и подчиненных, набор зажеванных фраз и свод тошнотворных правил. И вдруг появлялась сама экзотика в виде толпы столь необычных смуглых людей, веселых плутов, существ совсем иного ритма, если вообще можно говорить о ритме в контексте российской бытовщины. Что бы мы делали без цыган, хотел бы я знать, без всех этих «троек с бубенцами», «лунных ночей», «подруг семиструнных», без трясущихся в танце голых плечей, смуглых рук с бубном над головой, без цыганской синкопы, когда медлительная величальная вдруг взрывается бешеным ритмом апофеоза жизни? Странное живучее бродячее племя, само Провидение послало тебя на Север, чтобы развеять «поросячье ненастье» бесконечных равнин: так сказал бы и сам

Гоголь. Недаром враги человечества хотели извести не только евреев, но и цыган.

И на протяжении всех поколений девятнадцатого века другом цыган был молодой российский байронит, тот, кто нередко служил в гусарах, а потому, даже и не служа, именовался «гусар». В каком-то, и даже весьма определенном, смысле это слово в те времена было аналогом современному «плейбою». Даже ведь и глагол был произведен – «гусарствовать», то есть «плейбойствовать». Был в нем, конечно, и иронический оттенок, но ведь и «плейбой» немыслим без самоиронии. Ирония эта, однако, нисколько не умаляла одно понятие, основательно забытое в наше время, понятие мужской чести. При всем его игровом, но не игривом, наклонении «гусара» отличает рыцарское отношение к женщине как к объекту своего постоянного внимания. И вот теперь мы подходим к уникальнейшему периоду нашей истории, десятилетиям наивысшей российской европеизации, к так называемому «серебряному веку». Здесь перед нами предстает галерея «плейбоев» совсем нового, почти современного типа, ранних авиаторов, Those Magnificent Men with Flying Machines[832], кожаные куртки и шлемы с большими очками, длинные шарфы и клетчатые брюки. Эти люди жили почти уже на западную ногу среди коммерческих реклам, предлагавших почти те же товары, что и современный Playboy: табак, крепкие напитки в красивых бутылках, одеколон, обувь охотничьего типа и «штиблеты», предохранительные средства, афродизиак, автомобильные шины, английские костюмы и Le Bar Américain.

Как-то, я помню, для кинодела просматривал «Синий журнал» 1913 года и натолкнулся на замечательную фотографию во всю страницу. На этажерочке «фармана» сидит красивая петербуржка в новомодных «юбко-штанах», Текст гласит: «Новая одежда, жюп-кюлот! Очень удобно для полета на аэро!» Легко можно было себе представить эту героиню обнаженной. Тоже очень удобно для полета на аэро, особенно над Россией.

После всего сказанного можно сделать парадоксальное предположение, что Матушка-Русь давно уже созрела для Playboy. Юноши пятидесятых годов, к которым принадлежал и ваш покорный слуга, почти немедленно узнали о возникновении этого журнала в стране закатной золотой пыли, в Соединенных Штатах Америки. Любопытно, что замечательное начинание Хью Хефнера совпало с одной из главных дат в современной истории России, а именно с неожиданной в контексте космогонии кончиной Сталина Иосифа Виссарионовича. Новая эра двадцатого века провозглашала: «Тиран умер, да здравствует Playboy!»

Закованные «железным занавесом» стиляги Москвы и Питера, юный народ с напомаженными башками, в узких брюках и огромных башмаках были, по сути дела, готовой аудиторией народившегося в 1953 году журнала. Не видя еще ни одного номера, они обсуждали эту новость, просочившуюся по волнам эфира. Всегда в ту пору меня поражали западная тяга и упорство наших «всезнаек», и до сих пор с теплым чувством я вспоминаю тогдашние наивные восторги и лужи российского невежества, в которых фигурально и буквально разъезжались наши ноги.

Совсем недавно из американского художественного фильма я узнал, что в нацистской Германии конца тридцатых годов существовало похожее молодежное движение, называвшееся «swing kids». Вдруг среди гитлеровской свистопляски молодежь стала увлекаться модами лондонской Пикадилли и американским джазом. Идеологическая власть взбесилась. Удивительно, как много оказалось похожего между фашистским Гамбургом и советским Ленинградом. Биг-бэнд, исполняющий джиттербарг, переходил на венский вальс при появлении народной дружины, то бишь патруля гитлерюгенд. На пластинку с именем Дюка Эллингтона наклеивалась для маскировки этикетка саксонских народных танцев. Дружинники избивали прозападных юнцов. В конце фильма юнцы, подняв руки в арийском приветствии, вместо ожидаемого «Хайль Гитлер!» провозглашают «Хайль свинг!».

Журнал Playboy – это институт эпохи свинга, ему уже 42 года. Можно только поражаться, как за такой долгий срок он не растерял своих изначальных свойств «натурального продукта». Еще больше можно поражаться тому, что он до сих пор не утратил своего места в современном мире, напротив, постоянно укрепляясь, захватывает теперь все большие территории к востоку от рухнувшей Берлинской стены, а впереди еще Корейская Народно-Демократическая Республика. Еще один удивительный аспект этого издания состоит в том, что при всем гигантском размахе плейбойской индустрии она все еще сохранила традиции индивидуального подхода к клиенту, о чем было сказано в самом начале этой статьи.

Playboy породил огромное количество подражателей, которые, разумеется, пошли гораздо дальше в смысле употребления обнаженной Playboy, и злоупотребления ею. Что касается создателей и активных авторов Playboy, они всегда гордились тем, что их никто и никогда не смог всерьез обвинить в похабщине. Плейбойский «зайчик», bunny, никогда не чувствовал себя проституткой. Апеллируя к девушке, журнал, как в своих текстах, так и в визуальном материале, предлагает ей совместную

отру, иногда романтического толка, иногда нечто, напоминающее возню котят.

Говоря о романтике, мы не можем не вспомнить самого Плейбоя Номер Один, мистера Хью Хефнера, худощавого джентльмена, часто позирующего в домашних халатах тяжелого щелка. Он не хозяин девушек, а скорее их неизбывный поклонник. Как сказал в свое время поэт:

Спать с женщиной под одеялом,
Какой маневр!
Ведь даже в чем-то самом малом
Она – шедевр!

Созданная Хефнером традиция скорее вызывает в памяти мотивы Фрэнка Синатры (One enchanted evening, Strangers in the night, etc), чем мастурбическую бестолковщину современного «рэпа». Интересно, что даже воинственные американские феминистки, то и дело поднимающие голос против «сексплуатации», отдают должное Playboy в деле преодоления ригидности (и фригидности) пятидесятых годов и в воспевании красоты женского тела. Недоразумения, впрочем, существуют, и в немалом количестве. О них нередко пишет автор рубрики «Мужчины» Эйс Бэйбер. Одна его приятельница как-то призналась ему, что она не решается показывать его статьи своему возлюбленному, поскольку тот, прочитав статью, неизбежно заинтересуется и содержащимися в журнале девушками. Это слишком опасно для меня, сказала она, ведь я же не принадлежу к этому типу молоденьких «зайчиков». Я не соответствую этим меркам и не хочу, чтобы Джо смотрел на молодых женщин таким специфическим образом.

Эйс хотел возразить ей и сказать, что это только картинки, а не реальность и что ребята, в общем-то, понимают разницу, однако не возразил, а только написал об этом в журнале с многомиллионным тиражом, который она не читает.

Интересные отношения порой возникают между авторами этого традиционно антицензурного журнала и сторонниками новомодной системы интеллектуальной самоцензуры, известной в Штатах как «политическая корректность». Тот же Эйс Бэйбер рассказал, как еще одна его хорошая приятельница (у парня, очевидно, совсем неплохие отношения с женщинами) однажды позвонила, чтобы отчитать его за статью о «насилии во время свиданий». Эта тема тогда была почему-то очень животрепещущей, прошу прощения за невольный каламбур. Дама возражала против юмористического освещения серьезной

проблемы. Эйс возразил, сказав, что он понимает всю серьезность, однако не исключает и некоторой смешноватости возникающих при свиданиях ситуаций, когда трудно отличить кокетство от нежелания и страсть от грубости.

Он-то просто написал о том, как рискованно сейчас стало для мужчин ходить на свидания, как уязвим теперь мужчина для ложных обвинений. Поневоле подумаешь, что перед тем, как пойти на свидание, надо нанять адвоката, оформить соответствующий контракт, дать своей партнерше по свиданию на подпись несколько юридических бумаг, обеспечить соответствующее наблюдение. Собеседница, однако, отвергла все возражения. Оскорбительно шутить об изнасиловании, сказала она, даже не подумав о том, что они говорят на разные темы. Известно уже многим, что «политическая корректность» не понимает юмора.

С приходом русского Playboy утверждается еще одно инородное существительное нарицательное в словаре русского языка. Пуристы скажут, экая мерзость, наш язык и так уже изуродован этой бесконечной англо-американщиной. Слов нет, язык наш сейчас находится в тяжелом состоянии, но вовсе не от иностранных вливаний. Русский язык как язык огромной равнины на протяжении веков всегда подвергался этим вливаниям, начиная с варягов и греков, продолжая татарами и чудью, поляками и немцами, не говоря уже о французском, который в течение двух столетий был вторым, если не первым языком российской элиты.

Эти вливания не просто обогащали, но во многом и формировали наш современный язык. Угроза идет не от космополитизма, а от сугубо внутренней «хамизации» языка, от исковерканных суффиксов и окончаний, от всех этих «столько много» и от выражений типа «да вы что?», которое сейчас повсеместно употребляется вместо «да что вы?».

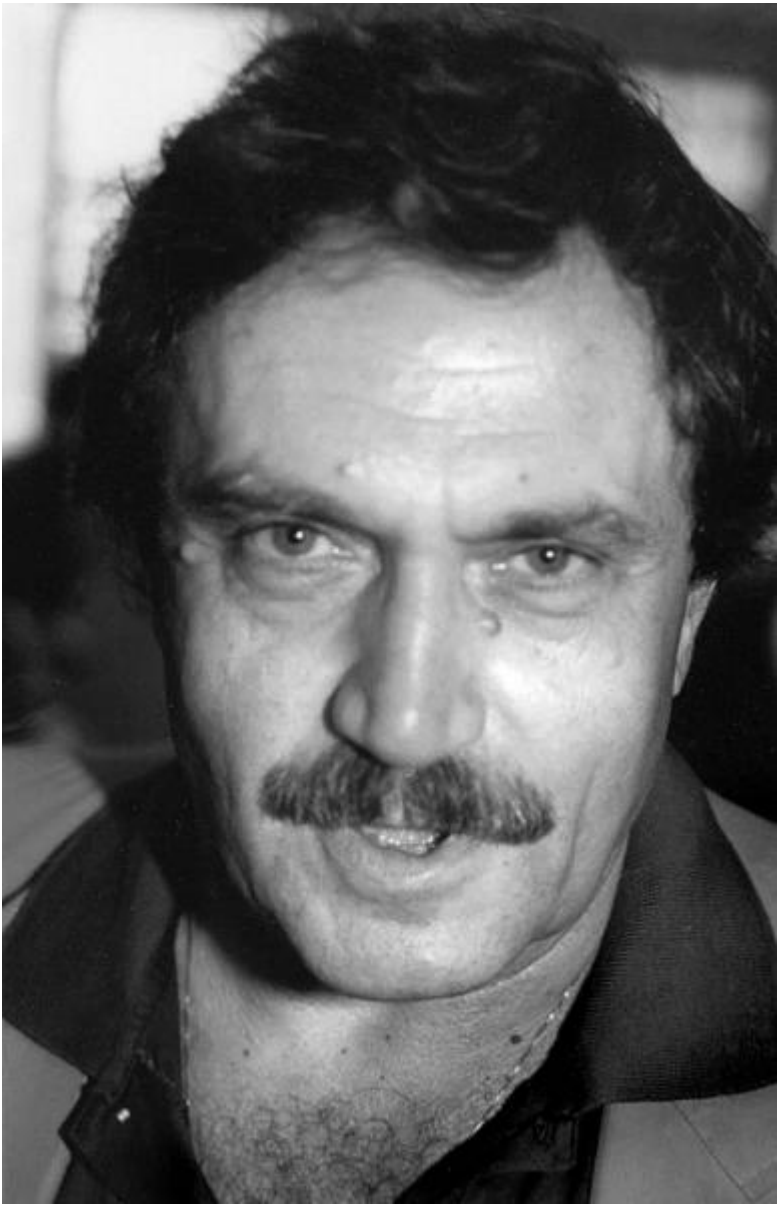
В романе о фантастической малой России, возникшей на островном варианте Крыма, среди других как бы немыслимых для русского человека реалий я упомянул и русский вариант Playboy, который выходил на острове под названием «Ходок». Это название, увы, отражает только лишь часть смысла. Другое отечественное слово, которое журнал мог бы надеть как шапку, «Стиляга», к сожалению, давно устарело. Слово «плейбой» не переводится на русский язык, поскольку давно уже в нем существует.

После того как Матушка-Русь отпустила поясок, с цепи сорвались демоны дурного вкуса. Путешествуя по подземным переходам Москвы, Сэйнт-Пита или Риги, видишь немыслимое

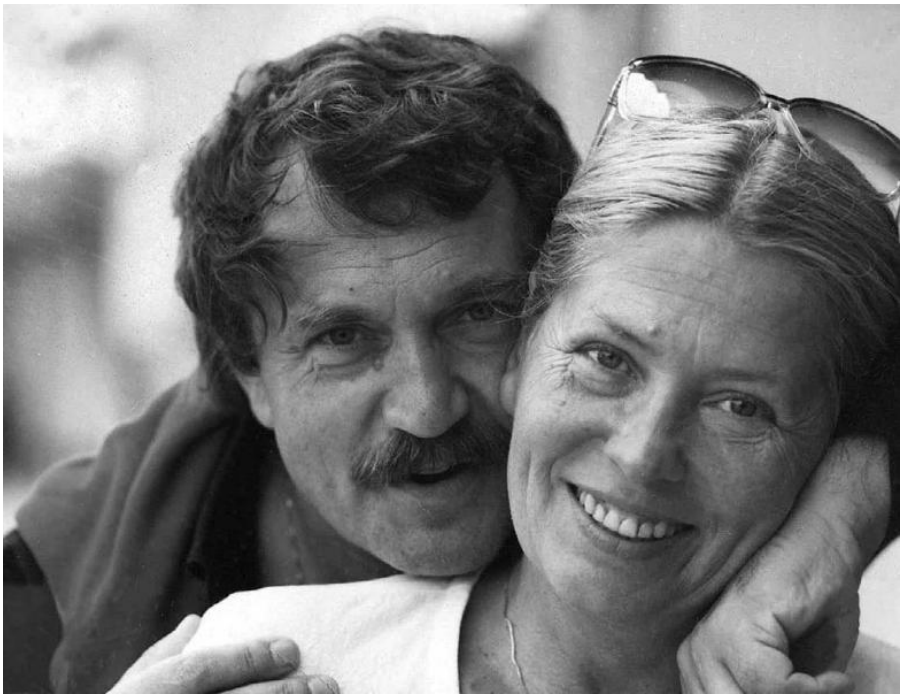
количество халтурных и дурно пахнущих (нередко в прямом смысле) изданий по «сексухе». С передовых страниц на публику взирают озябшие, с козлиным выражением лиц «трахальщики» и девицы, у которых, как сказал поэт, «кудлы пахнут псиной, бедра крыты кожею гусиной». Дикой толпою сорвались мы, оголодавшие, чтобы нахаваться поскорее. Между тем то, что сейчас предлагается, ничем не лучше, если проводить винную аналогию, чем крепленые «бормотухи» времен «зрелого социализма».

Возникновение Playboy как журнала ренессансного гедонизма на российской почве явление весьма уместное, поскольку мы все, сознательно или подсознательно, жаждем Ренессанса. Давайте же откажемся от «бормотух», будем пить «Новый Свет» и читать Playboy!

Фото с вкладки



«Я – человек длинной дистанции».

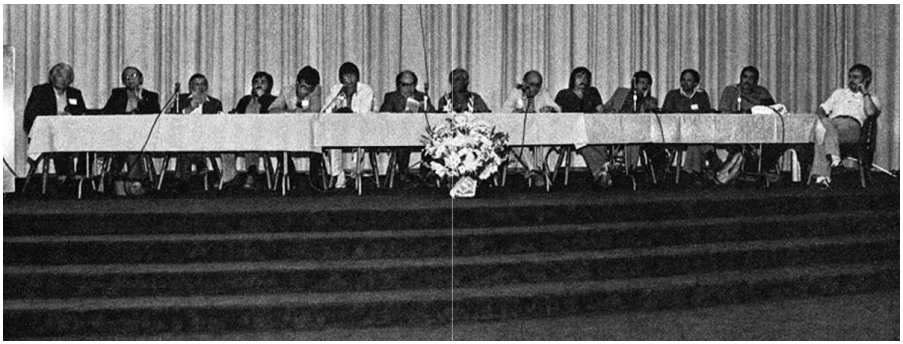


С Майей. Начало жизни в Америке…

С Аленой Овчинниковой и Ушиком. Джорджтаун. Начало

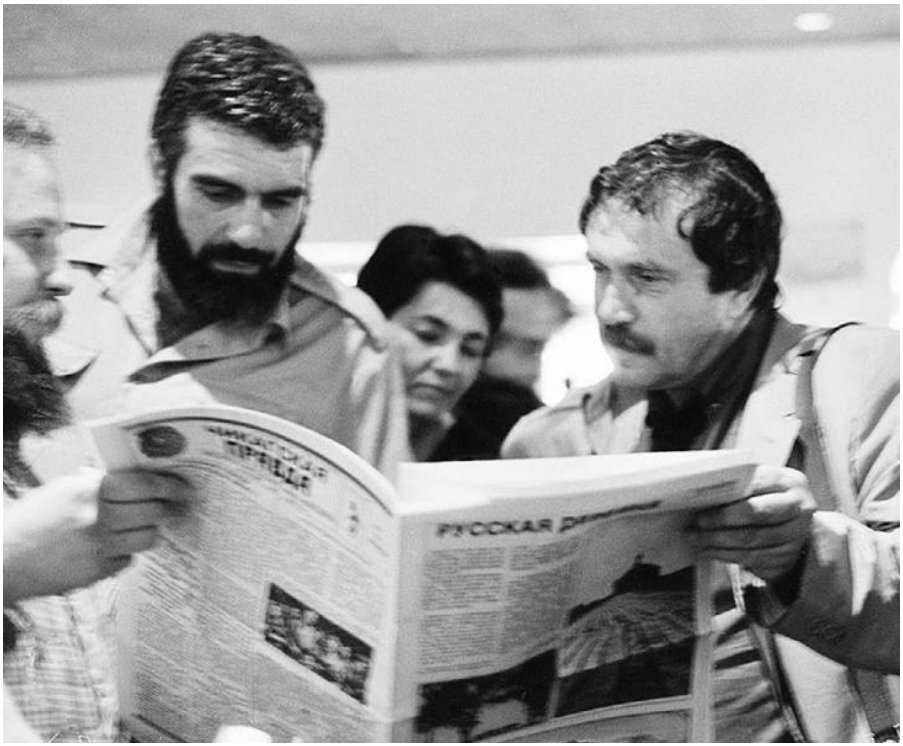
1980-х гг.

«Ожог» («The Bum») Василия Аксенова в книжном магазине Вашингтона. 1984 г.



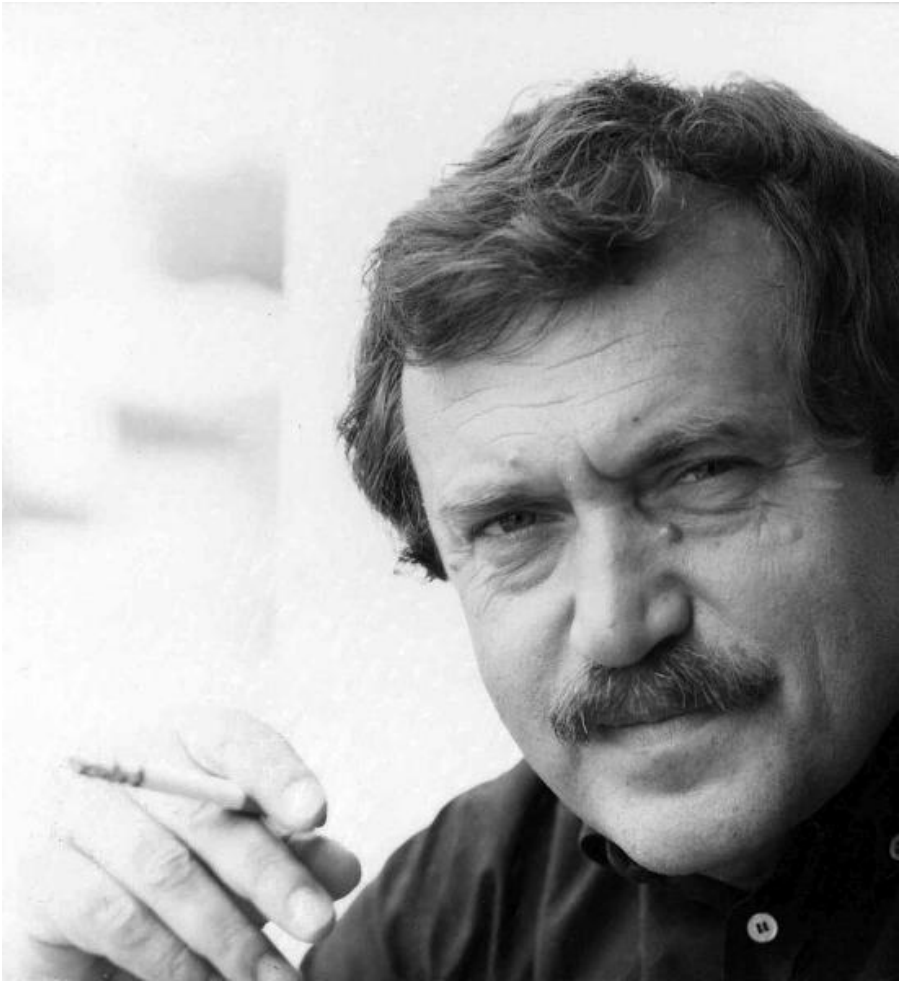
V Конференция «Русская литература в эмиграции» в Университете Южной Калифорнии. Лос-Анджелес. 14–16 мая 1981 г. Слева направо: В. Войнович, А. Гладилин, А. Синявский, А. Цветков, Э. Лимонов, Саша Соколов, Н. Коржавин, В. Некрасов, Юз Алешковский, Э. Олби, В. Аксенов, Д. Бобышев, С. Довлатов, Н. Боков.

Докомпьютерная эра. «Я считаю, что надо все время писать… Раз ты писатель».



С Сергеем Довлатовым в кулуарах конференции. «Все в газете интересно…»

Жаркое лето в Джорджтауне.

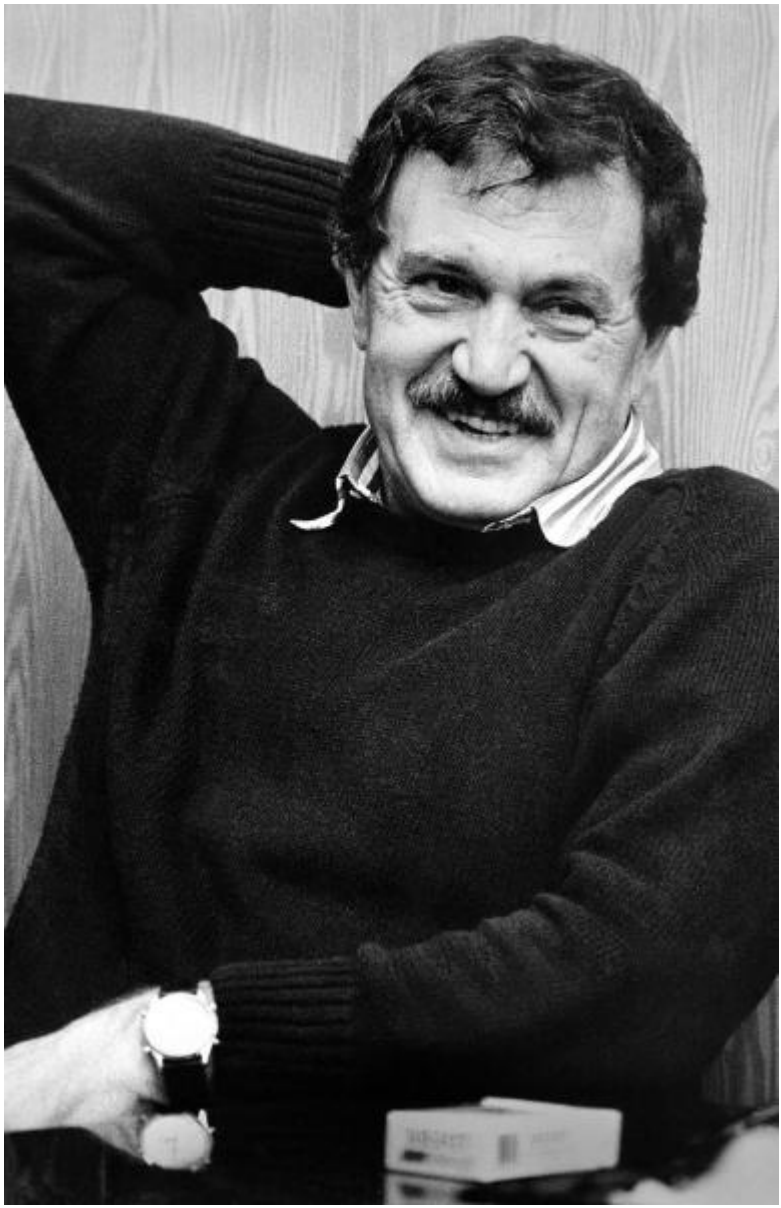


1980-е гг.

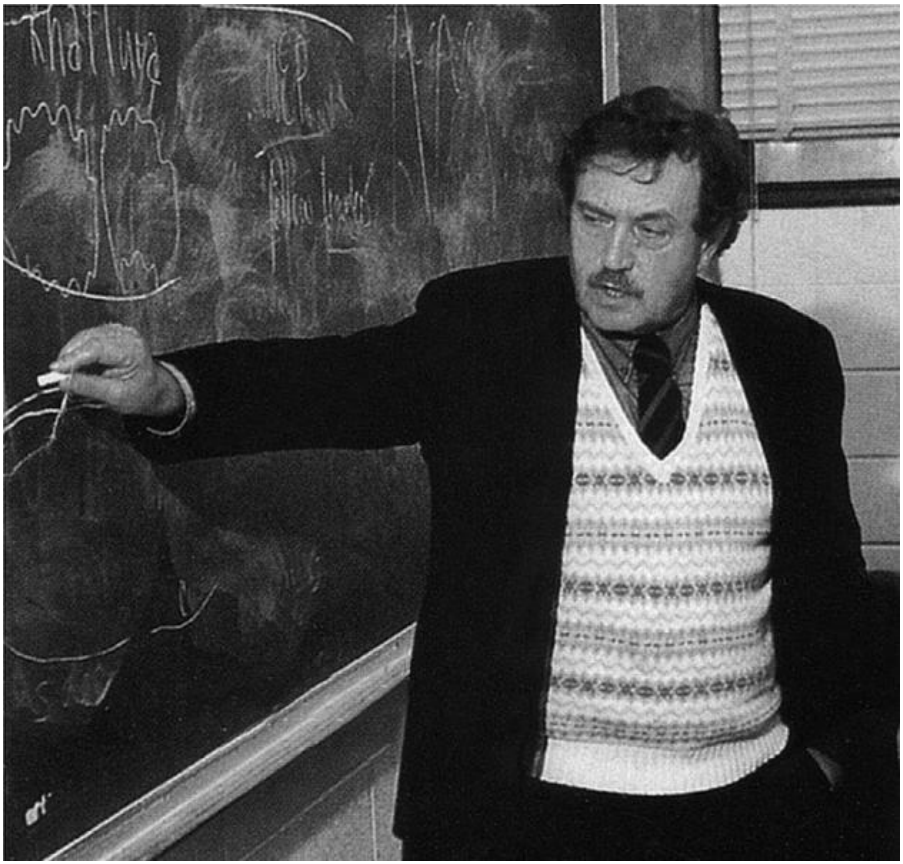
Виктор Некрасов, Мила Кондырева, сотрудник «Радио Свобода» Макс Раллис, Майя и Василий Аксеновы. Орлеан. 1984 г.

Потанцуем? С Беллой через семь лет после расставания. Джорджтаун. 1987 г.

Долгожданная встреча в Вашингтоне с Беллой Ахмадулиной. Зима 1987 г.



«Не надо стремиться I к звериной серьезности во всем. О многих вещах стоит говорить с легкостью».



Профессор университета Джорджа Мейсона (Шантильи, штат Вирджиния).

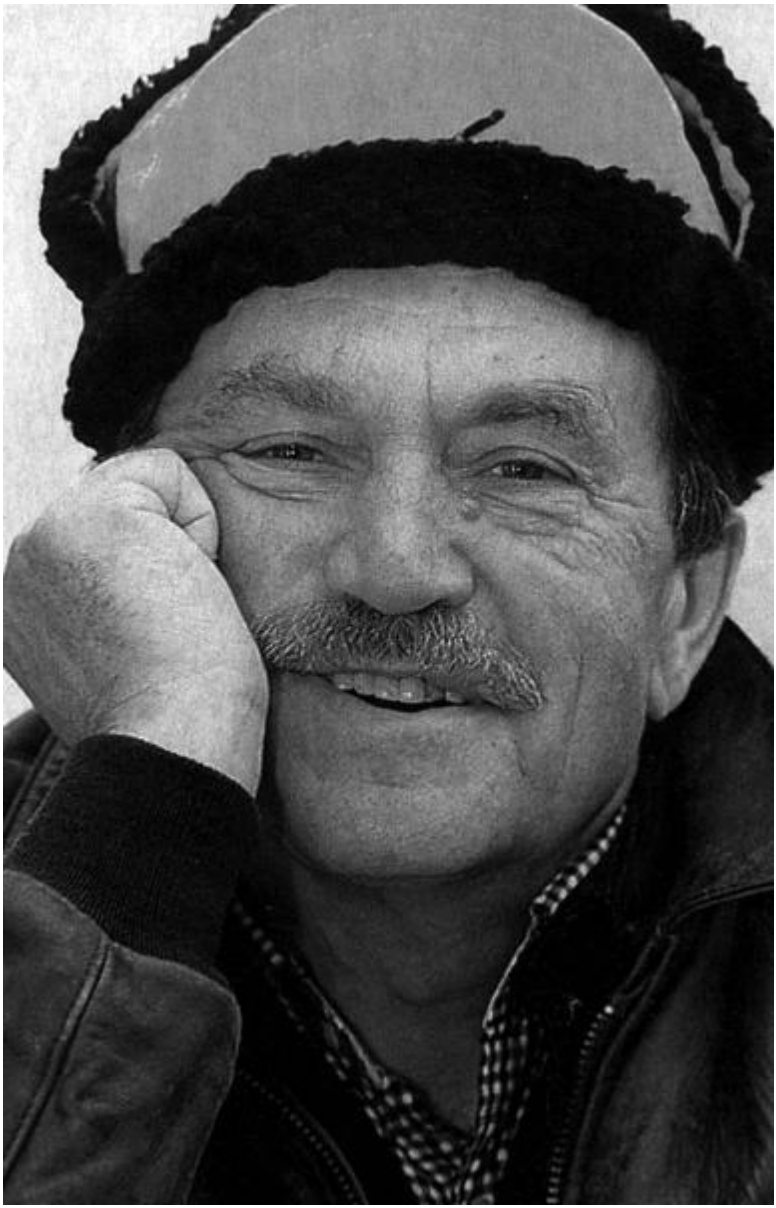
В Вашингтоне тоже снег… С Галиной Радченко-Балтер. Конец 1980-х гг.

Вся семья дома: «ангел-обжорка» Ушик, Васята и Маята.

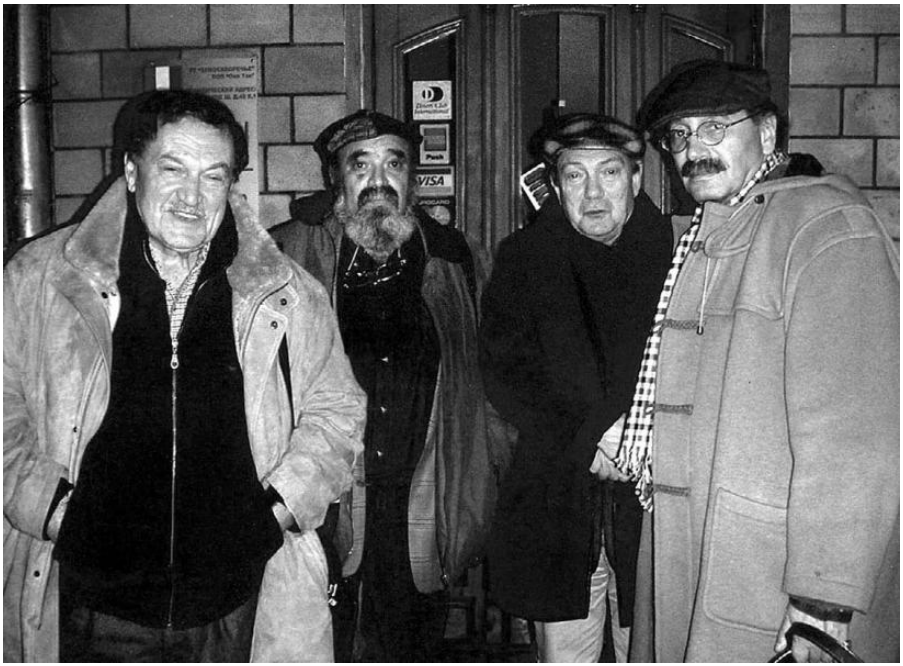
Алексей Васильевич, Василий Павлович и Иван, «Ванечка» (внук Майи). Вашингтон, конец 1980-х гг.

Отец и сын Аксеновы и Вася, сын Евгения Попова. Начало 1990-х гг.

Любовь Мандель, Наум Коржавин, Михаил Назаров, Фазиль Искандер, Булат Окуджава, Василий Аксенов, Евгений Соколов, Антонина Хлебникова, Майя Аксенова. Фото Ольги Кузнецовой. Норвич (штат Вермонт, США), август 1992 г.



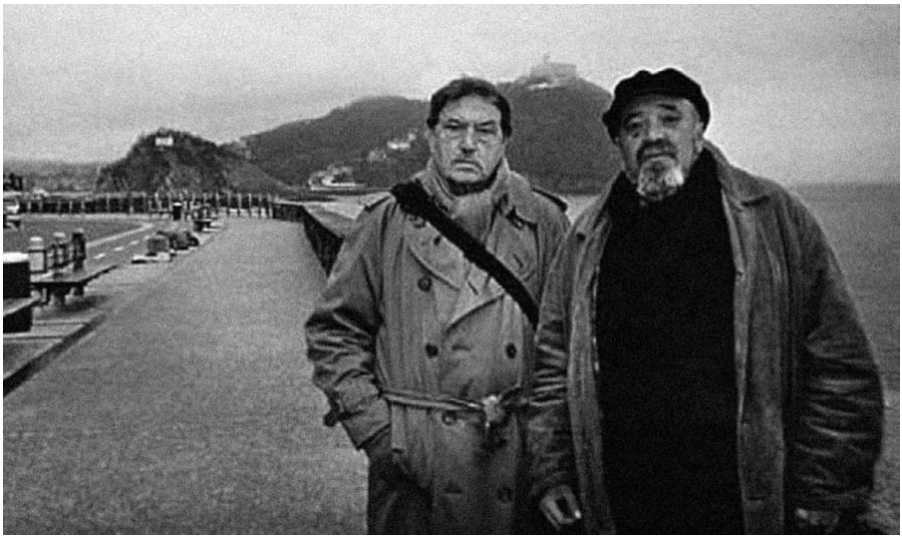
Возвращение на родину. Начало 1990-х гг.



«Жаль, что вас не было с нами…» Василий Аксенов, Евгений Попов, Анатолий Гладилин и Александр Кабаков выходят из ресторана. Москва, 2005 г.

Василий Павлович представляет роман «Москва-ква-ква» в Российском фонде культуры. 2006 г.

«У меня там дом с садиком, море метров шестьсот по прямой… Но когда я сижу там месяц, мне страшно хочется в Москву». Биарриц, 2003 г.



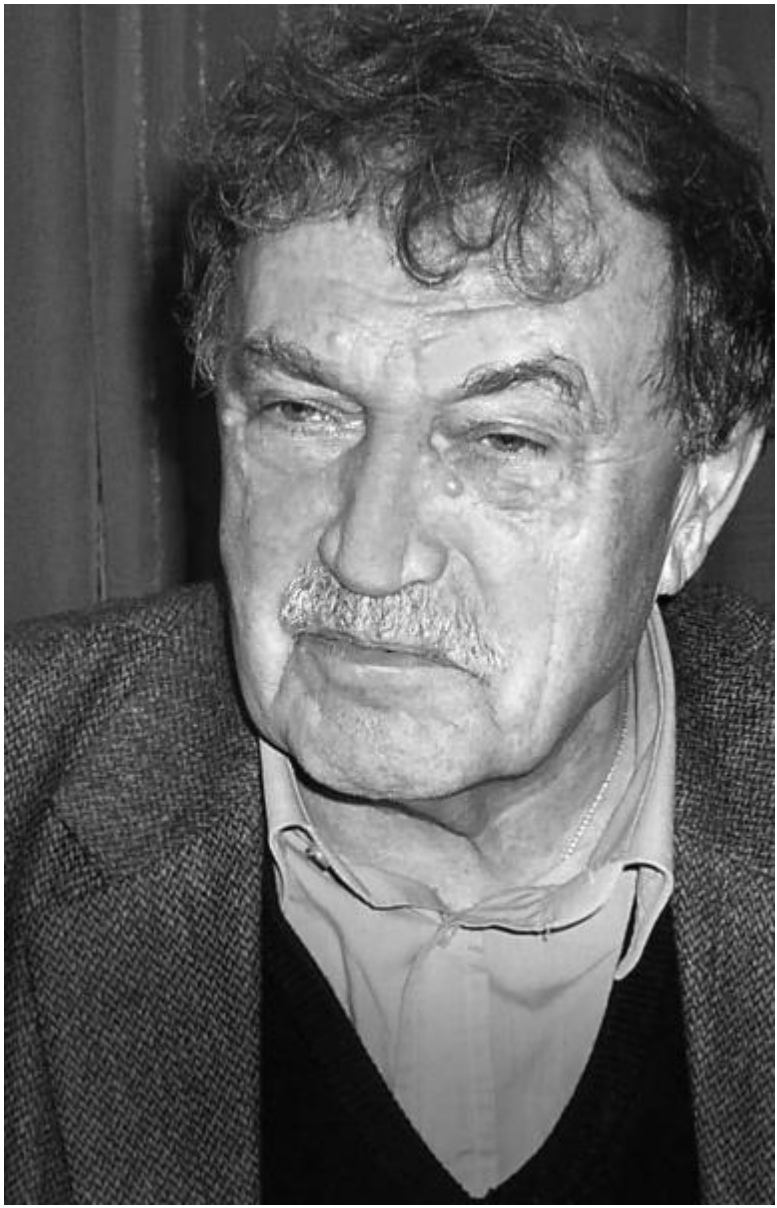
С Евгением Поповым в Биаррице. 5 января 2006 г.

На презентации романа «Редкие земли» на Винзаводе в Москве. 2007 г.

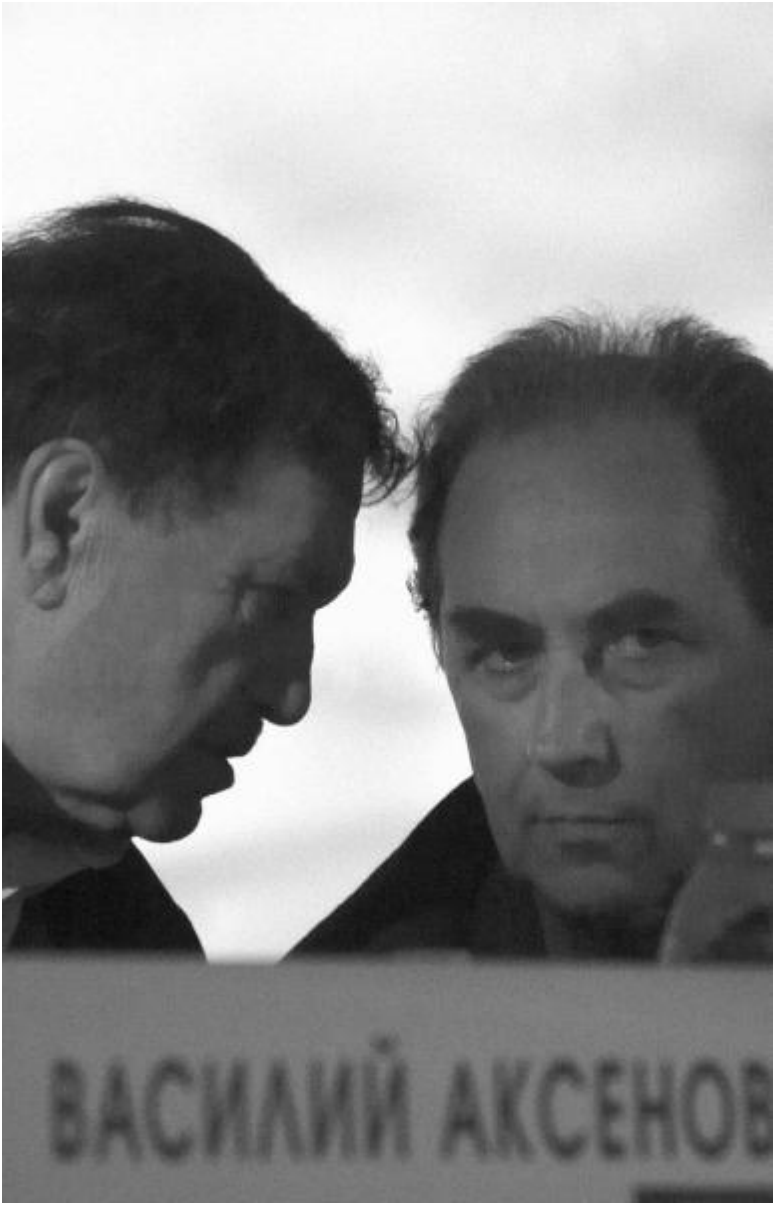
Московское «party». С Андреем Вознесенским.

В доме Ксении Васильевны Аксеновой, в котором прошли детские годы Васи Аксенова после ареста родителей. Казань, 2007 г.

Бенедикт Сарнов, Марлен Кораллов, Василий Аксенов. «Автографсессия». 2007 г.



«Не может это так просто заканчиваться. Мы все дети Адама: куда он, туда и мы, ему грозит возвращение в рай, вот и мы вслед за ним…»



На встрече с читателями. Справа Виктор Есипов. 2006 г.

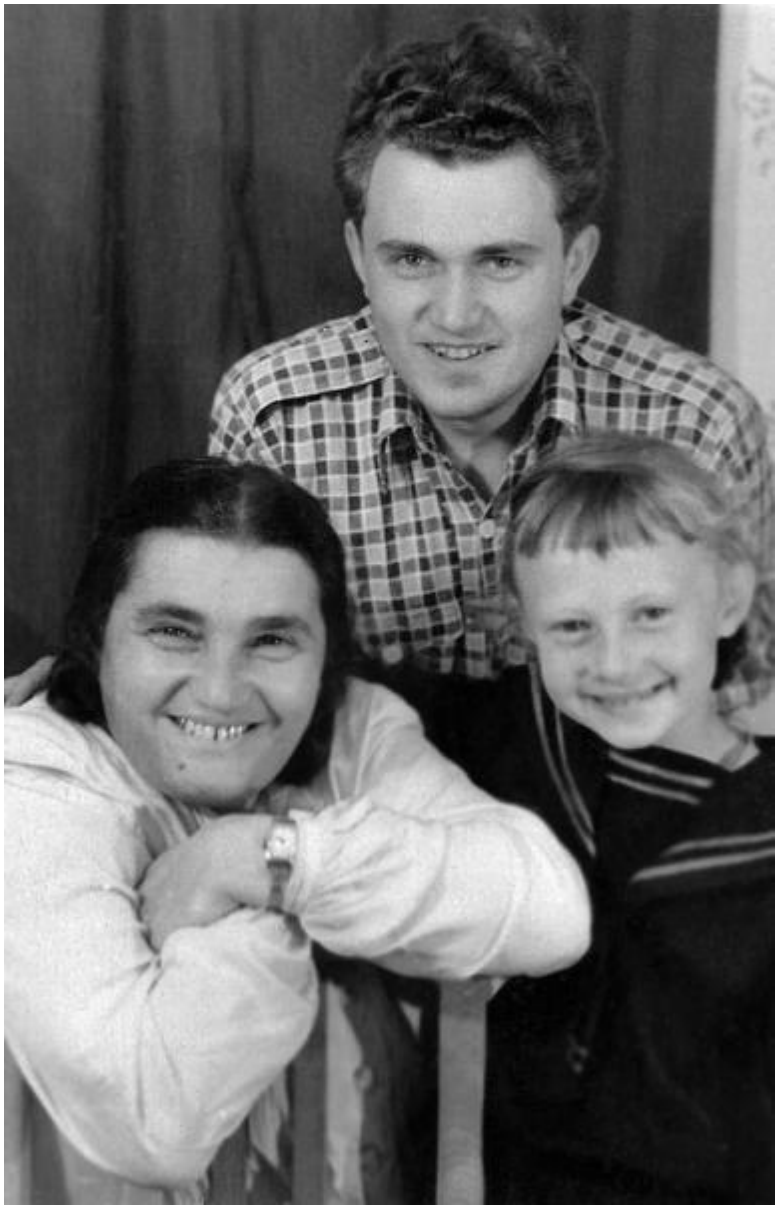
Вася Аксенов – сын «врагов народа». Конец 1930-х гг.

Родители – Павел Васильевич Аксенов и Евгения Семеновна Гинзбург. Начало 1930-х гг. Они еще не знают, что впереди их ждет ГУЛАГ и разлука с маленьким сыном.

Антон Яковлевич Вальтер – третий муж Е.С.Гинзбург, ее солагерник на Колыме.

Вася, Евгения Семеновна, отчим. Магадан, 1950 г.

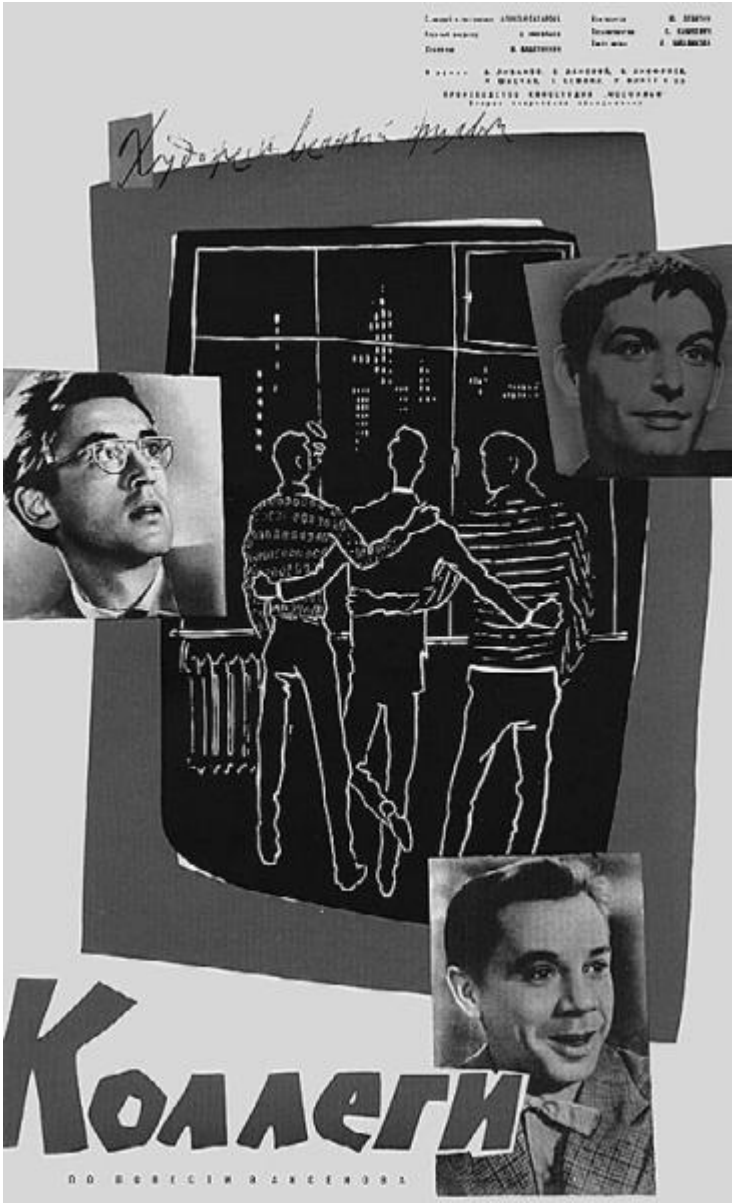
В Парке им. Горького города Магадана. Рядом с Е.С. и доктором Вальтером сестра Тоня. 1954 г.

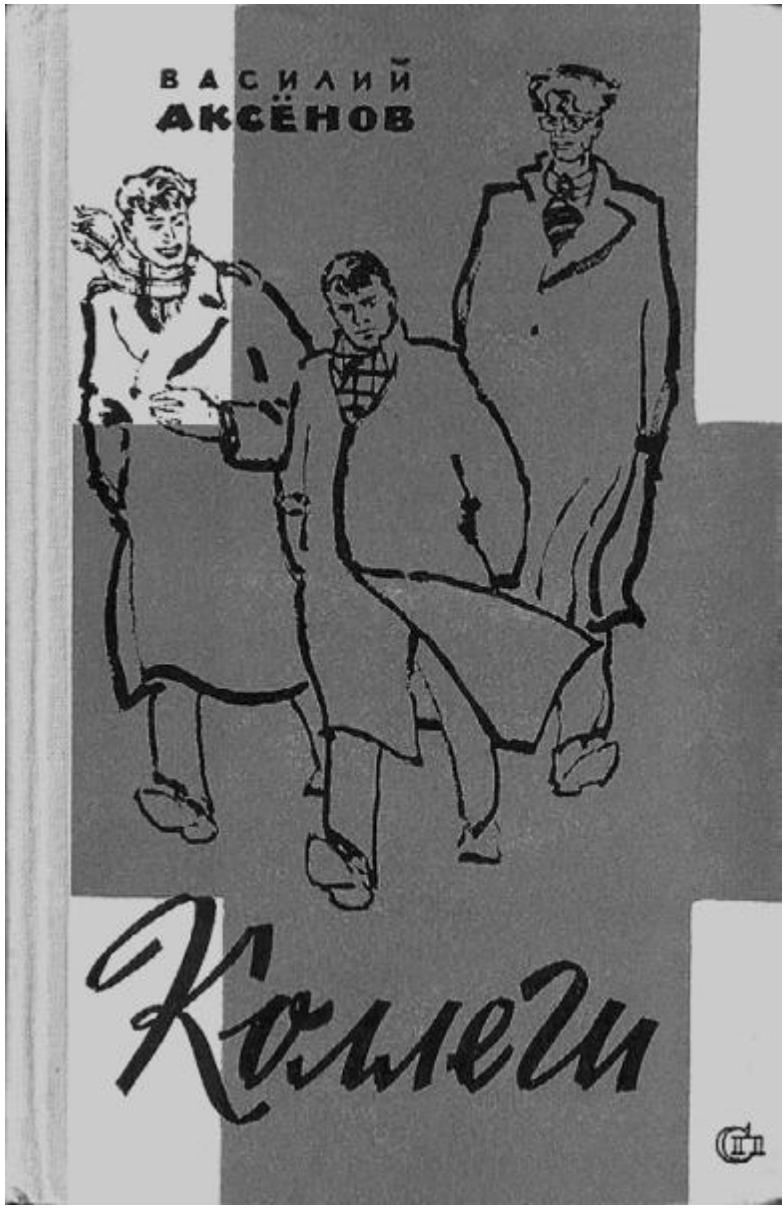


Студент Василий Аксенов в той самой «стиляжьей» клетчатой кофте, Е.С. и Тоня. 1954 г.

«Пришли мне фотографию, только в нормальном костюме и прическе…» (из письма Евгении Семеновны сыну). 1955 г.

«Мама и отчим считали, что в лагере доктору проще выжить…». С однокурсниками по 1-му Ленинградскому медицинскому институту. В.Аксенов – справа. 1955 г.


Художественный фильм
Коллеги
ПО ПОВЕСТИ В. АКСЕНОВА



Повесть «Коллеги», написанная в 1959 г., в 1962-м была экранизирована. Аксенов становится кумиром своего поколения.

Родители реабилитированы, сын – автор популярнейших романов «Коллеги» и «Звездный билет».

С отцом в Казани.

С мамой во Львове.

Евгения Гинзбург работает над книгой «Крутой маршрут». 1965 г.

Рисунки Ю. Вечеркского

Василий АКСЕНОВ

ЗВЕЗДНЫЙ БИЛЕТ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Роман

ОРЕЛ ИЛИ РЕШКА?

Глава первая

Я ЧЕЛОВЕК ЛОЯЛЬНЫЙ. Когда вижу красный сигнал «стойте», стою. И иду только, когда увижу зеленый сигнал «идите». Другое дело — мой младший брат Димка всегда бежит на красный сигнал. То есть он просто всегда бежит туда, куда ему захочется бежать. Он не замечает никаких сигналов. Выходит из булочной с батоном в зачерненной сумке. Секунду смотрит, как завороженный за этой страшноватый сверкающий «Понтиак». Потом бросается прямо в поток машин. Я смотрю, как мелькают впереди его чешская рубашка с такими, знаете ли, искорками, штаны неизвестного мне происхождения, австрийские туфли и стриженная под французским юмик русская голова. Благополучно увильнув от двух «Побед», от «Волги» и «Шкоды», он попадает в руки постового. За моей спиной переговариваются две старушки:

— Сердце заколотило. Ну и псяки эти нынешние!

— Штаныто жизненку, что ли, недел? Все швы наруку.

Загигается зеленый свет. Я пересекаю улицу. У будки регулировщика Димка бубнит:

— И паспорта нету и денег...

Я плачу пять рублей и получаю квитанцию. Дальше мы идем вместе с моим младшим братом.

— Чудак,— говорит он мне,— деньги мильту отдал. Вот чудак!

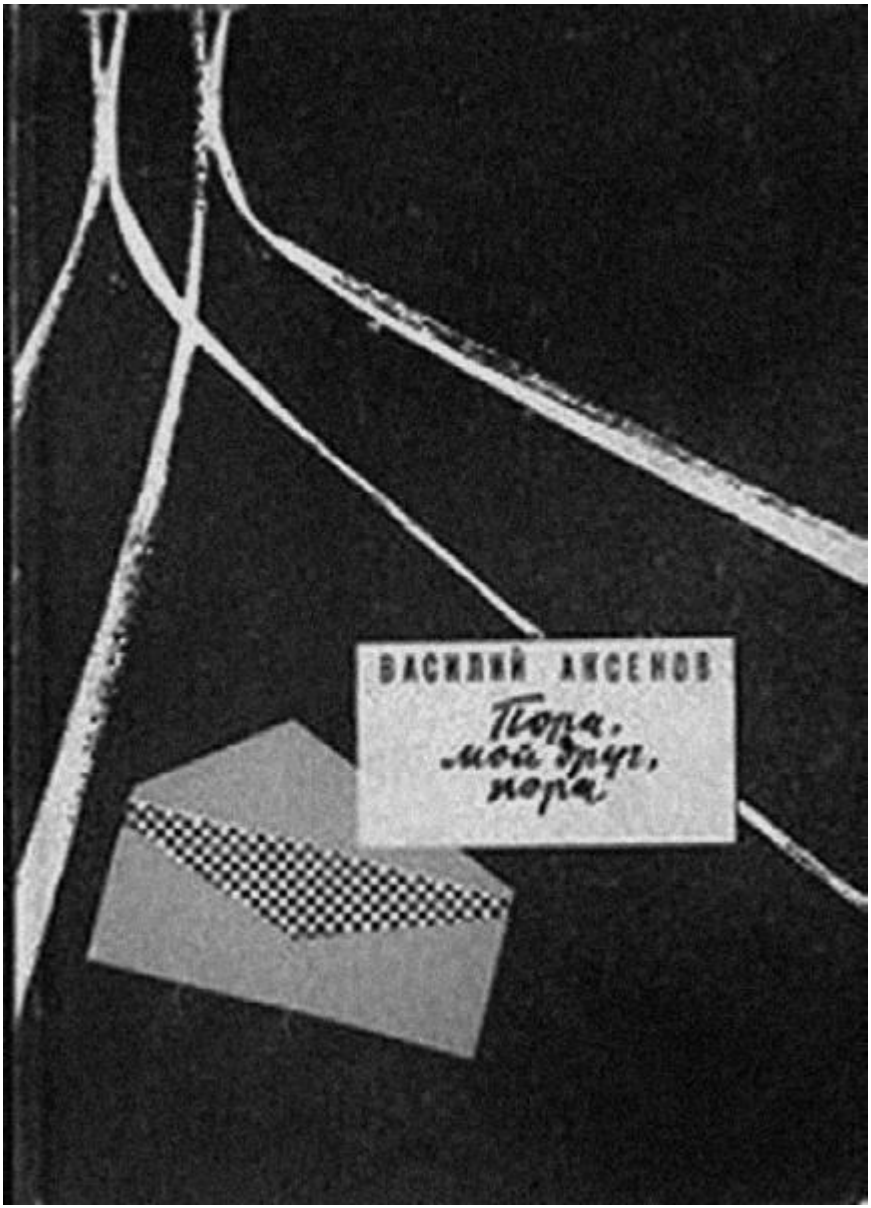
— Увели бы тебя сейчас,— говорю я.

— Как же, увели бы!..

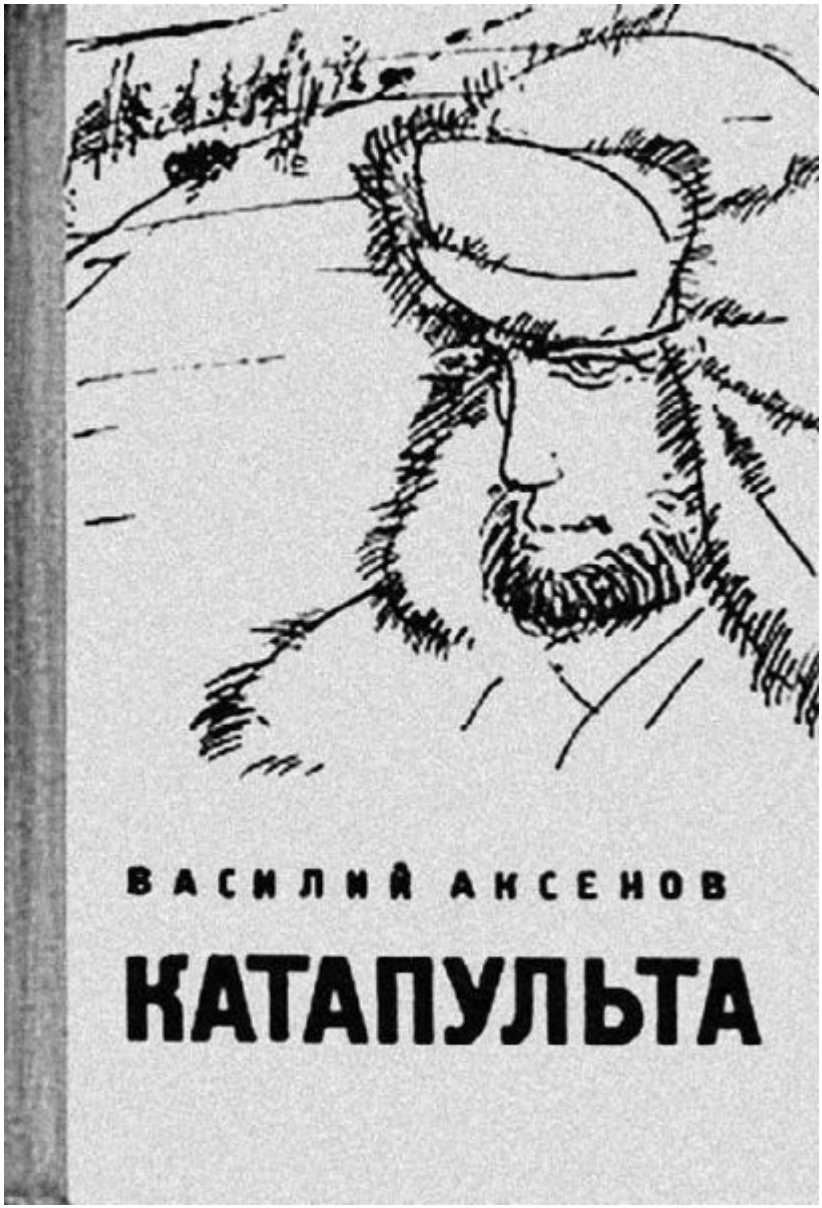
Димка свистит и смотрит по сторонам. Бросает пятак газировщице, пьет «чистенькую». Я жду, пока он пьет. Идем дальше. Приближаемся к нашему дому.

— Как диссертация? Назначили оппонентов?— спрашивает Димка.

В 1960-х годах произведения В.Аксенова часто печатаются в журнале «Юность». В течение нескольких лет он является членом редколлегии журнала.



1963 г.



1964 г.

1965 г.

1966 г.

Этот снимок «знаменитого прозаика шестидесятых». очень любили журналисты и издатели.

Москва, Кремлевский дворец съездов. Март 1963 г. Разгромная речь Н.С.Хрущева на встрече с творческой интеллигенцией во время пленума ЦК КПСС. Основные обвиняемые – Аксенов и Вознесенский. «Аксенов, вы мстите нам за своего отца?..»

С Андреем Вознесенским. Конец оттепели. 1963 г.

Кира Менделева-Аксенова с единственным сыном В.П. – Алексеем.

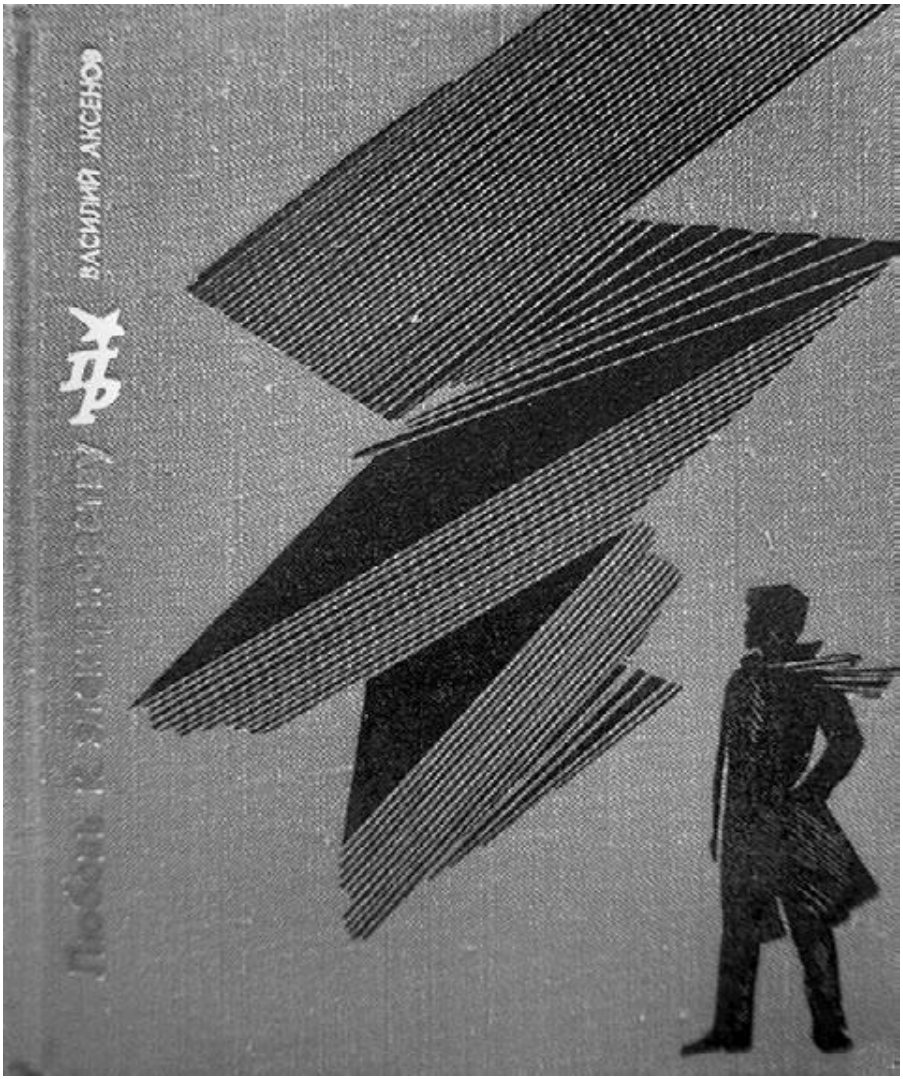
Василий Аксенов и Алеша, «маленький Кит – лакировщик действительности».

С Кирой. Начало 1970-х гг.

Одно из первых изданий «Крутого маршрута». Франкфурт-на-Майне, 1967 г. В СССР книга будет запрещена еще двадцать лет.

Евгения Семеновна Гинзбург, опальный автор знаменитых лагерных мемуаров. Середина 1970-х гг.

«Поиски жанра». В 70-е цензура усиливается. Публикуются только детские книги Аксенова, а также книги идеологически выверенного содержания.



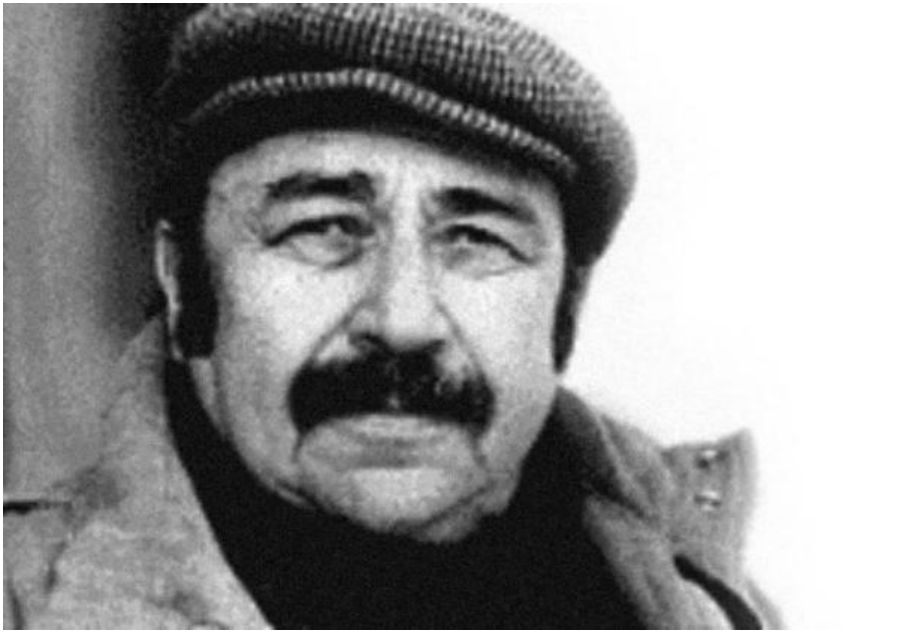
Книга о Леониде Красине из серии «Пламенные революционеры», для которой писали многие «пламенные революционеры» тех лет: Гладилин, Владимов, Войнович, Окуджава и др.

«Приключенческий, документальный, детективный, криминальный, политический, пародийный, сатирический, научно-фантастический и, что самое главное, при всем при этом реалистический» роман.

ВАСИЛИЙ
АКСЕНОВ
МОЙ ДЕДУШКА-ПАМЯТНИК

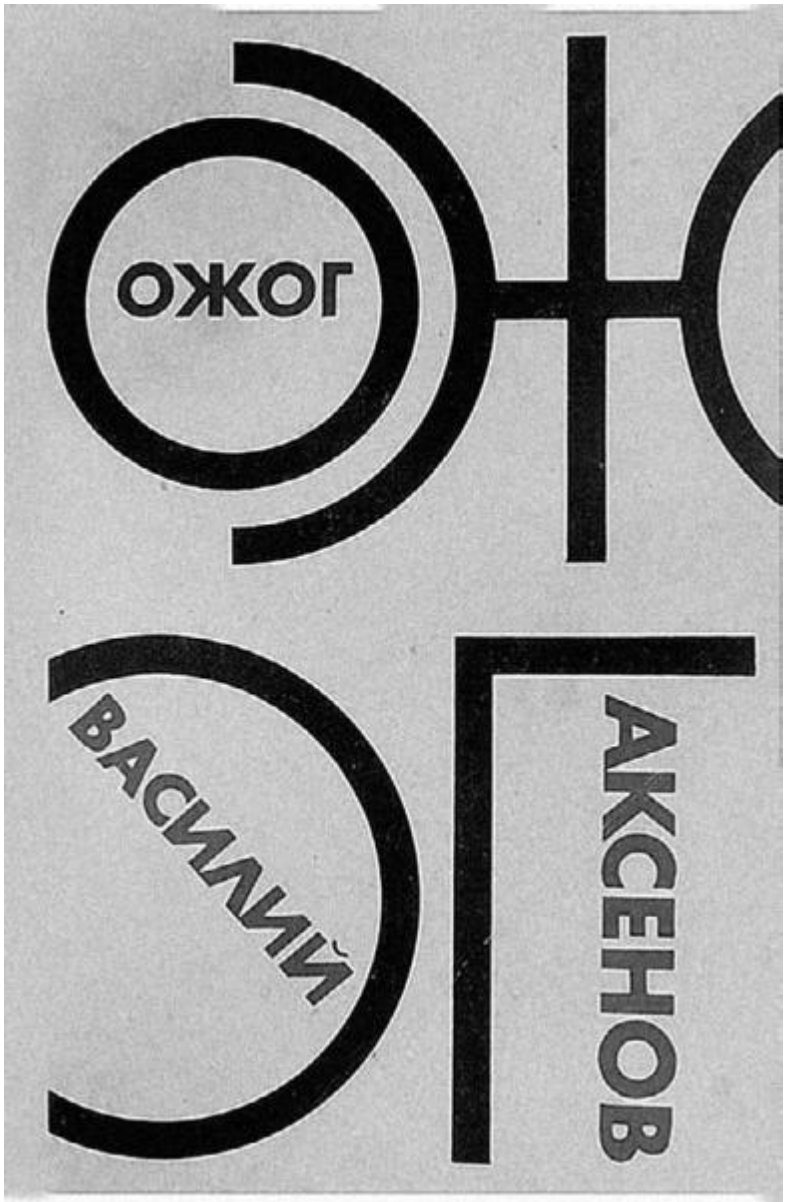
Книги для детей.

Писатель Гривадий Горпожакс – автор книги «Джин Грин-неприкасаемый» един в трех лицах: Овадий Горчаков и Василий Аксенов, …



… и Григорий Поженян.

Альманах «Метрополь». Первое издание в виде репринта. «Ардис», 1979 г.



Роман «Ожог» был написан в 1975 г. и вышел в свет в том же издательстве «Ардис» в 1980 г.

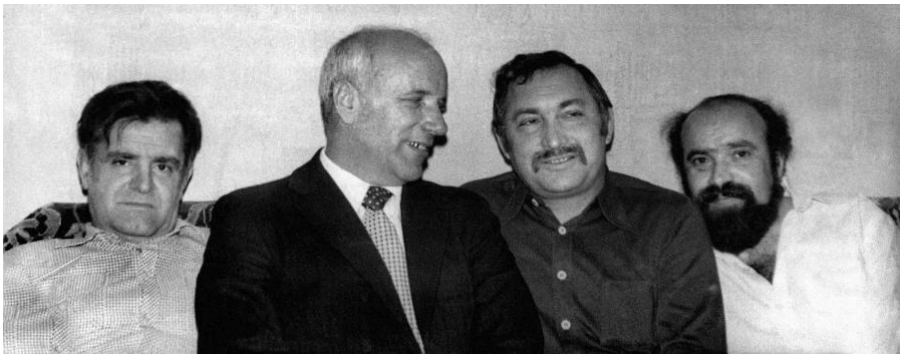
Метропольцы и вокруг. Сверху вниз: Б. Окуджава, В. Тростников, Ф. Горенштейн, В. Ракитин, Е. Попов, С. Бабенышева, Н. Кузнецова, С. Иванова, Ф. Искандер, О. Окуджава, Л. Копелев, В. Войнович, Б. Мессерер, С. Липкин, И. Лиснянская, Г. Владимов, А. Битов, Л. Баткин, Г. Балтер, Р. Белль (?), Г. Белль с «Метрополем» в руках, А. Белль, В. Славутская, Р. Орлова, Г. Сапгир, М. Кармен, Ю. Трифонов, В. Аксенов, Вик. Ерофеев, В. Скура, Жан-Луи (?), О. Трифонова-Мирошниченко, Х. Уитни, К. Уитни. Москва, 1979 г. Фото В. Плотникова

Карл и Элендея Проффер в редакции издательства «Ардис». Конец 1970-х гг.

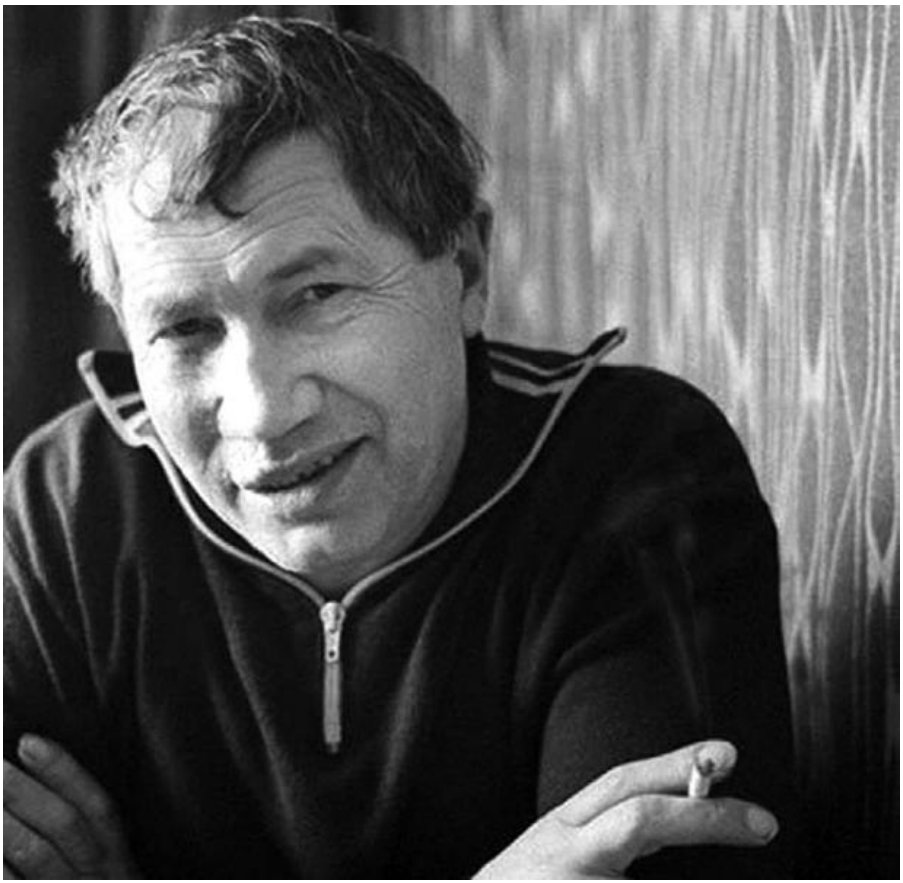
Иосиф Бродский, Элендея Проффер, Маша Слоним, Василий

Аксенов в гостях у Профферов в Энн-Арборе. 1975 г.

Знаменитая фотография Валерия Плотникова. В мастерской Б. Мессерера. 1979 г. Внизу слева направо: Борис Мессерер, Фазиль Искандер, Андрей Битов, Василий Аксенов, Майя Кармен. Вверху справа налево: Зоя Богуславская, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Виктор Ерофеев, Евгений Попов.



Метропольцы Фазиль Искандер и Виктор Тростников, Фридрих Горенштейн и Евгений Попов. 1979 г.

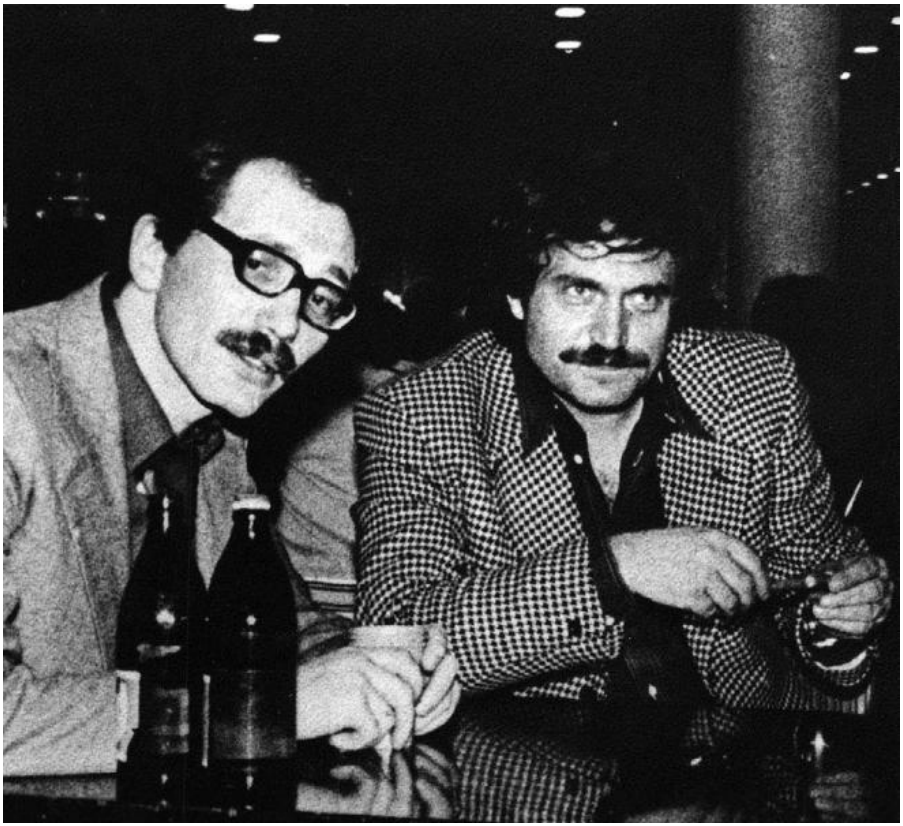


Георгий Владимов: «„Остров Крым“ прочел не отрываясь… позволь поздравить тебя от души».

Анатолий Гладилин – легенда «молодежной прозы» конца 1950-х гг «Вася, Вася, я снялася…»

С Беллой Ахмадулиной в мастерской Бориса Мессерера. 1980 г.

Семен Липкин и Инна Лиснянская вместе с Аксеновым вышли из Союза писателей в знак протеста против исключения Виктора Ерофеева и Евгения Попова.

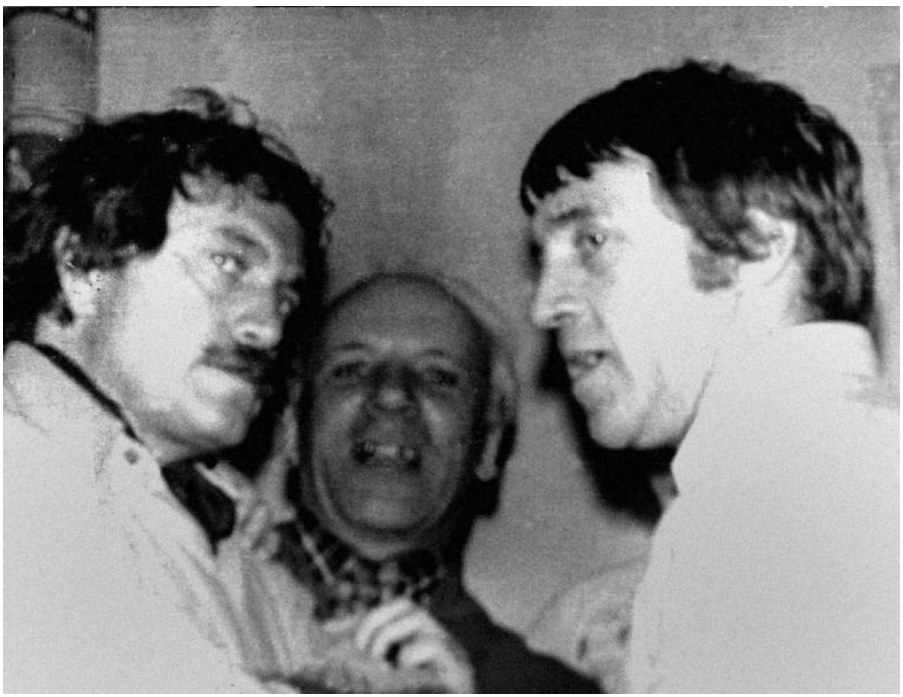


Молодой (тогда) прозаик Александр Кабаков и мэтр Василий Аксенов. Джазовый фестиваль в Москве. Конец 1970-х гг.

Майя Кармен – Майка, она же Мариан Кулага в романе «Ожог». Фото конца 1950-х гг.

«Все было не просто, но любовь была очень сильная». Роман «Ожог» посвящен Майе. Конец 1970-х гг.

Василий и Майя Аксеновы в день свадьбы. С Борисом Мессерером и Беллой Ахмадулиной. Переделкино, 30 мая 1980 г.



22 июля 1980 года Аксенов с семьей покинул Россию, а через три дня умер Владимир Высоцкий. Фото конца 1970-х гг.

Проводы – впереди эмигрантская жизнь. В центре Алена Овчинникова (дочь Майи) с сыном Иваном; Майя и Василий среди провожающих у подъезда дома на Котельнической набережной. 22 июля 1980 г.

Высотка на Котельнической набережной. «Москва-ква-ква». Здесь была квартира Майи Аксеновой. Отсюда Аксеновы отправились в эмиграцию и куда снова вернулись в 1990-х гг.

notes

Примечания

1

Марк Гольдштейн – товарищ по Казанскому мединституту.

2

Рустам Аллямович Вяселев (1900–1967) – директор Казанского мединститута, профессор («обаятельный и мудрый человек с мягкой улыбкой», – читаем в Интернете); дважды исключал Василия Аксенова из института, потому что тот уже находился в разработке органов госбезопасности как сын «врагов народа». Формальной причиной отчисления была анкета, заполнявшаяся Аксеновым при поступлении в институт, – абитуриент не указал, что его родители репрессированы.

3

Василий Аксенов дважды, по совету матери (см. ее письмо от 7.05.54), ездил в Москву, в Министерство здравоохранения, где обжаловал действия директора Вяселева. В Министерстве сочли решения директора не соответствующими времени (уже шла реабилитация незаконно репрессированных) – Аксенова дважды восстанавливали в институте.

4

Конец письма утерян.

5

Профессия врача, как это уже не раз отмечалось, была выбрана по совету матери и ее третьего мужа, которые не сомневались, что сына «врагов народа» рано или поздно тоже ожидает лагерь, а участь врача в лагере легче, чем у прочих.

6

Гомеопатическое средство – шарики трилистника. См.: «Крутой маршрут».

7

Ксения Васильевна Аксенова (1895–1983) – старшая сестра Павла Васильевича; в ее семье прошли детские годы Василия Аксенова после ареста родителей в 1937 году.

8

В 1949 году Василий Аксенов приезжал в Магадан, к матери, где окончил десятый класс и получил аттестат зрелости, после чего вернулся в Казань и поступил в медицинский институт.

9

Младшая сестра Евгении Семеновны. См.: вступительную статью.

10

Истории с пальто. См.: вступительную статью и рассказ Василия Аксенова «Три шинели и Нос».

11

Антон Яковлевич Вальтер (1899–1959) – третий муж Е. С. Гинзбург, приверженец гомеопатии. См.: о шариках «Джек на кафедре».

12

Зинаида Васильевна – приехала в Магадан с сыном Юрием к находящемуся на поселении мужу. См.: письмо Е. С. Гинзбург от 19.10.54 и прим. Здесь имеется в виду ее возвращение из поездки в Казань.

13

Евфимия, няня Василия Аксенова до ареста родителей.

П. В. Аксенов, находился после лагеря на поселении в Красноярском крае.

15

Антон Яковлевич Вальтер.

16

Аксенов был исключен из института. См.: прим. к вступительной статье.

17

Директору Казанского мединститута.

18

Имеется в виду льгота при поступлении в институт для абитуриентов с Крайнего Севера, которой воспользовался В. Аксенов.

19

Из Магадана, где В. Аксенов получил аттестат зрелости.

20

В Ленинградский медицинский институт, куда Аксенов переведется осенью.

21

Имеется в виду массовая реабилитация незаконно репрессированных.

22

Н. С. Гинзбург.

23

Город в Татарстане в 65 км от Казани, райцентр.

24

Город в Татарстане в 38 км от Казани.

25

Имеется в виду П. В. Аксенов.

26

Антонина Павловна Аксенова (первоначальная фамилия Хинчинская, р. 1945), приемная дочь Е. С. Гинзбург.

27

Сын Н. С. Гинзбург, младшей сестры Е. С. Гинзбург.

Этих писем в американском архиве В. Аксенова нет.

29

Н. С. Гинзбург.

30

Место ссылки П. В. Аксенова после лагеря.

31

См. вступительную статью.

32

Магаданские и казанские друзья, Юрий и Зинаида Васильевна. См.: письмо Е. С. Гинзбург от 01.10.53 и прим. Юрий Акимов познакомился с Василием Аксеновым в магаданской средней школе, по окончании которой Василий предложил ему ехать в Казань, чтобы поступить в институт. «Вася, мы же дети врагов народа!» – возражал Юрий. «Скроем», – отвечал Василий. Юрий поступил в строительный институт. Впоследствии Юрий Петрович Акимов (1932–2008) – министр жилищно-коммунального хозяйства Татарской АССР (с 1980 по 1989 г.). О встрече с Юрием Акимовым в сентябре 1963 года упоминается в дневниковых записях Василия Аксенова 1962–1965 гг.

33

Заключительная строфа стихотворения Николая Гумилева «Индюк» (1920).

34

Владимир Ильич Вегер (1888–1945) – революционер-большевик, публицист.

35

Первый муж Евгении Гинзбург.

36

Сын Евгении Гинзбург от первого брака. Родился в 1926 г., умер в 1944 г. от истощения в Ленинградской блокаде.

37

Фильм режиссера Анри-Жоржа Клузо, в главной роли Ив Монтан (Франция – Италия, 1953).

38

В фильме два водителя везут за вознаграждение взрывоопасный груз (нитроглицерин), который может взорваться при любом толчке грузовика.

39

Имеется в виду арест в 1949 году в Магадане, имевший целью оформить пожизненное поселение в Магадане. Василий учился в 10-м классе магаданской школы и после ареста матери остался один (см. «Крутой маршрут»).

40

Дочь Павла Васильевича Аксенова от первого брака, сводная сестра Василия Аксенова.

41

Ксения Васильевна, старшая сестра Павла Васильевича; см.: письмо Евгении Гинзбург от 1 октября 1953 г.

42

Речь идет о военной подготовке студентов по планам военной кафедры мединститута.

За счет постоянного субсидирования Е. С. Гинзбург.

44

Статья Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающая ответственность за злоупотребление служебным положением.

Муж Н.С. Гинзбург.

46

Девушка Василия.

47

Короткометражный сатирический фильм о стилягах режиссера В. Ордынского («Мосфильм», 1955).

Имеется в виду, что родители В. Аксенова полностью реабилитированы.

49

Е. С. Гинзбург и В. Аксенов обсуждают возможность приезда Аксенова в Магадан по распределению после окончания института.

50

А. Я. Вальтеру запрещено было использовать гомеопатические методы лечения.

51

Имеется в виду арест Е. С. Гинзбург в 1949 году.

52

Магаданские сотрудники госбезопасности, увозившие Евгению Гинзбург в тюрьму, упоминаются в «Крутом маршруте».

54

Барток-Рихтер Гертруда, доктор философии, немка; магаданская знакомая Евгении Гинзбург, была повторно арестована в 1949 году в одно время с Евгенией Гинзбург, упоминается в «Крутом маршруте».

55

Речь идет о намерении В. Аксенова устроиться врачом на суда дальнего плавания.

Дмитрий Архангельский.

57

Барток-Рихтер

58

Надеясь осуществить свое желание уйти в заграничное плавание, Аксенов устроился работать врачом в Ленинградском порту.

59

Лица не установлены.

60

Зегерс Анна (1900–1983) – немецкая писательница-антифашистка, председатель Союза писателей ГДР с 1958 по 1978 г.

61

Магаданские и казанские друзья Аксеновых. См.: письма Е. С. Гинзбург от 01.10.53 и 19.10.54 и прим.

62

Менделева Кира Людвиговна (1934–2013) – будущая жена В. Аксенова.

63

Так называемые венгерские события октября-ноября 1956 года: вооруженное восстание в Венгрии против просоветского правительства, жестоко подавленное советскими войсками. Двадцатичетырехлетний Василий сочувствовал восставшим венграм (см. рассказ «Три шинели и Нос»).

Ленинградский государственный педагогический институт (ЛГПИ) им. А. И. Герцена.

Видимо, имеется в виду – функционирую.

66

Производственный роман В. Д. Дудинцева (1918–1998), вызвавший большой интерес читающей публики и подвергшийся жесточайшей критике литературного начальства за изображение советского бюрократизма.

67

Фильм Раффаэлло Матарацци (Италия, 1953).

Имеются в виду венгерские события.

69

Из-за официального отказа в оформлении заграничной визы.

В это время В. Аксенов работает главврачом в больнице поселка городского типа Вознесенье Подпорожского района Ленинградской области.

71

Речь идет о бабушке Киры, Белле Павловне.

Аксенов-старший жил у дочери Майи.

73

Кто он, Алексей Александрович Орлов, узнать уже не у кого.

74

Записка из магаданской тюрьмы, куда Е. Гинзбург была помещена после внезапного ареста в сентябре 1949 года. См.: вступительную заметку, а также в разделе «Анфан террибль и его родители» письмо Е. Гинзбург от 28.02.55.

75

Сестра Евгении Семеновны, см. раздел «Анфан террибль и его родители».

76

Карепова Юлия (1904–1994) – магаданская подруга Евгении Гинзбург.

Любимов Лев. На чужбине // Новый мир. 1957. № 2–4.

78

Фильм «Во власти золота» режиссера И. Правова по произведениям Д.Н. Мамина-Сибиряка (Свердловская киностудия, 1957).

79

Жерар Филип.

Теща Василия Аксенова.

81

Бабушка жены Василия Аксенова.

82

Лицо не установлено.

83

Имеются в виду квартирные хозяева Е. Гинзбург.

Лицо не установлено.

85

Окончание письма не сохранилось.

По-видимому, сестра Беллы Павловны.

87

В американском архиве писателя сохранилась машинопись рассказа «Люди с „Гамлета“», опубликованная в книге: Василий Аксенов. Одно сплошное Карузо. М.: Эксмо, 2014.

88

Франсуа Мориак (1885–1970) – французский писатель; лауреат Нобелевской премии в области литературы (1952), один из самых крупных католических писателей XX века.

89

Сборный домик.

Воспоминания Е. Гинзбург «Так начиналось. Записки учительницы» будут опубликованы в 1963 году в Казани.

91

Злобин Степан Павлович (1903–1965) – писатель, автор популярного романа «Степан Разин».

Берта Ионовна, мать Киры.

93

Поселок неподалеку от Львова, климатический курорт.

Видимо, на Финском заливе под Ленинградом.

95

Петр Наумович Ойфа (1907–1987) – русский советский поэт.

Прочесть роман Пастернака было практически негде, самиздат только начал развиваться.

97

Екатерина Алексеевна Фурцева (1910–1974) – министр культуры.

98

Роман Даниила Гранина «После свадьбы» (1958) посвящен судьбе молодого изобретателя, посланного комсомолом на работу в деревню.

Имеется в виду будущая повесть «Звездный билет».

100

Одиозный роман Всеволода Кочетова, опубликованный в журнале «Нева» (1958, № 6, 7), – идейный антипод пастернаковскому «Доктору Живаго».

101

Леонид Николаевич Мартынов (1905–1980) – поэт, особенно популярный в период хрущевской оттепели.

102

По-видимому, имеется в виду разговор во время приезда Е. Гинзбург в Москву проездом на отдых в Крым.

103

Мэри Лазаревна Озерова (? – 2003) – редактор отдела прозы.

По-видимому, по каким-то причинам потом это решение было изменено, и в июньский номер были поставлены рассказы «Наша Вера Ивановна» и «Асфальтовые дороги». Рассказ «про продавщицу» не известен.

105

Вероятно, Владимир Михайлович Померанцев.

106

Лицо не установлено, по-видимому, врач.

107

Речь идет о публикации воспоминаний о рабфаке Е. С. Гинзбург.

Видимо, рассказы В. Аксенова «Наша Вера Ивановна» и «Асфальтовые дороги», которые будут напечатаны в № 7 «Юности» за этот год, уже были приняты к печати.

109

Леопольд Абрамович Железнов (? – 1988) – ответственный секретарь редакции.

110

Сергей Николаевич Преображенский (1908–1979) – зам. главного редактора.

То есть журнал «Юность».

В следующем году повесть «Коллеги» о молодых врачах будет опубликована в «Юности».

113

«Звездный билет».

114

Место работы Василия Аксенова в Ленинградской области.

115

Эсфирь Хаскелевна Питляр (1915–2007) – литературный критик, псевдоним – Ирина Александровна Питляр.

116

Владимир Михайлович Померанцев (1907–1971) – писатель; его статья «Об искренности в литературе» («Новый мир», 1953) стала одним из самых значительных документов периода оттепели.

117

Чья была повесть, нет сведений.

118

Рассказы «Наша Вера Ивановна» и «Асфальтовые дороги» появятся в № 7 за 1959 г.

119

См.: письмо В. Аксенова от марта (?) 1959 г.

120

«Приключения Весли Джексона» (1946) – пацифистский роман американского писателя Уильяма Сарояна (1908–1981).

121

Курортный поселок в Юрмале.

122

«Юность», № 7, где впервые опубликованы рассказы Василия Аксенова. См.: предыдущее письмо.

123

Курортный город в Ленинградской области.

Бабушка Киры по отцу.

125

Юлия Ароновна.

«Коллеги».

127

В это время Аксенов был на лагерных сборах от военкомата.

«Коллеги».

129

Лицо не установлено.

Через бюро обмена предполагался обмен львовской жилплощади на московскую.

131

В родильном доме.

«Звездный билет».

133

С утра до темноты //Литературная газета. 1960. 26 сентября. № 144.

Имеется в виду только что родившийся сын Алексей.

135

Переделкино.

По-видимому, работник бюро обмена жилплощади.

137

Имеются в виду львовские квартирные неурядицы Е. Гинзбург.

«Звездный билет».

139

По-видимому, работник львовского бюро обмена жилплощади.

140

Имеется в виду болезнь Киры.

141

Александр Григорьевич Зархи (1908–1997) – кинорежиссер и сценарист, режиссер фильма «Мой младший брат» по повести Аксенова «Звездный билет».

По-видимому, благожелательный отзыв о «Звездном билете».

«Литература и жизнь» – газета Союза писателей.

144

Александр Львович Дымшиц (1910–1975) – советский литературовед, литературный и театральный критик.

145

Станислав Борисович Рассадин (1935–2012) – литературный критик, литературовед.

146

Домашнее прозвище сына Алексея.

147

Альманах, изданный в Калуге в 1961 г. под патронажем Константина Паустовского, вызвал резкую критику литературного начальства и партийных органов.

148

Постановка по пьесе «Коллеги» (совместно с Ю. Стабовым) в Украинском драматическом театре им. М. Заньковецкой.

149

Олег Николаевич Сталинский (1906–1990) – ведущий солист Львовского театра оперы и балета (указано Игорем Введенским).

150

Патрис Лумумба (1925–1961) – первый премьер-министр Демократической Республики Конго, просоветской ориентации, был убит в результате политической борьбы за власть.

151

Постановка «Коллег». См.: предыдущее письмо и прим.

152

Андрей, Марк, Наташа – львовские знакомые Е. Гинзбург, сверстники Антонины.

153

Львовские друзья Е.Гинзбург: Олег Николаевич Сталинский (см. прим. к предыдущему письму) и Брендорф – врач, живший по соседству (указано И. Введенским).

«Всегда в продаже».

155

Берта Ионовна, теща В. Аксенова.

156

Валдис Лукс (1905–1985) – латвийский советский поэт.

157

Женский исправительно-трудовой лагерь в Ягоднинском районе Магаданской области.

158

Повесть «Апельсины из Марокко» опубликована в январском номере «Юности» за 1963 год.

159

«Когда разводят мосты» – художественный фильм по сценарию В. Аксенова режиссеров Виктора Соколова и Семена Деревянского («Ленфильм», 1962).

160

Фильм «Мой младший брат», экранизация «Звездного билета».

«Дикой», «Местный хулиган Абрамашвили», «Товарищ красивый Фуражкин», «Маленький Кит, лакировщик действительности», «Жаль, что вас не было с нами».

162

Имеется в виду сценарий фильма «Путешествие» по рассказам Василия Аксенова. В киноновелле «На полпути к Луне» снимался сам автор (указано Андреем Куликом).

163

Валентин Иванович Ежов (1921–2004) – сценарист кинофильмов «Баллада о солдате», «Крылья», «Чистое небо».

164

Виктор Викторович Конецкий (1929–2002) – писатель, сценарист.

165

Сценарий кинокомедии было задумано писать сообща, но вместо работы «сценаристы» ударились в загул. А в какой-то момент осознав это, разъехались в разные стороны.

166

Первая часть «Крутого маршрута»; будет отклонена журналами «Новый мир» и «Юность», разойдется колоссальным количеством экз. в самиздате и попадет наконец на Запад, где будет опубликована сначала в Милане, а затем во Франкфурте-на-Майне и многих других издательствах, в том числе в Нью-Йорке. Полный текст книги будет опубликован в Милане в 1979 г., в Советском Союзе – в 1988 г. во время перестройки.

167

Анатолий Тихонович Гладилин (р. 1935) – в шестидесятых годах один из талантливых и перспективных молодых советских писателей.

168

Шутливое прозвище Владимира Петровича Дьяченко (1934–1998) – режиссера Одесской киностудии.

169

Писательский дом творчества в Юрмале.

170

Пьеса «Твой убийца» будет окончена в 1966 г., но не опубликована.

171

Рассказ будет опубликован в июньском номере «Юности» за 1965 год.

II съезд писателей РСФСР.

Евтушенко.

174

Имеется в виду машинопись «Крутого маршрута» (см. письмо из Переделкино от 10.09.64 и прим.).

175

Январский номер «Нового мира» был юбилейным (сорокалетие журнала). В статье А. Твардовского подчеркивалось, что публикуемые в журнале авторы «стремятся следовать правде жизни, а не предвзятым, заранее заданным представлениям о ней». Это являлось открытым вызовом партийному руководству литературой.

176

Джон Апдайк (1932–2009) – классик американской литературы XX века.

МК – Московский городской комитет КПСС.

178

Приспособления для перемещения на сцене декораций.

179

Получение разрешения из органов цензуры, в данном случае – Главного управления по делам литературы и издательств (Главлит).

180

Пьеса «Всегда в продаже» была поставлена Олегом Ефремовым в театре «Современник» в 1965 г.

181

Рассказ «Жаль, что вас не было с нами».

182

Сын Василия и Киры.

183

Писательский дом отдыха под Москвой.

184

См. письмо В. Аксенова от 10.03.65 и прим.

185

Повесть «Стальная птица» (1965) в Советском Союзе напечатана не будет. Впервые в России: Аксенов В. Собр. соч.: в 5 т. М.: Изд. дом «Юность», 1995.

186

Лиелупе – часть Юрмалы.

187

Борис Николаевич Полевой (1908–1981), в то время главный редактор «Юности», и Виктор Николаевич Ильин (1904–1990) – секретарь Союза писателей СССР, генерал-лейтенант КГБ.

Аксенов В. На полпути к луне. М.: Советская Россия, 1965.

189

Издательство политической литературы запланировало серию «Пламенные революционеры», к написанию книг привлекались самые популярные писатели: А. Гладилин, Б. Окуджава, Ю. Трифонов, В. Войнович и др. В 1971 г. в этой серии выйдет книга В. Аксенова о Леониде Красине «Любовь к электричеству».

190

Письмо не найдено.

Имеются в виду сопки на берегу Финского залива.

192

О каком договоре идет речь, неизвестно.

193

Леонид Генрихович Зорин (р. 1924) – писатель, драматург, сценарист.

194

Александр Ильич Гинзбург (1936–2002) – диссидент, правозащитник, был арестован в январе 1967 года за составление и публикацию на Западе «Белой книги» о процессе над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем, прошедшем с осени 1965 по февраль 1966 года.

195

Повесть «Затоваренная бочкотара» будет опубликована в 1968 году в № 3 «Юности». Позднее, уже в эмиграции, в беседе с известным американским славистом Джоном Глэдом автор заметит: «Они не могли понять, против чего же тут Аксенов. Они уже хорошо знали, что я всегда против чего-то, и не ждали от меня хорошего. Но вот против чего конкретно – совершенно непонятно».

196

Пьеса «Аристофаниана с лягушками» не была поставлена.

197

Одна из них «Твой убийца».

Одна из них «Стальная птица».

199

Крупнейший город на Куршской косе в Прибалтике, где Аксенов несколько лет подряд отдыхал с женой и сыном.

200

Здесь прочитывается ассоциативная связь с ретроградом Всеволодом Кочетовым.

201

Стасис Альгирдо Красаускас (1929–1977) – художник-график, его линогравюра стала эмблемой журнала «Юность».

Близкий знакомый Е. Гинзбург.

203

Жена Владимира Михайловича Россельса (1914–1999), переводчика украинской литературы, тоже переводчица украинской литературы.

Имеется в виду писательский дом отдыха в Малеевке.

205

Петр Нилович Демичев (1918–2010) – секретарь ЦК КПСС. Встреча, по-видимому, была инициирована В. Аксеновым в связи с открытым противостоянием между ним и зам. заведующего отделом культуры ЦК КПСС А. А. Беляевым.

206

Майя Афанасьевна Овчинникова (1930–2014) – будущая вторая жена В. Аксенова.

207

Германская Демократическая Республика (Восточная Германия), сателлит СССР.

ДЕФА – ведущая киностудия ГДР.

209

Два следственных дела Евгении Гинзбург. / Сост., авт. вступ. ст. А. Л. Литвинов. Казань: Книжный дом; Тавес, 1994.

Опубликовано: Октябрь. 2012. № 8. С. 3–26.

211

Осенью 1976 года Василию Аксенову удалось добиться от советских властей разрешения на поездку во Францию вместе с матерью Евгенией Гинзбург. Эта первая в ее жизни заграничная поездка стала для смертельно больной Евгении Семеновны большой радостью, скрасившей последние месяцы ее жизни. Ее не стало 25 мая следующего года. Публикуемые записи сделаны во время пребывания в Париже.

212

Условное название КГБ.

213

Северный вокзал.

Леон Робель (р. 1928) – поэт-переводчик, славист, почетный профессор Национального института восточных языков и культур (Париж).

215

Башня Монпарнас – небоскреб, расположенный в XV округе столицы Франции Парижа.

Анатолий Тихонович Гладилин, сокращение имен и фамилий советских эмигрантов здесь и далее, видимо, делается из осторожности, усвоенной бывшей советской лагерницей.

217

Ольга Ильина-Лаиль, младшая сестра писательницы Натальи Иосифовны Ильиной (1914–1994).

218

Владимир Емельянович Максимов (1930–1995) – писатель, в эмиграции с 1974 г., главный редактор журнала «Континент».

219

Максимов.

Скорее всего, Ирина Александровна Питляр (см. прим. с. 96).

221

Сент-Шапель (Святая капелла) – готическая часовня-реликварий на территории бывшего Королевского дворца (затем Консьержери) на острове Сите в Париже.

Свобода, равенство, братство *(франц.)*.

223

Известная переводчица русской литературы, в частности, произведений Василия Аксенова.

Леворадикальное движение.

225

Кафе-о-ле (от *фр.* café au lait) – кофе с молоком.

«В память о депортации».

227

Без наркотиков.

228

Улица, где располагалось советское посольство, которое обязан был посетить прибывший в Париж Василий Аксенов.

229

Площадь Звезды, площадь Согласия.

230

Жорес Александрович Медведев (р. 1925) – ученый-биолог, в 1973 году был лишен советского гражданства.

231

Рой Александрович Медведев (р. 1925) – брат-близнец Жореса Медведева, советский историк, публицист.

232

Лицо не установлено.

233

Дочь всемирно известного художника Марка Шагала, эмигрировавшего из Советской России в 1922 г..

«Это животные».

235

Иосиф Александрович Бродский (1940–1996) – поэт, будущий лауреат Нобелевской премии (1987); в эмиграции с 1972 года.

Вероятно, Анатолий Тихонович Гладилин и Владимир Рафаилович Марамзин.

Античный мир, античность *(франц.)*.

238

Лицо не установлено.

239

Зинаида Алексеевна Шаховская (1906–2001) – эмигрантка первой волны, княгиня, писательница и журналистка, автор книги воспоминаний «Таков мой век» (перевод с франц., М.: «Русский путь», 2006).

240

Вероятно, Софья (или Степанида) Власьевна – эвфемистическое обозначение советской власти.

241

Лица не установлены.

242

Людовик XIV.

243

Антуан Витез (1930–1990) – французский театральный актер и режиссер, педагог, переводчик, одна из крупнейших фигур французской сцены 60–80-х годов.

Это пошлость (*франц.*).

245

Из стихотворения Владислава Ходасевича «Встаю расслабленный с постели…» (1923).

246

Лицо не установлено.

247

Жюль Ренар (1864–1910) – французский писатель, член Гонкуровской академии.

248

Лицо не установлено.

249

Гладилины.

250

Ефим Григорьевич Эткинд (1918–1999) – литературовед, в эмиграции с 1974 г.

251

Пригород.

252

Александр Исаевич Солженицын (1918–2008) – писатель, публицист, общественный и политический деятель, был насильственно выслан из Советского Союза в 1974 г., вернулся в Россию в 1994 г.

253

Лицо не установлено.

254

Дин Ворт – американский славист, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе.

255

Тайёр – женский костюм.

«Социальное обеспечение».

257

По-видимому, Джин Тоски Эджидио Пентираро, итальянский актер.

258

Григорий Цезаревич Свирский (р. 1921) – писатель, в эмиграции с 1972 г.

259

Смысл фразы неясен. А. Т. Твардовский вынужден был уйти из «Нового мира» в феврале 1970 г.

Опубликовано: Октябрь. 2011. № 10. С. 3–74 (с обширными комментариями Бориса Мессерера и под названием «В бесконечном объятии»).

261

От фамилии героя рассказа Ахмадулиной «Много собак и собака» Шелапутова; имеется в виду Белла Ахмадулина и какое-то ее заявление антисоветского характера.

262

Анатолий Тихонович Гладилин, в эмиграции с 1976 года, руководитель русской редакции американского радио «Свобода» в Париже.

Владимир Максимов, главный редактор журнала «Континент».

264

Виктор Платонович Некрасов (1911–1987) – писатель, автор знаменитой повести «В окопах Сталинграда», удостоенной Сталинской премии (1946); в эмиграции с 1974 г.

265

Клод Галлимар – директор крупнейшего французского издательства Gallimard до 1988 года.

266

Аэропорт им. Джона Кеннеди.

267

Сергей Донатович Довлатов (1941–1990) – писатель, в эмиграции с 1978 г.; в Нью-Йорке основал русскоязычную газету «Новый американец».

268

Город Джерси-Сити (штат Нью-Джерси), расположенный напротив Манхэттена.

269

Александр Давидович Глезер (р. 1934) – поэт, переводчик, издатель, искусствовед, в эмиграции с 1975 г.

270

Михаил Михайлович Шемякин (р. 1943) – художник-авангардист, в эмиграции с 1971 г., действительный член академии наук Нью-Йорка и академии искусств Европы.

271

Патриция Блейк – журналистка, литературный критик, редактор. В романе писателя-сталиниста Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь?» (1970) выведена под именем Порции Браун, как отрицательный персонаж (развратная американка, распространяющая в советском обществе «тлетворное влияние Запада»).

Фотограф, до эмиграции работал в «Литературной газете».

273

Вагрич Акопович Бахчанян (1938–2009) – художник, литератор-концептуалист, с 1967 по 1974 г. постоянный участник 16-й страницы «Литературной газеты», посвящавшейся юмору; в эмиграции с 1974 г.

Виктор Иосифович Славкин (1935–2014) – драматург.

275

Людмила Эфраимовна Лось – бывшая жена драматурга Юлиу Эдлиса, до эмиграции редактор радиовещания на Францию, преподавательница французского во ВГИКе.

Корреспонденты американских СМИ (в частности, газеты «Вашингтон пост»), работавшие в Москве.

277

Стипендия, предоставляемая за научно-исследовательскую работу в университете.

«Мичиганский „большой маленький городок“, город-кампус с его университетской „так-сказать-готикой“, ресторанчиками, лавками и копировальными мастерскими даун-тауна, ярко освещенными до глубокой ночи книжными магазинами, толпами „студяр“, запашком марихуаны, символизирующим либеральное меньшинство, и пушистыми зверьками, снующими среди поселений стабильного большинства…», – так описал его Василий Аксенов в своей книге об Америке «В поисках грустного бэби» (New York: Liberty Publishing House, 1987, с. 200). Здесь располагалось первое американское издательство русской литературы «Ардис», где печатались книги, издание которых в СССР было невозможно. См. вступительную заметку к переписке В. и М. Аксеновых с Б. Ахмадулиной и Б. Мессерером, а также «Из записей Майи Аксеновой».

Русские издания в Нью-Йорке.

280

Виктор Славкин.

281

Инна Львовна Лиснянская (1928–2014) – поэтесса.

282

Наталья Евгеньевна Горбаневская (1936–2013) – поэтесса, правозащитница, одна из семи участников демонстрации на Красной площади против ввода советских войск в Чехословакию; подвергалась принудительному содержанию в психиатрической больнице, эмигрировала во Францию в 1975 году; постоянная сотрудница «Континента» и парижской газеты «Русская мысль».

283

Семен Израилевич Липкин (1911–2003) – поэт, переводчик.

284

Юрий Михайлович Кублановский (р. 1947) – поэт, в эмиграции с 1982 г, вернулся в Россию в 1990 г.

285

Карл Проффер (1938–1984).

286

Евгений Борисович Рейн (р. 1935) – поэт.

287

Владимов Георгий Николаевич (1931–2003) – писатель, правозащитник, руководил московским отделением «Международной амнистии», под угрозой ареста будет вынужден эмигрировать из Советского Союза в мае 1983 года.

Ольга Матич – литературовед, профессор Калифорнийского университета в Беркли.

289

Владимир Николаевич Войнович (р. 1932) – писатель, в эмиграции с конца 1980 г., вернулся в Россию в 1990 г.

290

Лев Зиновьевич Копелев (1912–1997) – критик, писатель, германист; в ноябре 1980 года вместе с женой писательницей Раисой Орловой (1918–1989) выехал для чтения лекций в Германию и через два месяца был лишен советского гражданства.

291

Фридрих Наумович Горенштейн (1932–2002) – писатель, в эмиграции с 1980 г.

292

См. раздел «Вокруг калифорнийской конференции по русской литературе».

293

Писатель при университете (*англ.*).

Синяя птица, синяя радость (*англ.*).

295

Дин Ворт.

296

Игорь Маркович Ефимов (р. 1937) – писатель, в эмиграции с 1979 г., основал в Анн Арборе русское издательство «Эрмитаж».

297

Ловите голубиную почту (*англ.*).

298

Валерий Павлович Янклович (р. 1938), друг Владимира Высоцкого.

299

Распродажа.

300

Максим Дмитриевич Шостакович (р. 1938) – дирижер и пианист, сын Дмитрия Шостаковича; с 1981 г. в эмиграции, вернулся в Россию в 1997 г.

301

Советская власть.

302

Представительница второго поколения русской эмиграции первой волны, дружила с Аксеновыми.

303

Мэлор Георгиевич Стуруа (р. 1928) – советский журналист, собственный корреспондент газеты «Известия» в Нью-Йорке.

Нью-Йорк.

305

Лев (Феликс) Борисович Збарский (р. 1931) – художник книги, театра и кино, в эмиграции с середины 70-х гг.

306

Эдуард Вениаминович Лимонов (р. 1943) – писатель, в эмиграции с 1974 г., вернулся в Россию в 1991 г.

307

Саша (Александр Всеволодович) Соколов (р. 1943) – писатель, в эмиграции с 1975 г.

308

Эфраим Севела (в советский период жизни – Ефим Севела, 1928–2010) – русский писатель, сценарист и кинорежиссер, в эмиграции с 1971 года, вернулся в Россию в 1990 году.

309

Афганская борзая.

310

Марионеточный правитель Афганистана, поддерживаемый советскими войсками.

311

Владимир Данилович Козловский (р. 1947), в эмиграции с 1974 года, с 1979 года – собственный корреспондент русской службы ВВС в Нью-Йорке.

312

Сара Эммануиловна Бабенышева (1910–2007) – литературный критик, правозащитница, в эмиграции с начала 80-х годов.

313

Копелевы.

314

Океанский лайнер, названный в честь королевы Елизаветы II; флагман английского пароходства до 2004 г.

315

Азарий Эммануилович Мессерер (р. 1939) – журналист, переводчик, в эмиграции с 1981 г.

316

Пик Литтел – культурный атташе посольства США в Москве до лета 1983 года.

317

Строка из стихотворения Беллы Ахмадулиной «Мои товарищи» (1960).

318

Харрисон (Гаррисон) Солсбери (1908–1993) – журналист, писатель, первый постоянный корреспондент New York Times в Москве после Второй мировой войны.

319

То есть Беллы Ахмадулиной.

320

Жена Пика Литтела.

321

Счастливец (счастливица).

322

Зиновий Ефимович Гердт (1916–1996) – актер, народный артист СССР.

323

Евгений Евтушенко.

324

Владимир Аронович Фрумкин (р. 1929) – музыковед, исследователь феномена авторской песни.

325

Булат Шалвович Окуджава (1924–1997) – поэт, композитор, прозаик, сценарист.

КГБ.

327

Лицо не установлено.

328

Галина Федоровна Радченко-Балтер (1930–1995), вторая жена писателя Бориса Исааковича Балтера (1919–1974).

329

По-видимому, Марина – см. письмо Майи Аксеновой.

330

Владимир Семенович Высоцкий (1938–1980). 28 июля 1980 года Высоцкого хоронила буквально вся Москва, несмотря на отсутствие официальных сообщений о его смерти. Аксенов, только что прилетевший с семьей в Париж, узнал о его смерти, позвонив Ахмадулиной. «Не верю, не может быть!» – кричал он в трубку, услышав эту скорбную новость.

331

Александр Григорьевич Тышлер (1898–1980) – живописец, график, театральный художник, скульптор.

332

Надежда Яковлевна Мандельштам (1899–1980).

То есть опоздав, не в смысле бесплотной Н. Я. (*примечание Б. А.*)

Сэмюэль Рахлин – корреспондент датского радио.

335

Татьяна Евгеньевна Лаврова (1938–2007) – актриса театра и кино.

336

Савва (Савелий) Васильевич Ямщиков (1938–2009) – реставратор, историк искусства, публицист.

337

Михаил Кириллов-Угрюмов – физик.

Войнович.

339

В 1980 году писатели Филипп Берман, Николай Климонтович, Евгений Козловский, Владимир Кормер, Евгений Попов, Дмитрий Александрович Пригов и Евгений Харитонов объявили о создании независимого «Клуба беллетристов» и предложили властям издать небольшим тиражом подготовленный ими альманах «Каталог». Члены клуба подверглись преследованиям со стороны КГБ, особенно после того, как альманах был напечатан в США.

340

Владимир Федорович Кормер (1939–1986) – писатель, философ.

341

Евгений Попов.

342

Евгений Антонович Козловский (р. 1946) – прозаик, драматург, режиссер.

Энтони Остин – корреспондент New York Times в Москве.

344

Виктор Владимирович Ерофеев (р. 1947) – писатель.

345

Андрей Георгиевич Битов (р. 1937) – писатель.

Войновича.

347

Олег Григорьевич Чухонцев (р. 1938) – поэт.

348

В Лос-Анджелес.

349

Дин Ворт.

350

Венис (Венеция) – место отдыха, район в Лос-Анджелесе.

351

Лос-Анджелес

352

Уолтер Лиланд Кронкайт-младший (1916–2009) – американский тележурналист и телеведущий.

353

Имеется в виду движение «Солидарность» во главе с Лехом Валенсой в 1980–1981 гг.

354

Saturday Night Live («Субботним вечером в прямом эфире»), сокращенно SNL – вечерняя музыкально-юмористическая передача, одна из самых популярных и долгоиграющих в истории телевидения США.

355

OOH.

356

См. раздел «Вокруг калифорнийской конференции по русской литературе».

Нашу землю-матушку-планету *(англ.)*.

358

Дин Ворт (*англ.* Worth; дабл ю-ар-ти-эйч) – первые буквы фамилии.

359

Школа искусств *(англ.)*.

Вашингтон (округ Колумбия).

Нью-Йорк.

362

Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007) – поэт, художник, скульптор.

363

Евгений Владимирович Харитонов (1941–1981) – поэт, прозаик, драматург, режиссер. При жизни его произведения практически не публиковались.

364

Илья Захарович Вергасов (1914–1981) – писатель, ветеран Великой Отечественной войны, дача Вергасовых в Переделкино соседствовала с домом Б. Ахмадулиной и Б. Мессерера.

365

Феликс Феодосьевич Кузнецов (р.1931) – руководитель Московского Союза писателей, инициатор преследования участников альманаха «Метрополь».

366

Вениамин Александрович Каверин (1902–1989) – писатель.

367

Виктор Александрович Широков (р. 1945) – поэт, прозаик, литературный критик, старший редактор в «Литературной газете» с 1977 по 1981 г.

Дочь Ахмадулиной.

369

Лазарь Викторович Карелин (1920–2005) – писатель.

Виктор Сергеевич Фогельсон много лет был редактором отдела поэзии издательства «Советский писатель».

371

Би Гей, жена Пика.

372

В издательстве «Ардис» в 1981 году выйдет книга Семена Липкина «Стихи».

373

Альберт Андреевич Беляев (р. 1928) – заместитель заведующего отделом культуры ЦК КПСС.

Что имел в виду Василий Аксенов, установить не удалось.

Имеется в виду смерть Вергасова.

Дин Ворт.

Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе.

Декларация о подоходном налоге (*англ.*).

Председателю (*англ.*).

380

Генрих Авиэзерович Боровик (р. 1929) – советский журналист-международник, публицист.

381

В Лос-Анджелесе.

382

Очевидно, ошибка Аксенова: фамилия сбежавшего киношника – Рачихин. Его история описана в книге Александра Половца «Беглый Рачихин» (*прим. Е. Попова*).

383

Сергей Федорович Бондарчук (1920–1994) – актер, кинорежиссер, сценарист, народный артист СССР.

384

Дин Рид (1938–1986) – американский певец и киноактер, придерживавшийся левых взглядов, в результате чего пользовался популярностью в соцстранах и в Латинской Америке.

385

Имеется в виду так называемая оттепель.

386

Отсылка к строке из стихотворения О. Мандельштама «Ленинград» (1930): «Петербург! Я еще не хочу умирать…».

387

См. стихотворение Беллы Ахмадулиной «Сиреневое блюдце» (Таруса, февраль – март 1982).

388

Имеется в виду могила Бориса Леонидовича Пастернака.

389

Матич.

390

Имеется в виду ресторан ЦДЛ.

391

Ложка – шедевр китча, сделана из какого-то плохого качества сплава и раздавлена колесами автомобиля, превратилась в плоскую загогулину и стала предметом искусства (*прим. Б. Мессерера*).

392

Зачеркнуто.

393

Джанкарло Вигорелли (1913–2005) – итальянский писатель, критик; генеральный секретарь Европейского сообщества писателей.

Семейный отдых *(англ.)*.

395

Липкина.

Журнал «Континент».

397

Максимов.

398

Эдуард Дмитриевич Лозанский (р.1941) – физик, публицист, диссидент, в эмиграции с 1976 г., основатель Американского университета в Москве.

399

Имеется в виду рок-опера «„Юнона“ и „Авось“», поставленная в театре Ленинского комсомола (Ленком) по поэме Андрея Вознесенского «Авось».

400

Имеется в виду инцидент с советской подводной лодкой, севшей на мель в шведских территориальных водах 27 октября 1981 года, что вызвало международный скандал.

401

Аксенов был дезинформирован. Литфонд СССР действительно намеревался отнять дачу у наследников Пастернака и предоставить ее одному из официально признанных писателей. По слухам, одним из главных кандидатов на владение дачей считался Чингиз Айтматов. Но в результате длительной борьбы наследников Пастернака и литературной общественности за сохранение дома поэта – дача в 1990 году получила статус музея Бориса Пастернака.

402

Владимир Васильевич Карпов (1922–2010) – литературный «генерал», ветеран войны, Герой Советского Союза, с 1981 по 1986 г. – главный редактор журнала «Новый мир», с 1986 по 1991 г. – первый секретарь Союза писателей СССР.

403

Персональная выставка Б. Мессерера в МОСХ РСФСР (Москва, 1981 год).

404

Слава Лён – псевдоним Владислава Константиновича Епишина (р. 1937) – поэта, прозаика, ученого, культуртрегера.

Бахыт Шукруллаевич Кенжеев (р. 1950) – поэт.

Евгений Попов.

Жена Попова Светлана Васильева – поэтесса, литературный и театральный критик.

408

Александр Николаевич Кривомазов (род. 1947) – физик, художник, издатель. Обыск производился 7 декабря 1981 года. По неподтвержденным данным, в этот же день обыски производились еще на 150 московских квартирах.

409

Антонина Павловна Аксенова.

410

Первая жена Василия Аксенова.

Вергасовой.

412

Знаменитый правозащитник академик Андрей Дмитриевич Сахаров (1921–1989), выступивший с рядом опубликованных на Западе заявлений против ввода советских войск в Афганистан, в 1980 г. был арестован и выслан в город Горький (Нижний Новгород).

Имеется в виду польская «Солидарность».

414

Собака Литтелов.

415

Аксеновы взяли щенка спаниеля.

В посольство США.

417

О какой статье идет речь, не установлено.

Имеется в виду альманах «Метрополь».

419

Фазиль Абдулович Искандер (р. 1929) – писатель, поэт.

420

Александр Моисеевич Володин (1919–2001) – драматург, сценарист, поэт.

421

Михаил Матвеевич Шварцман (1926–1997) – живописец, график, художник книги.

422

Александр Борисович Мессерер – сын Б. Мессерера от первого брака.

423

Собаке.

Дочери Беллы Ахмадулиной – Елизавета и Анна.

425

Виктор Николаевич Тростников (р. 1928) – физик, математик, религиозный публицист.

426

Из стихотворения Беллы Ахмадулиной «Приключение в антикварном магазине» (1964).

427

По-видимому, вариант стихотворения «Ладыжино» (1981), посвященного Владимиру Войновичу.

Вергасова.

429

Из стихотворения Ахмадулиной «Радость в Тарусе» (1981).

430

Знакомый врач, который восторгался рок-оперой Вознесенского.

431

Людмила Матвеевна Хмельницкая (р. 1937) – актриса.

432

Веслава Скура – польская радиожурналистка, первая жена Виктора Ерофеева.

433

Дэвид Саттер – с 1976 по 1982 год специальный корреспондент Financial Times в Москве.

434

Имеется в виду недавняя (25 января 1982 года) смерть Суслова Михаила Андреевича – идеолога правящего режима, «серого кардинала» Кремля.

Евгения Козловского.

436

Из песни Владимира Высоцкого «Физики» (1962).

437

Перечислены московские корреспонденты зарубежных газет: американец Крег Уитни, его жена Хайди, корреспондент парижской «Монд» Даниэль Вернье и др.

Большое преимущество *(англ.)*.

439

Азарий Эммануилович Мессерер.

Средняя школа *(англ.)*.

441

Пожарная лестница *(англ.)*.

Евгением Козловским.

443

См.: «Крымское солнце и белая терраса…» в разделе «Дневники, реплики, отклики» книги: Аксенов В. Одно сплошное Карузо. С. 277–278.

Лично *(англ.)*.

445

Евгения Евтушенко.

Первоначально предполагался совместный завтрак президента Рейгана с Солженицыным в Белом доме, но потом состав приглашенных был расширен до восьми человек, и Солженицын отказался – см.: Солженицын А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть вторая (1979–1982) // Новый мир. 2000. № 9. С. 175–179.

Войнович.

448

Уильям Джей Смит (р. 1918) – американский поэт, переводчик русской поэзии.

449

Василий Аксенов родился 20 августа 1932 г.

450

Михаил Михайлович Рощин (1932–2010) – прозаик, драматург, сценарист.

451

Имеется в виду спектакль театра Сатиры 1982 (постановка В. Плучека, художник Б. Мессерер).

452

Имеется в виду покаянное письмо в газету «Московская правда», содержащее инвективы в адрес Василия Аксенова, которое Козловский написал, находясь в Лефортовской тюрьме; в день опубликования Козловского выпустили, дело до суда не дошло.

453

По-видимому, бельгийский корреспондент в Москве.

454

Дмитрий Сергеевич Дудко (1922–2004) – священник, церковный писатель, поэт; в январе 1980 года был обвинен в антисоветской деятельности и арестован, в июне обратился с покаянным письмом к патриарху, а в 1981 году дело против него было закрыто.

455

Лев Львович Регельсон (р. 1939) – православный богослов, историк церкви; был арестован в декабре 1979-го, на суде в сентябре 1980 года публично покаялся в антисоветской деятельности.

456

Виктор Афанасьевич Капитанчук (р. 1945) – иконолог, иконописец; был арестован в одно время с о. Дудко и Л. Регельсоном, на суде в октябре 1980 года публично покаялся в антисоветской деятельности.

457

Александр Александрович Болонкин (р. 1933), доктор технических наук, специалист в области авиации, ракетостроения, математики. В 1972 году был арестован по обвинению в распространении произведений А. Д. Сахарова, А. И. Солженицына и др. После лагерей и ссылок с 1987 года в эмиграции в США.

Бабенышевой. Окуджава был удивлен такой интерпретацией его слов – см. письмо Б. Ахмадулиной от сентября (?) 1982 г. и прим., а также письмо А. Гладилина от 2 декабря 1981 г. и прим.

459

Игорь Иванович Шкляревский (р. 1938) – поэт.

460

«…великий, могучий, правдивый и свободный…» – цитата из стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Русский язык» (1882).

461

Корреспондент «Вашингтон пост», позже – президент «Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа».

С видом на… *(англ.)*.

463

Курорт в штате Делавэр.

Стихотворения Беллы Ахмадулиной.

465

См. в письме Аксенова от 27 июля 1982 г. сообщение о болезни Карла Проффера.

466

Имеется в виду Сара Бабенышева, будто бы неверно пересказавшая слова Б. Окуджавы, в связи с чем Окуджава в письме к Аксенову (осень 1982) назвал ее «цдловской болтушкой»; см. также письмо В. Аксенова от 27 июля 1982 г. и прим.

467

Георгий Владимов с женой прибыл в ФРГ 26 мая 1983 года, где вскоре возглавил журнал «Грани».

468

Имеется в виду спектакль «Хармс! Чармс! Шардам! или Школа клоунов», поставленный в Театре миниатюр в 1982 г. (режиссер М. Левитин, художник Б. Мессерер)

469

Сын В. Аксенова окончил художественный факультет ВГИКа в 1983 году, с 1985 года – художник-постановщик на «Мосфильме»; отмечен премией на международном фестивале рекламных фильмов «Каннские львы».

470

Легендарный джазовый клуб.

471

Шостакович.

Збарский.

Кирилл Дорон – художник, в эмиграции с 1980 года.

Вероятно, Аксенов с доброжелательной шутливостью говорит тут о Татьяне Полторацкой, жене Максимова.

475

В начале 80-х гг. В. Аксенов вел на «Голосе Америки» программу «Смена столиц».

«Остров Крым»

477

Леонид Иванович Бородин (1938–2011) – писатель; два раза (в 1967 и 1982 гг.) был осужден за антисоветскую деятельность.

478

Зоя Александровна Крахмальникова (1929–2008) – диссидент и религиозный писатель, была арестована 4 августа 1982 г., а в 1983 г. приговорена к заключению и ссылке.

479

Имеется в виду письмо Беллы Ахмадулиной на имя Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова с просьбой разрешить Георгию Владимову выехать за границу.

Лиснянская и Липкин.

481

Наталья Евгеньевна Штемпель (1908–1987) – друг О.Э. Мандельштама, адресат его стихотворений; автор воспоминаний о поэте.

Войновичу и Копелеву.

483

Внук Майи Аксеновой Иван Трунин.

Сохранилась только вторая страница.

485

Виктор Ворошильский (1927–1996) – польский поэт, прозаик, эссеист, публицист.

486

Покушение на папу римского Иоанна Павла II турецким террористом в 1981 году, инспирированное, по сообщениям иностранных источников, болгарскими и советскими спецслужбами.

487

Культурный атташе посольства США в Москве с лета 1983 года; сменил на этой должности Пика Литтела.

488

Жена Рэя Бенсона.

489

Борис Германович Закс (1908–1998) – писатель, литературный критик, ответственный секретарь журнала «Новый мир» с 1958 по 1966 г.; в эмиграции с начала 80-х.

Копелевы.

491

Мистер Владимов.

492

Сын Б. Мессерера от первого брака. См.: Продолжение письма от 27 декабря 1981 (?) г. Б. Мессерер – В. Аксенову.

493

Николай Иванович Андронов (1929–1998) – художник, живописец-монументалист, один из основоположников «сурового стиля». Далее идет речь о его жене художнице Наталье Алексеевне Егоршиной (р. 1926).

494

Борис Андреевич Можаев (1923–1996) – писатель.

495

Чабуа Ираклиевич Амирэджиби (р. 1921) – грузинский писатель.

496

Ассоциируется с первой строфой главы пятой «Евгения Онегина»: «Снег выпал только в январе / На третье в ночь…»

497

Имеется в виду рассказ Ахмадулиной «Много собак и собака».

498

Поэтический сборник Б. Ахмадулиной «Тайна» (1983).

Рэй Бенсон.

500

Степаниды Власьевны.

501

Дмитрий Бобышев. См.: Аксенов В. Прогулка в Калашный ряд // Одно сплошное Карузо. С. 283–310. Именно о Бобышеве см. с. 290–291.

502

Юрий Кублановский. См.: там же. С. 283–310. Именно о нем см.: с. 288–291.

503

Сьюзен Зонтаг (1933–2004) – американская писательница, литературный, театральный, кинокритик, лауреат американских и международных премий.

504

Пропаганда книги.

«История души» (*англ*).

Галине Балтер.

507

У Майи Аксеновой, сохранившей советское гражданство, отбирали (и отобрали) принадлежавшую ей квартиру в высотном доме на Котельнической набережной.

508

Сборник рассказов В. Аксенова «Право на остров» (1981).

509

Имеется в виду статья «Прогулка в калашный ряд», которую Аксенов собирался написать для «Граней» Владимова – см. письмо Аксенова от 18 ноября 1983 г.

Это я зачеркнула: Женьку, потому что – он совершенно есть, и в этот момент вошел. В его убедительную здравую прочность – верю. (*Примеч. Б.А.*)

Мариной Цветаевой.

512

Битов.

513

Имеется в виду загадочная история со старшим братом. Олег Григорьевич Битов (1932–2003) – переводчик английской литературы, журналист; в сентябре 1983 года во время пребывания в Венеции якобы был похищен английскими спецслужбами, однако менее чем через год совершил обратный побег в СССР.

Спаниель Аксеновых.

515

Алексей Петрович Цветков (р.1947) – русский поэт, прозаик, эссеист, критик и переводчик, с 1975 года живущий в Америке.

516

Юрий Георгиевич Милославский (р. 1948) – прозаик, поэт, историк литературы, журналист, в эмиграции с 1973 года.

517

О сборнике «Тайна».

Вознесенский.

519

Студентов Аксенова.

520

Антуан Витез – известный французский режиссер, постановщик спектакля.

521

«Бумажный пейзаж» – второй роман, написанный Аксеновым в эмиграции.

522

Александр Ильич Гинзбург (1936–2002) – один из первых советских диссидентов. Впервые был осужден советским судом за правозащитную деятельность в 1967 году. В 1979 году отбывавшего очередной (четвертый!) срок Гинзбурга обменяли на разоблаченных советских шпионов, и таким образом он оказался на Западе.

523

Андрей Арсеньевич Тарковский (1932–1986) – кинорежиссер, сын поэта Арсения Тарковского; в эмиграции с 1982 г.

Южно-Калифорнийский университет.

525

Олег Григорьевич Битов.

526

Дом-музей Марины Цветаевой открылся в Борисоглебском переулке в 1992 году к столетию со дня ее рождения.

527

Константин Устинович Черненко (1911–1985), новый Генеральный секретарь ЦК КПСС – будет занимать этот пост чуть больше двух лет.

Спасибо, что пришли. Я так вас люблю… (*англ.*).

529

Это грандиозно (*англ.*).

Руководящий звук (*англ.*).

531

Сладкий ребенок (*англ.*).

532

Михаил Филиппович Шатров (1932–2010) – драматург.

533

Остров Святого Мартина. Этот остров меньше, чем Крым, но Франция и Голландия на нем поместились. Целуем! (*англ.*).

Один из Карибских островов, самый маленький в мире обитаемый остров; управляется одновременно независимыми французским и нидерландским правительствами.

С учетом всех обстоятельств *(англ)*.

535

См. об этом подробнее: Аксенов В. Десятилетие клеветы. Радиодневник писателя. М.: 2004. С.14–26.

536

Габриэль Гарсиа Маркес (1927–2014) – колумбийский писатель, лауреат Нобелевской премии (1982).

Имеется в виду связь с «компетентными органами».

538

По-видимому, аллюзия на книгу Грэма Грина (1904–1991) «Невидимые японские джентльмены».

539

Чувства юмора.

540

Цитата из стихотворения Ахмадулиной 1959 года «По улице моей, который год…». Через двадцать с лишним лет цитатой из этого стихотворения Василий Аксенов озаглавит свой последний роман «Таинственная страсть».

541

В статье «Прогулка в Калашный ряд».

Преувеличение (*англ.*).

543

Возможно, речь идет о перуанском писателе Марио Варгасе Льосе.

544

Театр «Современник» был основан в 1956 г.

545

Имеется в виду смерть матери Майи Аксеновой в 1986 году.

546

Статуя Свободы («Свобода, озаряющая мир»; скульптор – Ф. О. Бартольди) была установлена в 1886 г.; в июле 1986 г. праздновалось ее столетие.

547

Взрыв на Чернобыльской атомной станции произошел 26 апреля 1986 года.

548

От названия персонажа французского кукольного театра, совершающего ужасные преступления.

549

Андрей Донатович Синявский (1925–1997) – литературовед, прозаик и его жена Марья Васильевна Розанова (р. 1929) – литератор, публицист, издатель; эмигрировали в 1973 г.

550

Речь идет о Льве Копелеве и его жене Раисе Орловой.

551

Мать Натальи Владимовой, Елена Юльевна Домбровская (1910 (?) – 1986), актриса, режиссер цирка.

552

Нидернхаузен (*нем.* Niedernhausen) – город в 40 км от Франкфурта.

553

См. статью Василия Аксенова «…и не старайся!» (Заметки о прозаических высокопарностях и журнальных пошлостях) // Континент. 1986. № 4. С. 339–352.

554

Аллюзия на цитату из «Телемахиды» В. Тредиаковского «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй».

Дочь Майи Аксеновой от первого брака.

Зять Майи.

557

В связи с отрицательным отзывом Бродского о романе «Ожог».

558

Патриция Блейк – журналистка (см. письмо Василия Аксенова – Белле Ахмадулиной, Борису Мессереру от 24 сентября 1980 г.).

559

Исаак Клейнерман (1916–2004) – американский режиссер-документалист.

Хиас – всемирная еврейская благотворительная организация помощи иммигрантам и беженцам; находится в США.

561

Американское отделение известной французской дизайнерской фирмы, носящей имя своего основателя.

562

В то время редактор нью-йоркского издательства «Random House» в 1985 году перешел в издательство «Farrar, Straus and Giroux», президентом которого является в настоящее время; поэт и переводчик итальянской поэзии.

563

Роберт Кайзер – корреспондент (в частности, аккредитованный в Москве в семидесятые годы), а позднее главный редактор газеты Washington Post.

564

Сотрудница «Голоса Америки», вела программу «Книги и люди».

«Анн Арбор».

Карл и Эллендея Профферы, американские слависты.

567

Роберт Кайзер – корреспондент (в частности, аккредитованный в Москве в семидесятые годы), а позднее главный редактор газеты Washington Post.

568

Татьяна Семеновна Осипова (р. 1949) – правозащитница, член (секретарь) Московской Хельсинкской группы, политзаключенная с 1980 по 1987 год. После освобождения эмигрировала в США.

569

Американский ветеран Второй мировой войны, участник встречи на Эльбе.

Крэг Уитни – корреспондент газеты New York Times.

571

Родителей жены Ирины.

Лев Копелев и его жена Раиса Орлова были лишены советского гражданства.

573

Опубликовано: Вопросы литературы. 2011. № 5. С. 9–37. О письмах Бродского, которые здесь будут упоминаться, – см. Предисловие к настоящей книге.

Гладилин А.Т. Улица генералов. Попытка мемуаров. М.: Вагриус, 2008. С. 67–68.

Впоследствии, в письме от 28 октября 1984 года Бродский вынужден был признать это: «Я сожалею о тоне моего отзыва Карлу Профферу об „Ожоге“», – читаем в его письме Аксенову.

Как отмечено в Предисловии к книге, аксеновское письмо еще достаточно дружеское и снисходительное по отношению к более молодому литературному коллеге, но в нем уже есть следы с усилием сдерживаемой обиды. Позднее, когда Аксенов тоже окажется в эмиграции, все это приведет к полному разрыву отношений между ними.

577

См. ниже в письме Аксенова Бродскому от 29 ноября 1977 года: «…там же в Берлине, я говорил по телефону с Карлом, и он передал мне **твои** слова: „„Ожог“ – это полное говно“».

578

Опубликовано, как и следующее письмо: Вопросы литературы. 2012. № 4. С. 423–475.

579

Аяччо – главный город и порт острова Корсика (Франция), родина Наполеона.

580

Цикл стихотворений «В Англии» (1977): «Всякий живущий на острове догадывается, что рано или поздно все это кончается, что вода из-под крана…».

581

Уменьшительное от Joseph (имя Бродского по-английски).

582

Проявление мании величия.

583

В американском журнале женской моды Vogue, № 7, Jule 1977, P.112. – «Why Russian Poets» («Зачем российские поэты?»). Там Бродский, в частности, отмечал: «… достаточно сказать, что Ахмадулина куда более сильный поэт, нежели двое ее знаменитых соотечественников – Евтушенко и Вознесенский. Ее стихи, в отличие от первого, не банальны, и они менее претенциозны, нежели у второго». Не могло, по-видимому, устроить Аксенова и следующее место из статьи Бродского: «Несомненная наследница лермонтовско-пастернаковской линии в русской поэзии, Ахмадулина по природе поэт довольно нарциссический».

Нэнси Майселас – редактор в издательстве Farrar, Straus and Giroux.

585

Известное, быть может, самое изысканное литературное издательство в Нью-Йорке, основанное в 1946 году Роджером Страусом. Иосиф Бродский пользовался особым расположением Страуса и имел в его глазах непререкаемый авторитет.

586

Большое нью-йоркское издательство.

587

Коржавин (Мандель) Наум Моисеевич (р. 1925) – поэт, прозаик, в 1947 году на волне сталинской борьбы с «космополитизмом» был арестован, вернулся в Москву в 1954 году, эмигрировал в США в 1973 г.

Проффером.

589

Имеется в виду строка из стихотворного текста в «Ожоге» (глава «Сон в летнюю ночь») – Бродский указывал на свое якобы греческое происхождение.

Работа (*англ.*).

591

См., в частности, письмо Михаила Рощина Василию Аксенову от 11.07.79.

592

См. воспоминания Марка Розовского «Дух юности и тайна гвинейского попугая» в книге: Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции. М., 2012. С. 21–29.

593

Объясняя причину своего отрицательного отзыва об «Ожоге», Бродский писал в упомянутом письме: «Единственный повод у тебя иметь на меня зуб – это та история с „Ожогом“, хотя и это, с моей точки зрения, поводом быть не может; во всяком случае, не должно. Думаю, и тебе нравится далеко не все из того, что тебе доводилось читать, кем бы это ни было написано. Дело, разумеется, в обстоятельствах и в тех, в чьем присутствии человек выражает свое мнение. Но даже если бы меня и официально попросили бы высказать свое, я бы сказал то, что думаю. Особенно – учитывая обстоятельства, т. е. тот факт, что русская литература здесь, в Штатах, существует примерно на тех же правах нац. меньшинства, что и Штатская литература – в отечестве.

Никто меня не просил рекомендовать или не рекомендовать „Ожог“ к публикации. Если бы спросили, я бы ответил отрицательно: именно в силу обстоятельств, именно потому, что всякая неудача подрывает авторитет не столько рекомендателя, сколько самой литературы: следующую книжку, может быть, даже лучшую, чем та, что потерпела неудачу, пробить будет труднее. Квота имеет обыкновение сокращаться, а не расширяться».

Аксенов имеет в виду следующее место из письма Бродского: «Даже если учесть, что мое отношение к „Ожогу“ не изменилось, даже если добавить к этому, что я и от „Острова“ не в восторге, у тебя нет никаких оснований для тех умозаключений, которые ты изложил Эллендее. Если говорить о чувстве, которое твоя литературная судьба (карьера, если угодно) у меня вызывает, то это, скорее всего, тревога – которую разделял и Карл (Проффер. – *В.Е.*)». И еще это: «Подобные предположения, как правило, являются результатом профессиональной неуверенности в себе – но у тебя для этого, по-моему, оснований не имеется – или нежеланием признаться себе в том или ином крахе» («Вопросы литературы», 2012, № 4).

595

У Бродского в письме читаем: «Повторяю, мое отношение к тебе не изменилось ни на йоту с той белой ночи с попугаем». Тот же попугай упоминается в более раннем, вполне еще дружеском письме Бродского к Аксенову от 28 апреля 1973 года, когда поэт только еще обосновался на другом берегу Атлантики: «Милый Василий, я гадом буду, ту волшебную ночь с гвинейским попугаем, помню <…> Что я когда-нибудь тебе письмо из Мичиганска писать буду, этого, верно, ни тебе, ни мне в голову не приходило, что есть доказательство ограниченности суммы наших двух воображений, взятых хоть вместе, хоть порознь. Как, впрочем, – появление того попугая было непредсказуемо. То есть, Василий, вокруг нас знаки, которых не понимаем. Я, во всяком случае, своих не понимаю. Ни предзнаменований, ни их последствий. Жреца тоже рядом нет, чтобы объяснил. Помнишь тех людей, которые не видели попугая у меня на плече, хотя он был? Так вот, я вроде них, только на другом уровне».

596

Барышников упоминается Бродским в следующем контексте: «Я попросил дать мне почитать („Ожог“. – *В.Е.*), что она и сделала. Я унес его домой и вернул через месяц (я давал его почитать Барышу), сказав, что: а) мне сильно не понравилось и б) что это всего лишь мое частное, возможно, предвзятое мнение. На это Нэнси ответила, что, да, они это отдали на рецензию какому-то профессору из славистов».

597

В своем письме Бродский написал: «Я понятия не имею, откуда у тебя это убеждение, будто я ставлю тебе палки в колеса. Милка (Лось, советская эмигрантка, бывшая жена драматурга Юлиу Эдлиса. – *В.Е.*) и я уже не помню, кто еще, приписывают это влиянию Майи. Я в это не очень верю, хотя, по правде сказать, особенно не задумывался».

Весь тон письма, особенно это место, чрезвычайно не характерны для Аксенова, умевшего быть снисходительным и терпимым. Настолько велика была его обида на бывшего друга. Как рассказал Анатолий Гладилин, когда Бродский умер, Аксенов был глубоко потрясен его кончиной. Конечно же, он знал ему истинную цену.

599

«Мрамор» действительно вряд ли можно отнести к творческим удачам Бродского.

См.: THE THIRD WALE: Russian Literature in Emigration (ТРЕТЬЯ ВОЛНА: русская литература в эмиграции), Ann Arbor, Michigan: Ardis Publishers, 1984.

601

Там же.

602

Владимир Рафаилович Марамзин (р. 1934) – писатель, был арестован в 1974 г. за распространение машинописного собрания стихотворений Иосифа Бродского, признал свою «вину» и получил условный срок, после чего в 1975 г. эмигрировал во Францию.

603

Владимир Марамзин – Сергею Довлатову, 2 апреля 1981 г.

604

Сергей Довлатов – Владимиру Марамзину, 8 апреля 1981 г.

605

Боков Николай Константинович (р. 1945) – поэт и прозаик, эмигрировал во Францию в 1975 г.

606

Янов Александр Львович (р. 1930) – российский и американский историк, политолог, эмигрировал в США в 1974 г.

607

Имеется в виду Александр Солженицын.

608

Мария Васильевна Розанова.

609

Леонид Денисович Ржевский (1905–1986) – писатель, литературовед, эмигрант второй волны.

610

Лев Владимирович Лосев (1937–2009) – поэт, литературовед, эмигрировал в США в 1976 г., сын поэта Владимира Лившица. Алексеем звали Лосева в дружеском кругу.

611

Игорь Маркович Ефимов.

Конференция, как представляется Максимову, должна стать местом яростных нападок на Александра Солженицына и журнал «Континент».

613

См. ниже комментарий к этой фразе в письме Василия Аксенова к Сергею Довлатову.

614

Валерий Яковлевич Тарсис (1906–1983) – писатель, один из первых начал публиковать свои произведения за границей, эмигрировал в 1966 г. и был лишен советского гражданства.

The Nobel Prize. London, Hamish Hamilton. 1980.

616

Юрий Васильевич Кротков (1917–1982) – драматург, прозаик, в 1963 г. во время туристической поездки в Англию стал невозвращенцем, опубликовал автобиографическую книгу, где признался в сотрудничестве с КГБ.

617

Лев Наврозов – писатель, историк, эмигрировал в США в 1972 г., Максимов, по-видимому, имеет в виду его книгу «Воспитание Льва Наврозова».

618

Александр Александрович Зиновьев (1922–2006) – философ, социолог, писатель; эмигрировал в ФРГ в 1978 г., вернулся в Россию в 1999 г. и неожиданно для многих занял антидемократическую позицию.

619

Генрих Теодор Белль (1917–1985) – немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии.

620

Юнайтед Пресс Интернэшнл (*United Press International*, UPI) – крупнейшее информационное агентство США.

621

См.: Владимир Маяковский. Послание пролетарским поэтам, 1926 («Разрежем общую курицу славы…»).

622

Юз Алешковский (Иосиф Ефимович) (р. 1929) – поэт, прозаик, автор и исполнитель популярных песен «Песня о Сталине», «Окурочек», «Советская пасхальная» и др., эмигрировал в 1979 г.

623

Георгий Мокеевич Марков (1911–1991) – первый секретарь Союза писателей СССР.

624

Аксенов цитирует здесь Максимова, его письмо от 4 апреля 1981 года.

625

См. об этом во вступительной заметке и в письме Владимира Максимова к Василию Аксенову от 4 апреля 1981 года.

626

Имеется в виду здание ЦК КПСС на Старой площади в Москве.

627

Выражение советского времени, означающее, что чиновники безрезультатно гоняют человека по инстанциям, не решая насущного для него вопроса.

Максимова.

629

Имеется в виду письмо Владимира Максимова от 4 апреля 1981 года.

630

Предмет культа; имеется в виду Александр Солженицын.

631

Аксенов цитирует здесь Максимова, его письмо от 4 апреля 1981 года.

Видимо, Аксенов ранее получил это письмо Владимира Марамзина от Довлатова для прочтения.

633

«Виртуоз» – имеется в виду Владимир Марамзин. В письме к нему Сергея Довлатова от 8 апреля 1981 года читаем: «Я не обругивал тебя в печати и не называл „замолкшим виртуозом“. Я написал дословно следующее: „Почему замолчал виртуоз Марамзин?..“ Нет на земле человека, способного воспринять эти слова иначе, чем как комплимент и дружеский возглас».

634

Коррьере делла Сера (*итал.* Corriere della Sera, «Вечерний курьер») – итальянская ежедневная газета. По-видимому, речь идет о какой-то публикации об Аксенове с негативным уклоном, которая могла быть инспирирована советскими спецслужбами.

635

По-видимому, в довлатовской газете «Новый американец».

636

Из «Стихов детям» (1925) Владимира Маяковского.

637

Прием в честь какого-либо лица в форме фуршета.

638

Добро пожаловать в Лос-Анджелес!

639

Кандель Феликс Соломонович (1932–2014) – писатель, под псевдонимом Камов был автором популярного советского мультфильма «Ну, погоди!..», эмигрировал в Израиль в 1977 г.

640

Мерас Ицхак (р. 1941) – писатель, эмигрировал в Израиль в 1972 г.

641

Имеется в виду Мария Розанова.

642

Поповский Марк Александрович (1922–2004) – писатель, правозащитник, эмигрировал в 1977 г.

643

Джон Дэнлоп – литературный критик, специалист по русской литературе.

См. письмо Аксенова от от 25 апреля 1981 года.

645

Роберт Кайзер – известный американский журналист, сотрудник газеты Washington Post.

Washington Post – один из крупнейших еженедельников США.

647

Андреева-Карлайл Ольга Вадимовна (р. 1930) – художница, внучка Леонида Андреева, автор книги о семилетнем сотрудничестве и разрыве отношений с Александром Солженицыным (1978).

Миллер Артур Ашер (1915–2005) – американский драматург.

649

Милош Чеслав (1911–2004) – польский поэт, лауреат Нобелевской премии; в 1951 г. во время пребывания в Париже попросил политического убежища.

650

Роман Аксенова «Ожог».

651

См. письмо Андрея Седых к Василию Аксенову от 11 апреля 1981 года.

652

Седых Андрей (Яков Моисеевич Цвибак) (1902–1994) – писатель, критик, эмигрант первой волны, личный секретарь И. А. Бунина (1933–1941), главный редактор газеты «Новое русское слово» (с 1973 г.).

653

Юрий Валентинович Трифонов (1925–1981) – писатель, мастер «городской» прозы, одна из главных фигур литературного процесса 1960–1970-х годов в СССР.

Речь, вероятно, идет о романе «Ожог».

655

Глава третья будущей книги «В поисках грустного беби» (1984–1985).

656

Штейн Эдуард (1934–1999) – писатель, литературовед, эмигрант третьей волны.

657

Имеется в виду шахматный матч на первенство мира между «невозвращенцем» с 1976 г., (в 1978 г. был лишен советского гражданства) гроссмейстером Виктором Корчным и советским гроссмейстером Анатолием Карповым. Пресс-атташе Виктора Корчного во время матча в Мерано был Эдуард Штейн.

658

Антони Сейди – американский шахматист; международный мастер.

659

Владимир Исаакович Левин (1932–1981) – литературовед и критик.

660

Ольга Романовна Трифонова – писатель, директор музея «Дом на набережной», жена Юрия Трифонова.

661

Юлиу Филиппович Эдлис (1929–2009) – драматург, киносценарист, прозаик.

662

Андрей Сергеевич Михалков-Кончаловский (р. 1937) – кинорежиссер, сценарист, в 1980-е годы работал в Голливуде.

663

Александр Борисович Половец (р. 1935) – писатель, эмигрировал в США в 1976 г., главный редактор и издатель эмигрантской газеты «Панорама».

664

Эдвард Олби (р. 1928) – американский драматург.

665

Город в округе Лос-Анджелес.

666

Ирина Даниловна Войнович (1938–2004) – жена Владимира Войновича.

667

Роман «Ожог».

668

Теща Ю. Эдлиса.

669

Мила Лось – бывшая жена Ю. Эдлиса.

Марианна Юльевна (р. 1960) – дочь от первого брака.

671

Первая жена.

672

Юлий Зусманович Крелин (1929–2006) – писатель, хирург.

В каждом из названных мест располагались так называемые Дома творчества Литфонда СССР.

Драматическое произведение Ю. Эдлиса.

675

Постановка по пьесе Ю. Эдлиса «Жажда над ручьем».

676

Владимир Левин (см. о нем: Из записей Майи Аксеновой. Лос-Анджелес. 28 марта 1981 года).

677

Юрий Валентинович Трифонов, умер 28 марта 1981 г.

Неизменная шутка Анатолия Гладилина в письмах к Аксенову. Сам он прокомментировал ее следующим образом: «Уже долгие годы, когда я звонил Аксенову через страны и континенты, я не начинал разговор с обычного: „Здравствуй, как твои дела, как здоровье и т. д.“. Нет, услышав его „Алле“, я начинал гнусавым голосом петь: „Вася, Вася, я снялася в платье бело-голубом, но не в том…“ Дальше я останавливался, ибо тот, кто проводил лето в пионерских лагерях, знают продолжение. Он довольно быстро нашел ответ и пел сразу на ту же мелодию: „Толя, Толя, ты доволен моим платьем голубым, не в котором поневоле, а совсем, совсем с другим“. Потом шел серьезный разговор о политике, о литературных проблемах, об интригах на „Свободе“ и проч. Однажды я звонил Васе в Вашингтон из Анн-Арбора, от Эллендеи Проффер. Эллендея, услышав мое пение, попросила: „Толя, научи меня этой песне“. Эллендея не была в детстве в советских пионерских лагерях и не знала продолжения. Я не стал учить красивую американку русским нехорошим словам и сказал только: „Нет, Эллендея. И потом, так противно петь ты не сумеешь“.

В Париже наша дочь Алла взяла у Никиты Струве пушистого котенка. Мы назвали его Вася. Через полгода выяснилось, что Никита Алексеевич подсунул нам не кота, а кошку. Так как кошка уже привыкла к своему имени, то стали звать ее Бася. На перемену одного согласного она не обратила внимания. Но теперь и в деловых письмах к Аксенову я оставил то же начало наших телефонных разговоров, но уже сообщал не от своего имени, а от имени Баси – дескать, Вася, не волнуйся, Бася сообщает, что ужасно снялася и в платье белом, и в платье голубом…

С этой песенкой у меня был связан грандиозный план. Я давно знал, что Аксенов рано или поздно уедет в эмиграцию и, наверно, сначала прилетит из Москвы в Париж. Я думал, что я успею собрать делегацию из Института восточных языков, где вели курс русской литературы на русском, и научу французских слависток этой песне, объяснив, что так в СССР принято встречать важных гостей. Знаменитого советского писателя будут встречать в аэропорту радио, телевидение, корреспонденты крупнейших мировых газет – и хор невинных девушек грянет: „Вася, Вася я снялася в платье бело-голубом“. Думаю, что на Аксенова это бы произвело впечатление.

Летом 1980 года я взял отпуск и поехал с Машей и Аллой на

океан, в Ля-Боль. Вдруг получаю паническую телеграмму из Парижского бюро „Свободы“: „Толя, есть сведения, что Аксенов прилетает в Париж завтра или послезавтра, но никто не знает, насколько эти сведения достоверны, никто не знает номер рейса и никто не знает, на какой он прилетит аэропорт. Мы тебе даем информацию, а решение принимай сам“. Я сел в машину и помчался в Париж. Я знал, кто в Париже мне даст точные сведения, и на следующий день, вместе с толпой иностранных корров, встречал Аксенова в Орли. Но организовать хор слависток у меня уже не было времени. До сих пор обидно, что сорвалось…»

679

Комментарий Анатолия Гладилина: «Анита Рутченко. Была в Париже американская контора без вывески, где сидела Анна (отчества не помню), которую мы фамильярно звали Анита. Там на полках стояли все книги и журналы, которые по-русски издавались в Америке, Германии, Израиле и в Париже. Их она раздавала бесплатно, но, естественно, тем людям, которым доверяла, В том смысле, что эти люди не только пополняют свои личные библиотеки, но и посылают книги с верной оказией в Россию. Мои книги тоже стояли у нее на полках плюс у меня был официальный статус американского журналиста. Поэтому мне давали безоговорочно все, что я хотел. Булат с моей подачи привозил в Москву по полчемодана книг, пока его однажды не застукали в поезде на советской границе в Бресте».

680

В то время первый секретарь Московского отделения Союза писателей РСФСР, организатор расправы с альманахом «Метрополь». См.: письмо Булата Окуджавы Василию Аксенову (осень 1982 г.).

681

См. ниже письмо Булата Окуджавы (осень 1982 г.).

682

Комментарий Анатолия Гладилина: «„Тов. Кеннона“ не было в природе. Есть в Вашингтоне Институт имени Кеннана (Джордж Кеннан – американский дипломат, политолог), который дает годовые гранты творческим личностям со всего мира. Аксенов получил такой грант, и у него в течение года была не жизнь, а малина. Он сидел дома, писал очередной свой роман и раз в неделю являлся в Институт… нет, даже не на семинар, а на коктейль: потягивай джин с тоником и веди с какой-нибудь японкой умную беседу о странностях любви».

683

Получается, что вместе с женами! *(В. Е.)*

684

См. комментарии к этому письму: Сарнов Б. Капля крови, взятая на анализ: по поводу переписки В. Аксенова с И. Бродским и В. Максимовым // Вопросы литературы. 2011. № 5. С. 38–67.

685

Речь идет об антикоммунистическом восстании 1956 го да в Венгрии, известном у нас как «Венгерские события 1956 года».

686

НТС – Народно-трудовой союз, политическая организация русской эмиграции, имеющая печатные издания «Посев» и «Грани». В пору существования СССР ставил своей целью свержение советского режима. В РФ зарегистрирован в 1996 году как общественно-политическое движение.

687

Степан Николаевич Татищев (1935–1985) – французский дипломат, в начале 70-х годов – культурный атташе посольства Франции в СССР, профессор славистики.

Об ошибочности этого утверждения Максимова. См.: Сарнов Б. Капля крови, взятая на анализ…

689

Василий Константинович Блюхер (1889–1938) – советский военный, государственный и партийный деятель, «красный маршал». В 1938 году во время боевых действий с Императорской японской армией в районе озера Хасан возглавлял Дальневосточный фронт. За якобы допущенные ошибки был смещен с поста, арестован и расстрелян в 1938 году в ходе сталинской «чистки» руководящих военных кадров.

690

Михаил Николаевич Тухачевский (1893–1937) – советский военачальник и военный теоретик, «красный маршал», заместитель министра обороны. В двадцатые годы вместе с другими большевистскими военачальниками (Ворошиловым, Буденным, Егоровым и т. д.) участвовал в подавлении антисоветских мятежей и восстаний, в частности Кронштадтского мятежа (1921). В ходе сталинской «чистки» руководящих военных кадров был расстрелян в 1937 году. В судебной расправе над Тухачевским принимал участие Василий Блюхер.

691

Михаил Иванович Калинин (1875–1946) – советский государственный и партийный деятель, «всесоюзный староста», председатель ЦИК СССР (1922–1938), председатель президиума Верховного Совета (1938–1946).

692

Нестор Иванович Махно (1888–1934) – анархист, «батька Махно», в 1918–1921 годах предводитель крестьянских повстанческих отрядов, сражавшихся то на стороне белых, то на стороне красных, с осени 1921 года в эмиграции.

693

Иван Лукич Сорокин (1884–1918), красный военачальник. Возглавляя Красную армию Северного Кавказа, выступил против советской власти, был арестован и расстрелян.

«Крутой маршрут» Е. С. Гинзбург.

695

В «Континент» В. Максимову.

696

Шутка Гердта.

697

Ахмадулину печатали редко из-за ее демонстративной отчужденности от советской действительности…

До 1983 года Гердт состоял в труппе Центрального театра кукол С. В. Образцова.

699

Политический процесс смягчения отношений СССР со странами Запада.

700

Подмосковный дачный поселок творческой интеллигенции.

701

Эльдар Рязанов с семьей жил на даче жены Аксенова Майи.

702

Вдова писателя Якова Моисеевича Тайца (1905–1957).

703

Александр Моисеевич Володин.

704

По-видимому, это письмо пересылалось не через Беллу Ахмадулину (см. пояснение во вступительном тексте).

705

Сара Эммануиловна Бабенышева. См.: письма В. Аксенова к Б. Ахмадулиной и Б. Мессереру от 29 сентября 1980 г., 27 июля 1982 г., письмо Б. Ахмадулиной к В. и М. Аксеновым от сентября (?) 1982 г. и прим.

706

Речь идет об отношении Окуджавы к изданию в Москве в 1979 году в 12 экземплярах машинописного неподцензурного альманах «Метрополь». После этого в результате реакции властей отъезд в эмиграцию Василия Аксенова, возглавлявшего редакцию альманаха, стал неизбежным. См.: письмо Анатолия Гладилина от 2 декабря 1981 года из Парижа, в котором он сообщал о встрече с Булатом Окуджавой и их разговоре на эту тему.

707

В письме Белле Ахмадулиной и Борису Мессереру от 27 июля 1982 года Василий Аксенов сообщал об обнаружении рака желудка у Карла Проффера: «Неожиданно рухнул Карл Проффер…»

708

Имеется в виду пребывание в Париже осенью 1981 года, где у Булата Окуджавы было два концерта, прошедших с огромным успехом. Об этом сообщал Василию Аксенову Анатолий Гладилин в письме от 2 декабря 1981 года.

709

Феликс Феодосьевич Кузнецов.

710

Название древнего поселения на месте нынешнего Парижа. Имеется в виду все то же пребывание в Париже осенью 1981 года, где Окуджава во время концерта публично приветствовал присутствовавшего в зале писателя-эмигранта Виктора Некрасова (1911–1987), а затем общался с другим писателем-эмигрантом Анатолием Гладилиным.

711

В программе «Смена столиц» на «Голосе Америки».

712

Фазиль Абдулович Искандер.

713

Борис Георгиевич Биргер (1923–2001) – художник.

Евгений Анатольевич Попов.

715

Инна Львовна Лиснянская.

716

Семен Израилевич Липкин.

717

Григорий Израилевич Горин (1940–2000) – драматург.

718

Наиболее известный роман Фазиля Искандера называется «Сандро из Чегема».

719

См. примечания к предыдущему письму.

720

Как следует из текста письма, это 19 мая 1984 года.

721

В октябре 1983 года «Остров Крым» (Island of Crimea) вышел на английском языке в большом нью-йоркском издательстве Random House и вызвал восторженные отклики в крупнейших американских газетах (New York Times, Washington Post и др.). Рецензию Джона Апдайка обнаружить не удалось.

Роман «Ожог» («The Burn») вышел на английском языке в издательстве Random House в 1984 году.

«Замечания о Трифонове» нам неизвестны.

По-видимому, имеется в виду «Остров Крым».

725

Кузнецова Наталья Евгеньевна (1937–1997) – литературный критик и журналист, жена Георгия Владимова.

726

Владимир Николаевич Корнилов (1928–2002) – поэт, писатель и литературный критик; после подписания письма в защиту А. Д. Сахарова исключен из Союза писателей.

Липкин.

728

Борис Петрович Корнилов (1907–1938) – советский поэт и общественный деятель-комсомолец, автор стихов знаменитой «Песни о встречном».

В ссылке в Горьком (Нижнем Новгороде).

730

Елена Георгиевна Боннэр (1923–2011) – жена академика А. Д. Сахарова.

Лев Зиновьевич Копелев.

Наталья Анисимовна Пастернак, невестка Бориса Пастернака.

733

В 1984 году Белла Ахмадулина была награждена орденом Дружбы народов.

734

«Август четырнадцатого» – первая часть романа-эпопеи А. И. Солженицына «Красное колесо».

735

Краткий курс истории ВКП(б) (Всесоюзной Коммунистической партии большевиков), вышел в 1938 году. Созданный при непосредственном участии Сталина, грубо фальсифицировал отечественную историю XX века.

736

После съемок в Италии фильма «Ностальгия» кинорежиссер Андрей Тарковский решил не возвращаться в Советский Союз, о чем объявил на пресс-конференции в Милане 10 июля 1984 года.

Журнал «Вестник русского христианского движения».

Никита Алексеевич Струве (р. 1931), директор издательства YMKA-Press, главный редактор «Вестника русского христианского движения».

Никита Струве и его окружение предъявляли эмигрантам 1970–1980-х годов свой счет. Они считали, что диссиденты должны, жертвуя собой, продолжать борьбу с коммунистическим режимом, оставаясь на родине, а не искать спасения на демократическом Западе.

740

По-видимому, имеется в виду пресс-конференция Андрея Тарковского в Милане.

741

Дочь Майи Аксеновой.

Находился в это время в Америке.

743

Название популярной комедии английского режиссера Джералда Томаса (1920–1993).

Валерий Николаевич Чалидзе (р. 1938) – физик, правозащитник. В 1972 году во время пребывания в США с лекциями был лишен советского гражданства и остался в эмиграции. Основал издательство Chalidze Publications, в котором публиковались разоблачающие советский режим книги.

Роя Медведева.

Юрий Кублановский.

Главный редактор журнала «Континент» Владимир Максимов.

Народно-трудовой союз.

749

Речь идет о сложной для Владимова ситуации во взаимоотношениях с руководством НТС. Конфликт закончился не в пользу Владимова (см. письмо В. Аксенова Б. Ахмадулиной и Б. Мессереру от июля 1986 года).

750

Георгий Мокеевич Марков.

751

Феликс Феодосьевич Кузнецов.

752

ЦРУ.

753

Филипп Тимофеевич Ермаш (1922–1990) – председатель Государственного комитета СССР по кинематографии.

Харрисон (Гаррисон) Солсбери; речь идет о его официальном приглашении Белле Ахмадулиной и Борису Мессереру посетить США.

Майю, Васю и Ушика (спаниеля Аксеновых).

Семен Израилевич Липкин.

757

Александр Моисеевич Некрич (1920–1993) – историк, специалист по европейской истории XX века. В 1965 году подвергся ожесточенной идеологической критике за книгу «1941. 22 июня», в результате чего позднее был исключен из партии, а публикация его работ запрещена в Советском Союзе. В 1976 году эмигрировал в США. Речь, по-видимому, идет о совместной с историком М. Я. Геллером книге «Утопия власти» (1982).

Описка Евгения Попова: стихи Николая Гумилева были опубликованы не в «Октябре», а в «Огоньке», бессменным главным редактором которого был Анатолий Софронов. Однако перестройка набирала обороты, и Софронова сменил на этом посту Виталий Коротич.

759

Анатолий Владимирович Софронов (1911–1990) – советский писатель, поэт, драматург, дважды лауреат Сталинской премии (1948, 1949), один из самых активных участников погромной кампании по «борьбе с космополитизмом» 1949 года.

«Любовник леди Чаттерлей».

761

Феликс Феодосьевич Кузнецов.

762

Статья «Конфуз с „Метрополем“» была опубликована в газете «Московский литератор» 9 февраля 1979 года.

763

Спектакль «Эмигранты» в постановке Михаила Мокеева по пьесе Славомира Мрожека (1930–2013), польского писателя и драматурга.

764

Имеется в виду назначение Анатолия Васильевича Эфроса (1925–1987) художественным руководителем Театра на Таганке вместо Юрия Петровича Любимова в 1984 году, а в 1985 году в театр пришел в качестве художника-постановщика сын Эфроса Дмитрий Анатольевич Крымов (р. 1954); женой Эфроса и матерью Дмитрия Крымова была известный театральный критик и театровед Наталья Анатольевна Крымова (1930–2003).

765

Виктор Сергеевич Розов (1913–2004) – драматург, лауреат Государственной премии СССР (1967). На сцене «Современника» шла его пьеса «Вечно живые».

766

Цикл стихотворений Беллы Ахмадулиной.

767

Юрий Аркадьевич Карабчиевский (1938–1992) – поэт, прозаик, участник «Метрополя». Книга «Воскресение Маяковского» опубликована в 1985 г. в издательстве «Страна и мир» (Мюнхен).

768

Виктор Николаевич Тростников. См.: о нем в письме Беллы Ахмадулиной В. и М. Аксеновым от 6 января 1982 (?) года.

769

Борис Асафович Мессерер.

770

Сожаление вызвано тем, что не удалось повидаться с Аксеновыми во время их пребывания в Москве по приглашению американского посла Джека Мэтлока.

771

Спектакль театра «Современник» по книге Евгении Гинзбург.

772

Исполнительница главной роли Марина Мстиславовна Неелова (р. 1947), народная артистка РСФСР.

773

Вдова Юрия Трифонова (см.: Из записей Майи Аксеновой. Лос-Анджелес. 28 марта 1981 года).

Аксеновы останавливались не в гостинице, а в резиденции американского посла «Спасо Хаусе».

Роман был издан в 1990 году тиражом 200 тыс. экз. московским издательством «Огонек» – «Вариант» Советско-британской творческой ассоциации.

Бумага не серая, но, конечно, не лучшего качества.

777

«Меня убил скотина Пелл».

778

Аркадий Михайлович Арканов (1933–2015) – писатель-сатирик, драматург.

«Новое русское слово»

780

Публикацию пока не удалось разыскать. В библиотеках Москвы и Парижа номера газеты, в которых мог бы быть помещен указанный материал, отсутствуют.

781

Аксенов находился в это время в США, где читал лекции по русской литературе в Калифорнийском университете.

782

Из стихотворения Марины Цветаевой «Емче органа и звонче бубна…» (1924):

Емче органа и звонче бубна
Молвь – и одна для всех:
Ох, когда трудно, и ах, когда чудно,
А не дается – эх!

Ах с Эмпиреев и ох вдоль пахот,
И повинись, поэт,
Что ничего кроме этих ахов,
Охов, – у Музы нет.

783

Стихотворение Андрея Вознесенского «Скрымтымным» (1970).

784

Из стихотворения Николая Гумилева «Шестое чувство» (1921): «Кричит наш дух…».

785

Из стихотворения Андрея Вознесенского «Песня шута» (1972).

786

Ежегодник поэзии, издававшийся с 1956 года в Москве.

787

Речь идет о романе Булата Окуджавы «Бедный Авросимов» (1969).

788

До 1976 года Окуджава с семьей жил в московском районе Химки-Ховрино.

789

Первым пунктом пребывания Аксеновых за рубежом стал Париж, затем они отправились в Италию (в Милан), где впервые был напечатан запрещенный в Советском союзе роман Аксенова «Ожог». Из Милана Аксеновы вылетели в Нью-Йорк.

Аксеновы прилетели в Анн Арбор 20 сентября 1980 года из Вашингтона и на некоторое время поселились там.

791

Павел Васильевич знал об обстоятельствах отъезда сына из Советского Союза, но, учитывая существовавшую в стране перлюстрацию писем, изображал отъезд сына как командировку или путешествие.

792

Ксения Васильевна Аксенова, старшая сестра Павла Васильевича. Сейчас в доме, где жила семья Ксении Васильевны, находится музей Василия Аксенова.

793

Сын В. Аксенова.

Анна Ивановна Сальтина, третья жена Павла Васильевича.

795

Павел Васильевич прекрасно знал об отношении Василия Аксенова к советской власти и к октябрьскому перевороту 1917 года, в частности. Между отцом и сыном не раз возникали по этому поводу жаркие споры. В поздравлении с Октябрьской революцией есть элемент подтрунивания над сыном, а кроме того, оно рассчитано на перлюстрацию письма, – это и осторожность, и остатки подсознательного страха бывшего лагерника.

«Мой дедушка – памятник» и «Сундучок, в котором что-то стучит».

Имеется в виду глава VII книги «Сундучок, в котором что-то стучит».

798

См. прим. 4 к предыдущему письму.

Имеются в виду арест, лагерь и многолетняя ссылка в годы сталинских массовых репрессий.

800

Алексея Аксенова.

801

Имеется в виду численность населения Казани.

802

Матильда Андреевна Аксенова (1911–1997).

803

Галина Евгеньевна Котельникова (р. 1934), дочь Матильды Андреевны. Работала редактором многотиражки вертолетного завода.

804

Андреян Васильевич Аксенов, младший брат Павла Васильевича, сумевший вытащить маленького Васю Аксенова из приюта для детей «врагов народа». Жил со своей семьей в Оренбурге.

805

Спаниель, собака Василия и Майи Аксеновых в Америке.

Видимо, в том, что отец редко пишет.

807

Василий Аксенов родился 20 августа 1932 года.

808

Вместе с Павлом Васильевичем выступала в школе на общественных мероприятиях как ветеран коммунистической партии.

809

Евгения Семеновна Гинзбург умерла 25 мая 1977 года в Москве.

810

Эта встреча произошла в 1989 году: во время первого приезда Василия Аксенова в Россию он вместе с женой Майей побывал в Казани.

811

Опубликовано: Вопросы литературы. 2013. № 6. С. 376–389.

812

См. выше «Два письма Василия Аксенова к Иосифу Бродскому» – вступительную заметку и прим.

813

Владимир Солоненко. О книгах, книжниках и писателе Василии Аксенове, М.: «Три квадрата», 2010. С. 323–324.

Не были опубликованы повести «Стальная птица» и «Золотая наша железка», не могли быть опубликованы при советской власти написанные в середине семидесятых романы «Ожог» и «Остров Крым», с боем, что называется, прошли в печать «Круглые сутки нон-стоп» и «Поиски жанра». Да и блистательная «Затоваренная бочкотара» вышла в 1968 году явно по чьему-то недосмотру (так считал и сам Аксенов) – это был его последний успех подобного рода.

815

Правление Союза писателей СССР.

816

Повесть «Золотая наша железка» будет опубликована только во время перестройки.

817

Название дано составителем. Текст сохранился в рукописном виде.

818

Машинописная рукопись. Название дано составителем.

819

На полях Василием Аксеновым помечено: «За год до высылки в Горький».

820

Цви Липкин (Harry Jeannot Lipkin, p. 1921) известен также как общественный деятель и правозащитник.

821

Ежедневная американская газета Washington Post.

822

Юрий Федорович Орлов (р. 1924) – физик, основатель и руководитель Московской Хельсинкской группы.

823

Андрей Николаевич Твердохлебов (1940–2011) – физик, правозащитник.

824

Валентин Федорович Турчин (1931–2010) – физик и кибернетик, правозащитник.

825

Александр Сергеевич Есенин-Вольпин (р. 1924) – математик, поэт, правозащитник.

<…> официального праздника в СССР под лозунгами дореволюционного многопартийного парламента Думы. Внешне это объяснялось как карнавальная несерьезность, однако в действительности было красноречивым напоминанием о кратком периоде (1905–1917) относительной российской демократии. Этот вызов произвел огромнейший скандал в Сибири, никогда не отличавшейся снисходительностью к каким бы то ни было либеральным идеям. К концу 60-х режим организовал серию политических процессов, чтобы подавить внутреннее несогласие. В ответ ученые и писатели (по всему СССР) запустили не имевшую прецедента в советской истории общенациональную кампанию «протестных писем».

Почему Аксенов перешел в этом месте на английский язык – не ясно. Возможно, это была «тренировка», проверка собственного знания английского языка перед предстоящей эмиграцией *(перевод и редактура английского текста М. Вогмана)*.

827

The Day After («На следующий день») – телефильм режиссера Николаса Мейера (США, 1983), который посмотрело 100 млн человек.

828

НЛО.

829

См. заметку с таким названием в книге Аксенова «Одно сплошное Карузо» (С. 259–260). Эту же формулу Аксенов использовал многократно, в частности в «Московской саге» («Никита»), в книге «В поисках грустного беби», в переписке.

830

Опубликовано: Playboy Россия. 1995. Июль. № 1. С. 51–58.

831

Неточная цитата из стихотворения А. К. Толстого «Средь шумного бала, случайно…»:

А смех твой, и грустный, и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

832

Эти великолепные мужчины с летательных аппаратов *(англ.)*.